

С. Л. УТЧЕНКО

ДРЕВНИЙ РИМ
СОБЫТИЯ • ЛЮДИ • ИДЕИ

С. Л. УТЧЕНКО

ДРЕВНИЙ РИМ

СОБЫТИЯ
•
ЛЮДИ
•
ИДЕИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

МОСКВА

1969

Сергей Львович Утченко
Древний Рим. События. Люди. Идеи

Редактор издательства *Ф. Н. АРСКИЙ* Художник *И. П. БОРИСОВ*

Технический редактор *Ф. М. Хенюх*

Сдано в набор 7/І 1969 г.

Подписано к печати 14/V 1969 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Усл печ л 16,9 Уч-изд л 16,8 Тираж 12000

Тип зак 5509 Т-08102 Бумага № 1 Цена 1 р 22 к.

Издательство «Наука», Москва, К 62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОТ АВТОРА

К этой книге можно подходить двояко — рассматривать ее как серию очерков или небольших исследований либо отнести к ней как к труду монографического характера, посвященному одной теме и построенному по единому плану.

Чем это объяснить? В книге говорится о событиях I в. до н. э. Но это отнюдь не систематический исторический очерк. В работе нет последовательного и исчерпывающего изложения всех событий, и она не может служить каким-то компендиумом для прагматического и «утилитарного» изучения истории Рима. Подобных задач автор здесь не ставит. Он освещает отдельные, но, пожалуй, наиболее «переломные» события истории I в. до н. э., характеризует наиболее выдающихся исторических деятелей и по мере возможности пытается уяснить и истолковать те идеи, которые определяли умонастроение, а также намерения и действия не только отдельных лиц, но нередко и некоторых слоев общества.

Иными словами, автор стремится лишь к тому, чтобы если и не объяснить с исчерпывающей полнотой — это, вероятно, сделать невозможно! — такой исторический

феномен, как становление Римской империи, то хотя бы в какой-то степени восстановить социальную, политическую и культурную атмосферу эпохи. Быть может, для «внутреннего» понимания (если такой термин позволителен) событий и действующих лиц подобная попытка даст больше, чем старательный подбор «точных», но по самой природе своей мало «одушевленных» дефиниций.

Данную книгу автор рассматривает как некий итог многолетних исследований эпохи кризиса и падения Римской республики. Поэтому наряду с новыми, впервые написанными разделами в книгу вошли — иногда полностью, иногда фрагментарно — некоторые работы автора, публиковавшиеся раньше. Все они, однако, подверглись определенному переосмыслению, а также основательной переработке и редактированию.

I

Рим накануне империи

Становление Римской империи — одна из «вечных проблем» для историка. Действительно, превращение маленькой общины на Тибре в крупнейшую средиземноморскую (а по современным той эпохе понятиям — в мировую) державу, переход от натурального хозяйства и патриархального быта к расцвету товарно-денежных отношений, т. е. отношений, которые следует определить как «рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»¹, кризис и разложение типических форм полисной демократии и смена их тоталитарным, нивелирующим режимом огромной империи — вот те явления и процессы, которые издавна привлекали и, очевидно, долго еще будут привлекать внимание каждого, кто относится к истории не как бесстрастный регистратор или отрешенный от жизни антиквар, но ищет в ней ответа на животрепещущие вопросы современности или, говоря иными словами, интересуется прошлым, живет настоящим и не совсем равнодушен к будущему.

¹ К Маркс и Ф Энгельс Сочинения, т 25, ч I, 1950, стр 65

В истории, как известно, многое повторяется. Но повторяется всегда по-разному. Потому история, к сожалению, далеко не всегда учит нас предотвращать нежелательные явления, жестокие и драматические события, а тем более — ошибки, но зато она способна дать нам суровое удовлетворение: все такие события и все ошибки — в совершенно различных исторических условиях, в совершенно иной социальной среде, при иной расстановке классовых сил — уже не раз совершались и не раз искупались горьким опытом человечества.

Избранная нами эпоха римской истории входит неотъемлемой составной частью в этот горький опыт, ибо она, быть может, как никакая другая, богата такими историческими событиями, личностями, идеями, которые оставили достаточно заметный (и чаще всего — трагический) след в жизни не одного поколения и которые способны — я в этом уверен — глубоко затронуть рассудок и чувства, ум и сердце любого мыслящего человека даже нашего времени.

Но прежде чем перейти к описанию этих событий, личностей, идей, попытаемся ответить на вопрос, какие причины обусловили возникновение такого исторического феномена, как Римская империя. Ответ надо искать, видимо, в самой римской истории, во всяком случае в истории той эпохи, которую можно определить как канун становления *imperium Romanum*.

Рим после завоевания Италии превратился по существу в крупнейшее государство Западного Средиземноморья. Поэтому вполне закономерно, что новыми, очередными объектами римской экспансии, которая до сих пор ограничивалась пределами Апеннинского полуострова, становятся теперь заморские территории, и в первую очередь Сицилия, про которую один из древних авторов говорил, что эта богатая добыча, этот плодородный остров как бы нечаянно оторван от материка². Однако попытка проникнуть в Сицилию привела сначала к столкновению, а затем к длительной и упорной борьбе с наиболее могущественным государством восточной части Средиземного моря — Карфагеном.

Три войны, которые римляне вели с Карфагеном (так называемые Пунические войны), продолжались

² Flor., 2. 2.

(с некоторыми интервалами) около 120 лет и закончились, как известно, полной победой Рима. В ходе этих войн римляне подчинили себе не только территорию Карфагена³, но завоевали Испанию и такие острова Средиземного моря, как Сицилия, Корсика, Сардиния. В перерыве между второй и третьей Пуническими войнами римляне подчинили своей власти государства Балканского полуострова — Македонию и Грецию — и начали еще глубже проникать на эллинистический Восток — в Малую Азию. К концу II в. до н. э., в результате довольно бесславной (особенно в первой ее половине) войны с царем Нумидии Югуртой, эта африканская страна тоже была завоевана и превращена в римскую провинцию.

Что касается событий внутренней истории Рима, то следует сказать, что вскоре после окончания Пунических войн римское общество вступает в длительный период революционных бурь и потрясений. Начиная с напряженной борьбы, развернувшейся вокруг аграрного законодательства Гракхов, борьбы, которая привела к первым вспышкам гражданской войны на улицах Рима, и кончая грандиозным восстанием италийского крестьянства, известным в истории под именем Союзнической войны, мы можем весь этот период охарактеризовать как начало эпохи гражданских войн и канун крушения староримской сенатской республики, или — что по существу одно и то же — канун становления империи.

Какие же изменения произошли в римском обществе за это время? Какие черты наиболее ярко определяют его экономику, его социальные отношения, его политическую структуру?

Существенно новой чертой экономического развития Римского государства было образование денежно-ростовщического капитала. Превращение Рима в крупнейшую средиземноморскую державу содействовало широкому развитию внешней торговли. Если нужды римского населения в предметах ремесленного производства удовлетворялись в основном внутри страны, то сельскохозяйственные продукты ввозились из западных провинций, а предметы роскоши — из стран эллинистического Востока. Римляне устанавливают тесные торговые связи не толь-

³ Территория современного Туниса

кò с подвѣстными им странами, но и с рядом крупных эллинистических государств, пока сохраняющих свою независимость (например, с Египтом). Когда-то, еще в III в. до н. э., выдающуюся роль в мировой торговле играл Родос, затем — Коринф; после разрушения Коринфа в качестве крупнейшего торгового центра начинает выдвигаться Делос, который постепенно стягивает к себе не только всю коринфскую, но и родосскую торговлю. На Делосе, где встречались друг с другом и совершали торговые сделки купцы самых различных стран, возникают торгово-религиозные (они находились под покровительством того или иного божества) ассоциации италийских купцов (главным образом кампанцев или южноиталийских греков).

Римские завоевания обеспечивали непрерывный приток ценностей и денежного капитала в Рим. Контрибуции, военная добыча, грабительская эксплуатация завоеванных стран и областей, превращенных в римские провинции,— все это давало огромные доходы как самой римской казне, так и отдельным лицам — офицерам и солдатам, купцам и ростовщикам.

После первой Пунической войны римская казна получила 3200 талантов⁴ контрибуции. Контрибуция, наложенная на карфагенян после второй Пунической войны, равнялась уже 10 тыс. талантов, а на Антиоха III (после окончания Сирийской войны) — 15 тыс. талантов. Военная добыча победоносных римских полководцев была колоссальной. Плутарх описывает⁵ триумфальный въезд в Рим победителя при Пидне Эмилия Павла. Триумф длился три дня, в течение которых непрерывно проносили и везли на колесницах драгоценное вооружение, произведения искусства, огромные сосуды, наполненные золотом и серебряной монетой. В 189 г. после битвы при Магнезии (победа над тем же Антиохом III!) римляне захватили в качестве военной добычи 1230 слоновых клыков, 234 золотых венка, 137 тыс. фунтов⁶ серебра, 224 тыс. серебряных греческих монет, 140 тыс. золотых македонских монет, большое количество изделий из золота и серебра.

⁴ 1 талант — 2400 р золотом

⁵ P l u t , Paul , 32—34

⁶ 1 римский фунт равен 327 г.

Вплоть до II в. до н. э. Рим испытывал определенный недостаток в серебряной монете, но после этих войн, в особенности после освоения испанских серебряных рудников, Римское государство получило полную возможность обеспечить серебряную основу своей денежной системы.

В Риме возникают крупные объединения, компании откупщиков (*societas publicanorum*), которые берут на откуп различные виды общественных работ в самой Италии, а также -- и в первую очередь -- сбор налогов в римских провинциях. Публиканы не пренебрегали и кредитно-ростовщическими операциями, причем опять-таки прежде всего в провинциях, где еще оставались в силе законы и обычаи, допускавшие продажу в рабство за долги и где ссудный процент был почти ничем не ограничен (он доходил до 48—50%). Наряду с компаниями публиканов в Риме существовали и были довольно широко распространены меняльные конторы. Они тоже занимались не только разменом денег, но и ссудами под проценты, а также хранением денег и переводом денежных сумм одного вкладчика на счет другого. Владельцы этих контор назывались аргентариями, а так как этот род деятельности в Риме не считался почетным, то аргентариями были, как правило, вольноотпущенники или иностранцы (довольно часто — греки).

Древняя Италия всегда была аграрной страной. Поэтому изменения в области экономики отражались в первую очередь на сельском хозяйстве. В интересующее нас время здесь шли сложные и даже мучительные процессы: концентрация земель и неразрывно связанный с этим процесс пауперизации крестьянства.

До II в. до н. э. в сельской Италии преобладали мелкие и средние крестьянские хозяйства, отличавшиеся натуральным характером. Они обслуживались, как правило, трудом самого землевладельца и членов его семьи (с эпизодическим использованием труда наемных сельскохозяйственных рабочих). По мере развития торгово-денежных отношений и роста рабовладения эти хозяйства начинают вытесняться хозяйствами совсем иного типа — основанными на эксплуатации рабского труда и производящими сельскохозяйственную продукцию уже не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи, т. е. на рынок.

Аппиан в историческом труде, посвященном описанию гражданских войн, так изображает эти процессы: «Богачи, заняв большую часть этой неподделенной земли⁷ и вследствие давности захвата надеясь, что у них ее не отберут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, частью скупая их за деньги, частью отнимая силой, так что в конце концов в их руках вместо небольших поместий оказались огромные латифундии. Для обработки полей и охраны стад они стали покупать рабов»⁸.

Огромные латифундии, насчитывающие сотни и тысячи югеров⁹ земли, возникали главным образом на юге Италии, в Сицилии и даже в Африке. Для Италии в целом характерно поместье несколько более скромных размеров, рассчитанное, однако, на развитие в нем товарного производства и на эксплуатацию рабского труда. Такое поместье, такую образцовую виллу описывает в специальном труде *De agri cultura* известный римский государственный деятель Катон Старший.

Образцовая вилла Катона представляет собой комплексное хозяйство: масличная роща в 240 югеров, виноградник в 100 югеров, а также зерновое хозяйство и пастбище для скота. На уход за виноградником в 100 югеров требуется, как указывает Катон, не менее 14 рабов, на оливковый сад в 240 югеров — 11 рабов. Катон дает весьма детальные советы относительно того, как следует наиболее рационально эксплуатировать рабов, занимая их делом и в дождливые дни, когда работы в поле не ведутся, и даже в дни религиозных праздников. Во главе управления поместьем стоит вилик, назначаемый из наиболее преданных и сведущих в сельском хозяйстве рабов; жена вилика выполняет обязанности ключницы и кухарки.

Катона весьма интересует вопрос о рентабельности сельского хозяйства и его отдельных отраслей. «Если меня спросят, — пишет он, — какие имения следует поставить на первое место, я отвечу так: на первое место сле-

⁷ Т. е. «общественного поля» (*ager publicus*), отходившего в собственность римского государства при завоевании (и частичном присоединении территории) соседних племен

⁸ Арр., В с 1, 7

⁹ 1 югер равен 1/4 гектара

дует поставить виноградник, дающий вино хорошего качества и в изобилии, на второе место — орошаемый огород, на третье — ивовую посадку (для плетения корзин), на четвертое — оливковую рощу, на пятое — луг, на шестое — хлебное поле, на седьмое — лес»¹⁰. Из этой шкалы становится ясным, что зерновые культуры, которые преобладали в хозяйствах старого типа, теперь отступают далеко назад по сравнению с более рентабельными отраслями сельского хозяйства — садово-огородными культурами и даже скотоводством.

Таким образом, проблема товарности хозяйства уже в III — II вв. до н. э. выдвигается на первый план. Не случайно, говоря о покупке имения, Катон советует обращать внимание не только на плодородие почвы, но и на то, чтобы «в близости был значительный город, море, судоходная река или хорошая дорога»¹¹, имея в виду перевоз и продажу продуктов. «Хозяин должен стремиться, — говорит Катон, — побольше продавать и поменьше покупать»¹².

Как уже было сказано выше, процесс развития вилл и латифундий имел своей оборотной стороной обезземливание крестьянства. Из описания Аппиана видно, что мелкие и средние крестьянские хозяйства гибли не столько вследствие экономической конкуренции крупных поместий, сколько в результате прямых захватов земель владельцами этих поместий. Из-за оккупаций и разделов *ager publicus* крестьяне лишались даже общинных угодий. Но, бесспорно, перевод всего производства на товарную основу легче и проще было осуществить в рабовладельческой вилле, чем в скромном крестьянском хозяйстве патриархального типа. Кроме того, крестьянские хозяйства Италии весьма пострадали за время почти непрерывных войн, ведшихся в III—II вв. до н. э. на территории самого Апеннинского полуострова. Так, за время нашествия Ганнибала, по данным некоторых источников, погибло около 50% всех крестьянских усадеб в Средней и Южной Италии. Далекие походы в Испанию, Африку, Малую Азию, отрывая крестьян на долгое время от их хозяйств, тоже содействовали упадку мелкого и

¹⁰ Cato, 1, 7

¹¹ Ibid, 1, 3

¹² Ibid, 2, 7

среднего землевладения в Италии. Таковы были основные причины обезземеливания и пауперизации крестьянства. Вопрос о его положении, его судьбах неминуемо подводит нас к проблеме социальных отношений в римском обществе, к проблеме классовой структуры.

Римское общество ко II в. до н. э. представляло собой пеструю картину враждующих классов и сословий. Пожалуй, наиболее существенной особенностью римского общества этого времени следует считать появление новой социальной силы — многочисленного сословия рабов. Конечно, рабство существовало в Риме с давних пор, но особенно интенсивно рабовладельческие отношения развиваются, видимо, на рубеже III—II вв. до н. э.

Источники рабства многообразны: это — завоевательные войны, работоторговля, долговое рабство (в провинциях), естественный прирост рабов. Само собой разумеется, что в эпоху почти непрерывных войн в средиземноморском бассейне захват пленных и продажа их в рабство были первостепенными источниками пополнения рабов.

До нас дошли лишь разрозненные, отрывочные и, видимо, далеко не точные цифровые данные, но и они дают довольно яркое представление о многотысячных массах рабов, хлынувших в эти годы в Рим.

Еще во время первой Пунической войны взятие Агригента (262 г.) дало римлянам 25 тыс. пленных, которые и были проданы в рабство. Шесть лет спустя консул Регул, одержав победу над карфагенянами при мысе Экноме, отправил в Рим 20 тыс. рабов. В дальнейшем подобные цифры неуклонно растут. Фабий Максим при взятии Тарента в 209 г. продал в рабство 30 тыс. жителей. В 167 г. при разгроме городов Эпира консулом Эмилием Павлом было продано в рабство 150 тыс. человек. Разрушение Карфагена (146 г.) в итоге третьей Пунической войны ознаменовалось продажей в рабство всех уцелевших жителей этого огромного города.

Большое развитие получила работоторговля. В качестве одного из наиболее крупных центров оптовой торговли рабами славился остров Делос, где, по словам Страбона¹³, иногда продавалось до 10 тыс. рабов в день. В самом Риме тоже существовал рабский рынок (у хра-

¹³ Strabo, XIV, 5, 2.

ма Кастора), подобные же рынки имелись и в других городах Римского государства. Цены на рабов в разное время были разными, в годы крупных завоеваний они резко падали. «Дешев, как сард», — существовала поговорка в Риме после захвата Сардинии. Однако цены на образованных рабов или рабов, обладающих особой квалификацией (шовара, танцовщицы, актеры и т. п.), были очень высоки. За них римские богачи платили тысячные суммы. Недаром Плутарх, говоря о богатстве Красса, считал, что главную и наиболее ценную его часть составляли образованные и квалифицированные рабы.

Постепенно сословие рабов дифференцируется. Распространяется обычай вывода рабов на пекулий (т. е. разрешение вести самостоятельное хозяйство), вольноотпущенничество; в наиболее привилегированном положении оказывается так называемая городская фамилия (*familia urbana*), к которой, как правило, относятся квалифицированные рабы и личная прислуга. Наиболее суровой эксплуатации подвергаются рабы, входящие в сельскую фамилию (*familia rustica*). Еще тяжелее было положение рабов, работающих в рудниках, каменоломнях или оказавшихся в казармах для гладиаторов.

Рабы, как известно, не имели ни политических, ни гражданских прав. Раб не считался личностью, но лишь вещью, целиком принадлежавшей своему хозяину, «одушевленным орудием». Недаром римский энциклопедист Теренций Варрон установил такую — ставшую затем знаменитой — классификацию сельскохозяйственного инвентаря: орудия немые (соха, плуг, грабли и т. п.), орудия полунемые (рабочий скот) и орудия говорящие (рабы).

Господствующий класс римского общества также, конечно, не был единым. Он распадался на два привилегированных сословия (*ordines*): сенаторское и всадническое. К первому принадлежали, как правило, представители римского нобилитета, т. е. старой землевладельческой знати, образовавшейся в свое время в результате слияния патрицианской и плебейской верхушки. Эта староримская знать, державшаяся за свои традиции и привилегии, была по существу уже обреченным классом, которому предстояло уступить место и руководящее положение в государстве более перспективным социальным группировкам.

К таким группировкам принадлежало прежде всего всадническое сословие, т. е. представители торгово-денежной аристократии (хотя многие из них были одновременно и землевладельцами). Всадничество в эту эпоху уже стремится к самостоятельной политической роли и в своей борьбе против политического господства нобилитета нередко блокируется с низшими слоями римского населения (сельским, а затем и городским плебсом). Типичным представителем этой новой аристократии был, например, Марк Лициний Красс, который путем различных спекуляций нажил многомиллионное состояние. Большую часть своих богатств он приобрел, по словам Плутарха, «из пламени войны и пожаров»¹⁴. Красс не брезговал ничем: во время частых тогда в Риме пожаров он скупал за бесценок у растерянных владельцев горящие дома и смежные с ними постройки, и таким образом значительная часть города превратилась через некоторое время в его собственность.

Наряду со всадническим сословием определенной социальной силой становится в это время так называемая муниципальная аристократия, т. е. крупные землевладельцы италийских городов. После Союзнической войны и распространения гражданских прав на все население полуострова и превращения Рима фактически в главный город, столицу Италии, муниципальная знать начинает принимать все более и более активное участие в социальной и политической борьбе.

Без преувеличения можно сказать, что римское всадничество и муниципальная знать были в эти годы наиболее деятельными элементами господствующего класса, крупной политической силой.

Что касается низших слоев населения Римского государства, то здесь прежде всего следует отметить значительный рост городского плебса. Этот факт был непосредственно связан с обезземеливанием и пауперизацией крестьянства. Разоренные крестьяне частично превращались в арендаторов или наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков). Но так как к найму батраков прибегали только в страдную пору (покос, жатва, сбор винограда и т. п.), то батраки не могли рассчитывать на сколько-нибудь обеспеченный и постоянный заработок.

¹⁴ Plut., Crass., 2

Поэтому огромные массы крестьян хлынули в город. Некоторая часть занялась производительным трудом, т. е. превратилась в ремесленников (хлебопеков, суконщиков, сапожников и т. п.) или строительных рабочих, некоторые занялись мелкой торговлей. Но значительная масса этих разоренных людей не могла найти себе постоянной работы и в городе. Целые кварталы Рима, застроенные многоэтажными домами,— они назывались инсулами, т. е. островами,— были заселены бедняками. Часто они вели жизнь бродяг и нищих, наполняя форум и рыночные площади. Они ничем не брезговали в поисках хотя бы эпизодического и случайного заработка: продажей голосов на выборах, лжесвидетельскими показаниями в судах, доносами и воровством. Они жили за счет общества, жили на те жалкие подачки, которые им попадали от римских богачей, удачливых полководцев или политических авантюристов, искавших популярности, а также за счет государственных раздач. Они превратились в паразитический, деклассированный слой населения, в античный люмпен-пролетариат. Что касается социального и политического значения городского плебса в целом, то он представлял собой такую общественную силу, которая, быть может, и не имела вполне самостоятельного значения, но которая в качестве союзника или, наоборот, врага могла оказать решающее влияние на отклонение стрелки весов политической борьбы в ту или иную сторону.

Выше было сказано, что римское общество интересующей нас эпохи представляло собой довольно пеструю картину враждующих классов и сословий. И действительно, именно в это время чрезвычайно обостряются противоречия между рабами и рабовладельцами. Они обостряются настолько, что приводят к самым крайним формам борьбы — к массовым восстаниям рабов (сицилийские восстания, великое восстание Спартака). Чрезвычайно напряженно развивается борьба между крупными землевладельцами и сельским плебсом.

Не менее остры были противоречия в среде самого господствующего класса: между нобилитетом и всадничеством, между староримской знатью и муниципальной аристократией. По существу борьба между враждующими классами и социальными группировками *свободного населения* и оказалась причиной гражданских войн, ко-

которые привели в конечном счете к краху сенатской республики. Даже среди низших слоев населения Рима не было мира и единства: существовали определенные и довольно резкие противоречия между сельским и городским плебсом, а после Союзнической войны — между «старыми» и «новыми» (т. е. получившими лишь после этой войны гражданские права) гражданами (борьба марианцев и сулланцев, законопроекты Сульпиция Руфа).

Наконец, следует отметить возникновение совершенно новой, имевшей самостоятельное и все возрастающее значение социальной силы — римской армии. Эта новая армия, возникшая после так называемой реформы Мария, когда в армию стали принимать неимущих («пролетариев»), в корне отличалась от старого римского ополчения. Будучи тесно связано с комициями и другими установлениями полисной демократии, староримское ополчение было по существу крестьянским войском со всеми его характерными чертами и особенностями (связь с землей, незаинтересованность в заморских завоеваниях, длительных походах и т. д.). Новая армия — это постоянная, профессиональная, «кадровая» армия, состоящая из людей, вся жизнь и все благополучие которых зависели от удачных походов и победоносных полководцев. Такая армия смогла в сравнительно короткий срок превратиться не только в особую и самостоятельную силу *в государстве*, но и в силу *над государством*, что и дало затем основание величайшему из римских историков объяснить ее существованием «тайну империи»¹⁵.

Невольно встает вопрос: каковы внутренняя связь и внутренний смысл всех этих столь разнородных, на первый взгляд, явлений и событий? Существует ли подобная связь вообще?

Она, несомненно, существует, и то общее, что объединяет эти разнообразие события, может быть выражено довольно кратким, но в то же время достаточно точным определением — кризис полиса. Все упоминавшиеся выше факты римской истории представляют собой звенья единой цепи, единого процесса — процесса длительного, сложного и противоречивого, который к I в. до н. э. достигает своего наивысшего развития.

¹⁵ Та с., Hist., I, 4.

Что мы понимаем под кризисом полиса? Очевидно, речь должна идти о кризисе и разложении тех экономических, социальных и политических институтов и отношений, которые были характерны для Рима, пока он существовал в качестве сравнительно небольшой патриархальной общины. Например, развитие рабовладения, превращение раба в основную производящую фигуру — все это характерные признаки кризиса полиса, ибо патриархальная община Рима покоилась отнюдь не на рабском труде. Эти явления в общих чертах нами уже рассмотрены, но мы еще не касались той сферы, где кризис полиса отразился, быть может, наиболее ярко и убедительно, — сферы политических отношений. Говоря другими словами, кризис полиса обусловил кризис политических форм Римской республики.

Однако кризис полиса и кризис республики — явления неравнозначные. Во-первых, они не совпадают по времени. Начало процесса, который мы определяем как кризис полиса, следует, очевидно, отнести к тому времени, когда Рим, одержав окончательную победу над Карфагеном и покорив Балканский полуостров, превратился в крупнейшую средиземноморскую державу. Как полис Рим, однако, перестает существовать только после Союзнической войны, ибо распространение прав римского гражданства на все население Италии и формальная возможность для каждого участвовать в римском народном собрании лишили Рим как город и его непосредственных жителей прежнего привилегированного положения, превратили Рим не в *единственный*, каким он был когда-то, но лишь в *главный* город, *столицу* италийской федерации городов и общин.

Что касается кризиса Римской республики, то его развитие наблюдается значительно позднее — хронологически он даже может рассматриваться как следствие кризиса полиса.

Во-вторых, как мы уже могли убедиться, кризис полиса — понятие более широкое, чем кризис республики. Понятие кризиса полиса включает в себя и экономику, и социальные отношения. Но зато, как уже сказано, нигде так ярко и так концентрированно кризис полиса не выражается, как в кризисе политических форм, т. е. в явлении кризиса самой Римской республики.

Смена республиканского государственного аппарата (с присущими ему элементами полисной демократии) тоталитарным и нивелирующим аппаратом мировой империи — явление настолько разительное и выдающееся, что на нем следует остановиться несколько подробнее. Для того чтобы его полностью осмыслить и оценить, стоит восстановить — хотя бы в самых общих чертах — картину римского государственного устройства времен расцвета республики.

Верховным органом Римского государства — во всяком случае, в соответствии с неписаной римской конституцией — были комиции, т. е. народное собрание. В Риме существовало три вида народных собраний. Наиболее древние, сохранившиеся от эпохи родового строя куриатные комиции в эпоху расцвета республики утратили почти всякое значение. На так называемых центуриатных комициях происходили выборы почти всех должностных лиц (магистратов); на трибутных комициях, бывших наиболее демократическим видом народных собраний, поскольку в них могло принимать участие все население Рима, независимо от происхождения и имущественного ценза, принимались основные законы и производились выборы народных трибунов.

Все республиканские должности (магистратуры) были краткосрочными (как правило, годичными), коллегиальными и неоплачиваемыми. Магистраты делились на высших и низших. К высшим принадлежали консулы, преторы, народные трибуны и т. д. В особых случаях (и на еще более короткие сроки) назначались экстраординарные магистраты: диктатор (он не имел коллеги), его заместитель — начальник конницы (*magister equitum*), чрезвычайные комиссии (например, для кодификации законов или передела земель и т. п.). Диктатор и его заместитель назначались обычно в случае серьезной военной опасности государству.

Наконец, третьим составным элементом римского республиканского устройства был сенат. Он возник как совет старейшин родов и состоял сначала из 100, затем из 300, а в I в. до н. э. из 600 и даже 900 членов. Сенат не был в полном смысле слова выборным органом — он пополнялся отбывшими свой должностной срок высшими (не ниже претора) магистратами. На всем протяжении истории Римской республики сенат играл огромную, по

существованию руководящую роль. Он ведал государственными финансами, всеми внешними сношениями и политикой, назначал экстраординарных магистратов, принимал решения об объявлении войны и заключении мира.

В силу руководящего положения сената (который всегда был органом римского нобилитета) римскую республику часто называют сенатской, а также аристократической. Это безусловно правильно, тем более если мысленно сравнивать Рим с Афинами эпохи Перикла, но все же не следует забывать и того, что в Риме существовали комиции, которые не раз осмеливались противопоставлять свои решения воле и авторитету сената, существовали такие демократические магистратуры, как должность народного трибуна и т. п. Как и следовало ожидать, по мере углубления кризиса республики именно эти институты и органы полисной демократии начинают в первую очередь окостеневать и сохраняются лишь пережиточно.

Мы уже вскользь упоминали о разложении некоторых политических институтов. Так, например, упоминалось, что перестает существовать народное ополчение и не только перестает существовать, но заменяется оторванной от народа профессиональной, кастовой армией. Да и самые комиции, с которыми это ополчение было тесно связано, начинают теперь терять свое прежнее значение. Такова же была судьба и других органов полисного устройства. Разложившийся, коррумпированный сенат превращается в крайне негибкий и консервативный орган узкого слоя староримской знати, часто сменяемые и взаимоограниченные своей коллегиальностью республиканские должностные лица (магистраты) не могут удовлетворить все нужды огромного государства, не в состоянии проводить последовательную и твердую политическую линию.

Но, пожалуй, непригодность и устарелость старого республиканского аппарата ни в чем не проявляется столь остро и ярко, как в системе управления завоеванными областями.

Несоответствие государственного аппарата новым задачам впервые дало себя знать еще при попытке разрешить проблему управления покоренной Италией. Римляне не смогли создать единого централизованного Итальянского государства, они ограничились лишь организацией довольно пестрой федерации общин, в которой Рим

занимал особое положение. Это положение обеспечивалось использованием сложной системы политических рычагов и тормозов, в результате чего все общины оказывались в различном отношении к Риму и обладали различными правами и привилегиями. Это давало возможность для управления Италией использовать знаменитый принцип: «разделяй и властвуй» (*divide et impera*).

По существу говоря, на этом же принципе была основана система управления и римскими провинциями. Только здесь еще более наглядно обнаружилась полная беспомощность республиканского аппарата и его непригодность к новым требованиям. Римская система управления провинциями приводила к варварски-примитивной и абсолютно нерациональной с точки зрения самого же господствующего класса эксплуатации населения и природных богатств провинций. Дело в том, что управление провинциями не осуществлялось государственным аппаратом или его органами, но, по существу, отдавалось на откуп отдельным лицам.

К середине II в. до н. э. Рим обладал девятью провинциями (из них шесть западных: Сицилия, Сардиния, Корсика, Цизальпинская Галлия, Испания, Африка, и три восточных: Иллирия, Македония, Азия). Правовое положение городов в этих провинциях было различным: большая их часть относилась к категории зависимых общин, платящих налог (*stipendium*) и потому называвшихся *civitates stipendiariae*. Наряду с зависимыми общинами существовали так называемые *civitates liberae*, т. е. свободные общины, пользовавшиеся полной автономией и иногда даже освобождаемые от уплаты налогов (*civitates liberae et immunes*). Права некоторых общин устанавливались специальным договором (*foedus*), и тогда они назывались *civitates foederatae*. Таким образом, принцип *divide et impera* применялся и здесь.

Провинциальная система управления складывалась постепенно и в значительной мере стихийно. Не существовало никаких общих законодательных положений, касающихся провинций. Каждый новый правитель той или иной провинции, вступая в должность, издавал обычно эдикт, в котором определял, какими принципами он будет руководствоваться при управлении провинцией. В качестве наместников (или правителей) римляне посылали сначала преторов, а затем стали направлять высших ма-

гистратов по окончании срока их полномочий в Риме (проконсулы, пропреторы).

Наместник назначался для управления провинцией, как правило, на год и в течение этого срока не только осуществлял в своей провинции полноту военной, гражданской и судебной власти, но фактически не нес никакой ответственности за свою деятельность перед римскими правительственными органами. Жаловаться на его злоупотребления жители провинций могли лишь после того, как он сдавал дела новому наместнику, но такие жалобы имели успех довольно редко, пожалуй, лишь в тех случаях, когда злоупотребления и корыстолюбие правителя переходили всякие границы (например, знаменитое дело Верреса). Таким образом, деятельность наместников была фактически бесконтрольной, управление провинциями действительно сдавалось им «на откуп».

Подавляющее большинство провинциальных общин облагалось прямыми (*stipendium, tributum*), а иногда и косвенными налогами (главным образом таможенными сборами). Содержание наместников провинций, их штата и прислуги, а также римских войск, расквартированных на территории провинции, также ложилось на плечи местного населения. Но особенно разорительной для провинциалов была деятельность римских публиканов и ростовщиков. Компании публиканов, бравшие, как уже говорилось, на откуп сбор налогов в провинциях, вносили в римскую казну заранее определенные суммы, а затем выколачивали их с огромными излишками из местного населения.

Хищническая деятельность публиканов и ростовщиков разоряла целые страны, некогда цветущие, а жителей этих стран низводила на положение рабов, продаваемых в рабство за долги.

Такова была система, приводившая к хищнической эксплуатации завоеванных областей. Она никак не отвечала интересам господствующего класса в целом, но была следствием полной непригодности государственного аппарата республики к новым задачам и условиям. Если к этому добавить разложение органов полисной демократии (комиции, сенат и т. п.), изменения в составе господствующего класса (выдвижение римской денежной аристократии и муниципальной — а в дальнейшем и провинциальной — знати), то становится понятным, почему

новые и набирающие силу социальные группировки настойчиво искали новых политических форм и новых методов борьбы. В бурных событиях первой половины I в. до н. э. постепенно стали вырисовываться реальные очертания этой новой политической формы, а также методов или путей ее достижения. Этой формой было единовластие, диктатура, средством ее достижения — армия. Так как проблема единовластия была выдвинута самим ходом исторических событий, самой логикой развития классово-политической борьбы, то теперь дело оставалось за одним, за таким политическим деятелем, который — сознательно или стихийно — учел бы эти требования эпохи и добился их осуществления. Такая историческая личность неизбежно — раньше или позже — должна была появиться. И действительно, история Рима в I в. до н. э. выдвигает целую галерею военных и политических деятелей, из которых одни более, другие менее успешно боролись за власть и за единоличное господство. Причем, как правило, наиболее реальной опорой и решающей силой в этой борьбе была армия, что и привело на деле к целому ряду военных конфликтов, к длительному периоду гражданских войн.

Очень часто этот период, т. е. гражданские войны I в. до н. э. и крах Римской республики, рассматривается как период социальной революции. Такова, во всяком случае, наиболее распространенная, пожалуй, даже господствующая точка зрения в западной историографии.

Впервые она была наиболее широко и основательно изложена в трудах М. И. Ростовцева. Его концепция становления Римской империи в общих чертах выглядит следующим образом. Во II в. до н. э. Рим — по мере развития экономики и социально-политических отношений — перестает быть крестьянским государством, руководимым земельной аристократией. Возникает влиятельное сословие городской буржуазии, которое постепенно начинает все более активно вмешиваться в вопросы управления Римской державой. В результате этих процессов традиционное правление аристократии, опиравшейся на крестьянское ополчение, вырождается в олигархию знатных и богатых фамилий. Но растет и революционная сила — новая римская армия, возникшая после так называемой реформы Марии, т. е. вооруженный пролетариат. Эта «пролетарская армия» и есть движущая сила граждан-

ских войн I в. до н. э., ее вожди — Марий, Цезарь, Антоний и Октавиан — вожди революционного движения, а самый переход от республики к империи выглядит своеобразно понимаемой революцией¹⁶.

Недаром в одной из своих более ранних работ Ростовцев сам признавался, что его концепция становления Римской империи навеяна «пережитыми событиями»¹⁷, т. е. событиями Великой Октябрьской революции, к которой он отнесся крайне враждебно (вплоть до превращения в белоэмигранта). Таким образом, автор отнюдь не скрывает определенного политического аспекта своей концепции.

Не менее определенно и последовательно мысль о переходе от республики к империи как о некоей революции проводится в известной работе Р. Сайма, которая даже и называется «Римская революция». Автор значительно меньше, нежели Ростовцев, интересуется чисто экономическими проблемами, он уделяет главное внимание социальной и политической истории. По существу весь отрезок римской истории с 60 г. до н. э. по 14 г. н. э. рассматривается им как эпоха революции. Сайм, как и его предшественник Ростовцев, считает Римское государство накануне гражданских войн государством олигархическим. Борьба за власть, богатство, славу развивалась в среде самого нобилитета, знатные фамилии определяли историю республики. Они то возвышались, то сходили на нет; состав правящей олигархии трансформировался с трансформацией самого Римского государства¹⁸. Интересно отметить, что Сайм не признает Цезаря «революционером», а наоборот, «реалистом и оппортунистом», который был «более консервативен и в большей степени римлянин, чем обычно считают». Зато «наследник Цезаря», т. е. Октавиан, квалифицируется автором как революционный вождь, а передел земель итальянских городов — как настоящий социальный переворот. Что касается характеристики власти Августа, то Сайм категорически возражает против попыток определения юридических основ этой власти, выдвигая из всех привилегий и

¹⁶ M. Rostovzeff. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, I. Leipzig, 1929, S 19—32

¹⁷ М И Ростовцев Рождение Римской империи Пг, 1913, стр V.

¹⁸ R Syme Roman Revolution Oxford, 1939, p 11—24

полномочий принцепса на первый план лишь его авторитет, его престиж (*auctoritas*)¹⁹.

Из советских историков наиболее решительно против точки зрения Ростовцева — Сайма (ибо между взглядами этих двух историков нет принципиальных различий) выступил Н. А. Машкин. В своей известной монографии «Принципат Августа» он справедливо критикует буржуазных историков за то, что у них остается без определения самое понятие революции. Поэтому довольно часто всякий переворот, независимо от его целей и движущих сил, квалифицируется ими как революция. Такое понимание революции является механистическим и по существу даже реакционным²⁰.

С этими критическими замечаниями можно согласиться, однако они в значительной мере ослаблены тем, что сам Н. А. Машкин не дает, к сожалению, четкого определения понятия революции. По его мнению, революцией следует считать такой переворот, который вносит в жизнь «качественные изменения» и устанавливает «новые порядки». Поскольку ни Октавиан, ни его союзники не ставили своей задачей установление качественно нового социального строя, то переход к империи, очевидно, нельзя считать революцией²¹. Однако дело едва ли в задачах, которые в данном случае ставились Октавианом или кем-либо из его «союзников».

Более того, остается совершенно неясным, почему и в какой степени субъективистские устремления тех или иных «вождей» движения могут служить критерием его революционности.

Следует отметить, что далеко не все советские историки античности разделяют точку зрения Н. А. Машкина. Например, А. Б. Ранович считает возникновение империи «общественным переворотом». Не очень определенно, но все же он намекает на революционный характер этого переворота²². О революционном характере событий II—I вв. до н. э. говорит и С. И. Ковалев. Однако он подчеркивает, что эти события, это «мощное, сложное и дли-

¹⁹ R. Syme *Op cit*, p. 52—59, 121—122, 207, 323

²⁰ Н. А. Машкин *Принципат Августа* М — Л, 1949, стр. 293—294

²¹ Там же, стр. 294—296

²² А. Б. Ранович. *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.* М. — Л., 1949, стр. 7.

тельное революционное движение не могло перерасти в революцию. Оно было подавлено и, в конечном счете, привело только к созданию военной диктатуры, к новой политической системе, известной под именем «империи»²³.

Таким образом, относительно характера перехода от республики к империи существуют три различные точки зрения. Согласно одной из них (М. Ростовцев, Р. Сайм и др.), этот переход рассматривается безусловно как революция; согласно другой точке зрения (Н. А. Машкин), революция не менее безусловно отрицается. И, наконец, существует как бы «промежуточный» вывод (А. Б. Ранович, С. И. Ковалев), в соответствии с которым переход к империи является переворотом, даже революционным движением, однако не перерастающим и не способным перерасти в подлинную революцию.

Какая же из этих точек зрения представляется наиболее приемлемой? Обязателен ли выбор одной из них, или возможно еще какое-то иное решение вопроса?

Прежде всего — о правомерности понятия «социальная революция» применительно к событиям древней истории. Возможность такого применения, на наш взгляд, безусловна, хотя и требуется некоторое уточнение самого понятия.

Социальная революция знаменует переход от одной формации к другой, но вместе с тем вполне возможны, что подтверждается многочисленными примерами, социальные революции в пределах одной формации (Крестьянская война в Германии в XVI в., революция 1848 г. в ряде европейских стран и т. п.). Однако социальные революции — и в этом их главная и наиболее общая черта — приближают гибель старой формации, отживающего способа производства, сходящих с исторической арены классов и содействуют утверждению новой формации и нового способа производства. Причем эта историческая смена происходит, как правило, не в результате одновременного и однократного революционного акта, но как итог целой и иногда довольно длительной эпохи революционных взрывов и потрясений. Недаром Маркс говорил именно об «эпохе социальной революции»²⁴.

²³ С. И. Ковалев Две проблемы римской истории — «Вестник ЛГУ», 1947, № 4, стр. 96

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 13, стр. 7.

Все социальные революции, независимо от своих конечных результатов, предполагают участие широких народных масс, которые выступают в качестве движущих сил революции. Тот общеизвестный факт, что во всех революциях прошлого политическая власть в конечном счете оказывалась не в руках народа, но господствующих классов, которые стремились использовать плоды и завоевания революции в своих интересах, говорит лишь о внутренней противоречивости всех тех революций, которые совершались ради защиты «собственности одного вида» против «собственности другого вида»²⁵.

Не каждая социальная революция обязательно приводит к полной и окончательной смене способа производства, но каждая содействует этой смене и потому, в той или иной степени, влияет на экономический базис общества. И, наконец, каждая социальная революция в своем итоге неизбежно вызывает изменения в расстановке и соотношении классовых сил, решает вопрос о политической власти.

Все вышесказанное подтверждает, на наш взгляд, правомерность и допустимость употребления понятия «социальная революция» в приложении к определенным событиям римской истории. Но встает вопрос — к каким именно? К гражданским войнам I в. до н. э.? К диктатуре Цезаря? Ко второму триумvirату и правлению Октавиана Августа?

В отличие от изложенной выше и весьма распространенной в западной историографии точки зрения мы считаем, что понятие революции следует применять не к событиям римской истории второй половины I в. до н. э. (т. е. в основном к гражданским войнам этого периода), непосредственно приведшим к установлению политического режима империи, но к событиям более ранним — начиная от движения Гракхов и вплоть до Союзнической войны. Причем есть все основания считать Союзническую войну — грандиозное восстание италийского крестьянства — высшим этапом развития движения.

Каков был характер революции? Начавшись в эпоху Гракхов в сравнительно узкой, локальной среде римского крестьянства, движение со времени Союзнической войны приобрело общейталийский размах. Почти с са-

²⁵ К Маркс и Ф Энгельс Сочинения, т 21, стр 114—115

мого начала оно имело тенденцию превратиться в гражданскую войну (события, связанные с убийством Тиберия Гракха и т. д.). Что касается внутреннего содержания движения, то оно может быть определено как революция против Рима-полиса, против староримской аристократии, против крупного землевладения, или, говоря иными словами, как борьба италийского крестьянства за землю и политические права. Если угодно, это была — *mutatis mutandis* — та же борьба, которую вели некогда римские плебеи против патрициев, с той лишь разницей, что она повторялась в новых условиях и на расширенной основе, т. е. в общейталийском масштабе. Если борьба патрициев и плебеев закончилась в свое время вовсе не победой широких слоев римского плебса, но весьма компромиссным результатом, а именно образованием нобилитета (слиянием патрицианской и плебейской верхушки), то нет ничего удивительного в том, что и в данном случае плодами и завоеваниями, достигнутыми италийским крестьянством в ходе его революционной борьбы, воспользовались не сами широкие массы, но некоторые — в это время наиболее деятельные и «перспективные» — фракции господствующего класса.

Такова судьба многих революций, направленных на защиту «собственности одного вида» против «собственности другого вида». Они даже имеют — опять-таки *mutatis mutandis* — ряд общих черт. Если в ходе Крестьянской войны XVI в. в Германии была сделана — и не безуспешно! — попытка «приспособить» крестьянское движение к интересам бюргерско-рыцарского блока (Вендель Гиплер, Гейльброннская программа), то не менее бесспорен союз верхушечных слоев урбанизированного населения Италии, т. е. новой римской денежной знати и муниципальной аристократии, в целях использования в своих интересах завоеваний крестьянской революции. Если в итоге той же Крестьянской войны «немецкое дворянство свержению князей и попов при помощи открытого союза с *освобожденным* крестьянством предпочло дальнейшую эксплуатацию крестьян, под верховной властью князей»²⁶, то в Италии после Союзнической войны возникают острые противоречия между «коренными» римлянами и «новыми гражданами» (*cives novi*),

²⁶ К Марко и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 396.

т. е. италиками, только что получившими римские гражданские права. Причем в этой ситуации римское всадничество, а часто и городской плебс предпочитали отнюдь не союз с этими «освобожденными» италиками, направленный против староримской знати и ее органа — сената, а наоборот, вполне недвусмысленную поддержку сената в его стараниях тем или иным путем урезать, ограничить права новых граждан (например, разрешая им приписку лишь к ограниченному числу триб)²⁷.

Также и те события, которые мы, в противовес общепринятой в западной историографии точке зрения, уже не можем отнести к фактам самого революционного движения, имеют, условно говоря, своих «аналогов» в позднейшей истории революционных движений. Римская революция II—I вв. до н. э. знала свой термидор (переворот Суллы), свое 18 брюмера (диктатура Цезаря) и, наконец, прочное и длительное утверждение (реставрацию) единовластия (принципат Августа), которое установилось, как известно, далеко не сразу и в итоге напряженной, кровопролитной борьбы.

Но как бы то ни было, основной итог революционного движения II—I вв. до н. э. заключался в том, что был нанесен сокрушительный удар Риму-полису. Положение староримской аристократии, полисная организация, полисные институты — все это было поколеблено, все это лишалось прежнего смысла и значения. В этом плане дело революции было завершено уже Союзнической войной. Вот почему гражданские войны второй половины I в. до н. э. (борьба между Цезарем и Помпеем, Октавианом и Антонием) следует рассматривать как иное явление — как некое последствие революции, а складывание новой политической формы — как приспособление «завоеваний» этой революции к интересам наиболее перспективных фракций господствующего класса.

И, наконец, последний вопрос. Как известно, на этот же период гражданских войн (если начинать их от Гракхов) приходится крупнейшие выступления рабов — эт сицилийских восстаний и вплоть до великой «рабской войны» под руководством Спартака. Подобное совпадение не могло быть случайным. Поэтому необходимо выяснить — в каком соотношении находились рабские восста-

²⁷ См., например, А р р., В с., I, 49, 53

ния и движение италийского крестьянства? Есть ли это две самостоятельные линии борьбы, не перекрещивающиеся друг с другом, или они переплетаются и взаимно друг друга дополняют, или, наконец, одно из направлений, будучи более широким, включает в себя другое как некую составную часть?

Не вдаваясь сейчас в подробное рассмотрение этой большой проблемы, ограничуся лишь самыми общими соображениями. На протяжении нескольких лет в советской историографии значительно переоценивалась революционная зрелость и классовая сознательность рабов. Это, конечно, было связано с известной формулой «революция рабов». Делались попытки трактовать революционное движение римско-идалийского крестьянства как некое подчиненное направление борьбы, а рабов рассматривать как своеобразного гегемона революции. Ставилась даже проблема «союза» между рабами и угнетенными слоями свободного населения, в первую очередь пауперизованным крестьянством²⁸.

Все эти выводы и заключения никак не вытекали из реальных фактов римской истории. Но вместе с тем не менее ошибочно было бы трактовать рабские выступления как составную (и подчиненную) часть крестьянской революции. Это были две самостоятельные линии борьбы, которые в тех исторических условиях и не могли слиться воедино. Слишком велика была пропасть между рабом и свободным (тем более — римским гражданином). «Союз» свободного и раба всегда мог быть лишь союзом всадника с лошадей. Раба можно было привлечь, использовать, можно было даже считаться с ним, но никак не признать равным или подобным себе. Именно потому две линии социально-политической борьбы — плебейско-крестьянская и рабская — существовали раздельно, и это обуславливалось всей логикой, характером и уровнем развития классовой борьбы в римском обществе.

²⁸ А В Мишулин Революция рабов и падение Римской империи М, 1936; он же Спартакосское восстание. М., 1936, С И Ковалев Две проблемы Римской истории.— «Вестник ЛГУ», 1947, № 4

Сулла-император

Первым, кто из полководцев и государственных деятелей Рима сумел использовать новую римскую армию для борьбы и победы над своими политическими противниками, для захвата единоличной власти,— был Сулла. Про этого человека враги говорили, что в его душе лев уживается с лисицей, причем лисица опаснее льва, он же сам в заготовленной им заранее эпитафии велел написать: «Никто на свете не сделал так много добра своим друзьям и так много зла своим врагам».

Луций Корнелий Сулла происходил из старинного патрицианского рода. Однако это был давно обедневший род; Сулла в ранней молодости даже не имел собственного дома — что в Риме считалось признаком крайней бедности — и, как пишет Плутарх, «ютился у чужих, снимая за небольшую плату помещение, чем ему впоследствии кололи глаза»¹. Тем не менее свою молодость он провел довольно бурно: в обществе актеров, в пирах и развлечениях. К военной службе — что было обычным путем продвижения молодых нобилей по лестнице почетных должностей — он приступил сравнительно поздно, но зато его военная карьера развивалась чрезвычайно быстро и успешно.

Назначенный квестором к Марию в его первое консульство, Сулла вместе с ним отправился в Африку, на войну с нумидийским царем Югуртой. До того как командование в этой войне перешло в руки Мария, военные действия шли крайне неудачно, а иногда даже и позорно для Римского государства: Югурте не раз удавалось подкупать римских военачальников. Предшественник Мария — аристократ и опытный полководец Квинт Цецилий Метелл,— хоть и оказался неподкупным, тем не менее

¹ Plut., Sulla, 1

тоже не сумел довести борьбу до победного конца. В успешном ходе войны под руководством Мария немалую роль сыграл его квестор Сулла. Он оказался храбрым офицером и ловким дипломатом. Например, Сулле удалось завоевать доверие царя Бокха², приходившегося Югурте тестем. Это обстоятельство имело решающее значение.

Когда Югурта, гонимый военными неудачами, вынужден был искать прибежища у своего тестя, Бокх вызвал к себе Суллу, пообещав ему выдать заклятого врага римлян. Сулла смело пошел на риск, который состоял в том, что Бокх, заполучив в свои руки и Югурту, и Суллу, мог не только не выполнить своего обещания, но и поступить диаметрально противоположным образом. И действительно, Бокх довольно долго колебался, взвешивал все «за» и «против», но, наконец, поступил по-своему «честно»: из двух предательств предпочел то, которое было задумано раньше и которое, видимо, сулило ему более спокойное и «гарантированное» будущее, т. е. решил выдать римлянам Югурту³.

Еще в древности считалось, что именно с этого момента возникли неприязненные отношения между Марием и Суллой, ибо Марий ни с кем не хотел делиться своим триумфом. Неприязненные отношения перешли в открытую вражду, когда в ходе Союзнической войны молодой и удачливый полководец Сулла затмил своими успехами не только былую военную славу Мария, победившего Югурту, но и — что гораздо существеннее — недавнюю славу победителя, кимвров и тевтонов. Плутарх говорит о том, что эта вражда, «столь незначительная и по-детски мелочная в своих истоках», привела в дальнейшем «к тирании и полному расстройству дел в государстве»⁴.

На консульских выборах 89 г. Сулла и вместе с ним Квинт Помпей (фигура малозаметная) были избраны консулами. Обстановка в Риме — как внутренняя, так и внешняя — была чрезвычайно сложной. Во-первых, еще не кончилась Союзническая война. Однако эта война уже не считалась главной опасностью: после ряда крупных поражений и гибели наиболее талантливых руково-

² Бокх был царем Мавретании.

³ P l u t , Sulla, 3.

⁴ Ibid , 4.

дителей дело италиков в принципе было проиграно. Если же говорить об опасностях внешних, то гораздо более серьезную угрозу для римского могущества представляли в то время враждебные действия Митридата, царя Понта.

Митридат VI Евпатор был, несомненно, одним из самых давних и опасных врагов римлян. Выдающийся государственный деятель, человек разносторонних талантов, он славился и своей физической силой и умственными способностями. Не получив никакого специального образования, он владел, тем не менее, 22 языками, писал труды по естественной истории, заботился о развитии наук и искусств. Вместе с тем он был жесток и коварен, как и подобает восточному деспоту.

Благодаря дипломатическим акциям и прямым военным захватам Митридат расширил границы своих владений и создал крупное Понтийское государство. Он завоевал Колхиду, подчинил Боспорское царство, где его войсками было подавлено крупное восстание под руководством Савмака. Митридат заключил союз с армянским царем Тиграном и поддерживал дружеские отношения с племенами скифов, бастарнов и фракийцев.

В самый разгар Союзнической войны, воспользовавшись тем обстоятельством, что римские силы были скованы необходимостью вести военные действия в самой Италии, Митридат, одержав победу над Вифинией, вторгся на территорию римской провинции Азия⁵.

Хотя господство римлян над этой провинцией было сравнительно непродолжительным (около 50 лет), они успели заслужить — главным образом благодаря деятельности своих ростовщиков и публиканов — люютую ненависть населения. Поэтому Митридата встретили как освободителя. Навстречу ему высылались послы; граждане, одетые в праздничные одежды, приветствовали его, называя новым Дионисом, отцом и спасителем Азии. Консуляр Маний Аквиллий, посланный в Малую Азию в качестве полномочного представителя Рима, был схвачен и выдан Митридату. Последний придумал для него изощренную пытку: Мания Аквиллия провели пешком по всем городам и селениям Малой Азии; он был обязан выкрикивать свое имя и звание, а толпы народа,

⁵ Бывшая территория Пергамского царства, отошедшая к Риму в силу завещания последнего пергамского царя Аттала III.

привлеченные этим зрелищем, издевались над ним. Когда его, наконец, привели в Пергам, то казнили таким образом: ему влили в горло расплавленное золото, чтобы навек удовлетворить столь свойственное римлянам корыстолюбие.

В Эфесе Митридат издал приказ, согласно которому во всех городах и селениях Малой Азии в один определенный день должны быть умерщвлены все живущие там римские граждане. И снова ненависть к римлянам оказалась настолько велика, что этот беспримерный приказ жители Малой Азии выполнили неукоснительно. В один день было перебито до 80 тысяч (по другим данным, чуть ли не 150 тысяч) римских граждан.

Из Малой Азии Митридат, окрыленный своими успехами, направил войска на Балканский полуостров для захвата Греции. Таким образом, римляне стояли перед вполне реальной угрозой — быть вытесненными из стран эллинистического Востока. Это означало бы полный крах римской политики и даже римского влияния в восточной части Средиземноморья.

Не менее сложным и напряженным оказалось в том же году внутреннее положение Рима. Чрезвычайно обострились отношения между сенатскими кругами и противниками сената. К последним принадлежала значительная часть всадничества и так называемые популяры, т. е. те, кто под лозунгами защиты прав и интересов «народа» выступал против сенатской олигархии. Причем одним из наиболее острых вопросов, вокруг которого и развернулась ожесточенная борьба, оказался вопрос о предстоящей войне с Митридатом. В сохранении восточных владений, конечно, были заинтересованы и сенатские и всаднические круги. Но они были заинтересованы по-разному. Если для сенаторов сохранение влияния и территорий на Востоке было главным образом проблемой престижа Римского государства, то для всадников, выступавших, как известно, в роли ростовщиков и публиканов, дело обстояло проще и конкретнее: речь для них шла об источниках дохода. Перед многими из них вставал страшный призрак нищеты и разорения.

На фоне этих событий совершенно неожиданный поворот, совершенно новый аспект приобрело соперничество между Марием и Суллой, носившее до сих пор сугубо личный характер. Как только что избранный консул

и уже зарекомендовавший себя первоклассным полководцем, Сулла оказался главным и наиболее бесспорным кандидатом на пост командующего в войне против Митридата. Но вместе с тем он был уже достаточно известен как безусловный сторонник сената и враг всяких демократических реформ и тенденций. Поэтому его кандидатура не устраивала ни всадников, ни популяров.

Однако противопоставить ему следовало человека с достаточно громким именем. Таким человеком в это время мог быть лишь Гай Марий. Правда, как уже говорилось, его репутация непобедимого полководца в последние годы несколько померкла. Да и его политическая репутация — а он начинал свою карьеру как ставленник римского плебса, римской «демократии» — тоже была сильно подмочена: несколько лет назад, когда его сторонники — народный трибун Сатурнин и претор Главция — возглавили открытое восстание против сената, он изменил им и подавил восстание вооруженной силой. Наконец, помимо всего прочего, Марий был уже стар, ему шел шестьдесят восьмой год, и хотя он ежедневно занимался военными упражнениями на Марсовом поле наряду с римской молодежью, тем не менее его грузность и неповоротливость служили предметом насмешек. Но все же Марий оказался единственной кандидатурой, которую можно было противопоставить Сулле. Таким образом, возник блок всадников и популяров, направленный против сената, а личное соперничество между Марием и Суллой переросло в борьбу марианцев и сулланцев, которая привела в конечном счете к кровопролитной гражданской войне.

Сульпиций Руф, народный трибун 88 г., выступавший в данном случае как глава антисенатской оппозиции, внес в народное собрание ряд законопроектов. Во-первых, предлагалось вернуть всех изгнанных в 100 г. из Рима в связи с движением Сатурнина. Затем — и это был прямой удар по сенату — ставился вопрос об исключении из сената всех, кто имел более 2 тыс. денариев долга (а таких сенаторов было немало!). И, наконец, Сульпиций Руф предлагал всех «новых граждан» т. е. италиков, получивших ныне гражданские права, распределить по всем 35 трибам (а не только по 8, как до сих пор), что, конечно, резко меняло соотношение сил в народном собрании.

Законопроекты Сульпиция Руфа, несмотря на противодействие сената, были приняты. Тогда, опираясь на своих сторонников и на ветеранов Мария, он проводит через комиции новое предложение: Марию присваивается проконсульская власть, и он вместо Суллы назначается командующим в предстоящей войне с Митридатом.

Сулла еще до начала голосования — он, вероятно, предвидел неблагоприятный для себя исход — покинул Рим и спешно отправился в город Нолу, где стояли набербованные им для похода на Восток войска. Вскоре сюда прибыли посланные Сульпицием военные трибуны, которым поручалось принять войско и привести его к Марию.

Однако Сулла сумел их опередить. Войско вовсе не желало перемены командования, тем более что воинам дали понять: новый полководец, несомненно, наберет новых солдат и тем самым лишит их надежд на богатую добычу, которую сулил нетяжелый и безусловно победоносный поход на Восток. Поэтому на бурной солдатской сходке посланцев Сульпиция побили камнями, а от Суллы войско потребовало вести его на Рим. Это было нечто неслыханное, небывалое, многие командиры в ужасе отказались принять участие в братоубийственной войне, но Сулла — хотя и не без некоторых колебаний — двинул армию на Рим⁶.

По дороге его дважды пытались остановить посланцы сената (их направили под давлением Сульпиция и Мария), но Сулла, громогласно заявив, что он выступает против тиранов, продолжал двигаться к Риму. Сульпиций Руф и Марий пытались организовать оборону, последний обратился за помощью даже к рабам, но, как рассказывает Плутарх, к нему присоединилось всего лишь трое⁷. Преодолев сопротивление отдельных отрядов и почти невооруженной толпы, которая только могла осыпать вступающее в Рим войско градом черепицы и камней с крыш домов, Сулла взял город. Впервые за всю свою многовековую историю Рим был взят римскими же войсками!

⁶ Plut., Sulla, 8—9, App., B c, 1, 57

⁷ Plut., Mar, 35

Сразу же начались жестокие репрессии. Сулла, созвав сенат, осудил на смерть несколько человек, в том числе Мария и Сульпиция Руфа. Сульпиций, преданный своим рабом, был убит, причем Сулла сначала в награду освободил этого раба, а затем приказал сбросить его со скалы за предательство. За голову Мария назначалась особо крупная награда, но ему удалось бежать. Многие марианцы, хотя и не приговоренные к смерти, тоже вынуждены были бежать, опасаясь, не без основания, за жизнь.

Расправившись с главными из своих политических противников, Сулла приступил к государственным реформам. Все законы Сульпиция Руфа были отменены, трибутные комиции — наиболее демократичный вид народных собраний в Риме — отодвинуты на задний план по сравнению с собраниями по центуриям, где, как известно (еще со времен Сервия Туллия!), зажиточные граждане пользовались решающим преимуществом при голосовании. Вообще роль наиболее демократических элементов римского государственного устройства сильно принижалась и ограничивалась: народные трибуны не имели теперь права обращаться со своими законопроектами непосредственно к комициям, а требовалась предварительная санкция сената. Это, конечно, был удар, наносимый одновременно и самостоятельности комиций, и независимости трибуната. Зато, несомненно, усиливалась руководящая роль сената, состав которой увеличился вдвое и доходил до 600 человек. Само собой разумеется, что новые сенаторы вербовались главным образом из сторонников Суллы.

Проводя все эти реформы, Сулла вынужден был спешить. Ближайшая и неотложная задача, от которой зависело все его будущее, заключалась в другом. Он был обязан в кратчайший срок оплатить вексель, выданный им своим солдатам, — обеспечить удачный поход, победу, богатую добычу. Поэтому он задержался в Риме только до новых консульских выборов.

Однако исход этих выборов был для Суллы не вполне благоприятен. Если одним из консулов он сумел провести своего явного сторонника Гнея Октавия, то на второе место прошел кандидат, для него весьма мало приемлемый, — Луций Корнелий Цинна. И хотя Цинна сразу же и при свидетелях поклялся в верности поряд-

кам, установленным Суллой, тот еще не успел уехать из Рима, как Цинна уже начал — конечно, не своими руками — готовить обвинение и судебное дело против Суллы. Но Сулле было не до того, он больше уже не мог мешкать и потому, как иронически замечает Плутарх, «пожелав и судьям и обвинителям доброго здравия», Сулла отбыл на войну с Митридатом⁸.

Сразу же после его отъезда положение в Риме изменилось самым решительным образом. Цинна, искавший себе опору в «новых гражданах» (а по некоторым данным даже получивший из этих кругов взятку в 300 талантов⁹), внес законопроект, повторявший аннулированный *lex Sulpicia*, о распределении новых граждан по 35 трибам. Кроме того, предлагалось вернуть в Рим всех тех, кто при Сулле был признан врагом народа и изгнан из города.

Второй консул Гней Октавий и сенат воспротивились проведению этих законопроектов. Народное собрание протекало бурно. Сторонники Цинны заняли форум, имея при себе спрятанные кинжалы, и с криком требовали допущения новых граждан во все трибы. Но и сторонники Октавия тоже явились вооруженными. На форуме произошло настоящее сражение, в результате которого одержали верх сторонники Октавия и сената. Цинна сделал отчаянную попытку собрать и вооружить рабов. Когда из этого ничего не вышло, ему пришлось бежать из города. Сенат принял решение лишить его консульского звания и даже гражданских прав, как человека, который, будучи консулом, оставил город, находившийся в угрожаемом положении, на произвол судьбы и, кроме того, обещал свободу рабам.

Однако все эти события были лишь началом борьбы. Цинна отнюдь не пал духом, но, проявив большую энергию, объезжал италийские города, жители которых недавно получили права гражданства. Здесь он собирал средства и вербовал войска. Римская армия, стоявшая в Капуе, перешла на его сторону. Тем временем вернулся из своего изгнания (из Африки) Марий. Он высадился в Этрурии и, объезжая в свою очередь этрусские города и обещая им также гражданские права, сумел

⁸ Plut., Sulla, 10

⁹ App., B c, I, 64

навербовать довольно крупный отряд (до 6 тыс. чел.). После этого Цинна и Марий объединили свои силы, двинулись на Рим и разбили лагерь невдалеке от города.

Так как подвоз продовольствия в Рим был отрезан, население начало голодать. Цинна снова обратился к рабам, обещая им свободу. На сей раз большое число рабов перебежало к нему. Войско, которым располагал Октавий, тоже оказалось не совсем надежным. В этой ситуации сенат принял решение направить посольство к Цинне для переговоров. Однако послы вернулись ни с чем, так как они не знали, что им следует ответить на вопрос Цинны: явились ли они к нему как к консулу или как к частному лицу? Через некоторое время к Цинне было направлено новое посольство, которое обратилось к нему уже как к консулу и просило лишь об одном — чтобы он дал клятву не производить резни.

Переговоры происходили в присутствии Мария. Он стоял возле кресла Цинны и не произнес ни одного слова. Сам Цинна наотрез отказался принести клятву, но сказал, что по своей воле не будет виновен в убийстве хотя бы одного человека. Попутно он добавил, чтобы Октавий не попадался ему на глаза, а то с ним может что-нибудь произойти и помимо воли самого Цинны. Сенат принял все условия и предложил Цинне и Марию вступить в город. Но так как Марий с мрачной иронией заметил, что для изгнанников нет доступа в город, то народные трибуны немедленно аннулировали его изгнание (как и всех прочих, изгнанных в консульство Суллы) ¹⁰.

Ближайшие события показали, что опасения сената были не напрасны. Как только войско Цинны и Мария вступило в город, началась страшная резня, сопровождаемая разграблением имущества сулланцев. Солдаты Мария убивали всех, на кого он указывал рукой, и даже тех, на чьи поклоны он не отвечал. Гней Октавий, который, несмотря на зловещее предупреждение Цинны, отказался покинуть город, был убит, и его голова — впервые в истории Рима голова римского консула — была выставлена на форуме перед ораторской трибуной. Цинна также весьма своеобразно отблагодарил тех рабов, которые, по его призыву, перебежали к нему, когда

¹⁰ App., B c., I, 69—70; Plut., Mar., 41—43.

он еще стоял лагерем у стен Рима: как-то ночью, когда рабы спали, он окружил их отрядом, состоящим из галлов, и всех перебил. Аппиан, сообщая об этом факте, с удовлетворением заключает: рабы получили должное возмездие за проявленное ими нарушение верности своим господам¹¹.

Резня продолжалась около недели. Затем наступило некоторое затишье, в городе устанавливался порядок. Вскоре прошли консульские выборы. Консулами на 86 г. оказались избраны Марий и Цинна. Для Мария это было седьмое — но и последнее — консульство. Буквально через несколько дней после своего избрания он умер.

Все законы Суллы были отменены. Новые граждане распределялись по 35 трибам. Проводилась частичная кассация долгов, приступили к организации колонии в Капуе, которую еще хотел вывести Гай Гракх. Наконец, было принято решение о том, чтобы лишить Суллу прав командующего и на войну с Митридатом направлялся Луций Валерий Флакк, избранный консулом (на освободившееся место Мария).

Как же развивались за это время события на восточном театре войны? Когда Сулла еще переправлялся со своим войском в Грецию, положение Митридата и его успехи превзошли всякое ожидание. Он владел Вифинией и Каппадокией, отнял провинцию Азию у римлян, один из его сыновей управлял основными владениями в Понте и на Боспоре, другой же сын — Ариарат — с большой армией покорял Фракию и Македонию. Полководец Митридата Архелай подчинил Кикладские острова, Эвбею и оперировал на территории Греции. Афинами управлял фактический ставленник царя — тиран Аристион.

Сулла, высадившись в 87 г. в Эпире, совершил оттуда переход в Беотию. Затем он приступил к осаде Афин. Велись подкопы, строились осадные машины, и так как строительного материала не хватало, Сулла не пощадил священные рощи Академии и Ликея: они были вырублены. Нуждаясь в деньгах, он посылал своих представителей в знаменитейшие храмы и святилища Эллады, с тем чтобы они доставляли ему оттуда накопленные сокровища. Когда один из его посланцев, не рискуя

¹¹ А р р , В с , 1, 74

изъять сокровища Дельфийского храма, сообщил Сулле, что в храме сама собой зазвучала кифара и что это следует рассматривать как знак, поданный богами, Сулла насмешливо ответил этому уполномоченному, чтобы он действовал решительнее, ибо таким путем боги выражают отнюдь не гнев, но скорее радость и согласие. Когда делегаты, направленные к Сулле Аристионом, вместо деловых переговоров начали говорить о великом прошлом Афин, о Тесее и о Персидских войнах, то Сулла не менее насмешливо заметил им: «Идите-ка отсюда, милейшие, и все свои рассказы прихватите с собой; римляне ведь послали меня в Афины не учиться, а усмирять изменников»¹².

Наконец, когда город был взят и предан Суллой на поток и разграбление, когда кровь погибших, по словам очевидцев, обогрела не только городские области, но даже вытекла за ворота, когда и сам Сулла насытился мезью, он произнес несколько слов в похвалу древним афинянам и сказал, что дарует «немногих многим, милую живых ради мертвых»¹³.

Решительное сражение с полководцами Митридата произошло на территории Беотии у города Херонеи (86 г.). Битва была упорной и окончилась победой римлян. Следующую важную победу Сулла одержал при Орхомене, в результате чего остатки войск Митридата вынуждены были полностью очистить территорию Греции.

Эти две победы решили по существу исход войны. Положение Митридата резко ухудшилось. В 86 г. в Греции высадился со своим войском Валерий Флакк. Однако его солдаты начали перебегать к Сулле, и вскоре Флакк был убит. Командование перешло к его легату — Гаю Флавию Фимбрию. Ему удалось вытеснить Митридата из Пергама, и сюда же, в провинцию Азию, двинул свои войска Сулла. Митридату не оставалось ничего другого, как просить о мире. Его личная встреча с Суллой произошла в Дардане. Сулла держал себя весьма высокомерно и, не отвечая на приветствие понтийского царя, сразу поставил вопрос ребром: согласен ли Митридат на условия, переданные ему Суллой при предварительных переговорах? Когда царь отвечал на эти слова молча-

¹² P l u t , Sulla, 13.

¹³ Ibid , 14.

нием, Сулла заявил: просители должны говорить первыми, молчать могут победители. Митридат был вынужден пойти на условия, предложенные Суллой. Он очищал все захваченные им ранее территории, выплачивал контрибуцию в 3 тыс. талантов и выдавал римлянам часть своего флота.

Условия мира были сравнительно мягкими и компромиссными, поскольку Сулла уже начал готовиться к возвращению в Италию, а кроме того, не исключалось столкновение с Фимбрией. Однако этого не произошло, так как солдаты Фимбрии отказались сражаться с войском Суллы. Фимбрия окончил жизнь самоубийством.

Конец 85 г. и начало 84 г. Сулла провел в Азии. Участники избиения римлян, действовавшие по приказу Митридата, понесли жестокое наказание. На города провинции был наложен огромный штраф в 20 тыс. талантов. Кроме того, каждый домохозяин был обязан брать на постой солдат и офицеров римской армии на самых разорительных условиях. Во второй половине 84 г. Сулла из Эфеса переправился в Пирей. Здесь он, кстати сказать, забрал себе обширную библиотеку, в которой имелись почти все произведения Аристотеля и Теофраста. В Греции Сулла отдыхал и лечился от приступа подагры, а также готовился к походу в Италию, к борьбе с марианцами. Он направил послание сенату, в котором перечислял все свои победы и заслуги перед государством, начиная с Югуртинской войны. В награду за это, писал он, его объявили врагом отечества, дом его разрушен, жене его и детям с трудом удалось спастись. Теперь, победоносно закончив войну с Митридатом, он явится на помощь Риму, восстановит справедливость и отомстит врагам. Что касается всех прочих граждан (в том числе и новых!), Сулла обещал им полную безопасность и прощение.

Но, конечно, и марианцы готовились в свою очередь к войне с Суллой. Цинна и его новый коллега по консульству Карбон объезжали Италию, вербовали войско, всячески возбуждали против Суллы новых граждан. Однако эти действия далеко не всегда были успешны, а на одной из бурных сходов солдаты, не желавшие отправляться на войну с Суллой, возмутились, и Цинна был убит. Тем не менее ряд италийских городов поддерживал марианцев, да и в Риме слишком многие имели

основание бояться возвращения Суллы, и потому набор войск продолжался.

Сулла со своей армией высадился в Брундизии весной 83 г. Вскоре на его сторону с крупным отрядом войск перешел проконсул Цецилий Метелл Пий, а затем во главе лично им набранный легион явился молодой Гней Помпей, в будущем прославленный полководец, соперник Цезаря.

Гражданская война, развернувшаяся на территории Италии, длилась полтора года и отличалась крайней жестокостью. Аппиан, рассказывая о ходе этой войны, предвещает, в соответствии с излюбленным приемом античных историков, свое описание перечислением самых мрачных предзнаменований. Он говорит, что произошло много чудес: так, например, разрешился от бремени мул, какая-то женщина родила вместо ребенка змею, в Риме случилось землетрясение и рухнуло несколько святилищ, а старинный, выстроенный четыреста лет назад храм на Капитолии сгорел, и никто не мог узнать причины пожара¹⁴.

Из Брундизия, жители которого впустили войско Суллы без боя (за что они в дальнейшем освободились от каких бы то ни было поборов), Сулла направился к Риму. Произошло несколько упорных и кровопролитных сражений, и, наконец, 1 ноября 82 г. у Коллинских ворот, которые вели в Рим с севера, марианцы были окончательно, наголову разгромлены, а Рим вторично взят с бою римскими войсками под командованием Суллы.

Победа Суллы ознаменовалась на сей раз еще неслыханным террором. Даже привыкшие за эти годы ко многому жители Рима пришли в ужас. Буквально в первый же день после взятия города Сулла созвал заседание сената в храме богини Беллоны. В то же самое время в близлежащий цирк было согнано до 6 тыс. пленников, захваченных в ходе боев. И вот, когда Сулла, обращаясь к сенаторам, начал говорить, специально отряженные им солдаты стали избивать этих людей. Жертвы, которых было так много и которых резали в страшной сутолоке и тесноте, подняли отчаянный крик. Сенаторы были потрясены, пришли в ужас, но державший речь Сул-

¹⁴ А р р , В с , 1 , 83

ла, ничуть не меняясь в лице, сказал, что требует больше внимания к своим словам, а то, что происходит за стенами храма, его слушателей не касается: там по его приказанию вразумляют кое-кого из негодяев.

Впервые террору придавался организованный и даже планомерный характер. Были объявлены проскрипции, т. е. списки лиц, которые по тем или иным причинам казались Сулле подозрительными. Такие люди объявлялись вне закона: каждый мог их безнаказанно убить или выдать. Имущество их конфисковывалось, и из части его выплачивалась награда доносчику (или убийце). Если доносил раб, он получал свободу. Головы убитых выставлялись на форуме для всеобщего обозрения. За время проскрипций было казнено 90 сенаторов и 2600 всадников. Друзья и сторонники Суллы, пользуясь проскрипциями, сводили личные счеты со своими недругами, и так как имущество погибших продавалось с аукциона, то многие сулланцы — например, Марк Лициний Красс — составили себе на этом огромные состояния.

Сулла щедро награждал солдат. Не говоря уже о военной добыче и о раздачах при триумфе, он вывел в колонии на территорию Этрурии, Лациума и Кампании около 100 тыс. ветеранов, наделив их землей. Для наделов земля конфисковалась в тех городах, которые во время гражданской войны находились на стороне марианцев и оказывали противодействие Сулле. Эти земельные конфискации разорили и привели к пауперизации не один десяток тысяч крестьян в Италии.

Сажая своих ветеранов на землю, Сулла стремился, очевидно, создать всем ему обязанный слой населения, создать определенную опору в масштабе всей Италии. В самом Риме опорой для него стали 10 тыс. так называемых корнелиев — отпущенные им на волю и получившие права римских граждан рабы тех, кто погиб при проскрипциях. Умело используя всех этих людей, Сулла мог оказывать достаточно ощутимое влияние на ход и деятельность комиций.

Сулла был провозглашен диктатором на неограниченный срок и наделен самыми широкими полномочиями по устройству государства и изданию законов. Диктаторы не назначались в Риме со времен второй Пунической войны, т. е. более 120 лет. Кроме того, диктатура, объявлявшаяся в случае крайней военной опасности, всегда

ограничивалась полугодичным сроком. Сулла был первым «бессрочным» диктатором. Кроме того, провозглашалось, что он не несет никакой ответственности за все происшедшее, а на будущее получает полную власть карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их, кому пожелает¹⁵.

Суллой были восстановлены все те новшества и изменения, которые он внес в римское государственное устройство, после того как захватил Рим в первый раз. Еще более увеличивалось значение сената, в частности расширялись его судебные функции. Увеличивалось и общее число магистратов: вместо шести преторов теперь избиралось восемь, вместо восьми квесторов — двадцать. Консулы и преторы по истечении срока (годового) пребывания в своей должности назначались наместниками провинций. Наряду с этим еще больше ущемлялись права комиций и народных трибунов. Помимо того, что все свои законопроекты трибуны должны были согласовывать с сенатом, теперь объявлялось, что те, кто занимал должность народного трибуна, уже не имеют права домогаться какой-либо другой государственной должности. Таким образом, для людей, стремящихся занять руководящее положение в республике, трибунат обесценивался и даже мог служить препятствием, если иметь в виду дальнейшую карьеру. Такова была неписаная конституция, установившаяся в результате диктатуры Суллы.

Все вышеизложенное дает, на наш взгляд, определенные основания для некоторых выводов о деятельности Суллы, для его оценки как исторической личности. Нам представляется, что основной пружиной всей его деятельности было неуемное, ненасытное стремление к власти, непомерное честолюбие.

Надо сказать, что эти оба понятия — стремление к власти и честолюбие — отождествлялись самими древними авторами. Для римских историков, размышлявших о судьбах своего отечества, о его прошлом и настоящем, о причинах его расцвета и упадка, конечно, были недоступны такие понятия, как классовая борьба, роль народных масс, социально-экономические условия развития общества. Но тем не менее они пытались выяснить при-

¹⁵ P l u t , Sulla, 33

чины и суть явлений. Они пытались их найти в своих, кажущихся нам ныне наивными, представлениях о борьбе между «добром» и «злом», между добродетелями (*virtutes*) и пороками (*vitia, flagitia*), врожденными как у отдельных людей, так и целых поколений.

Еще Катон Старший провозгласил борьбу против иноземных «гнузностей и пороков» (*nova flagitia*), за восстановление старых римских добродетелей. Зловреднейшими из всех пороков он считал корыстолюбие и любовь к роскоши (*avaritia, luxuria*), а также честолюбие, тщеславие (*ambitus*). Те же пороки фигурируют у Полибия, когда он говорит о нарушении гражданского согласия в обществе. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам исторического труда Посидония, названные пороки играли не последнюю роль и в его теории упадка нравов. Наконец, мы встречаемся с развернутым обоснованием их роли и значения для судеб Римского государства, когда знакомимся с исторической концепцией Саллюстия.

Саллюстий, давая в одном из своих исторических экскурсов краткий обзор истории Рима, говорит сначала о счастливом периоде этой истории, «золотом веке». Однако, когда Римское государство окрепло, соседние племена и народы были подчинены и, наконец, сокрушен наиболее опасный соперник — Карфаген, тогда вдруг «судьба безудержно стала изливать свой гнев и все перемешалось». Именно с этого времени в обществе начали развиваться такие пороки, которые оказались первопричиной всех зол, — страсть к обогащению и жажда власти¹⁶.

Саллюстий дает развернутое и чрезвычайно любопытное определение, характеристику этих двух основных пороков. Любовь к деньгам, корыстолюбие (*avaritia*) в корне подорвало верность, правдивость и прочие добрые чувства, научило высокомерию и жестокости, научило все считать продажным. Стремление же к власти или честолюбие (*ambitio*) — для Саллюстия эти понятия взаимозаменяемы — заставило многих людей стать лжецами и лицемерами, одно втайне держать на уме, а другое высказывать на словах, ценить дружбу и вражду не по существу, а исходя из соображений расчета и выгоды, за-

¹⁶ S a l l, Cat, 10.

ботиться лишь о благопристойности внешнего вида, а отнюдь не внутренних качеств. Кстати сказать, Саллюстий считает, что из этих двух пороков честолюбие все же более простительно, или, как он выражается, «ближе стоит к добродетели», алчность же, несомненно, более низкий порок, ведущий к грабегам и разбоям, как это и обнаружилось в полной мере после второго захвата власти Суллой¹⁷.

Безусловно, характеризуя столь детально понятие властолюбия, Саллюстий имел перед глазами какой-то вполне конкретный «образец» (или образцы!), который и позволил ему перечислить столь типичные черты и особенности. Но если это был Сулла, то Саллюстий не смог уловить одной, и, пожалуй, наиболее яркой черты его характера. Сулла, конечно, не первый и не единственный государственный деятель Рима, который стремился к власти. Но властолюбие Суллы оказалось несколько иного типа, вернее, иного качества, чем аналогичное свойство его предшественников, в том числе и его непосредственного соперника Мария. В отличие от них всех, находившихся в плену у старых представлений и традиций, Сулла устремился к власти небывалым еще путем — не считаясь ни с чем, наперекор всем традициям и законам. Если его предшественники как-то сообразовывались с общепринятыми нормами морали, честно соблюдали «правила игры», то он был первым, кто рискнул нарушить их. И он же был первым, кто действовал в соответствии с принципом, провозглашающим, что победителя, героя не судят, что ему — все дозволено.

Не случайно многие из современных историков считают Суллу первым римским императором. Кстати, титул императора существовал в республиканском Риме с давних пор и поначалу не имел никакого монархического оттенка. Это был чисто военный почетный титул, которым обычно сами солдаты награждали победоносного полководца. Его имел и Сулла, и другие римские военачальники. Но, говоря о Сулле как о первом римском императоре, современные историки имеют уже в виду новое и более позднее значение термина, которое связывается с представлением о верховной (и фактически — единоличной) власти в государстве.

¹⁷ S a l l , Cat , 10—11

С более поздними римскими императорами Сулла сближает и такое специфическое обстоятельство, как опора на армию. Если Тацит в свое время сказал, что тайна империи заключается в армии, то Сулла и был тем государственным деятелем, который впервые разгадал эту тайну и осмелился использовать армию как орудие для вооруженного захвата власти. Более того, на протяжении всей своей деятельности он открыто опирался на армию, не менее открыто презирал народ и, наконец, столь же открыто и цинично делал ставку на террор и коррупцию. Плутарх говорит, что если полководцы стали добиваться первенства не доблестью, а насилием и стали нуждаться в войске для борьбы не против врагов, а против друг друга, что и заставляло их заискивать перед воинами и быть от них в зависимости, то начало этому злу положил Сулла. Он не только всячески угождал своему войску, прощая иногда солдатам крупные провинности (например, убийство одного из своих легатов еще во время Союзнической войны), но часто, желая сманить тех, кто служил под чужой командой, слишком щедро оделял своих солдат и таким образом «он развращал чужих воинов, толкая их на предательство, но так же и своих, делая их людьми безнадежно распущенными»¹⁸. Что же касается террора, то, не приводя слишком много примеров, достаточно вспомнить проскрипции и избиение пленных во время заседания сената в храме Беллоны. Лучшим и наиболее эффективным средством воздействия на массы Сулла считал страх, жестокость, террор. Правда, афоризм «пусть ненавидят, лишь бы боялись» принадлежит не ему, но фактически он поступал в согласии с этим принципом, хотя, очевидно, и считал, что тот, кто внушает страх, скорее импонирует толпе, чем заслуживает ее ненависть. Отсюда его совершенно особое отношение к собственной судьбе и карьере.

Сулла верил в свою счастливую звезду, в расположение к нему богов. Еще в годы Союзнической войны, когда завистники приписывали все успехи Суллы не его умению или опыту, но именно счастью, он не только не обижался на это, но сам раздувал подобные толки, охотно поддерживая версию об удаче и о благосклонности

¹⁸ Plut., Sulla, 12

богов. После столь важной для него победы при Херонее он на поставленных им трофеях написал имена Марса, Виктории и Венеры в знак того, как говорит Плутарх, что своим успехом он не менее обязан счастьем, чем искусству и силе. А когда он после празднования своего триумфа над Митридатом держал речь в народном собрании, то наряду с подвигами с не меньшей тщательностью отмечал и перечислял свои удачи, а в заключение речи повелел именовать его Счастливым (Felix). При ведении дел и переписке с греками он называл себя Эпафродитом, т. е. любимцем Афродиты. И, наконец, когда его жена Метелла родила двойню, то мальчика он назвал Фавстом, а девочку — Фавстой, поскольку у римлян слово *faustum* означало: «счастливое», «радостное».

Это была целая концепция. Поскольку Сулла с самого начала своей карьеры упорно и последовательно приписывал все свои успехи и победы счастью, то это не могло быть вызвано простой случайностью. Сулланская концепция счастья звучала, несомненно, вызовом, оказывалась нацеленной против широко распространенного учения о древнеримских добродетелях (*virtutes*). Сулланская концепция утверждала, что куда важнее обладать не этими обветшавшими добродетелями, но удачей, счастьем и что боги оказывают свою милость и благорасположение вовсе не тем, кто ведет размеренно-добродетельную жизнь, полную всяческих запретов и лишений. А быть любимцем, избранником богов — значит верить в свою исключительность, верить в то, что все дозволено! Кстати сказать, в основе такой концепции «вседозволенности» всегда лежит глубоко скрытая мысль о том, что если личности разрешено *все*, то тем самым она освобождается от каких бы то ни было обязательств перед обществом.

Каковы же были социальные корни и классовая сущность диктатуры Суллы? Несмотря на некоторые частные различия, мнение современных историков по этому вопросу нередко единодушно. Еще Моммзен считал Суллу сторонником и защитником сенатской олигархии, человеком «консервативного образа мыслей»¹⁹. Говоря

¹⁹ Т. Моммзен. История Рима, т. II М., 1937, стр. 323—324

о сулланской политике колонизации и наделения ветеранов землей, он рассматривал ее не только как стремление создать опору новому режиму, но и как попытку Суллы восстановить мелкое и среднее крестьянство, сближая таким образом позиции «умеренных консерваторов» с «партией реформы»²⁰. Эти мысли Моммзена оказались чрезвычайно «плодотворными»: они достаточно часто и почти без всяких изменений пропагандируются в современной западной историографии²¹. Пожалуй, наиболее своеобразную интерпретацию они получили в известной работе Каркопино, в которой автор приходит к выводу, что Сулла, проводя массовое и насильственное, по отношению к прежним владельцам, наделение ветеранов землей, осуществлял — и к тому же революционными методами! — аграрную реформу популяров²². Кстати, с точки зрения Каркопино, это — отнюдь не доказательство демократических симпатий или тенденций в политике Суллы, ибо Сулла никогда не защищал интересов той или иной социальной группировки, той или иной партии, но стоял над всеми партиями и группировками, преследуя лишь одну цель — установление монархического образа правления²³.

Среди советских историков мы не встретим, конечно, сторонников подобной точки зрения. Классовые позиции Суллы достаточно ясны и определяются вполне четко: он был ярким защитником интересов сенатской аристократии, созданная им конституция, возвращавшая Рим кстади сказать, к догракханским временам и направленная всем своим острием против демократических установлений, обеспечивала господство олигархии. По существу это была отчаянная — и уже безнадежная! — попытка восстановить мощь и значение обреченного, гибнущего класса. Эта попытка была предпринята новыми для Рима методами (опора на армию, диктатура), но во имя реставрации обветшалых уже норм и обычаев, она была предпринята «сильной личностью», но ради безнадежного дела. Все это предопределяло недолговечность и несо-

²⁰ Там же

²¹ См., например, Fröhlich, in RE, s v L Cornelius L f P. n. Sulla Felix (Hbd VII, Sp 1553)

²² J Carcopino. Sylla ou la monarchie manquée. Paris, 1931, p 60—61

²³ Ibid, p 26 sqq

вершенство возведенного Суллой здания на том гнилом фундаменте, который уже никак не мог его выдержать.

Что касается стремления некоторых историков найти какие-то элементы демократизма в сулланской «аграрной политике» и сопоставить ее с традициями популяров, то это возможно лишь при весьма поверхностном подходе. На самом же деле следует говорить о глубоком, принципиальном различии и целей, и общего направления аграрного законодательства. Если в традиции популяров — начиная с реформ Гракхов — основной целью было действительно «восстановление» крестьянства и, кстати, в первую очередь, для нужд армии, то теперь первоочередной задачей Суллы (а в дальнейшем и Цезаря!) было устройство демобилизуемой солдатской массы, которую следовало в данный момент как можно скорее распустить и обезопасить.

Несколько перефразируя слова одного историка, можно сказать, что Гракхи своими аграрными законами хотели создать крестьян, дабы иметь солдат; Сулла же, не желая иметь слишком много неудобных и требовательных солдат, пытался создать крестьян.

Завершение политической карьеры Суллы было совершенно неожиданным. Этот человек, который еще своим современникам часто казался непонятным, загадочным, совершил под конец своей жизни поступок, задавший нелегкую задачу всем последующим историкам и до сих пор интерпретируемый ими самым различным образом. В 79 г. Сулла добровольно сложил полномочия диктатора, отрекся от власти.

Отречение было проведено чрезвычайно эффектно. В своей речи перед народом вчерашний самодержец заявил, что слагает с себя все полномочия, удаляется в частную жизнь и готов дать каждому, кто у него потребует, полный отчет в своих действиях. Никто не осмелился задать ему ни одного вопроса. Тогда Сулла, распустив своих ликторов и телохранителей, сошел с трибуны и, пройдя через расступившуюся перед ним в молчании толпу, пешком, в сопровождении лишь нескольких друзей направился домой.

Он прожил немногим более года после своего отречения. Этот последний год он провел в своем куманском поместье, где занимался писанием мемуаров, охотой, рыбной ловлей, а также — по примеру своей молодости — пирами в обществе актеров и мимов.

В 78 г. Сулла умер от какой-то странной болезни, о которой древние авторы сообщают самые фантастические сведения. Похоронные торжества были небывалыми по своим масштабам и пышности. Тело покойного диктатора везли по всей Италии и доставили в Рим. Он покоился на золотом ложе, в царском облачении. За ложем следовала масса трубачей, всадников и прочая толпа пешком. Ветераны, служившие под начальством Суллы, стекались отовсюду; в полном вооружении они пристраивались к похоронной процессии.

Особенно торжественный и пышный характер приобрела процессия, когда она подошла к городским воротам Рима. Было пронесено более 2000 золотых венков — дары от городов и служивших под командою Суллы легионов. Из страха, как говорили сами римляне, перед собравшимся войском тело сопровождали все жрецы и жрицы по отдельным коллегиям, весь сенат, все магистраты с отличительными знаками их власти. Огромное количество трубачей играло похоронные песни и марши. Громкие причитания произносили поочередно сенаторы и всадники, затем войско, а затем и остальной народ, причем некоторые искренне скорбят о Сулле. Траурный костер был разложен на Марсовом поле, где до этого хоронили лишь царей. В заключение нашего описания предоставим слово Плутарху. «День с утра выдался пасмурный,— говорит он,— ждали дождя, и погребальная процессия двинулась только в девятом часу. Но сильный ветер неожиданно раздул костер, вспыхнуло жаркое пламя, которое и охватило труп целиком. Когда костер уже угасал и огня почти не осталось, хлынул ливень, не прекращавшийся до самой ночи, так что счастье, можно сказать, не покинуло Суллу даже на похоронах»²⁴. Таков был конец первого римского императора — Луция Корнелия Суллы, названного Счастливым.

²⁴ P l u t., Sulla, 38.

Восстание Спартака

Восстание рабов, под руководством Спартака, или, как называли его современники, «рабская война» (*bellum servile*), — одно из самых грандиозных движений угнетенных в древности. Пример этого движения оказался настолько ярким и впечатляющим, что отзвуки его дошли вплоть до нашего времени: не говоря уже о том, что Спартак выступает в роли героя ряда литературных произведений (пьес и романов), имя вождя великого восстания присвоила себе в начале текущего столетия организация немецких революционеров-марксистов, порвавшая с социал-демократией (1916 г.) и положившая, как известно, начало Коммунистической партии Германии.

Нам приходилось уже в общих чертах говорить о положении рабов в Риме¹. Сейчас следует, видимо, подчеркнуть лишь то обстоятельство, что, чем значительнее становилось число рабов и чем глубже проникал рабский труд в различные отрасли римского хозяйства, тем в большей степени рабы превращались в значимую социальную (и политическую) силу. Обостряются противоречия между рабами и их владельцами. Римские историки все чаще упоминают о таких формах борьбы и протеста рабов, как бегство, убийство господ и уничтожение их имущества, как использование рабов в ходе борьбы политических группировок или отдельных политических деятелей. Само собой разумеется, что высшей формой этой борьбы следует считать восстания рабов, их вооруженные выступления.

Сначала это были отдельные и разрозненные вспышки, как, например, заговор рабов во время второй Пунической войны, о котором кратко, без всяких подробностей упоминает Тит Ливий². Более детально тот же Ливий

¹ См выше, стр 12—13

² L i v., XXII, 33

сообщает про заговор рабов в римской колонии Сетии (Лациум). Заговор окончился неудачей в результате того, что нашлось два предателя. Он был раскрыт, подавлен, до 500 его участников казнены (198 г.)³. Еще более крупное движение рабов возникло в 196 г. в Этрурии, где дело дошло до открытого восстания. Для его подавления римлянам пришлось направить в Этрурию целый легион регулярных войск⁴. И наконец, в 185 г. восстали рабы-пастухи в Апулии. Движение подавлял претор Постумий, который приговорил к смерти 7 тыс. человек, но казнить всех не смог по той лишь причине, что «многие бежали»⁵. Все эти, несомненно, разраставшиеся движения носили все же еще местный, «локальный» характер, пока не вспыхнул грандиозный пожар первой «рабской войны», охватившей территорию всей Сицилии.

Восстание началось, видимо, в 138 г. (или в 136 г.) и продолжалось вплоть до 132 г. Сицилия (наряду с Африкой) давно считалась житницей Италии. Она поставляла главным образом зерновой хлеб, на который население италийских городов, и в первую очередь Рима, предъявляло большой спрос. Кроме того, Сицилия уже в самой древности считалась классической страной рабовладения. Основным источником наших сведений по сицилийским восстаниям — Диодор — говорил, что в Сицилии было такое количество рабов, которое даже знавшим об этом казалось невероятным и преувеличенным.

Движение в Сицилии началось с заговора, возникшего в имении крупного рабовладельца Дамофила, известного крайне жестоким обращением со своими рабами. Вначале число восставших было невелико — около 400 чел., но затем, когда рабы внезапно ворвались в город Энну и овладели им, восстание начало быстро разрастаться. Во главе восставших оказался талантливый организатор — раб-сириец Евн, который был под именем Антиоха провозглашен царем. Вскоре возник второй крупный очаг восстания в районе Агригента. Здесь выдвинулся другой вождь — бывший киликийский пастух и пират Клеон. Он добровольно признал главенство Евна, и по мере роста

³ Ibid, XXXII, 26

⁴ Ibid, XXXIII, 36

⁵ Ibid, XXXIX, 29.

движения оба очага объединились. Число участников восстания дошло до 200 тыс. Впервые в истории возникло царство, созданное рабами, которое, — поскольку в нем численно преобладали рабы-сирийцы, — было названо Новосирийским царством.

Римским властям пришлось приложить немало усилий для ликвидации движения. Несколько крупных отрядов римских войск не смогли справиться с этой задачей и потерпели полное поражение. Только когда против восставших были направлены консульские армии, движение — с большим трудом и крупными потерями — удалось подавить. Отзвуки восстания прокатились по всему греко-римскому миру; древние авторы упоминают об отдельных вспышках и выступлениях рабов в ряде городов Италии (Рим, Минтурны, Синуесса), а также в Аттике и на Делосе.

По свидетельству того же Диодора, через неполных тридцать лет после разгрома Новосирийского царства в Сицилии вспыхнуло новое восстание рабов (104—101 гг.). В разных частях острова образовалось несколько очагов движения. Из них наиболее важным оказался восточный, где выступил на сцену энергичный и даровитый вождь рабов Сальвий. Он был избран царем и принял имя Трифона.

Второй крупный очаг движения возник в западной части острова, около города Лилибея. Здесь выдвинулся другой вождь рабов — киликиец Афинион. Оба вождя движения объединили свои силы, и снова почти вся Сицилия оказалась под властью рабов. Их борьба с римскими войсками была долгой и упорной, и только консулу Манию Аквилию, опытному полководцу, коллеге Мария, удалось добиться решительного перелома. Армия восставших была разбита в большом сражении, а Афинион пал (Трифон умер раньше) якобы в единоборстве с самим Аквилием.

Таков был исход и этого второго восстания рабов в Сицилии. Давно уже замечено, что оно чрезвычайно похоже на первое. Это обстоятельство дало основание ряду исследователей предположить, что рассказ о нем лишь искусственно дублирует и варьирует события более раннего восстания. Прием удвоения событий для античной историографии, конечно, не нов, он мог быть применен и в данном случае. Однако если считать, как это

принято многими исследователями, что сведения, сообщаемые нам Диодором, восходят к Посидонию (который продолжил исторический труд Полибия), то предположение, что рассказ о втором сицилийском восстании есть лишь литературная реминисценция, представляется маловероятным: Посидоний был современником описываемых им событий.

Все упомянутые выше выступления рабов следует, конечно, рассматривать лишь как некую прелюдию к тому великому восстанию, которое советские историки давно и справедливо считают наиболее ярким проявлением классовой борьбы в древности,— к восстанию рабов под руководством Спартака. Но прежде чем перейти непосредственно к этому сюжету, следует оговориться: в данном случае нас будет интересовать не только самый факт восстания, но не в меньшей, если только не в большей, степени оценка этого исторического факта в современной историографии. Дело в том, что восстание Спартака долгое время — и это вполне закономерно — находилось в центре внимания советских историков древности. Был высказан ряд оценок и выводов. Однако эти выводы в свою очередь находились в прямой зависимости от более общего тезиса о «революции рабов». Поэтому они нуждаются в объективном научном пересмотре. Однако едва ли следует начинать с выводов и итогов — остановимся сначала, хотя бы в общих чертах, на фактической стороне событий.

Восстание Спартака датируется обычно 75 (или 73) — 71 гг. Оно возникло — как и многие движения этого рода — из заговора сравнительно небольшой группы рабов. В городе Капуе, в одной из гладиаторских школ, принадлежавшей некоему Лентулу Батиату, составил заговор, в котором приняло участие до 200 рабов-гладиаторов. Заговор был раскрыт, но небольшой группе из 78 человек удалось бежать из города. Они обосновались на горе Везувий и избрали из своей среды трех вождей: Спартака, Крикса, Эномая.

О последних двух вождях восстания нам ничего не известно, кроме предположения, что они были галлогерманцами. О Спартаке кое-какие биографические данные сохранились. Он происходил, видимо, из Фракии, служил когда-то в римских войсках, но затем бежал, был схвачен и отдан в гладиаторы. За свою храбрость он

получил свободу, после чего был принят в гладиаторскую школу Батиата преподавателем фехтования.

Спартак, несомненно, был наиболее выдающимся из этих трех вождей восстания. Он обладал блестящими способностями организатора и военачальника. Эти его качества вынуждены были отмечать еще древние авторы. Плутарх говорил, что Спартак отличался не только отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера «более походил на образованного эллина, чем на человека его племени»⁶. Саллюстий характеризовал Спартака как человека «выдающегося и физическими силами, и духом»⁷. Что касается историков более близкого к нам времени, то известна пользовавшаяся долгое время довольно широким признанием гипотеза Моммзена, согласно которой вождь восстания рабов происходил из царского рода Спартокидов. И наконец, чрезвычайно интересен отзыв о Спартаке К. Маркса (в одном из его писем к Ф. Энгельсу): «Великий генерал..., благородный характер, истинный представитель античного пролетариата»⁸.

Вначале в Риме не придали большого значения заговору и бегству гладиаторов, тем более что в это время шла новая (так называемая третья) война с Митридатом. Но силы Спартака быстро росли. К нему стали присоединяться другие гладиаторы, рабы и разорившиеся крестьяне. В скором времени Спартаку удалось собрать и вооружить довольно большое войско. Тогда против восставших был послан претор Клодий (по другим сведениям, некто Вариний Глабр) с трехтысячным отрядом. Римляне заняли единственный спуск с горы, и путь рабам, казалось, был отрезан. Но тут впервые проявился в полном блеске военный гений Спартака. По его приказу рабы сплели канаты из виноградных лоз и лестницы из ивовых прутьев и с их помощью спустились ночью в тыл врага. Захваченный врасплох отряд Клодия был разгромлен, а вскоре Спартак разбил войска другого претора — Вариния, взяв в плен его ликторов и захватив его коня. Теперь Спартак, по выражению Плутарха, «стал уже великой и грозной силой»⁹. Движение продолжало разрастаться.

⁶ Plut., Crass., 8

⁷ Sall., Hist. (ex Liv. suppl., XCV, 2)

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 30, стр. 126

⁹ Plut., Crass., 9

На сторону восставших начали перебегать даже солдаты. Армия Спартака насчитывала теперь несколько тысяч человек. Вскоре вся Южная Италия была охвачена восстанием.

Однако в это время среди восставших начались разногласия. Причины их нам не известны. Сами древние историки объясняли их тем, что в армии Спартака были рабы из разных племен — фракийцы, греки, галлы, германцы. Моммзен в свое время присоединился к этой точке зрения, хотя считал, что еще опаснее для движения, чем племенная рознь, было отсутствие определенного плана и цели¹⁰. В советской историографии разногласия между восставшими объяснялись в первую очередь разнородностью социального состава и интересов восставших¹¹. Но все это — лишь предположения историков как старых, так и новых. Как бы то ни было, нам известно, что значительная часть восставших во главе со Спартаком направилась к северу Италии, с тем чтобы, перейдя Альпы, вернуться на свою родину — в Галлию и Фракию. Однако от этой основной массы откололись отряды Крикса и Эномая; эти вожди, видимо, хотели остаться в богатой Италии и даже помышляли о походе на Рим.

В 72 г. сенат выслал против восставших армии обоих консулов. одному из них удалось в Апулии, около горы Гарган, разбить десятитысячный отряд Крикса, причем сам Крикс пал в бою. Судьба Эномая нам точно не известна; вероятно, он погиб при сходных обстоятельствах (причем раньше, чем Крикс). Спартак же продолжал победоносно продвигаться к северу Италии. Около североитальянского города Мутины он одержал блестящую победу над Кассием, бывшим в то время наместником Галлии.

Весьма возможно, что в связи с этими успехами Спартак отказался от первоначального плана. И хотя после победы при Мутине дорога через Альпы лежала открытой, он со своим войском повернул обратно в Италию. Однако и на сей раз причины изменения первоначального плана похода нам в точности не известны.

Это был момент наивысших успехов Спартака. Его армия выросла, как уверяют некоторые древние авторы,

¹⁰ Т. Моммзен. История Рима, т III М., 1941, стр 72—73

¹¹ А. В. Мишулин Спартакское восстание М., 1936, стр 134 слл

до 120 тыс. человек. Внутри неё царилá довольно стрóгая дисциплина: военная добыча делилась поровну, по распоряжению Спартака, в армии запрещалось употребление золота и серебра. Победы над отборными римскими легионами, несомненно, воодушевляли восставших. Тем более, что, когда Спартак после Мутины направился в Среднюю Италию, ему удалось в Пицене поочередно разбить армии обоих консулов.

В Риме началась настоящая паника. Пожалуй, такого страха там не испытывали со времен нашествия Ганнибала. Сенат наделил чрезвычайными полномочиями и направил на борьбу против Спартака известного римского богача Марка Лициния Красса, поставив его во главе шести легионов.

Красс был вынужден сразу же прибегнуть к чрезвычайным мерам. Дело в том, что посланный им в обход войск Спартака крупный отряд ввязался вопреки его приказу в бой и потерпел чувствительное поражение. Часть воинов спаслась позорным бегством, побросав оружие. Тогда отряд был подвергнут старинному и жестокому наказанию, так называемой децимации. Весь отряд был построен, и каждый десятый воин по фронту подвергнут казни на глазах своих товарищей. Но и эти решительные меры не очень помогли, и дела Красса вначале шли настолько неудачно, что он сам просил сенат прислать ему на помощь прославленных полководцев — Лукулла и Помпея.

Спартак тем временем, минуя Рим, двигался снова в Южную Италию. Теперь у него возник план переправы в Сицилию, где, как известно, сравнительно недавно также бушевала «рабская война» и где сам Спартак и его армия могли надеяться на поддержку. Но переправа в Сицилию не удалась. Пираты, обещавшие Спартаку доставить флот, не выполнили своего обещания, а плоты, построенные самими рабами, разбило и разметало бурей. Положение Спартака становилось тяжелым, тем более что сюда подоспел со своей армией Красс, стремившийся запереть Спартака на южной оконечности полуострова. Для достижения этой цели Красс велел прорыть глубокий ров через весь перешеек — от моря до моря. Армия Спартака, таким образом, оказалась отрезанной.

Но здесь снова проявились в полном блеске военные таланты и находчивость Спартака. В одну темную и

бурную ночь, заполнив какой-то участок рва землей, хвостом, трупами лошадей и телами убитых римлян, Спартак перевел через ров свою армию и направился к Брундизию, из гавани которого было легче всего переправиться на Балканский полуостров. В этот напряженный момент среди восставших опять начались разногласия. От армии откололся довольно крупный отряд, избравший своими руководителями Ганника и Каста. Однако, как и в начале восстания, отколовшийся отряд в скором времени был разгромлен римлянами.

Предстояло решающее сражение. На помощь Крассу уже двигались Лукулл и Помпей. Воспрянувший духом Красс сам теперь стремился к битве, дабы не делить чести победы над Спартаком с другими полководцами. Он сожалел о том, что просил сенат выслать их на помощь. Со своей стороны и Спартак тоже предпочитал померяться силами с Крассом, пока к тому еще не подоспели подкрепления.

Последнее крупное сражение произошло в Апулии в 71 г. Как рассказывает Плутарх, перед началом боя Спартаку подвели коня, но он, выхватив меч, убил его и сказал, что в случае победы у него не будет недостатка в самых лучших конях, а в случае поражения ему вообще не понадобится никакой конь¹². В упорной и кровопролитной битве армия Спартака потерпела поражение; сам Спартак, геройски сражаясь, пал на поле боя. Одному из больших отрядов рабов удалось прорваться к северу, но здесь его встретил и разгромил Помпей, который затем похвалялся, что вырвал таким путем самый корень «рабской войны». Шесть тысяч рабов в знак мести и торжества победителей распяли на крестах, расставленных по дороге, ведущей из Капуи — города, где началось восстание, — до Рима. Восстание было подавлено, потоплено в крови, но отдельные отряды и группы восставших рабов бродили по Италии еще несколько лет.

Таков итог движения. Восстание рабов под руководством Спартака, как и предшествующие ему выступления в Сицилии или других частях Римской державы, окончилось полным поражением. Это, конечно, не было случайным явлением. Вот почему у историка, который стоит перед неизбежностью оценок, возникает целый ряд воп-

¹² Plut., Crass., 11.

росов, требующих предварительного разъяснения. Могли ли выступления рабов иметь какие-то объективные шансы на успех? Носили ли эти движения чисто стихийный характер? Были ли рабы революционным элементом римского общества? И наконец, каково историческое значение восстаний рабов в древности?

Для ответа на эти вопросы остановимся на тех оценках движения Спартака, которые существовали в советской историографии. Для этого придется вернуться к понятию «революция рабов». Под гипнозом данной формулы советские историки древности упорно искали эту революцию либо в рабских движениях II—I вв. до н. э. (т. е. в первую очередь именно в восстании Спартака), либо в событиях, связанных с падением Западной Римской империи. Но в обоих случаях они оказывались в чрезвычайно затруднительном положении: те, кто говорил о революции рабов во II—I вв. до н. э., не могли удовлетворительно объяснить дальнейшее существование Римской державы и вынуждены были уверять, что вся история Римской империи есть история сплошного, затянувшегося более чем на пять веков кризиса. Те же, кто говорил о революции рабов в V в. н. э., были в не меньшем затруднении, ибо никаких революционных выступлений рабов в это время не происходило (даже если учитывать такие события, как движение багаудов, агонистиков и т. п.).

В поисках выхода из создавшегося затруднительного положения была сделана попытка синтезировать обе точки зрения. Таким образом возникла концепция двухэтапной революции, которую наиболее полно развивал в свое время С. И. Ковалев.

«Мы можем установить,— писал он,— две фазы революции рабов. Первая — это гражданские войны II—I вв. до н. э. Они падают на столетие между 136 и 36 гг. до н. э. В 136 г. началось первое сицилийское восстание рабов, а в 36 г. было разрушено государство рабов и пиратов Секста Помпея. Борьба Октавиана и Антония, закончившаяся в 30 г. гибелью этого последнего, была только несущественным заключительным эпизодом. После этого наступает период относительной стабилизации, так как рабовладельцам удалось разгромить революцию. Но так как процессы экономического распада рабовладельческого общества и обострения всех его социальных про-

тиворечий продолжались, то с конца II в. н. э. начинается новый взрыв революции. Она продолжается до самого V в., прерываясь короткими периодами весьма относительной стабилизации; такие периоды делаются все короче и короче, и, в конце концов, римское общество гибнет под совместными ударами революции и «варварского» завоевания, которое являлось только обратной стороной революции»¹³.

Далее С. И. Ковалев указывает на то, что длительность периода, на который растянулась революция рабов, объясняется общим характером рабовладельческого общества и самой революции. Если, например, буржуазная революция во Франции продолжалась чуть ли не сто лет, то нет ничего удивительного в том, что революция рабов растянулась на несколько столетий¹⁴.

Указанные две фазы «революции рабов» различаются между собою. Во время первой фазы еще не было достигнуто объединение рабов и свободной бедноты, тогда как ко времени второй фазы образовался «единый фронт» революционных сил римского общества — некий блок рабов, колонов и «варваров». Попутно с этим С. И. Ковалев намечает три линии социальных противоречий: между рабами и рабовладельцами, внутри класса рабовладельцев и между гражданами и негражданами. Три линии противоречий соответствуют, по его мнению, трем линиям развития революции¹⁵.

В дальнейшем С. И. Ковалев отошел от своей концепции двухэтапной революции. В более поздних работах он уже утверждает, что пражданские войны в Риме во II—I вв. до н. э. не могут считаться революцией, ибо истинное, марксистско-ленинское понимание этого термина включает в себя следующие моменты: вооруженное восстание, захват политической власти, смена способа производства. Кроме того, революция, подчеркивает С. И. Ковалев, не может происходить в том случае, если общественный строй, против которого она направлена, переживает период роста, расцвета.

Именно из-за отсутствия этого последнего признака все движения II—I вв. до н. э. не могут считаться рево-

¹³ С. И. Ковалев История античного общества Эллинизм. Рим. Л., 1936, стр. 164—165

¹⁴ Там же, стр. 165

¹⁵ Там же, стр. 165—167

люцией. Это были революционные выступления — и восстания рабов, и движение италиков, но в подлинную революцию они не переросли и перерасти не могли. Подобное перерастание осуществилось лишь в эпоху поздней империи, когда, наконец, и произошла революция рабов и колонов, которая вместе с варварским завоеванием положила конец античному обществу¹⁶.

Поиски несуществующей революции рабов приводили не только к искусственным схемам и натяжкам, но и к явной модернизации. Так, А. В. Мишулин, специально занимавшийся изучением восстания Спартака, тоже фактически признавал две фазы революции рабов. Он писал: «Спартакосская революция как первая фаза революции рабов потерпела поражение, но огромные последствия ее сказались решающим образом на дальнейшем развитии Римской республики. Спартакосская революция вызвала контрреволюцию Цезаря, которая определила переход от республиканского строя к монархии. Рабовладельческий класс, господство которого было надломлено революцией, был вынужден для сохранения власти перейти к военной диктатуре. Это привело позднее к новому обострению классовой борьбы, к новой революции рабов и крестьянства, которая в IV—V вв. окончательно ликвидирует рабовладельческую систему хозяйства»¹⁷.

А. В. Мишулин вообще чрезвычайно модернизировал и переоценивал задачи, цели и сознательно-революционные моменты восстания Спартака. Например, он считал, что «выступление Спартака за освобождение рабов означало борьбу за разрушение рабства и, следовательно, рабовладельческой собственности»¹⁸. А несколько ниже он утверждал: «По разрешении этой задачи рабы становились пролетариями, и создавались предпосылки для более высокой стадии классовой борьбы, ставящей своей задачей уничтожение всякой частной собственности, ликвидацию капиталистического строя. Революция рабов была необходимым историческим звеном в борьбе за окончательную ликвидацию эксплуатации человека человеком»¹⁹.

¹⁶ С. И. Ковалев История Рима Л., 1948, стр. 337

¹⁷ А. В. Мишулин Спартакосское восстание, стр. 181.

¹⁸ Там же, стр. 40.

¹⁹ Там же.

Исходя из этих своих общих воззрений на революцию рабов, А. В. Мишулин невольно «подкрашивал» римских рабов под современный пролетариат. Он неоднократно говорит о рабах как о классе-гегемоне, выдвигает проблему «союза» между рабами и беднейшим крестьянством.

Эта проблема в построении А. В. Мишулина играет немалую роль—при ее помощи объясняются причины поражения революции. Спартаковская революция, по мнению А. В. Мишулина, должна была удовлетворить интересы и восставших рабов, и крестьянства. Однако эти интересы не совпадали: рабы стремились освободиться от рабства, а по утверждению, высказанному выше, даже от рабовладельческой системы как таковой; крестьяне же были заинтересованы лишь в возвращении экспроприированной у них земельной собственности, в переделе земли. Различие двух задач движения, непонимание крестьянством того факта, что «разрешение всех вопросов крестьянской революции неотделимо от задачи ликвидации рабовладельческой системы хозяйства, ликвидации рабства», предопределило разногласия и раскол в движении Спартака, а в конечном счете и неудачу самого движения. «Именно это обстоятельство и не обеспечивало надлежащих условий для надежных и крепких форм смычки восстания рабов с аграрной революцией крестьянства». Или в другом месте: «Движению стала угрожать гибель именно потому, что не было смычки этих двух эксплуатируемых классов древнего Рима»²⁰.

Таковы были попытки марксистской (как считалось в то время!) интерпретации римской истории с позиций «революции рабов». Наиболее парадоксальным в этих рассуждениях оказывалось то, что они находились в явном противоречии с высказываниями классиков марксизма-ленинизма относительно роли рабов. Мы имеем в виду известное указание К. Маркса о том, что классовая борьба в Риме происходила внутри привилегированного меньшинства, а рабы были лишь «пассивным пьедесталом» этой борьбы²¹, и развитие данной мысли В. И. Лениным в его лекции «О государстве»²².

²⁰ Там же, стр. 140—141, 189

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 16, стр. 375

²² В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 82.

Справедливость требует, однако, отметить, что уже во «Всемирной истории» восстание Спартака подвергалось более объективной, а потому имеющей более серьезные научные основания оценке. Было отмечено значение восстания для дальнейшего хода римской истории, причем как в его позитивном, так и в негативном аспекте. Например, говорилось, что, «с одной стороны, это восстание показало, что рабы не были еще в состоянии освободиться даже путем наивысшего напряжения сил». Не могли они также выработать четкую революционную программу и стремились не к отмене рабства вообще, но лишь к личному освобождению. С другой стороны, восстание наглядно доказало крайнее обострение классовых противоречий в римском обществе²³.

Каков же должен быть общий вывод относительно исторического значения движений рабов, и в частности восстания под руководством Спартака?

Само собой разумеется, что тезис о революции рабов не может выдержать серьезной критики. Что касается косвенно вытекающих из этого тезиса рассуждений о рабах как о классе-гегемоне, о союзе с беднейшим крестьянством, то все это не что иное, как явная и ничем не оправданная модернизация. Вопрос о классе-гегемоне, о классах ведущих и ведомых может встать, на наш взгляд, только в определенной исторической обстановке и только на соответствующем уровне развития классовой борьбы.

Поэтому не следует, как это делалось раньше под гипнозом формулы о революции рабов, переоценивать революционность и политическую сознательность рабов как класса или, например, считать, что переход от республики к империи чуть ли не целиком обусловлен восстанием Спартака.

Если отказаться от этих предвзятых взглядов, то историческая роль рабов и значение их борьбы отнюдь не будут принижены. Тем более, что следует сохранять определенное «равновесие»: отрицание революции рабов никак не означает (да и не должно означать!) отрицания всякой революционности рабов и их борьбы.

²³ См «Всемирная история», т II М., 1956, стр 371.

Мы уже говорили несколько раньше о различных формах этой борьбы²⁴. Бесспорно, что высшей формой были восстания рабов. Они носили всегда характер стихийных революционных выступлений. Подобное определение приложимо в равной степени как к ранним, эпизодическим выступлениям рабов, так и к сицилийским восстаниям, и, наконец, к восстанию Спартака. Стихийный характер всех этих движений — явление вполне закономерное, как раз обусловленное уровнем развития классово-социально-политической борьбы в античном обществе.

Отказываясь от тезиса о революции рабов, мы, тем не менее, полностью согласны с советскими исследователями, которые отмечали в свое время революционный характер борьбы рабов. Не следует только переоценивать классово-сознательную сторону этой борьбы. Поэтому нет серьезных оснований говорить о четкой и далеко идущей в смысле социальных требований «программе» рабов. История восстания Спартака, со всеми его конкретными особенностями, противоречиями и даже «расколами», достаточно ярко свидетельствует об отсутствии такой программы, как, впрочем, и об общем стихийном характере движения.

Следует также пересмотреть довольно широко распространенную точку зрения, согласно которой господствующий класс в результате выступлений рабов, и главным образом самого восстания Спартака, консолидируется с целью более решительного подавления рабов и переходит к формам «военной диктатуры», т. е., говоря иными словами, восстание Спартака оказывается основной причиной перехода от республики к империи.

Подобная концепция представляется нам совершенно неприемлемой прежде всего потому, что она не может быть доказана без явных натяжек и насилия над историческими фактами. Кроме того, в этой концепции существует некое внутреннее противоречие. Восстание Спартака — как, впрочем, и другие социальные движения — не могло привести к консолидации рабовладельцев, если под этой консолидацией понимать установление политической формы Римской империи, по той про-

²⁴ См выше, стр 28—29.

стой причине, что самый «переход» от республики к империи связан не с консолидацией господствующего класса, а, напротив, с его дальнейшей дифференциацией и с захватом политической власти новыми фракциями этого класса. Причем новые фракции были явно враждебны (во всяком случае, в период борьбы за власть!) старым группировкам. Все это не означает, что нельзя вообще говорить о консолидации господствующего класса.

Но об этом можно и следует говорить в несколько ином плане. В советской историографии уже отмечалось, что «труд надзора» за рабами из проблемы частной, семейной все в большей и большей степени становится проблемой государственной, что рабы из подданных только своих хозяев постепенно превращаются (хотя этот процесс не доходит до своего логического конца) в подданных государства. Подобная тенденция прослеживается в ряде мероприятий, имеющих отношение к «рабскому вопросу», вплоть до соответствующей политики Цезаря и Августа²⁵.

Наконец, следует остановиться еще на одном существенном вопросе, без понимания которого оценка движения рабов, и в частности восстания под руководством Спартака, не может, на наш взгляд, считаться достаточно полной.

До сих пор речь шла главным образом о выяснении характера великого восстания рабов, его места в истории античного общества, в истории классовой борьбы того времени. Потому его и следовало рассматривать в определенных исторических рамках и обстановке, на фоне современных самому восстанию событий, не «приукрашивая», не модернизируя, не выводя его в этом смысле за пределы эпохи.

Подобное рассмотрение — акт совершенно необходимый, но вместе с тем совершенно недостаточный. Ибо в восстании рабов под руководством Спартака, помимо его «локально-исторического» смысла и значения, есть еще и нечто иное — нечто непреходящее, общечеловеческое и — да не испугает нас это слово — всемирно-историческое. Оно заключается, на наш взгляд, в том, что в

²⁵ См. Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, стр. 250.

этом великом движении угнетаемые и бесправные — пусть стихийно, пусть без «программы», пусть даже не против рабства как такового! — поднялись на борьбу за завоевание, за достижение самого простого и самого великого общечеловеческого идеала всех времен — за *свободу*. Вот в этом юном, наивном, стихийном, неистовом порыве к свободе — вечное и непреходящее значение восстания Спартака, секрет благодарной памяти о нем потомков вплоть до наших дней.

Заговор Катилины

Поздним вечером 5 декабря 63 г. до н. э. консул Цицерон обратился к толпе, заполнившей форум и взволнованной слухами о только что раскрытом государственном заговоре, об аресте заговорщиков. Консул, известный своим пристрастием к риторическим и театральным эффектам, произнес одно лишь слово «vixerunt», что означает «они прожили» — обычный для римлян способ сообщения о чьей-либо смерти в смягченной, эвфемической форме. И действительно, несколько минут назад пять заговорщиков, пять римских граждан были по его приказанию удушены рукой палача. А еще через 150 лет другой любитель театральных эффектов — Плутарх — описал последующие события этого вечера, и в частности триумфальное возвращение Цицерона домой, в следующих выражениях: «Было уже темно, когда он через форум двинулся домой. Граждане не провожали его в безмолвии и строгом порядке, но на всем пути приветствовали криками, рукоплесканиями, называя спасителем и новым основателем Рима. Улицы и переулки освещались огнями факелов, выставленных чуть ли не в каждой двери. На крышах домов стояли женщины со светильниками, чтобы почтить и увидеть консула, который с торжеством возвращался к себе в блистательном сопровождении самых знаменитых людей города. Едва ли не все это были воины, которые не раз со славою завершали дальние и трудные походы, справляли триумфы и далеко раздвинули рубежи Римской державы и на суше, и на море, а теперь они единодушно говорили о том, что многим тогдашним полководцам римский народ был обязан богатством, добычей и могуществом, но спасением своим и спокойствием — одному лишь Цицерону, избавившему его от такой великой и грозной опасности»¹ Вскоре специальным решением народного собра-

¹ Plut., Cic., 22 (перевод С. П. Маркиша)

ния спасителю-консулу была вынесена благодарность и присвоено почетное наименование *pater patriae*, т. е. «отец отечества».

Торопливая и противозаконная казнь пяти видных участников заговора была предпоследним актом разыгравшейся драмы. Значительная часть сторонников Катилины покинула его лагерь, как только стала известна судьба Лентула, Цетега и других казненных. Исход движения был предрешен.

Кстати сказать, заговор Катилины может служить любопытной и даже поучительной иллюстрацией к вопросу о значении (и своеобразной судьбе) исторического факта. Казалось бы, немногие события древней истории так хорошо и так полно освещены в наших источниках, как этот заговор. Более того, не говоря уже о довольно многочисленных, но все же поздних сведениях и версиях, мы располагаем в данном случае — что можно считать исключительной удачей — подробными свидетельствами самих современников и даже участников событий. Один из таких современников — историк Саллюстий — посвятил заговору Катилины специальную монографию под таким именно названием. Другой современник — и не только современник, но одно из главных действующих лиц — консул (и знаменитый оратор) Цицерон, произнес четыре большие речи, в которых картина заговора обрисована с различными деталями и подробностями. Как известно, и исторический труд Саллюстия, и речи Цицерона сохранились до нашего времени. Чего же еще желать историку? Очевидно, ему следует лишь благодарить судьбу, что она создала столь редкую и столь благоприятную ситуацию для изучения, анализа и оценки того события, которое вошло в историю, как «заговор (или движение) Катилины».

Однако на самом деле все не так просто и ясно. Скорее даже наоборот. Хотя в данном случае мы, как уже сказано, располагаем свидетельствами современников, эти современники были одновременно злейшими врагами главной фигуры движения, т. е. Катилины (кстати сказать, современники, о которых идет речь — Цицерон и Саллюстий, — столь же яро ненавидели друг друга). Поэтому не приходится ожидать от них не только более или менее объективной характеристики Катилины и его сподвижников, но в целом ряде случаев, когда речь идет

о самом заговоре, фактическая сторона событий, а в еще большей степени оценка их значения, не заслуживают доверия. И так как враг, видимо, всегда имеет сказать больше и, как правило, убедительнее, чем любой доброжелатель, то все последующие авторы, касавшиеся в какой-то мере заговора Катилины (как, например, Плутарх, Аппиан, Дион Кассий), кладут те же густые, мрачные тени и на рассказ о движении в целом, и на портрет его вдохновителя. Очевидно преувеличены — во всяком случае, Цицероном — самые масштабы и «опасность» заговора. В ту богатую потрясениями эпоху заговор Катилины едва ли был более выдающимся, более «масштабным» явлением, чем восстание Лепида или движение Целия Руфа, которое иногда — и не без основания — сравнивают с событиями 63 г.

Таким образом, возникает своеобразная историческая aberrация, общая картина оказывается если не искаженной, то, во всяком случае, столь смутной и неясной, что новые, современные нашим дням исследователи почти с равным успехом и с равными по силе аргументами обосновывают диаметрально противоположные оценки движения. Так, в советской историографии существует точка зрения, согласно которой заговор Катилины — последнее движение радикальных элементов римской демократии (популяров)², но вместе с тем не менее решительно доказывается и тот тезис, что Катилина стремился к «свержению республики и установлению режима диктатуры»³. Обе точки зрения имеют своих сторонников и по сей день. Какую же из них все-таки можно считать более подкрепленной материалом источников, а потому и более гредпочтительной? Ограничивается ли решение проблемы только двумя вышеизложенными выводами? Очевидно, что ответ на подобные вопросы может и должен вытекать из какого-то собственного — и по мере сил, наиболее объективного — осмысления общей картины заговора.

Начнем с характеристики главных действующих лиц. «Луций Катилина, происходивший из знатного рода, при могучей духовной и физической силе отличался дурным и испорченным характером. Уже с юных лет его

² «История древнего мира», под редакцией В. И. Дьякова и С. И. Ковалева. М., 1956, стр. 566 слл.

³ А. В. Мишулин. История древнего Рима. М., 1946, стр. 109.

прельщали междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские распри, и в них он закалял себя смолоду. Физически крепкий, он невероятно легко переносил голод, холод и недосыпание. Морально смелый, он был коварным, непостоянным, лживым, неискренним, жадным до чужого, расточительным в своем, пылким в страстях; красноречия в нем было достаточно, благоразумия мало. Ненасытная душа его всегда жаждала чего-то беспредельного, невероятного, недостижимого»^{3а}.

Такова общая, а точнее говоря, предварительная, характеристика Саллюстия. Предварительная потому, что, обрисовав личные свойства Катилины, Саллюстий переходит затем к характеристике политической. Он изображает Катилину последователем Суллы, стремящимся захватить в свои руки единоличную власть (Саллюстий говорит даже о царской власти!) и готовым добиться этой цели не брезгуя никакими средствами⁴.

Более того, Саллюстий изображает Катилину как закономерное явление, как продукт разложения общественных нравов. Образ Катилины вырастает до некоего символа, олицетворения. Поэтому ему приписываются самые отвратительные пороки, даже преступления: соращение жрицы Весты, убийство собственного сына⁵. Неслучайно вокруг Катилины группируются все бесстыдники, сладострастники, кутилы, клятвопреступники. Таким образом, для Саллюстия Катилина и его единомышленники, а следовательно, и весь заговор как таковой, — явный и ужасающий пример морально-политической деградации, распада римского общества.

Цицерон в своих характеристиках Катилины не делает попытки подобных историко-философских обобщений. Однако небезынтересно отметить, что, выступая перед сенаторами, он акцентирует в первую очередь политические обвинения, тогда как в речах, произнесенных перед народом, подчеркиваются личные отрицательные качества и черты Катилины. Так, в первой катилинарии — как известно, произнесенной в сенате, — говорится о том, что если Тиберий Гракх был убит за то, что он стремился лишь незначительно изменить существующий государст-

^{3а} S a 11, Cat, 5 (перевод С П Гвоздева).

⁴ Ibidem

⁵ Ibid, 15.

венный строй, то как можно терпеть Катилину, жаждущего «весь мир затопить в крови и истребить в огне?»⁶. Несколько ниже выдвигается такое обвинение. «Теперь ты уже открыто посягаешь на все государство; обрекаешь на гибель и опустошение храмы бессмертных богов, городские жилища, жизнь всех нас, наконец, всю Италию»⁷. Конечно, Цицерон не упускает возможности коснуться и личных качеств своего врага, но в данной речи это делается лишь попутно, и оратор даже специально оговаривается, что он не хочет задерживаться на обвинениях подобного рода⁸.

В речах, обращенных к народу, наоборот, центр тяжести перенесен на персональную характеристику и обрисовку морального облика. Оратор утверждает, что во всей Италии нет такого «отравителя, гладиатора, бандита, разбойника, убийцы, поддельвателя завещаний, мошенника, кутилы, мота, прелюбодея, публичной женщины, совратителя молодежи, развратника и отщепенца», которые не признались бы в самых тесных дружеских отношениях с Катилиной. А он сам, т. е. Катилина, принимал участие в позорнейших прелюбодеяниях, разврате и даже в убийствах⁹. Он закалил себя постоянной тренировкой в преступлениях и все свои физические, а также нравственные силы тратил без оглядки на сладострастие и на самые дерзкие поступки¹⁰.

Что касается характеристики Катилины у более поздних авторов, то в своих общих чертах она совпадает с портретом, столь ярко нарисованным Саллюстием и Цицероном. Пожалуй, наиболее сдержанно характеризует Катилину Аппиан. Он отмечает его знатное происхождение, его психическую неуравновешенность, передает, как слух, версию об убийстве Катилиной своего собственного сына. Кроме того, Аппиан говорит, что Катилина был другом Суллы и «ревностнейшим сторонником его партии»¹¹. Характеристика Плутарха изобилует рядом весьма красочных, но, видимо, фантастических подробностей. Например, историк уверяет, что Катилина

⁶ Cic., In Cat., I, 1.

⁷ Ibid., I, 5, ср. I, 10

⁸ Ibid., I, 6

⁹ Ibid., II, 4

¹⁰ Ibid., II, 5

¹¹ App., B. c., 2, 2.

жил со своей незамужней дочерью, убил родного брата, который был в дальнейшем, по его же просьбе, включен Суллой в список проскрибированных. Не менее фантастична и такая деталь: заговорщики обменялись друг с другом клятвами, а для закрепления этих клятв якобы зарезали человека и отведали его мяса¹². В рассказе о заговоре еще более позднего автора — Диона Кассия — развернутой характеристики Катилины не содержится, хотя и повторяется маловероятная версия — правда, в более неопределенной форме — о взаимных клятвах заговорщиков и сопутствующем им кровавом ритуале¹³.

Таким образом, следует признать, что портрет Катилины создан еще его современниками, но современниками-врагами. Это весьма существенно. Потому-то сохранившийся и дошедший даже до нашего времени портрет, по существу говоря, не обладает живыми и реалистическими чертами, но скорее представляет собой идеальный образ злодея, построенный на основе ходовых для того времени штампов и канонов. Это становится особенно ясным, если обратиться к современным же характеристикам Цицерона.

Их сохранилось, строго говоря, совсем немного. Если исключить довольно яркие, но вместе с тем весьма специфичные «самохарактеристики», содержащиеся в речах, а главным образом в переписке Цицерона, то у нас остается такой сомнительный и принимаемый многими исследователями за значительно более позднее риторическое упражнение источник, как инвектива Саллюстия против Цицерона.

Она построена в общем по тому же канону, что и «образцовый портрет» Катилины. Сначала перечисляются личные качества и свойства Цицерона, вернее сказать, его пороки, — т. е. дается моральная характеристика. Цицерон оказывается человеком, взявшимся бог весть откуда, обрешившим с детства свое тело на удовлетворение желаний первого встречного и даже красноречие свое купившим у Пизона ценою потери целомудрия. Такова вся семья: жена — святотатка, нарушительница прав божественных и человеческих, дочь — развратница. Состоя-

¹² Plut., Cic., 10, cp. Sall., Cat., 22

¹³ Dio Cass., 30

ние он нажил грабежом и насилием, ибо откуда иначе у него были бы средства так роскошно отделать свои Тускуланское и Помпеянское поместья? ¹⁴ Общий вывод о моральном облике таков: ни одна часть тела этого человека не может считаться неопозоренной — язык полон пустословия, руки не насытятся грабежом, чрево — невоздержностью, а ноги приспособлены лишь к трусливому бегству; наиболее же постыдно то, о чем даже и говорить неприлично ¹⁵.

Затем идут обвинения политического характера. Снова подчеркивается, что Цицерон — чужак, выскочка (*homo novus*), его консульство оказывается уже чуть ли не причиной заговора и всех потрясений в государстве. Он обвиняется в лихоимстве; более того, утверждается, что тот, кто не желал дать ему взятку, тот именно и считался участником заговора и злоумышленником против сената ¹⁶. Далее говорится, что Цицерон — перебежчик от одной партии к другой, причем в любом случае вероломен, да и ныне он служит опорой тем, кого сам ранее именовал тиранами, а тех, перед кем преклонялся и раболепствовал, называет теперь безумными. Во время его консульства господствовал произвол, от которого зависели и жизнь и смерть граждан, права вольности были попорчены. В заключение консульство Цицерона — по существу, а не по названию — сравнивается даже с диктатурой Суллы ¹⁷.

Подобные преувеличения не должны нас удивлять. Они относятся к тем же канонам и приемам создания портретов «образцового злодея» (или, наоборот, «образцового героя») и характерны для риторических упражнений на заданную тему. Поэтому в данном случае нам действительно неважно, насколько «облик» Цицерона, набросанный в инвективе, близок к подлинному, как неважно и то, в какой мере можно считать подлинной самую инвективу, т. е. принадлежит ли она, как говорит традиция, Саллюстию или представляет собой значительно более позднее упражнение в риторическом красноречии.

¹⁴ S a 1 1, Declam in Cic, 1—2

¹⁵ Ibid, 3.

¹⁶ Ibid, 2

¹⁷ Ibid, 3—4.

Характеристики Цицерона, встречающиеся у Аппиана или Плутарха, выдержаны в гораздо более спокойных тонах. Говоря о незнатности происхождения Цицерона, Аппиан подчеркивает, например, что этим обстоятельством пользовался Катилина для издевательств над своим врагом¹⁸. Сам же Аппиан отзывается о Цицероне положительно, считая его не только выдающимся оратором, но и государственным деятелем, оказавшим во время своего консульства величайшие услуги родному городу¹⁹. Правда, он не одобряет его униженного, растерянного и даже трусливого поведения во время борьбы с Клодием, но и здесь он несколько смягчает свое ироническое отношение ссылкой на аналогичный случай с Демосфеном²⁰.

Плутарх в биографии Цицерона не дает где-либо в одном месте развернутой характеристики своего героя, однако по всей биографии рассыпаны отдельные, иногда мелкие, но все же достаточно характерные черты. В общем Плутарх положительного мнения о Цицероне как о государственном деятеле: ему принадлежит приводившееся выше описание «триумфального шествия» Цицерона после казни заговорщиков, в чрезвычайно сочувственном тоне описывается и наместничество в Киликии, и взаимоотношения с населением²¹. Достаточно высокого мнения автор о Цицероне как об ораторе и о философе. Критические же замечания и оценки идут, пожалуй, по следующим двум направлениям: Цицерону ставится в вину отсутствие мужества (защита Росция, колебания по поводу приговора катилинариям, поведение перед и во время изгнания, растерянность при защите Милона и т. п.)²², а также чрезмерное честолюбие и самовосхваление (начиная с его управления Сицилией после квестуры и вплоть до последних дней борьбы с Антонием)²³. Эти же черты, кстати сказать, подчеркиваются Плутархом в заключительных главах биографии (т. е. при сопоставлении с Демосфеном).

¹⁸ App, V c., 2, 2

¹⁹ Ibid, 2, 7, cр 4, 20

²⁰ Ibid, 2, 15

²¹ Plut, Cic, 36

²² Ibid, 3, 19, 30—32, 35, 42

²³ Ibid, 6, 24—25, 33, 46

Таковы отзывы современников или историков, живших несколько позднее, но бывших все же представителями античной историографии, о двух интересующих нас главных героях развернувшейся в это время напряженной политической борьбы. Не будем торопиться с окончательными выводами и оценками, ознакомимся прежде — хотя бы в самых общих чертах — с ходом заговора.

Прежде всего следует отметить, что глава движения — Катилина был вынужден перейти к «антиконституционным» действиям в силу стечения ряда неблагоприятных обстоятельств. Его политическая карьера была бы вполне обычной и даже стандартной карьерой молодого знатного римлянина, если бы не целая цепь неудач, исключительное «невезение». Сначала все шло более или менее благополучно. Молодой, но уже видный сулланец, аристократ, он не был даже особенно скомпрометирован судебным делом, возбужденным против него по обвинению в кощунственной связи с весталкой Фабией (которая, кстати говоря, была сестрой жены Цицерона) — обстоятельство, проливающее некоторый дополнительный свет на взаимоотношения между самим Цицероном и Катилиной), ибо благодаря защите видного деятеля сенатской партии Кв. Лутация Катула он был оправдан. В 68 г. Катилина — претор, после чего он получает в управление провинцию Африку. Вернувшись в 66 г. в Рим, он выставляет свою кандидатуру на занятие консульской должности (на предстоящий 65-й год) и тут впервые терпит неудачу. Специальная делегация из Африки явилась в сенат с жалобой на бывшего наместника, обвиняя его в притеснении и лихоимстве. В этой ситуации кандидатура Катилины не могла оставаться в списке претендентов.

Консулами на 65 г. были избраны Публий Автроний Пет и Публий Корнелий Сулла (разбогатевший во время проскрипций родственник диктатора). Однако вскоре после своего избрания они были обвинены в подкупе избирателей и осуждены по соответствующему закону Кальпурния. Выборы были кассированы, а на вновь назначенных в консулы прошли конкуренты осужденных Луций Манлий Торкват и Луций Аврелий Котта.

Эти события послужили, видимо, причиной возникновения так называемого «первого заговора» Катилины.

В нем принимали участие, помимо самого Катилины, Автроний, Сулла, Кальпурний Пизон, а по некоторым сведениям даже Красс и Цезарь. По плану заговорщиков новые консулы в день вступления в должность (т. е. 1. I 65 г.), должны были быть умерщвлены, Автроний и Сулла восстановлены в своих правах, а Красс намечался чуть ли не в диктаторы. Однако он же и подвел всех остальных заговорщиков, не явившись в условленный день на заседание сената. Выступление было перенесено на другой срок, но и на сей раз оно оказалось сорванным, так как Катилина якобы подал знак собиравшимся возле курии заговорщикам слишком рано, не дождав-шись полного сбора.

Против заговорщиков не последовало никаких репрессий. Часто это объясняют тем, что в их среде находились такие влиятельные и видные политические деятели, как Красс и Цезарь. Это — явная натяжка. Во-первых, Цезарь в то время еще не был ни видным, ни влиятельным деятелем. Да и Красс не представлял столь уж грозной силы, тем более что он был в довольно натянутых отношениях с Помпеем (в дальнейшем эти отношения еще более ухудшились) и потому сторонники последнего его не поддерживали. Скорее всего, заговору не было придано серьезного значения по самой простой и естественной причине: он этого и не заслуживал. Сомнителен даже самый факт «заговора». Весьма вероятно, что развернутая версия о «первом заговоре» (с участием Красса, Цезаря и т. п.) возникла довольно поздно, т. е. после подавления подлинного заговора, и то не сразу; недаром она впервые встречается у Светония и ее не используют более ранние авторы.

В 65 г. Катилина был привлечен к суду по жалобе африканских делегаций, и хотя в конечном счете оказался снова оправданным, судебная процедура затянулась настолько, что он лишился возможности участвовать в консульских выборах и на 64 г. Что же касается его оправдания, то Цицерон, который собирался выступать на процессе в качестве защитника, вместе с тем говорил, что признать Катилину невиновным равносильно признанию того, что в полдень не светло.

Как бы то ни было, Катилина уже вторично потерпел неудачу с выборами. Однако это обстоятельство его не обескуражило, и он, ведя подготовку к выборам на

63 г., выдвинул свой знаменитый лозунг: отмена всех долгов (*tabulae novae*). Это был смелый шаг. Он привлекает к Катилине, имя которого приобрело теперь широкую популярность, приверженцев из самых различных слоев римского общества: промотавшихся аристократов, обремененную долгами «золотую молодежь», разорившихся ветеранов Суллы, обезземеленных крестьян, деклассированное население города.

В разгар предвыборной кампании, летом 64 г Катилина собирает в доме Марка Леки своих наиболее видных сторонников. По словам Саллюстия, здесь присутствовали представители как высшего, senatorского, так и всаднического сословия, кроме того — многочисленные представители муниципиев и колоний. В Риме распространился слух о благосклонном отношении Красса к этому новому заговору²⁴.

Катилина, обратившись с речью к собравшимся, пытался всячески их воодушевить, вновь обещая кассацию долгов, проскрипции богачей, магистратские и жреческие должности. В заключение он заявил, что Пизон, находящийся с войском в ближней Испании, и Публий Ситтий Нуцерин в Мавретании разделяют все только что перечисленные пункты программы, как и его друг Гай Антоний, который, судя по всему, будет вместе с ним, Катилиной, избран консулом²⁵.

На консульских выборах (на 63 г.) соревновались между собой семь претендентов. Однако наибольшие шансы были у Катилины и Антония. Более или менее серьезным претендентом был еще Марк Туллий Цицерон, но как человек незнатного происхождения, даже не уроженец Рима, т. е., другими словами, «выскочка» (*homo novus*), он не пользовался кредитом у сенатской партии да и вообще у многих «коренных римлян».

Однако неожиданное событие радикально изменило общую ситуацию в его пользу. Один из участников заговора, промотавшийся аристократ Квинт Курий, желая произвести впечатление на свою любовницу, посвятил ее в подробности намечавшегося заговора, а от нее слух о намерениях Катилины быстро распространился по всему городу. Это и было, как считает Саллюстий, глав-

²⁴ S a 11, Cat, 17

²⁵ Ibid, 21

ной причиной, изменившей отношение знати и всех «благонамеренных» к Цицерону. В результате Катилина оказался забаллотированным; консулами же на 63 г. были избраны Марк Туллий Цицерон и Гай Антоний.

Собственно говоря, только после этой новой неудачи начинается широкая и энергичная подготовка заговора как такового. Но Катилина и в этом случае еще не хочет пренебречь легальным, «конституционным» путем. Он ориентируется на консульские выборы на 62 г. Правда, параллельно с этим он вербует новых участников заговора, заготавливает оружие, снабжает деньгами Манлия, который должен был собрать войско в Этрурии. Однако ни к каким открытым действиям он пока еще не приступает, что заставляет противную сторону, т. е. Цицерона, поневоле занимать тоже выжидательную позицию.

Чем ближе подходил срок новых выборов, тем напряженнее становилось положение в Риме. На сей раз речь шла о соревновании четырех претендентов: Катилины, юриста Сульпиция Руфа, видного военачальника Л. Лициния Мурены и Децима Юния Силана. В ходе предвыборной кампании Сульпиций Руф неожиданно заявил о том, что он снимает свою кандидатуру в связи с решением возбудить дело против Мурены по обвинению его в подкупе избирателей.

Это непредвиденное событие значительно повысило шансы Катилины на успех. Он развивает энергичную деятельность. Вместе с тем по городу снова распространяются будоражающие общество слухи: говорят о том, что Катилина намерен вызвать на предстоящие выборы сулланских ветеранов из Этрурии, что он подготавливает убийство Цицерона, что он снова проводит тайные совещания заговорщиков. Но все это тоже не выходило еще из области слухов и разговоров, пока на заседании сената Катон вдруг не заявил о своем намерении привлечь Катилину к суду, а тот в свою очередь не ответил, что если попытаются разжечь пожар, который будет угрожать его благополучию, то он потушит пламя не водой, а развалинами.

Это уже прозвучало, как открытый выпад. Во всяком случае, это был вполне приемлемый и вполне достаточный предлог для Цицерона, дабы перейти к решительным действиям. 20 октября 63 г. он на заседании сената ставит вопрос об опасности, угрожающей государ-

ству, и о необходимости в этой связи отложить избирательные комиции. На следующий день сенат заслушивает специальный доклад Цицерона о создавшемся положении, в заключение которого консул требует Катину к ответу. Однако последний, к удивлению и возмущению сенаторов, даже не пытается оправдываться или отрицать возводимые против него обвинения. Напротив, он гордо заявляет, что в государстве есть два тела: одно — слабое и со слабой головой, другое же — крепкое, но без головы; это последнее может найти свою голову в нем, пока он еще жив²⁶. После этого заявления Катина демонстративно покидает заседание. Тогда сенат принимает решение о чрезвычайном положении и вручает консулам неограниченные полномочия по руководству государством.

Через несколько дней в этой сложной обстановке были созваны избирательные комиции. Цицерон постарался сделать все, чтобы оправдать декрет сената о чрезвычайном положении. Марсово поле, где происходило собрание, было занято вооруженной стражей, сам консул, вопреки обычаю и желая подчеркнуть грозившую лично ему смертельную опасность, явился на выборы в панцире и латах. Катина снова был забаллотирован; консулами на 62 г. избраны Децим Юний Силан и Луций Лициний Мурена. Таким образом, уже четвертая по счету попытка Катины добиться консульства легальным путем окончилась крахом.

Только после этой новой неудачи он переходит к более решительным действиям. На срочно созванном совещании заговорщиков Катина сообщает о своем намерении лично возглавить войска, собранные одним из его наиболее ярых приверженцев — Манлием — в Этрурии, а два других видных заговорщика (сенатор Луций Варгунтей и всадник Гай Корнелий) заявляют о своей готовности завтра же покончить с Цицероном. Однако покушение не удается: Цицерон, информированный осведомителями (т. е. Курием и Фульвией), окружил свой дом стражей, а явившимся к нему заговорщикам было отказано в приеме.

8 ноября консул снова собрал экстренное заседание сената, в котором он и выступил со знаменитой речью

²³ C i c , Pro Mur , 51

(так называемая первая речь) против Катилины. Речь, построенная по всем правилам ораторского искусства, имела большой успех. Цицерон, в частности, настаивал на том, чтобы Катилина покинул город, потому что между ним, желающим опереться на силу оружия, и консулом (т. е. самим Цицероном), опирающимся лишь на силу слова, должна находиться стена²⁷. Видя, что огромное большинство сената настроено по отношению к нему крайне враждебно, Катилина почел за благо внять совету и в тот же вечер покинул Рим, направившись в Этрурию. Вскоре стало известно, что, прибыв в лагерь Манлия, он присвоил себе знаки консульской власти. Сенат объявил его и Манлия врагами отечества и одновременно поручил консулам произвести набор войск.

Все эти события, завершающие как бы первый этап движения, дают основания Саллюстию с горечью отметить, что не только те, кто непосредственно принимал участие в заговоре, но и «весь плебс в целом, стремясь к государственному перевороту, сочувственно относился к начинаниям Катилины». Причем Саллюстий подробно объясняет, что он имеет в виду и городское население, и сельскую молодежь, и всех тех, чьи родители пострадали во время проскрипций Суллы, и, наконец, даже тех, кто просто не принадлежит «к сенатской партии»²⁸. Кстати сказать, не лишен своеобразного интереса тот небольшой экскурс, небольшое отступление, которое специально делает Саллюстий, дабы изложить свойственную ему точку зрения на роль и характер «партийной борьбы» того времени. Речь идет о таких политических силах: плебс, руководимый народными трибунами (главным образом молодыми!), и нобилитет. Именно между этими двумя общественными группировками (и их вождями) развертывается борьба. Она, как всегда, прикрывается «самыми благовидными предлогами». Каков же ее истинный характер? Здесь Саллюстий дает следующую мудрую и скептическую формулу: одни уверяли, что защищают права народа, другие — что стремятся поднять авторитет сената, все вместе — что они отстаивают обществен-

²⁷ Cic, In Cat, I, 5, ср Plut, Cic, 16

²⁸ Sall, Cat, 37.

ное благо; на самом же деле каждый боролся только за собственное могущество²⁹.

Каково было дальнейшее течение событий, как развертывался далее заговор после отъезда Катилины из Рима? Руководящую группу заговорщиков возглавлял теперь Публий Корнелий Лентул. Был разработан следующий план: народный трибун Луций Бестия выступит в комициях с резкой критикой деятельности Цицерона, возлагая на него ответственность за фактически уже вспыхнувшую гражданскую войну. Это выступление должно послужить сигналом к решительным действиям: большой отряд заговорщиков во главе со Статилием и Габинием был обязан одновременно поджечь город в 12 разных пунктах, Цетегу поручалось убийство Цицерона, ряду молодых участников заговора из аристократических семейств — истребление собственных родителей.

Не ограничиваясь подготовкой этих мер, Лентул дает одному из своих доверенных людей поручение позондировать почву у аллоброгских послов и склонить их к поддержке заговора. Это были послы галльского племени, прибывшие в Рим с жалобой на притеснения магистратов и на действия публиканов, доведших аллоброгскую общину почти до полного разорения.

Сначала представителю Лентула как будто бы удалось соблазнить послов аллоброгов всякими заманчивыми обещаниями. Но, поразмыслив, они предпочли надеждам на радужное будущее более прочные и реалистические позиции в настоящем. Поэтому о всех предложениях заговорщиков они сообщили своему патрону, некоему Кв. Фабию Санге, который в свою очередь немедленно доложил обо всем Цицерону. Последний посоветовал аллоброгам получить от главарей заговора письма, адресованные вождям их племени. Лентул, Цетег, Статилий и Габиний оказались настолько наивными людьми и неопытными конспираторами, что вручили аллоброгам компрометирующие их документы за всеми подписями и печатями.

Когда в ночь со 2 на 3 декабря аллоброгские послы с сопровождавшим их представителем заговорщиков Титом Вольтурцием пытались выехать из Рима, они, по распоряжению Цицерона, были задержаны на Мульвий-

²⁹ S a l, C i t, 38

ском мосту и доставлены в город. Имея теперь на руках документальные доказательства антигосударственной деятельности заговорщиков, Цицерон распорядился об их аресте. На утреннем заседании сената заговорщикам был устроен допрос. Тит Вольтурций, допрашиваемый первым, сначала запирался, но, когда сенат гарантировал ему личную безопасность, чистосердечно покаялся. Аллоброги подтвердили его показания; с этого момента арестованные главари заговора оказались в безвыходном положении. Сначала речь шла о четырех людях: Лентуле, Цетеге, Габинии и Статилии; затем к ним был присоединен некто Цепарий, который, по планам заговорщиков, должен был поднять восстание в Апулии.

Слух об окончательном раскрытии заговора и об аресте его вождей распространился по всему городу. К храму богини Согласия, в котором и происходило заседание сената, собрались огромные толпы народа. Цицерону была устроена овация, и он обратился к народу с новой речью против Катилины. Саллюстий по этому поводу иронически замечает: «Плебеи, которые сначала вследствие своей склонности к государственным переворотам относились к войне весьма сочувственно, после раскрытия заговора быстро переменили свое мнение и, осыпая проклятьями замыслы Катилины, стали до небес превозносить Цицерона — они радовались и ликовали так, как будто им удалось стряхнуть с себя цепи рабства»³⁰.

Однако дело еще не было доведено до своего логического конца. Следовало решить судьбу заговорщиков, тем более что вольноотпущенники Лентула и Цетеге как будто замышляли освободить арестованных при помощи вооруженной силы. Цицерон снова созывает — 5 декабря — в храме Согласия заседание сената, на котором он и ставит вопрос о дальнейшей судьбе и мере наказания для арестованных. Кстати сказать, обсуждение подобного рода вопросов по существующей традиции или по неписаной римской конституции отнюдь не входило в сферу компетенции сената.

Знаменитое заседание от 5 декабря более или менее подробно описано всеми авторами, которые повествуют о заговоре (наиболее подробно, конечно, Саллюстием).

³⁰ Ibid , 48

При обсуждении вопроса первым получил слово избранный консулом на 62 г. Децим Юний Силан. Он высказался за высшую меру наказания. К нему присоединились другой консул будущего года Луций Лициний Мурена и ряд сенаторов. Однако, когда очередь дошла до Гая Юлия Цезаря, прения приняли несколько неожиданный оборот. Цезарь, отнюдь не обеляя заговорщиков, высказался, тем не менее, против смертной казни — не только как противозаконной меры, но и как крайне опасного прецедента. Он предложил держать арестованных в заключении, распределив их по муниципиям, имущество же их конфисковать в пользу казны.

Предложение Цезаря произвело перелом в настроении сенаторов. Не помогло даже и то, что Цицерон, прервав на время голосование, выступил с очередной речью против Катилины. Было внесено предложение отложить вопрос о судьбе заговорщиков до победы над Катилиной и его войском. Сам Децим Силан сказал, что под высшей мерой наказания он подразумевал лишь заключение в тюрьму. Неясно, каково было бы решение сената в подобной ситуации, если бы не крайне резкая и убежденная речь Марка Порция Катона, который обрушился на заговорщиков, на всех колеблющихся, а Цезаря весьма прозрачным намеком выставил чуть ли не в качестве соучастника заговора. Его выступление решило дело. Подавляющее большинство сенаторов проголосовало за смертную казнь.

Поздним вечером 5 декабря Цицерон лично препроводил Лентула в подземелье Мамертинской тюрьмы; туда же преторы доставили остальных четырех арестованных. Все они были удушены. Именно после этих событий консул произнес свое знаменитое «vixerunt», а восторженные толпы народа приветствовали и сопровождали его на пути домой. Таким образом, в нашем рассказе о заговоре Катилины мы возвратились к исходному пункту. Как было уже отмечено, он знаменовал собой завершение предпоследнего акта трагедии.

Последний же акт заключался в следующем. Пока в Риме разворачивались описанные события, Катилина в Этрурии деятельно формировал легионы. К нему стекалось большое число добровольцев, однако он, что специально отмечает Саллюстий, категорически отказывался принимать рабов, не желая даже «создавать впечат-

ление, что он допустил в деле, касающемся римских граждан, участие беглых рабов»³¹. Так продолжалось до тех пор, пока в лагерь не поступили известия о провале заговора в Риме и о казни заговорщиков. Ситуация в лагере резко изменилась. Вместо притока добровольцев начинается все разрастающееся бегство, и Катилина вынужден отвести свое войско в район Пистории, чтобы оттуда по окольным дорогам и тропинкам пробраться в Галлию. Но этому плану воспрепятствовал Кв. Метелл Целер, находившийся со своей армией в Пиценской области. Узнав от перебежчиков о намерениях и маршруте Катилины, он двинул легионы к горной подошве Апеннин. Катилина оказался окруженным: с севера и северо-востока — Апеннинский хребет, за которым находился Целер, с юга — консульское войско во главе с его бывшим товарищем Гаем Антонием, с запада — Тирренское море. Оставался единственный выход — испытать судьбу и военное счастье, приняв бой с армией Антония.

Решающее сражение произошло в самом начале 62 г. при Пистории. Гай Антоний, видимо не желая лично выступать против бывшего друга, поручил ведение боя своему легату, опытному командиру Марку Петрею. Обе стороны дрались с крайним ожесточением. Войско Катилины было разбито. Сам он погиб, ринувшись, как простой воин, в гущу боя. Его тело нашли далеко от своих, среди вражеских трупов, и, по словам Саллюстия, «на лице его выражалась все та же непреклонность характера, которой он отличался при жизни»³². Таков был исход, трагическая развязка событий, известных в истории как «заговор Катилины».

В чем же должна заключаться наша оценка этого движения? Можем ли мы на основании всего вышеизложенного квалифицировать его как движение демократическое или, наоборот, как стремление вождя (или вождей) заговора установить личную диктатуру? На наш взгляд, мы не имеем достаточных оснований ни для того, ни для другого вывода. Основной лозунг, под которым разворачивалось все движение, — кассация долгов — сам по себе как бы вполне демократичный, фактически привлекал, как уже говорилось, и разорившихся аристо-

³¹ S a l l , Cat , 56.

³² Ibid , 61.

кратов, и «золотую молодежь», и всякие деклассированные элементы общества. С другой стороны, очень трудно гадать об образе действий Катилины или других главарей заговора в случае успеха их предприятия. Тут возможны самые различные варианты. Поэтому наиболее объективной и вместе с тем осторожной оценкой движения в целом будет следующий вывод: заговор Катилины — типичное движение эпохи разложения и деградации полисной демократии, в котором принимали участие различные социальные группировки, вплоть до деклассированных слоев населения, и в котором демократические лозунги и тенденции были приправлены значительной долей политического авантюризма, демагогии. Безусловен межеумочный характер движения, причем он может быть определен так: меж комициями и армией!

Но если заговор был достаточно ярким проявлением деградации полисной демократии, то в не меньшей степени он был также ее порождением, ее детищем. Об этом свидетельствует не только общая картина движения, но и самая его «атмосфера», которую мы можем ощутить прежде всего в конкретных действиях и поступках конкретных лиц — руководителей заговора. Так, оба главных действующих лица — Цицерон и Катилина, несмотря на то, что они стояли по разные стороны баррикад, или, употребляя более современное событиям выражение самого Цицерона, должны были быть разделены городской стеной, тем не менее в известном смысле действовали и мыслили одинаково, т. е. одинаково находились в плену полисных норм, традиций, иллюзий.

О чем говорят действия Катилины? Что он представлял собою, если отвлечься от тех страшных, но все же малоправдоподобных обвинений морально-этического порядка, которые так для нас затемняют (если не искажают) его образ? Мы видим, что он четырежды пытался добиться консульского звания, т. е. действовал всецело в рамках полисных традиций и норм. Только после четвертой неудачи, уверенный в том, что все они объясняются кознями его врагов, провоцируемый Цицероном, он решился сойти с «конституционной» платформы. Его отъезд к армии — скорее акт отчаяния, чем заранее подготовленный и продуманный шаг. Но и в воинском лагере он озабочен тем, чтобы придать хотя бы какую-то видимость законности и «легальности» своей власти: он

появляется всюду с отличительными знаками консульского звания. Ничто, ни один факт конкретно не свидетельствует о том, что он стремился к личной диктатуре, хотя, разумеется, нет никаких оснований утверждать — в особенности после того прецедента, которым была диктатура Суллы, — что он наотрез отказался бы от такой возможности, если бы она была подсказана реальной ситуацией. Но тут мы должны остановиться, дабы не вступать на зыбкую почву догадок и предположений.

Что представляет собой фигура Цицерона? Кто он? Беспринципный политик, «легкомысленнейший перебежчик», как называли его еще в древности³³, или один из последних великих республиканцев, чье имя «тираноубийцы» (т. е. убийцы Цезаря!) выкрикивали как синоним свободы³⁴, а в дальнейшем вспоминали с уважением даже такие могущественные противники, как, например, Октавиан Август?³⁵

Цицерон, несомненно, личность крайне противоречивая. Он как будто и достаточно умен и остер, и «все понимает»; он учитывает различные «за» и «против», он — «тертый» политик, иногда даже циничный (см. его намерение защищать Катилину в судебном процессе, несмотря на уверенность в том, что тот виновен!), не говоря уже о его образованности, находчивости, остроумии. Но все это — качества, пригодные скорее для ловкого адвоката, а отнюдь не для государственного деятеля. В душе такого адвоката-интеллекта, несмотря на весь его опыт и даже «прожженность», таится самая наивная уверенность в том, что разум, убеждение, сила слова могут и должны быть противопоставлены грубой силе, что «оружие уступает тоге» (*arma cedant togae*)³⁶ и что основой политического руководства является известный набор моральных и правовых норм (которые по «правилам игры» непреложны и неприкосновенны), дополняемых иногда, по требованию обстановки, дипломатией интриг. В этом и заключается высшая мудрость политического деятеля, сферой деятельности которого до сих пор были форум (комиции), сенат и т. п., т. е. органы той

³³ Sall., *Declam. in Cic.*, 4, 7.

³⁴ Dio Cass., 44, 20.

³⁵ Plut., *Cic.*, 49.

³⁶ Cic., *De off.*, I, 22, 77, *ср. idem In Cat.*, II, 13.

же полисной демократии. И наряду с этим — полное непонимание такой простой истины, что главным и единственно реальным фактором в борьбе за власть, за политическое руководство является *организация масс*, т. е., применительно к римским условиям того времени, сложившаяся в наиболее мощную и наиболее спаянную корпорацию римская армия.

Личная карьера Цицерона до определенного момента развивалась именно так, чтобы поддерживать его в подобного рода заблуждениях. Ему вскружили голову непрерывные успехи: дело Верреса, легкое получение городской претуры, первая политическая речь за Манилиев закон, по которому верховное командование в последней войне с Митридатом передавалось Помпею, эффектный лозунг «согласие сословий» (*concordia ordinum*), и, наконец, самым роковым образом — консульство и шумная победа над Катилиной. Последняя была особенно опасна, внушив иллюзию — правда, весьма кратковременную, — что действительно *arma cedant togae* и что именно таким путем уже достигнуто пресловутое согласие сословий.

Таким образом, и Катилина и Цицерон действительно находились еще во власти полисных традиций и обычаев. Но это в значительной мере их личные особенности. Чем же они различались, причем не как личности, но как представители (или выразители) определенных социально-политических сил и группировок?

Катилина, по существу в значительной мере декласированный представитель староримского патрициата, пытался объединить вокруг себя различные слои римского общества. Эти слои населения были разнородны в социальном отношении, но на данный момент их объединяло то, что они оказались в положении *неимущих* — разоренных, задолжавших, промотавшихся и т. п. В общем это была довольно широкая и пестрая масса, не имевшая, конечно, достаточной внутренней спаянности. В условиях разложения римского полиса она может быть определена, как демократические элементы населения, учитывая то обстоятельство, что основное ее ядро составлял (численно) городской и сельский плебс.

Цицерон, наоборот, выступал прежде всего как представитель *имущих*. Его основной лозунг — согласие сословий — означал блок между сенаторами и всадни-

ками, т. е. между двумя высшими и наиболее привилегированными сословиями Рима. И хотя, как показали события недалекого будущего, всадникам скорее было по пути с муниципальной аристократией и даже с определенными кругами армии, чем со староримской знатью, Цицерон был прав в том отношении, что напор и угроза, исходившие из стана *неимущих*, были *общей* опасностью для обоих привилегированных сословий. Но Цицерон, конечно, переоценивал прочность и долговременность возникшего в тот момент блока, тем более что честь его формирования он приписывал себе и своей энергии.

Итак, заговор Катилины возник и развивался в обстановке крайнего разложения старинной полисной демократии: коррумпированный сенат давно уже потерял свой прежний непререкаемый авторитет, значение республиканских магистратур было подорвано «антиконституционным» образцом не ограниченной определенным сроком диктатуры (правление Суллы), и, наконец, комитии, основанные на системе народного ополчения, после замены последнего профессиональной (и корпоративной) армией находились в состоянии глубокого кризиса.

При подавлении заговора был беззастенчиво поправлен последний, почти символический пережиток полисной демократии — право осужденного обратиться к народному собранию (*provocatio ad populum*), которое Моммзен называл палладиумом древней римской свободы. Это — дополнительный симптом, характеризующий слабость, обветшалость, «пережиточность» не только полисных институтов, но и самой полисной идеологии.

И, наконец, подавление заговора показало крайнюю слабость так называемой римской «демократии»: распыленность ее сил, ее социальную разнородность, отсутствие организации. Становилась достаточно ясной безнадежность попыток захвата власти при опоре на эти распыленные, неустойчивые, бесформенные группировки населения. Следовательно, через два десятилетия после сулланского переворота снова напрашивался вывод о замене этих бесформенных сил какой-то более определенной, более четкой организацией. Если к тому же она оказывалась еще и вооруженной, то в данных условиях это можно было рассматривать как лишнее — и, кстати сказать, решающее — козырь. Итак, снова вставал вопрос об армии. Дело было за вождем!

Первый триумвират

Если начало 62 г. было ознаменовано таким событием, как окончательное подавление заговора Катилины, т. е. разгромом повстанческой армии под Писторией (январь 62 г.), то в конце того же самого года, в декабре, произошло другое немаловажное событие — возвращение Помпея с его армией после победоносного Восточного похода.

Этого возвращения ожидали с самыми различными чувствами, но с одинаковым напряжением. Почти никто в Риме не сомневался, что Помпей, опираясь на преданную ему армию, произведет государственный переворот и по образцу своего бывшего покровителя Суллы захватит единоличную власть. Сенатские круги были, конечно, настроены самым решительным образом против и готовились к борьбе. Зато сторонники Помпея, такие, например, как его открытый агент Метелл Непот, народный трибун 62 г., или Гай Юлий Цезарь, вступивший в начале года в обязанности претора, всячески пытались расчистить Помпею дорогу, подготавливая и формируя соответствующим образом общественное мнение.

Однако все произошло совсем не так, как того ожидали. Помпей сумел удивить не только своих сторонников, но и своих врагов: высадившись в декабре 62 г. с войском в Брундизии, он, даже не ожидая какого-либо решения сената или комиций по поводу возвращения с победоносной войны, распустил армию и в самом строгом соответствии с существовавшим обычаем в качестве рядового гражданина направился к Риму, чтобы за городской чертой ожидать разрешения на триумф. Такого законопослушания в Риме не видавали уже давно, пожалуй, со времени господства «обычаев и нравов предков» (*mores maiorum*), времени, которое сами римляне уже считали полулегендарным.

Тем не менее подобные действия Помпея не только не вплели новых лавров в его венок и не приумножили его славы в глазах современников, но и в значительной степени «испортили» его репутацию в глазах новейших историков. Так, Моммзен со свойственной ему яркостью и безапелляционностью характеристик писал: «Если может считаться счастьем получить корону без труда, то ни одному смертному счастье не улыбалось так, как Помпею, но человеку, лишенному мужества, не поможет и милость богов». Или в другом месте: «Но, когда нужно было сделать решительный шаг, ему опять изменило мужество»¹. Для Моммзена — на фоне гениального Цезаря Помпей — всего лишь человек более, чем посредственный, человек, пытающийся одновременно быть и честным республиканцем, и властелином Рима, с неясными целями, бесхарактерный, уступчивый, нерешительный, у которого были «все качества, чтобы завладеть короной, кроме самого главного, — царственной смелости»². Моммзен подчеркивает также его беспринципное отношение к политическим группировкам, его мелкие, эгоистические интересы, его стремление и вместе с тем боязнь сойти с почвы законности. Это «человек совершенно заурядный во всем, кроме своих притязаний»³.

Другой историк древности, Эд. Мейер, в своей известной работе «Монархия Цезаря и принципат Помпея» старается подойти к Помпею более объективно. Он специально приводит тираду Моммзена о короне и о дарах богов, с тем чтобы ее оспорить. Он считает, что Моммзен в данном случае исходит из неправильной предпосылки, ибо Помпей вовсе и не стремился к короне, наоборот, если бы она ему была предложена, он отверг бы ее с непритворным возмущением⁴.

Свою общую характеристику личности Помпея Эд. Мейер начинает со слов о том, что справедливая оценка побежденного — одна из труднейших задач, которая может быть поставлена перед историком. Характеристику Помпея, данную Моммзеном, он считает блестящей,

¹ Т Моммзен История Рима, т III, стр 165—166

² Там же, стр 88

³ Там же, стр 164—165

⁴ Ed Meyer Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius Stuttgart — Berlin, 1922, S 43, Anm 1

но не соответствующей действительности. Правда, отмечая такие недостатки Помпея, как его ограниченность, перебежки от одной «партии» к другой, показную преданность законам и т. п., он по существу солидаризуется с Моммзенем, но подчеркивает, что последний глубоко неправ, отказывая Помпею в военных дарованиях, а в особенности извращая его политические цели. В этой связи Моммзен вообще неправильно и даже извращенно оценивает политическую обстановку в Риме в последние десятилетия существования республики⁵.

Эд. Мейер утверждает, что политические взгляды и цели Помпея на всем протяжении его деятельности совершенно ясны и недвусмысленны. Мысль о ниспровержении республики и о том, чтобы самому занять положение монарха, была Помпею совершенно чужда. Он дважды (в 70 и 62 гг.) удержался от искушения возглавить преданную ему армию с целью захвата единоличной власти. Поэтому и война между Цезарем и Помпеем не была вовсе, как это обычно трактуют, борьбой между двумя претендентами на престол, но скорее «состязанием» трех возможных типов государственного устройства: старой сенатской республики (так называемая демократия была окончательно подавлена и не играла ныне никакой политической роли), абсолютной монархии Цезаря и, наконец, той политической формы, выразителем которой и был Помпей, т. е. «принципата». И затем Эд. Мейер развивает свой взгляд на принципат Помпея, который якобы превосходил в принципе политический строй, установленный Августом⁶.

Казалось бы, представление о Помпее как о некоем «родоначальнике» нового государственного и политического устройства предполагает признание за ним качеств выдающегося деятеля. Однако Эд. Мейер отказывает ему в подобном признании. Творческая мысль и высокие цели были, по его мнению, Помпею недоступны. В этом смысле его безусловно превосходил Цезарь⁷.

С нашей точки зрения, обе характеристики страдают общим недостатком. В них вольно (как у Моммзена) или невольно (как у Эд. Мейера) Помпей сопоставляет-

⁵ Ed Meyer. Op. cit., S. 4.

⁶ Ibid., S. 4—5

⁷ Ibid., S. 91.

ся с Цезарем или — в более широком смысле — некий образец посредственности, заурядности с представлением о гении. Причем — и это, пожалуй, самое любопытное — представление о гениальном политическом деятеле целиком оказывается обусловленным для обоих историков уверенностью, что гениален тот — и именно тот! — кто имеет мужество, «царственную смелость» стремиться к захвату единоличной власти. Какой же это выдающийся политический деятель, если в нем нет достаточной примеси политического авантюризма!

Помпей как раз и отличался отсутствием этого качества. Если отвлечься от пресловутого противопоставления «гений» и «посредственность», то его облик вырисовывается для нас примерно в следующем виде. Это был крупный римский вельможа, в меру образованный и просвещенный (его последняя фраза, обращенная к жене и сыну за несколько минут до трагической гибели, была не чем иным, как цитатой из Софокла) и, видимо, с ранних лет воспитанный в духе староримского, аристократического уважения к законам и обычаям. Отсюда — безусловная лояльность, выполнение всего, *что* должно и *как* должно. Он действительно дважды — во время войны с пиратами и во время последней войны с Митридатом — пользовался «неограниченным империем» (*imperium infinitum*), т. е. таким объемом и полнотой власти, каких не имел до него ни один римский полководец, но оба раза это было сделано «законно», в соответствии со всеми требованиями неписаной римской конституции. Он также дважды — в 70 и 62 гг. — распускал свои войска вопреки всем ожиданиям (во всяком случае, в 62 г.), что опять-таки диктовалось обычаем и традицией. Наконец, он еще раз на протяжении своей политической карьеры получил фактически неограниченную власть, когда был в 52 г. избран консулом «без коллег» (*sine collega*). Но и на сей раз, хотя самая магистратура была неслыханной и, вообще говоря, противоречащей римской конституции, его избрание было обставлено вполне «законно».

Таким образом, сам Помпей по своей собственной инициативе ни разу не нарушил ни законов, ни традиции. Конечно, ему порой приходилось искать «окольных путей», но он никогда не действовал «антиконституционно», что с удивлением отмечалось еще самими древ-

ними⁸. Очевидно, подобная «гипертрофированная» лояльность не может быть признана ни чертой гениальности, ни привилегией посредственности. Она характеризует только самого Помпея, и потому из того, что было сказано о Помпее Моммзенем, наиболее меткой оказывается, пожалуй, следующая фраза: «Он... охотно поставил бы себя вне закона, если бы только это можно было сделать, не покидая законной почвы»⁹. Вместе с тем Моммзен, конечно, вовсе неправ, рисуя Помпея деятелем и человеком более чем посредственным, бесхарактерным, к тому же лишенным мужества. И все это лишь потому, что Помпей не протянул руку к короне, когда она — по мнению того же Моммзена, отнюдь не самого Помпея! — лежала от него так близко.

Но, с другой стороны, едва ли более прав и Эд. Мейер, считающий, что Помпей отказался бы — да еще без всякого притворства — от царской короны в том гипотетическом случае, если б она была ему преподнесена. Пожалуй, нет смысла гадать, как поступил бы в этой неправдоподобной ситуации Помпей, но какие у нас могут быть основания думать, что, если бы все было проведено и оформлено «должным образом», он вел бы себя иначе, чем после законов Габиния (о борьбе с пиратами) и Манилия (о войне с Митридатом) или после предложения Бибула об избрании его консулом *sine collega*?

Но главное не в этом. Представляется весьма маловероятным основание Помпеем «принципата», если понимать под этим термином некую телеологически организованную политическую систему, ибо в этом плане «принципат» — такая же конструкция новейших исследователей, как и «эллинистическая монархия» Цезаря. Следует иметь в виду, что даже принципат Августа, оформленный, конечно, значительно определеннее, чем политическая «система» Помпея, — и тот представлял собою отнюдь не заранее начертанную или целесообразно измышленную схему, но лишь такое политическое образование, которое сложилось, во-первых, постепенно, а во-вторых, под влиянием совершенно конкретных (и возникших гораздо позднее) факторов.

⁸ P l u t., Romp., 46

⁹ Т. М о м м з е н История Рима, т III, стр 161—165

В заключение можно согласиться с утверждением Эд. Мейера, что Помпей не был политическим мыслителем. Но, с другой стороны, ведь и политические мыслители не столь уж часто оказываются выдающимися государственными деятелями. Помпей же, как человек военный, имел определенное понятие (и чувство) долга, был человеком дела, а не дальних политических расчетов и комбинаций. Он поступал в каждый данный момент так, «как должно», как он в меру своего понимания текущей обстановки считал правильным и нужным, и, вероятно, мало задумывался над тем, что из этого впоследствии для будущего. Если же учесть, что именно так действуют не только «посредственности», но гораздо чаще, чем это принято считать, и самые выдающиеся деятели, «гении», с тою лишь разницей, что поступкам последних историки — мастера *vaticinium post eventum* — приписывают задним числом провиденциальное значение, то образ Помпея станет для нас более ясным и определенным.

Но как бы то ни было, возвращение Помпея в Италию в конце 62 г. и чрезмерная лояльность его действий имели своим следствием лишь тот факт, что это событие, ожидавшееся с таким напряжением и с такими разнообразными опасениями, было вскоре забыто, а сам Помпей оказался в довольно сложном положении. Дело в том, что он ожидал от сената не только разрешения на триумф, но и ряда, быть может, менее «пышных», но зато имевших для него гораздо более реальное значение постановлений — речь шла в первую очередь об утверждении распоряжений, сделанных им в Азии, и о наделении его солдат землей. Поэтому Помпей в первые же дни после своего возвращения пытался установить контакт с сенатом; недаром его публичные выступления, как свидетельствует Цицерон, были в это время выдержаны в «весьма аристократическом духе»¹⁰.

Однако вскоре ему стало ясно, что, действуя обычным, т. е. «законным», путем, он едва ли добьется чего-нибудь существенного. Сенат, видимо, не прочь сделать такой благородный и вместе с тем ни к чему не обязывающий жест, как разрешение на триумф, но зато от

¹⁰ Cic., Ad Att., I, 14, 2

него едва ли можно ожидать благоприятного отношения к остальным, более «реалистичным» требованиям. Ближайшие события полностью подтвердили этот нехитрый прогноз.

В сентябре 61 г. состоялся пышный двухдневный триумф Помпея. Он красочно описан древними авторами. В первый день триумфа в процессии были пронесены две опромные таблицы, на которых перечислялись крупнейшие деяния Помпея: его победы над 22 царями, распространение римских владений до Евфрата, увеличение годового дохода Римского государства (благодаря податям с новых провинций) с 50 до 80 млн. драхм, празднование триумфа за победы во всех трех частях света. За этими двумя таблицами двигались нескончаемым потоком колесницы и мулы, нагруженные военными доспехами, золотом, сокровищами, художественными изделиями, драгоценной утварью, произведениями искусства. На следующий день процессия состояла из «живых трофеев»: сначала были проведены толпы пленных из различных стран, затем шли знатные лица и заложники, среди которых было семь сыновей Митридата, иудейский царь Аристокбул с сыном и двумя дочерьми, сын армянского царя Тиграна, вожди пиратов, албанские и иберийские князья. Наконец, окруженный блестящей свитой из своих легатов и трибунов, на украшенной жемчугом колеснице следовал сам триумфатор, облаченный в тунику, которую, по преданию, носил еще Александр Македонский.

Но все это было лишь красочным спектаклем в пышных декорациях. Ни сам Помпей, ни его влиятельные противники из сенатской среды не имели на этот счет никаких иллюзий. Обсуждение требований, выдвинутых Помпеем, состоялось в сенате лишь в начале 60 г. Враждебную кампанию открыл Лукулл, смещенный в свое время с поста главнокомандующего в войне с Митридатом и замененный Помпеем. Теперь он получал возможность свести с ним старые счеты. Поэтому он выступил против суммарного утверждения сделанных Помпеем распоряжений и предложил обсуждать их в отдельности, по пунктам, что открывало простор нескончаемым дискуссиям. Его предложение было немедленно поддержано всеми противниками Помпея (в том числе Катонем).

Убедившись на этом примере, сколь длительной, а скорее всего, и бесплодной будет борьба в сенате, Помпей сделал попытку действовать иным путем, хотя бы в отношении наделения солдат землей. Близкий ему трибун Луций Флавий внес проект аграрного закона. Вопрос ставился так, что земля должна была покупаться в течение пяти лет на доходы от податей и налогов с тех новых провинций, которые были завоеваны самим Помпеем.

В защиту нового законопроекта выступил Цицерон, оговорив в нем, однако, ряд довольно существенных изменений. Но против закона ополчились и вечный оппозиционер из консервативного лагеря Катон, и консул 60 г. Квинт Метелл Целер. Борьба была столь ожесточенной, что Флавий, желая сломить упорное сопротивление Метелла, прибегнул к крайнему средству: заключил консула в тюрьму и запретил ему сношаться с сенатом. В той обстановке это был явный тактический промах. Помпею пришлось не только одернуть своего не в меру ретивого сторонника, но и отказаться, хотя бы временно, от проведения аграрного закона.

Таким образом, увенчанный славой полководец терпел неудачу за неудачей. Положение его становилось критическим. Контакт с сенатскими кругами никак не налаживался, более того — пропасть все расширялась, и, казалось, ничто не может ее заполнить. С другой стороны, он, конечно, никак не мог отказаться от своих требований, реализация которых была тесно связана со всей его репутацией, с его положением в государстве. Помпей, кстати сказать, в этой столь неблагоприятно сложившейся для него ситуации проявил завидную выдержку, политическую осмотрительность, гибкость и целеустремленность. Очевидно, следовало искать каких-то других путей и возможностей. И они были им найдены.

В июне 60 г. вернулся из Испании в Рим — после наместничества в этой провинции — Юлий Цезарь. Он возвратился оттуда богатым человеком, хотя перед отъездом был настолько опутан долгами, что кредиторы не хотели выпускать его из Рима и только поручительство Красса (на сумму в 830 талантов!) дало ему возможность отправиться в провинцию. Однако Цезарь вернулся из Испании не просто разбогатевшим, но и укрепившим свою политическую репутацию, свое обще-

ственное положение. Он вернулся с намерением претендовать на консульство.

С этого времени он, собственно говоря, и становится достаточно приметной фигурой не только римского форума, но и римской истории. Однако следует решительно протестовать против попыток — кстати сказать, встречающихся вплоть до самого последнего времени — придавать деятельности Цезаря в этот период (не говоря уже о последующих этапах!) некое провиденциальное значение. Непредубежденный взгляд на развитие его политической карьеры может оказаться в данном случае и полезным, и необходимым. В этой связи — несколько биографических данных.

Гай Юлий Цезарь родился в 100 г. до н. э. (или, по мнению некоторых исследователей, в 104 г. до н. э.). Он происходил из старинного аристократического рода Юлиев, который возводил свое начало к легендарным прародителям римлян. Однако по родственным связям Цезарь был близок к видным деятелям, представлявшим интересы демократических кругов, к популярам. Его тетка была женой знаменитого Мариа, а первая жена — дочерью одного из наиболее видных соратников Мариа — Корнелия Цинны. Кстати, Сулла, вернувшись из восточного похода в Рим, потребовал, чтобы молодой Цезарь развелся со своей женой. Цезарь отказался выполнить требование всесильного диктатора; некоторое время он находился в крайне опасном положении, затем вынужден был уехать в Азию и вернулся обратно в Рим только после смерти Суллы.

С этого времени он и начинает принимать участие в политической жизни. Сначала Цезарь держится чрезвычайно осторожно, избегая участия в наиболее острых политических конфликтах тех лет (например, попытка переворота, задуманного консулом Лепидом), стремясь в первую очередь снискать личную популярность среди широких слоев римского населения. На это он не жалеет ни сил, ни средств, тратя огромные суммы на раздачу хлеба, денег, устройство игр и зрелищ. В 68 г. Цезарь впервые решается на смелую политическую демонстрацию: он использует похороны своей тетки, а затем и собственной жены, для того чтобы в похоронных процессиях открыто пронести изображения Мариа и Цинны и в надгробном слове воздать хвалу этим вождям разгром-

ленной при Сулле «партии». И сторонники, и противники Цезаря расценили эту демонстрацию одинаково: как заявку молодого политического деятеля на то, что он попытается вновь сплотить и объединить «демократические» силы.

В 65 г. Цезарь избирается эдилом. Сохраняя верность намеченной им линии, Цезарь ознаменовал свой эдилитет организацией роскошных зрелищ (однажды он вывел на арену 320 пар гладиаторов в серебряных доспехах), а также тем, что восстановил в Капитолии статую и трофей Мария, убранные в свое время по распоряжению Суллы. В 64 г. он привлекает к суду двух видных сулланцев, обвиняя их в убийстве римских граждан.

Цезаря, как известно, считали замешанным в заговоре Катилины. Его политические противники, в частности Катон, довольно прозрачно намекали на это обстоятельство, но решающая фигура при подавлении заговора — консул Цицерон — отнесся к вопросу с сугубой осторожностью, и Цезарю не было предъявлено никаких обвинений. Более того, в том же 63 г. Цезарь избирается верховным жрецом, а на 62 г. — городским претором.

Именно в это время, он совместно с трибуном Метеллом Непотом ведет открытую кампанию за возвращение Помпея из Азии. Дело доходило до ожесточенных столкновений. Однажды Метелл и Цезарь привели в собрание толпу вооруженных сторонников и даже гладиаторов. Но Катон и его коллега Кв. Минуций Терм, рассчитывая на трибунскую неприкосновенность, предприняли смелую попытку интерцессии. Когда Метелл хотел зачитать предложения, касающиеся Помпея, Минуций Терм зажал ему рот. Произошла свалка, во время которой Катона чуть не убили. Собрание пришлось распустить, не ставя вопрос на голосование.

После этого сенат облачился в траурные одежды. Было принято решение о чрезвычайном положении в государстве; Метелл и Цезарь отрешались от своих должностей. Метелл, выступив с речью против Катона и сената, уехал из Рима к Помпею. Цезарь же, игнорируя решение сената, продолжал исполнять обязанности претора. Но, узнав, что против него готовы применить силу, он распустил ликторов и заперся в своем доме. Когда же к нему явилась возбужденная толпа, готовая

любой ценой восстановить его в должности, он уговорил ее разойтись. Сенат, убедившись на этом примере в лояльности, а главным образом в огромной популярности Цезаря и опасаясь новых волнений, выразил ему благодарность, пригласил в курию и восстановил в прежней должности. Более того, когда, используя, как им казалось, благоприятный момент, кое-кто выступил с несколькими запоздалыми показаниями относительно участия Цезаря в заговоре Катилины, сенат решительно отклонил эту попытку, и доносчики (редчайший случай!) понесли суровое наказание¹¹.

По окончании претуры Цезарь получил назначение в Испанию. Все было бы прекрасно, если бы не фантастические суммы долгов. Но здесь, как уже говорилось, помогли поручительство и денежная поддержка Красса. Можно считать, что к этому времени Цезарь прошел несколько начальных ступеней лестницы своей карьеры: он стал заметной, хотя еще далеко не первостепенной, фигурой, он считался вождем «демократических кругов», хотя эти «круги» не представляли собой ничего целостного и организованного, он — и это, пожалуй, главное — пользовался безусловной поддержкой всех тех, кто был настроен против стоявшего, как всегда, на самых консервативных позициях сената. Цезарю удалось к этому времени завязать также некоторые важные политические связи: умело лавируя между двумя наиболее видными и вместе с тем враждовавшими между собой политическими деятелями — Помпеем и Крассом, — он сумел сохранить близость и к тому, и к другому.

Цезарь вернулся из Испании весьма спешно, не дождавшись даже преемника по управлению провинцией. Причина его торопливости заключалась в том, что он решил выставить свою кандидатуру на предстоящих консульских выборах. Однако существовало одно обстоятельство, которое весьма осложняло этот вопрос: Цезарь, поскольку он после ряда удачных сражений с непокоренными племенами в Испании мог претендовать на триумф, не имел права вступать в город, считался «отсутствующим», а следовательно, не имел возможности баллотироваться на выборах. Стремясь найти выход

¹¹ Suet., Iul., 16—17.

из такого положения, Цезарь обратился к сенату с просьбой разрешить ему заочно домогаться консульства. Так как в данном случае можно было рассчитывать на благоприятное отношение многих сенаторов, то непримиримый враг Цезаря Катон выступил с явно обструкционистской речью, которая длилась целый день — с утра до заката солнца. Но все сроки истекали, и ждать было уже нельзя. Поэтому Цезарь принял решение отказаться от триумфа, получив таким образом возможность войти в город и выдвинуть свою кандидатуру.

Наиболее враждебная Цезарю группа сенаторов во главе с Катонем выдвинула в качестве противовеса кандидатуру М. Кальпурния Бибула, который уже был коллегой Цезаря по эдилитету и претуре. Их отношения были, мягко говоря, недружественными. Кроме того, желая обезвредить Цезаря на будущее время (и вместе с тем считая, что он наверняка будет избран), сенат принял специальное решение, согласно которому будущим консулам после истечения срока их полномочий назначалось не управление той или иной провинцией, как это обычно делалось, но лишь наблюдение за лесами и пастбищами. Это было неприкрыто издевательское решение. В результате же выборов прошли обе кандидатуры — и Цезарь и Бибул, причем сами кандидаты и их сторонники беззастенчиво занимались покупкой голосов — на сей раз не оказался безупречным даже Катон.

Незадолго до выборов или вскоре после них произошло событие, имевшее решающее значение для дальнейшей политической карьеры самого Цезаря: заключение между тремя политическими деятелями Рима — Помпеем, Цезарем, Крассом — тайного соглашения, известного под именем первого триумvirата. Инициатива этого соглашения безоговорочно приписывается Цезарю. Если это так, то, добившись примирения между старыми соперниками (еще со времени сулланской диктатуры) Помпеем и Крассом, и объединившись с ними, Цезарь, несомненно, совершил удачный тактический шаг, удачную политическую акцию, далеко идущие последствия которой он тогда, очевидно, не мог еще и предвидеть.

Итак, из трех участников названного соглашения, очевидно, только один, а именно Красс, нуждается в дополнительной характеристике. Обычно его считают наименее яркой фигурой тройственного союза, роль его в

политической жизни Рима того времени явно недооценивается. На самом же деле он был не только достаточно типичной и колоритной личностью, но и весьма влиятельным политическим деятелем.

Марк Лициний Красс по своему происхождению принадлежал к сенаторской аристократии, к старинному плебейскому роду Лициниев. Политическую карьеру начинал как сторонник Суллы. По словам Плутарха, римляне считали, что блеск его многочисленных добродетелей омрачается лишь одним пороком — жадностью. Сам Плутарх, кстати, не согласен с такой характеристикой: он считает, что корыстолюбие Красса настолько превосходило все остальные его пороки (а не добродетели), что попросту делало их менее заметными¹². Во время сулланских проскрипций, как уже говорилось, скупая имущество осужденных, он нажил огромное состояние, увеличенное затем путем самых беззастенчивых спекуляций¹³.

Тот же Плутарх подчеркивает следующее характерное обстоятельство: «Он владел еще великим множеством серебряных рудников, богатых земель, обеспеченных работниками, но все это можно считать ничтожным по сравнению с количеством и стоимостью его рабов»¹⁴.

Вместе с тем в Плутарховой биографии отмечаются и такие черты Красса, как его «обходительность и доступность», его «выдающиеся ораторские данные, готовность оказать помощь даже в таких случаях, «когда Цезарь, Помпей и Цицерон не решались взять на себя защиту». Одновременно сообщается, что, по слухам, Красс был сведущ в истории и не чужд философии, следуя учению Аристотеля¹⁵.

Бесспорны крупные финансовые связи Красса. «Деловые круги» Рима в эти годы набирают все большую силу и начинают играть все более значительную роль в политической жизни общества. Быть может, не следует слишком прямолинейно, как это иногда делается, считать Красса как бы «полномочным представителем» всаднических кругов, но, во всяком случае, в какие-то

¹² P l u t , Crass , 2

¹³ Ibidem

¹⁴ Ibidem

¹⁵ Ibid , 3

моменты своей политической карьеры он мог отстаивать — и отстаивал на самом деле — их нужды и интересы, будучи в свою очередь заинтересован в поддержке со стороны этих кругов.

Что касается обычно проводимого и даже само собой напрашивающегося сопоставления с Цезарем и Помпеем, то, конечно, имя его перешло в историю, будучи окружено меньшим блеском, но если иметь в виду реальное влияние и даже власть, то к моменту формирования триумvirата, т. е. когда Помпей оказался *уже* без армии, а Цезарь не успел *еще* ее получить, возможно, что именно Красс был фактически наиболее решающей и «опорной» фигурой.

Когда же все-таки возник так называемый первый триумvirат? Вопрос о дате этого соглашения чрезвычайно неясен. Он был неясен уже для самих древних. Единственное свидетельство современника событий — Цицерона — настолько лапидарно, что ничего разъяснить не может. Все остальные сведения идут от позднейших авторов, к тому же они довольно противоречивы. Правда, почти все эти авторы (за исключением Веллея Патеркула) высказываются за 60 г., но некоторые считают, что тайное соглашение было заключено еще до выборов Цезаря, другие же стоят за более позднюю дату. Неудивительно, что и в новейшей историографии существуют самые различные точки зрения по поводу этой даты (некоторые даже отодвигают ее к 59 году). Думается, что более всех прав Эд. Мейер, когда указывает на то, что как раз тайный характер соглашения вообще не дает возможности точного решения вопроса¹⁶. К этому можно добавить следующее: точная датировка «основания» первого триумvirата не только невозможна, но и не нужна, поскольку он складывался постепенно и в тайне — можно определить лишь тот момент, когда этот союз впервые «самообнаружился».

Гораздо, на наш взгляд, существеннее, чем трудности датировки, вопрос о причинах, обусловивших складывание подобного союза, и о его историческом значении. Объединение трех политических деятелей Рима нельзя, конечно, считать случайным явлением, оно диктовалось определенными интересами, причинами, собы-

¹⁶ Ed. Meyer. Op cit, S. 59—60.

тиями, т. е. определенной политической обстановкой. Эта обстановка оказалась такова, что интересы членов триумvirата в данный момент совпадали.

Помпея привела в триумvirат крайне «твердолобая» политика сената. Никакой гибкости, никакого учета реальной обстановки, никакой позитивной инициативы. Это была даже не политика наступления, но лишь политика глухой, упорной обороны, проводимая с помощью интриг, запретов, обструкций. Наряду с этим — резко выраженная, часто даже без нужды подчеркиваемая консервативность под флагом верности *leges maiorum*, понятию, которое для рядового римлянина давно превратилось всего лишь в красивую фразу.

Помпея подвигла на решающий шаг его затянувшаяся тяжба с сенатом после возвращения из восточного похода. Ничего другого и не следовало ожидать, если только вспомнить и представить себе, каковы были фигуры людей, считавшихся в то время принципсами сената. Это — старый сулланец Квинт Катул; бездарный и твердолобый коллега Цезаря по эдилитету, претуре, а затем и консулату Марк Бибул; Луций Лукулл, который оживлялся и проявлял интерес к общественным делам лишь тогда, когда мог учинить какую-либо неприятность своему старому сопернику Помпею, и, наконец, Марк Катон, про которого Цицерон, в общем будучи его единомышленником, тем не менее с уничтожающей иронией говорил, что тот забывает, что находится отнюдь не в государстве Платона, но среди подонков Ромула¹⁷. Это были люди, с которыми невозможно было найти общий язык (попытка Помпея породниться с Катоном, женившись на одной из его дочерей или племянниц, — и та встретила отпор), это была политика, которая не имела никаких перспектив.

Что касается Красса, то на его решение примкнуть к триумvirату должна была в данном случае оказать определенное влияние позиция всадников. Дело в том, что к этому времени наметилось серьезное расхождение между всадниками и сенатом. Тому виною был ряд причин, но особое обострение отношений произошло из-за реакции сената на обращение откупщиков с просьбой отменить существующее соглашение относительно

¹⁷ Cic., Ad Att., II, 1, 8

провинции Азии, так как в свое время они, увлеченные алчностью, взяли откуп по слишком высокой цене.

Несмотря на поддержку (и даже инициативу) в этом деле Красса, а также содействие Цицерона, который хоть и считал требования откупщиков постыдными, тем не менее по тактическим соображениям выступал за них, из попытки откупщиков ничего не получилось, а Катон окончательно провалил все дело. Это и привело, по выражению того же Цицерона, к тому, что всадники «отвернулись» от сената, «порвали» с ним. В подобной ситуации Крассу, который вообще никогда не отличался особой лояльностью по отношению к сенату, был прямой расчет примкнуть к намечавшемуся соглашению.

И, наконец, Цезарь. Сторонники телеологического подхода к историческим событиям считают, что Цезарь — инициатор и организатор тайного соглашения — уже в этот период своей деятельности преследовал вполне определенные цели, а именно: цели захвата единоличной, монархической власти. Подобные взгляды высказывались и в древности. Так, Цицерон (но, само собой разумеется, не в период возникновения триумvirата, а уже после смерти Цезаря) уверял, что Цезарь долгие годы вынашивал идею захвата царской власти¹⁸, а Плутарх писал, что под прикрытием человеколюбивого поступка (т. е. примирения Помпея с Крассом) Цезарь совершил настоящий государственный переворот¹⁹. В новое время провиденциально-монархические устремления Цезарю приписывал, конечно Моммзен, и не только он, но целый ряд новейших исследователей, вплоть до наших дней. Однако все это, в том числе и оценка самого Цицерона, — лишь позднейшие выводы *ex eventu*.

У нас нет никаких серьезных оснований предполагать, что, примыкая к союзу трех или даже организуя его, Цезарь, кроме тех насущных и злободневных вопросов, которые подсказывались самой политической обстановкой, еще ставил перед собой какие-то более далеко идущие цели. К первым могут быть отнесены: удовлетворение требований Помпея, умиротворение всадников, стабилизация собственного политического положения. Бес-

¹⁸ Cic, Phil, II, 34, 116

¹⁹ Plut, Caes, 13

спорно, именно эта задача была для Цезаря наиболее актуальной, но приступить к ее реализации он мог лишь после решения первых двух вопросов.

Однако из всего вышеизложенного отнюдь не вытекает, что «союз трех», созданный, вероятно, как временное соглашение, созданный для решения ближайших тактических задач, не мог эти задачи перерасти. Так оно и получилось на самом деле. Временное соглашение превратилось в постоянное (вернее, длительное), неофициальный и секретный союз — в почти официальное правительство.

Это очень скоро поняли сами древние. Современник событий Варрон выпускает памфлет о «трехглавом чудовище», в биографии Красса Плутарх говорит о том, что триумvirат представлял собой непреодолимую силу, лишившую власти сенат и народ²⁰, Аппиан называет триумvirов всемогущими²¹. В новейшей историографии это соглашение иногда оценивалось, как союз власти, денег и ума, а иногда — и, на наш взгляд, вовсе неправильно — как объединенное и концентрированное представительство трех основных политических сил Рима: сената, всадничества и демократии.

С нашей точки зрения, историческое значение так называемого первого триумvirата заключалось в том, что он был воплощением — в лице трех политических деятелей Рима — консолидации всех *антисенатских* сил. Таким образом, его возникновение, независимо от тех целей, ради которых он был создан, действительно оказывается важным и даже переломным моментом в истории Рима I в. до н. э. Если и не правы те, кто считает это событие концом республики и началом монархии — а такая точка зрения существует в историографии, — то, во всяком случае, следует со вниманием отнестись к словам Катона, который в свое время говорил, что не столь была страшна для римского государства внутренняя борьба политических группировок и их главарей или даже гражданская война, сколь объединение всех этих сил, союз между ними²². Если вместо слов «римское государство» подставить слова «сенатская респуб-

²⁰ Plut., Crass., 14.

²¹ App., B. c., 2, 9

²² Plut., Pomp., 47, idem Caes., 13.

лика» — ибо именно ее имел в виду Катон, — то его оценку, пожалуй, можно принять полностью.

Как уже отмечалось выше, вопрос о том, что произошло раньше — организация тайного союза или избрание Цезаря консулом, решить едва ли возможно. Да это и не столь важно; гораздо важнее, что в современной историографии представители телеологической точки зрения склонны видеть не только в организации самого триумvirата, но даже и в консульате Цезаря цепь мероприятий, сознательно проводившихся с «дальним прицелом».

Однако с подобными утверждениями никоим образом нельзя согласиться. Не говоря уже о том, что напряженная политическая обстановка и борьба, развернувшаяся в первые же месяцы 59 г., приковывали все силы и внимание к текущим злободневным вопросам, Цезарь в то время был еще настолько второстепенной фигурой не только среди политических деятелей Рима вообще, но и среди членов триумvirата в частности, что говорить о каких-то мероприятиях, рассчитанных на будущее единовластие, просто не приходится. Да и объективный анализ законодательной деятельности Цезаря за время его первого консулата не дает никаких оснований для подобных выводов.

Цезарь, когда он еще был *consul designatus*, заявил о своем намерении выступить с проектом аграрного закона. Очевидно, следует говорить о двух аграрных законах Цезаря, на чем настаивает Эд. Мейер, с которым можно согласиться и в том, что эти законы объединяли основные положения проектов Сервилия Рулла с теми требованиями, которые столь неудачно пытался провести в интересах Помпея трибун Флавий²³.

Несмотря на умеренный характер первого аграрного закона, несмотря на все попытки Цезаря сохранить лояльность по отношению к сенату и его заигрывание с отдельными влиятельными сенаторами, вплоть до Цицерона и Бибула, проект аграрного закона был встречен резко отрицательно. Сенаторов шокировало уже то обстоятельство, что, в нарушение давних традиций, консул вносит аграрные законопроекты (прецедент неслыханный со времен полулегендарного Спурия Кассия), т. е.

²³ Ed Meyer Op cit, S 62—63

занимается делами, совершать которые, по словам Плутарха, более подобало бы «какому-нибудь дерзкому народному трибуну, а отнюдь не консулу»²⁴.

Однако первый аграрный закон Цезаря действительно был умеренным и осторожным. Он имел в виду раздел государственных земель, за исключением земель в Кампании и некоторых других районах. Кроме того, предполагалась покупка земельных участков за счет средств от податей с новых провинций и военной добычи Помпея, но лишь у лиц, согласных продавать ее по цене, установленной при составлении цензовых списков. Земельные наделы, которые могли быть получены по этому закону, нельзя было отчуждать в течение 20 лет. Для проведения закона в жизнь предлагалось создать комиссию из 20 человек (в которую, кстати говоря, Цезарь решительно отказался войти), и руководство ею поручалось коллегии из 5 человек.

Внося свой проект аграрного закона в сенат, Цезарь заявил, что он даст ему ход лишь при условии одобрения проекта сенатом и что он согласен пойти на приемлемые изменения и дополнения к проекту. Вместе с тем, для того чтобы поставить сенат под контроль общественного мнения, Цезарь впервые ввел регулярную публикацию отчетов о сенатских заседаниях и народных собраниях. Однако все эти меры не помогли.

Сенатские круги, верные своей тактике, попытались и в данном случае организовать «глухую оборону». Бибул и трое поддерживавших его трибунов на основании наблюдений за небом говорили о неблагоприятных знамениях и со дня на день откладывали созыв комиций; наконец, Бибул объявил, что вообще все дни текущего года являются *feriae*, следовательно, не годятся для проведения народных собраний. Цезарю пришлось назначить день голосования вопреки этим запретам. Сенаторы, собравшись в доме Бибула, решили оказать противодействие в самом народном собрании. Однако, когда Бибул появился на форуме, еще в тот момент, пока Цезарь выступал с речью перед народом, произошла свалка: консульские фасции Бибула были сломаны, сопровождавшие его трибуны ранены, а Катона, пытавшегося говорить с трибуны, дважды выносили на руках.

²⁴ Plut., Caes., 14, ср. idem Pomp., 47, idem Cato min., 52

После этого закон был принят. Попытка Бибула на следующий день добиться сенатусконсульта, объявляющего на основании формальных моментов закон недействительным, уже не имела никакого успеха. Более того, когда Цезарь обязал сенаторов дать клятву в соблюдении принятого закона, то после недолгого колебания даже самые ярые противники как закона, так и лично Цезаря — в том числе и Катон — вынуждены были поклясться. После этого были проведены выборы комиссии 20, в которую вошли Помпей, Красс, М. Теренций Варрон и др. Войти в состав этой комиссии — даже в ее руководящую пятерку — было предложено и Цицерону, но он, поколебавшись, не дал согласия.

Вероятно, в ходе борьбы, развернувшейся вокруг принятия первого аграрного закона, тайный союз между Помпеем, Цезарем и Крассом «самообнаружился» во всяком случае Красс и Помпей впервые выступили в поддержку Цезарева закона «единым фронтом», причем Помпей даже угрожал применением оружия. Нам известно также, что в апреле 59 г. Цицерон уже писал о «союзе трех» как о само собой разумеющемся и всем известном факте.

В том же апреле был принят второй аграрный закон Цезаря, согласно которому под раздел попадали и те земли, изъятие которых специально оговаривалось первым законом. При наделении земель предпочтение отдавалось отцам семейств, имеющим трех и более детей. И хотя Цицерон писал, что, узнав об этой новости, он не смог спокойно спать после обеда, второй закон Цезаря прошел, видимо не встретив серьезного сопротивления. Цезарю же благодаря проведению этого второго закона удалось значительно укрепить собственное положение: в первую очередь были удовлетворены Помпей и его ветераны, а затем, по словам Аппиана, Цезарь создал себе таким путем огромное число приверженцев, так как одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20 тыс. человек²⁵.

Цезарь довольно энергично воспользовался растерянностью, царившей в сенатских кругах после поражения, испытанного во время борьбы вокруг первого аграрного закона. Бибул, проявивший неожиданное мужество в

²⁵ А р р., В. с., 2, 10.

момент схватки на форуме, теперь окончательно сник, заперся в своем доме, продолжая сообщать о неблагоприятных небесных предзнаменованиях и понося Цезаря в своих эдиктах, на что сам Цезарь не обращал серьезного внимания. В ближайшие дни после принятия первого аграрного закона прошли и некоторые другие законопроекты, которые были внесены Цезарем непосредственно в комиции (минуя сенат). По одному из них, проведенному, несомненно, в угоду Крассу, решался — и весьма благоприятно для публиканов — вопрос, с которым они в свое время безуспешно обращались к сенату: с них снималась треть откупной суммы. Аппиан считает, что благодаря этому ловкому политическому ходу Цезарь завоевал на свою сторону всадников, т. е. политическую силу более значимую, чем «народ»²⁶.

Вскоре было выполнено последнее обязательство по отношению к Помпею: через народное собрание прошел закон, который, наконец, утверждал столь долго не признаваемые сенатом распоряжения Помпея на Востоке. Попытку Лукулла противодействовать этому закону Цезарь моментально пресек, пригрозив ему возбудить судебное преследование за ведение войны в Азии. Лукулла это так напугало, что, если верить Светонию, он бросился Цезарю в ноги²⁷.

Цезарь безукоризненно выполнил все обязательства, взятые им на себя по отношению к своим коллегам. «Союз трех» заметно окреп и из тайного соглашения превратился в весьма существенный и явный фактор политической действительности. Теперь становились реальностью и некоторые мероприятия, рассчитанные на ближайшее будущее, в частности вставал вопрос не только о сохранении уже завоеванных позиций, но и об определенном обеспечении политического положения каждого из членов триумvirата в связи с предстоящими консульскими выборами. Проще всего это можно было сделать, как то и практиковалось почти во все времена, при помощи династических браков.

В связи с этим дочь Цезаря Юлию выдали замуж за Помпея, несмотря на то, что она была обручена с Сервилием Цепионом. Последнему же обещали дочь Помпея,

²⁶ App., B. c., 2, 13.

²⁷ Suet., Iul., 20.

кстати сказать, также уже обрученную с Фавстом, сыном Суллы. Сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона. В результате этих матримониальных комбинаций наметились и кандидатуры для предстоящих выборов: тесть Цезаря Кальпурний Пизон и фаворит Помпея — Авл Габиний. Катон, который, может быть, теперь всерьез пожалел, что он в свое время так нерасчетливо отверг сватовство Помпея, с тем большим негодованием заявлял, что нельзя выносить этих людей, которые сводничеством добывают высшую власть в государстве и вводят друг друга с помощью женщин в управление провинциями и различными должностями.

Цезарь, удовлетворив все притязания коллег по триумвирату, мог теперь, рассчитывая на их поддержку, подумать и о своем ближайшем будущем. Конечно, то незначущее и даже оскорбительное поручение, которое предусмотрел сенат для консулов 59 года, его никак не устраивало. Вместе с тем сложилась такая ситуация, которая давала возможность с большими шансами на успех ставить вопрос о Галлии.

В 62 г., когда в связи с движением Катилины аллоброги сделали попытку отложиться от Рима, против них был направлен Гай Помптин во главе карательной экспедиции; ему удалось восстановить положение. Однако в Трансальпийской Галлии было неспокойно. В 61 г. в Рим прибыл Дивитиак, вождь эдуев, который обратился в сенат с просьбой о помощи и поддержке против секванов. В 60 г. в Риме вообще опасались войны с галлами и даже был принят ряд предупредительных мер. После этого наступило временное затишье, и по инициативе Цезаря вождь германского племени свевов Ариовист, призванный арвернами и секванами, был даже признан в Риме царем и провозглашен союзником и другом римского народа.

По проекту закона, внесенному трибуном 59 г. Публием Ватинием предлагалось передать Цезарю (в связи со смертью Метелла Целера, который получил эту провинцию по жребию в 60 г.) в управление Цизальпийскую Галлию вместе с Иллириком. Срок управления провинцией определялся в 5 лет (с 1 марта 59 г.), Цезарю разрешался набор трех легионов и назначение легатов в преторском ранге по собственному усмотрению, без согласования с сенатом. Когда закон Ватиния

прошел в комициях, сенату пришлось «сделать хорошую мину при плохой игре» и под давлением Помпея и Красса присоединить к Цезаревой провинции также Нарбоннскую Галлию с правом набора там еще одного легиона.

К концу консулата Цезаря наблюдается некоторое изменение в положении триумвиров. Если их политические позиции в общем не были ослаблены — скорее, наоборот, — то все же можно констатировать определенный поворот в общественном мнении. Пока «союз трех» воспринимался как смелая оппозиция правительству, т. е. держащему в своих руках власть сенату, он мог пользоваться известным кредитом, но когда он сам начал превращаться в фактическое правительство, а сенат был вынужден уйти чуть ли не в подполье, то, это, естественно, вызвало определенный резонанс. Бесконечные эдикты Бибула, в которых он не стеснялся касаться темных сторон частной жизни Помпея и Цезаря, возбуждали любопытство римского населения и в какой-то степени влияли на настроение. Именно в это время появился уже упоминавшийся памфлет Варрона. Цицерон в своих письмах к Аттику с удовольствием сообщает о том, как было встречено рукоплесканиями смелое выступление молодого Куриона против триумвиров и как, наоборот, был освистан сторонник Цезаря трибун Кв. Фуфий Кален, или о том, как во время игр в честь Аполлона публика восторженно реагировала на «дерзкие» намеки в отношении Помпея, встретила Цезаря холодным молчанием, а молодому Куриону аплодировала²⁸. Не менее характерным признаком некоторого поворота в общественном мнении был инцидент с переносом дня консульских выборов. Цезарем они были намечены на конец июля, но Бибул своим эдиктом перенес комиции на 18 октября, и ни специальное выступление Помпея, ни попытка Цезаря организовать демонстрацию перед домом Бибула с требованием отменить его эдикт никакого успеха не имели.

Поэтому консулат Цезаря едва ли укрепил «союз трех» в целом. Хотя с момента «демаскировки» триумvirата Цезарь стал в сенате предоставлять всегда первое слово Помпею (до этого он обычно давал его Крас-

²⁸ Cic., Ad Att., 2, 18, 1, 2, 19, 3

су), чем подчеркивалось теперь его официальное положение принцепса сената, первого гражданина римской республики — то, к чему Помпей столь долго стремился и чего он, наконец, достиг, но достиг, как стало ясно, ценой потери прежнего авторитета и популярности. Положение Красса вообще мало в чем изменилось. Пожалуй, наиболее окрепшей политической фигурой из «союза трех» к концу 59 г. следует считать самого Цезаря, хотя и его позиции были далеко не бесспорными.

Консулат Цезаря нельзя считать осуществлением традиционной программы римской «демократии». Если его аграрное законодательство и было выдержано еще в духе этих традиций, то они скорее давали себя здесь знать только в области внешней формы, а не существа проводимых мероприятий. Кроме того, другие законы и мероприятия Цезаря даже и по форме не приближаются к традиционному законодательству вождей популяров. Может быть, и не столь уже наивно приводившееся выше высказывание Аппиана, который усматривал в законе Цезаря о публиканах попытку найти новую опору, более сильную и значимую, чем «народ»²⁹. Мы не хотим и не стараемся на основании всего вышесказанного утверждать, что Цезарь уже в период своего консульства отошел от «демократии», но, очевидно, определенное понимание того, что недостаточно организованная масса «народа» не может служить прочной и надежной опорой, было ему уже не чуждо.

Какова же дальнейшая судьба триумvirата? Цезарь, как известно, в 58 г. отправился в Галлию, где вскоре начались военные действия, Помпей и Красс оставались в Риме. 58 г. вошел в историю последних лет римской республики как один из самых бурных периодов. Это был год трибуната Клодия, т. е. последней вспышки «демократического» движения в Риме, год изгнания Цицерона. Правда, уже в следующем (т. е. в 57) году в противовес Клодию был выдвинут Милон, а Цицерон возвращен из изгнания, причем в италийских городах, да и в самом Риме ему была устроена торжественная встреча.

Все эти события, в частности трибулат Клодия и его враждебное отношение к Помпею, привели к тому, что,

²⁹ См выше, стр 110

с одной стороны, намечается сближение Помпея с сенатом, а с другой — новое охлаждение между Помпеем и Крассом.

Между тем дела Цезаря шли блестяще. Умело используя разобщенность, а иногда и прямую вражду между многочисленными галльскими племенами, привлекая в ряде случаев на свою сторону представителей местной племенной знати, наконец используя опыт, боевые качества и технику римской армии, Цезарь в результате ряда крупных военных успехов завершил к концу 57 г. покорение всей Галлии. Победы Цезаря произвели в Риме огромное впечатление. Сенат назначил пятнадцатидневное благодарственное молебствие и празднование.

Весной следующего 56 г. на севере Италии, в городе Луке, состоялось свидание триумвиров. Оно проходило в весьма торжественной обстановке: на поклон к фактическим правителям Рима съехалось более 200 сенаторов. В Луке были приняты важные решения, укреплявшие, на первый взгляд, тройственный союз. Полномочия Цезаря в Галлии продлевались еще на 5 лет, затем ему гарантировалось консульство. Помпей и Красс намечались консулами уже на ближайший (т. е. 55) год, после чего каждый из них тоже получал на пятилетний срок управление провинциями: Помпей — Испанией, Красс — Сирией. Но, роковым образом, принятые в Луке решения фактически содействовали не укреплению, а распаду тройственного союза.

Красс в конце 55 г., еще до истечения срока своего консульства, отправился на Восток, где начал неудачную для римлян войну с парфянами и сам пал жертвой этой войны. Помпей, наоборот, остался в Риме и управлял Испанией через своих легатов. Его, однако, весьма тревожили успехи и растущая популярность Цезаря. Стремясь что-то противопоставить этой популярности, он начинает искать опору в сенатских кругах, которые теперь охотно идут ему навстречу, не без расчета, очевидно, на его не раз проверенную лояльность.

Что касается самого Цезаря, то он, вернувшись в Галлию, был занят первое время укреплением границ завоеванной территории. В этих целях им был совершен поход за Рейн, во владения германцев, а также две экспедиции в Британию (55—54 гг.).

Однако Цезаря и римлян ожидало серьезное испытание. В 52 г. под руководством вождя племени арвернов Верцингеторикса началось антиримское восстание, которое вскоре распространилось на всю Галлию. Римские легионы, разбросанные по стране, оказались в тяжелом положении. Борьба была длительной и упорной. Цезарь проявил в ходе этой борьбы выдающуюся энергию, военный и дипломатический таланты, и восстание в конечном счете было подавлено. Только теперь положение римлян в стране стало достаточно прочным и надежным.

Завоевание Галлии необычайно высоко подняло личный авторитет Цезаря. По подсчетам самих древних, он за время галльских войн взял более 800 городов, покорил 300 племен, захватил в плен 1 млн. человек и огромную военную добычу. Добыча римлян была столь велика, что золото в самом Риме сильно упало в цене и продавалось на фунты. Если даже все эти сведения значительно преувеличены, то бесспорным и главным выигрышем самого Цезаря в этой войне была опытная, закаленная в боях, преданная ему армия.

Армия и оказалась решающим козырем в дальнейшей игре, которая развернулась с такой силой и в таких масштабах, каких, конечно, еще не могли предвидеть даже ее непосредственные участники. За последние годы пребывания Цезаря в Галлии необычайно обострилось положение в самом Риме. 52 год начался без высших магистратов. Предвыборные собрания нередко переходили в вооруженные стычки. Население Рима находилось в состоянии крайнего ажиотажа.

В начале года недалеко от Рима на Аппиевой дороге произошла случайная встреча двух врагов: Клодия и Милона. Обоих сопровождала вооруженная свита. Завязалась ссора, и Клодий был убит людьми Милона. Убийство вызвало в Риме большие волнения. В этих условиях сенат принимает решение вручить чрезвычайные полномочия Помпею. По предложению Бибула он провозглашается консулом без коллеги, что было, по существу говоря, смягченной формой диктатуры.

Положение Цезаря оказалось весьма затруднительным. Он стоял в это время со своим войском в Цизальпийской Галлии, на границе Италии, и должен был, как это полагалось, распустить армию и явиться

в Рим в качестве частного лица. Цезарь, конечно, понимал, что гарантия консульства, данная ему во время свидания в Луке, не имеет больше никакой цены, ибо триумvirат фактически перестал существовать. Кроме того, перед его глазами был опыт Помпея, его возвращение с Востока. Поэтому он требовал от сената определенных гарантий. Начинаются длительные переговоры, в ходе которых Цезарь, очевидно, еще не теряющий надежд на мирный исход, идет на ряд уступок. Под конец он даже соглашается сложить свои полномочия, если одновременно сложит полномочия и Помпей.

Ситуация некоторое время продолжает оставаться неясной. Но наиболее враждебно настроенные по отношению к Цезарю сенаторы и под их давлением сам Помпей не хотят никаких компромиссов. 7 января 49 г. сенат объявляет чрезвычайное положение, поручает Помпею набор войск, а Цезарю направляется ультимативное требование сложить полномочия. В случае отказа он объявляется врагом отечества.

Народные трибуны Марк Антоний и Квинт Кассий, сторонники Цезаря, пытались наложить свое трибунское veto на эти решения. Однако им было предложено удалиться из сената, если они не хотят подвергнуться оскорблениям. Народные трибуны в тот же день покинули Рим и отправились в лагерь к Цезарю, чем и доставили ему неплохой предлог вступить за их попранные права.

12 января 49 г. Цезарь с одним легионом и вспомогательными войсками переходит пограничную речку Рубикон. Историческая легенда приписывает ему фразу: «Жребий брошен». Но независимо от того, были произнесены эти исторические слова или нет, шаг был действительно решающий, ибо этим шагом Цезарь начинал гражданскую войну.

Движение Клодия

В истории Рима известен — наряду с Катилиной — еще один достаточно убедительный пример того, как сохранившаяся в веках репутация политического деятеля и возглавленного им движения может оказаться полностью зависящей от заклятого врага: речь идет о Клодии и его политической деятельности. Причем, как и в случае с Катилиной, этим врагом был опять-таки Цицерон. На сей раз он — вообще единственный современник и свидетель событий, и потому все остальные (и более поздние) авторы, так или иначе упоминающие о движении Клодия, едва ли свободны от воздействия его оценок и характеристик. Даже в том случае, если эти авторы пользовались какими-то иными, ныне не известными нам источниками, они, вероятно, все же не обходились без того, чтобы прибегнуть к авторитету великого оратора и знаменитого консула. Таким образом, перед нами еще один случай явной исторической аберрации.

Какова же характеристика Клодия, дошедшая к нам из древности? Какие черты его облика она выделяет и акцентирует? Пожалуй, если эти отдельные черты, отмечаемые отдельными авторами, сгруппировать воедино, то возникнет традиционный и довольно стандартный портрет «образцового злодея», удовлетворяющий всем требованиям риторических упражнений на специально заданную тему.

Во-первых, как это обычно и полагалось, подчеркивается порочность, развращенность Клодия как человека. Утверждается — довольно частое, как мы уже видели, и весьма типичное обвинение, — что он находился в преступной связи со своей собственной сестрой. Ярким примером римской *chronique scandaleuse*, получившим самую широкую огласку, было так называемое «дело Клодия». Оно заключалось в том, что в день праздника в честь Доброй богини (*Vona Dea*), празд-

ника, в котором могли принимать участие только женщины и который происходил в доме великого понтифика — а им был в то время Юлий Цезарь, — Клодий, переодетый в женское платье, проник в дом Цезаря на свидание с его женой. Однако обман не удался, Клодий был обнаружен и с позором изгнан из дома. В дальнейшем он был обвинен в святотатстве и предан суду, но в конечном счете оправдан.

Дошедший до нас портрет Клодия был бы очерчен неполностью, если бы мы не упомянули о приписываемой ему также политической и, так сказать, гражданской беспринципности. Одно из первых обвинений подобного рода сводится к тому, что в самом начале своей военной и политической карьеры, находясь в армии под началом собственного зятя Лукулла, он готовил против него чуть ли не восстание. Его обвиняли и в том, что, выступив сначала обвинителем Катилины, он затем был им подкуплен и резко изменил свою позицию (хотя в заговоре, видимо, не принимал участия). Беспринципным и даже противозаконным считался его переход в сословие плебеев, и, наконец, глубокое возмущение вызывали его связи с рабами, формирование из них специальных отрядов, опора на них — т. е. то, от чего с негодованием отказывался даже Катилина.

Вместе с тем все эти обвинения содержат такие штрихи и детали, которые упоминаются, как правило, вскользь и даже случайно, но которые, если их сопоставить, дают возможность нарисовать совершенно иной портрет Клодия.

Так, Плутарх, рассказывая в биографии Лукулла о поведении Клодия в армии своего зятя и считая его человеком «наглым и преисполненным заносчивости», тем не менее не может обойти молчанием тот факт, что Клодий пользовался репутацией «друга солдат»¹. Можно, конечно, иначе отнестись и к вопросу о связях Клодия с Катилиной, тем более что обвинение в подкупе было, вообще говоря, обвинением стандартным, а в данном случае никак не доказанным. Но, пожалуй, наиболее симптоматичен другой случай — пресловутое «дело Клодия». Оно не было только скандальным происшеств-

¹ Plut., Luc., 34

вием из хроники великосветской жизни Рима, как то пытаются иногда изобразить, но с самого начала приняло ярко выраженную политическую окраску.

Сам Клодий в это время был избран квестором, но к выполнению своих обязанностей не приступал, поскольку еще функционировали магистраты истекающего года (*quaestor designatus*). Он был поддержан народными трибунами. Инициаторами судебного процесса оказались сенатские круги. Суд над Клодием состоялся в мае 61 г. Наиболее неблагоприятное для подсудимого показание дал Цицерон (как уверяли, под нажимом своей жены Теренции, которая ревновала его к одной из сестер Клодия): когда обвиняемый пытался убедить судей в том, что в день празднования *Вона Деа* его вообще не было в Риме, Цицерон опроверг его алиби, сообщив, что в этот день Клодий заходил к нему домой.

Особо следует отметить странное и, на первый взгляд, трудно объяснимое поведение Цезаря. Он, как известно, моментально развелся с женой, а вместе с тем на суде держался очень осторожно и заявил, что о существовании дела ему ничего не известно. На вопрос же судей о причинах развода отвечал одной из приписываемых ему «исторических фраз», что мол, жена Цезаря должна быть выше даже подозрений.

Все это может иметь лишь одно объяснение: Клодий уже в то время имел довольно определенную репутацию как представитель антисенатских кругов и как любимец «народа». Цезарь, который, в особенности накануне консульских выборов, претендовал на роль вождя демократических слоев населения, очевидно, не мог не считаться с подобной репутацией Клодия. Во всяком случае, Плутарх и Аппиан находят такое объяснение позиции Цезаря вполне вероятным².

И действительно, во время судебного разбирательства толпа на форуме настолько явно выражала свое сочувствие Клодию, что судьи даже потребовали от консулов вооруженной охраны. Но ее не пришлось пустить в ход — к негодованию и растерянности просенатских деятелей, Клодий был оправдан 31 голосом

² Plut., Caes., 10; App., B. c., 2, 14

против 25. Конечно, после этого распространились слухи о подкупе судей. Если верить Плутарху, то Цицерон, которому Клодий сказал, что судьи не придали значения его показаниям, ответил: «Нет, мне поверили все двадцать пять судей, которые голосовали за осуждение. Тебе же не поверили и те тридцать, которые голосовали за оправдательный приговор, ибо они сделали это только за деньги»³. Вообще Цицерон был в полном отчаянии: он говорил, что из-за оправдания Клодия все его усилия по «укреплению» государства, авторитет его консульства, «согласие сословий» — все это повержено в прах одним ударом⁴. Таким образом, из всех этих сведений о Клодии можно сделать бесспорный вывод совсем не о том, что в них является главным, не о его моральном и политическом облике, но лишь о ненависти к нему его политических противников, и в первую очередь Цицерона.

Вскоре после своего процесса Клодий в связи с намерением добиться трибуната делает попытку перейти в сословие плебеев. Однако это ему удастся далеко не сразу. Более или менее благоприятная обстановка складывается лишь в 59 г., в консулат Цезаря. Когда во время судебного процесса над Антонием (победитель Катилины, обвиненный после управления Македонией в вымогательствах) Цицерон, защищавший своего бывшего сотоварища по консулату, не удержался от резких высказываний о положении дел в государстве и намеков на Цезаря, то последний буквально в тот же самый день провел в куриатных комициях усыновление Клодия неким плебеем по имени Фонтей. После этого на состоявшихся в октябре 59 г. выборах Клодий был избран народным трибуном.

Он вступил в исполнение своей должности 10 декабря 59 г. и сразу же обратился к народу с предложением — очевидно, заранее подготовленным — относительно четырех новых законов. Первый из них отменял всякую плату за ежемесячно раздаваемый беднейшему населению хлеб, второй восстанавливал запрещенные сенатусконсультом 64 г. так называемые кварталные коллегии и разрешал основывать новые,

³ Plut., Cic., 29

⁴ Cic., Ad Att., I, 16, 6, 18, 3.

третий запрещал в дни комиций наблюдение небесных знамений, наконец, четвертый закон ограничивал права цензоров при составлении списков сенаторов, не позволяя вычеркивать кого-либо из этих списков, если только тот или иной сенатор не подвергся формальному обвинению, которое единогласно признавалось всеми цензорами.

Все эти четыре законопроекта были приняты комициями 3 января 58 г., а слабая попытка интерцессии со стороны трибуна Л. Нинния Квадрата, сторонника Цицерона, была легко отведена Клодием. Он пообещал, что если не будет оказано сопротивления принятию четырех вышеназванных законопроектов, то он не станет выступать с какими-либо предложениями, направленными против Цицерона, и Нинний по просьбе самого Цицерона отказался от своего намерения.

Однако в самом недалеком будущем, очевидно, в феврале 58 г., Клодий выступил с новыми законопроектами. Один из них по существу сводился к вопросу об устранении Катона, хотя это устранение должно было быть проведено под видом почетного и ответственного задания. Катону поручалось отправиться на остров Кипр, который по завещанию Птолемея Александра отходил Риму. Поручение мотивировалось безупречной порядочностью Катона, поскольку речь шла о конфискации крупных сумм и имуществ в пользу римской казны, значительно истощенной в результате проведения аграрных законов Цезаря и только что принятого хлебного закона самого Клодия.

Закон, направленный против Цицерона, не называл его имени. В нем говорилось лишь о наложении кары *aquae et ignis interdictio*, т. е. о лишении воды и огня тех магистратов, которые повинны в казни римских граждан без суда. Но направленность этого закона была ясна для всех, и прежде всего для самого Цицерона.

Одновременно с этими двумя законопроектами Клодий выдвинул еще закон о провинциях, весьма прозрачной целью которого был своеобразный подкуп консулов. Консулам назначались новые, более выгодные для них провинции, чем те, которые намечались когда-то сенатом, а именно: Пизону — Македония, а Габинию — Сирия. По этому новому закону консулам разрешалось также вести военные действия вне территории

провинций, отправлять суд среди «свободных народов» и давалось право распоряжения весьма крупными денежными суммами.

Цицерон после опубликования этих проектов впал в полное отчаяние. Он облачился в траур, униженно просил о защите Пизона и Помпея, которому он даже бросился в ноги, но в обоих случаях получил отказ, в первом — со ссылкой на другого консула — Габиния, во втором — на Цезаря. Тогда, одетый в бедную и грязную одежду, он не постеснялся останавливаться на улицах Рима всех, кто попадался ему навстречу, ища сочувствия и поддержки.

Всадники и часть сенаторов также облачились в траур. Была выделена специальная депутация к консулам. Однако даже Пизон, на которого Цицерон возлагал большие надежды и который еще совсем на днях предоставлял ему в сенате слово «на третьем месте» (*tertio loco*), считал, что единственным выходом для Цицерона является добровольный отъезд из Рима. Что же касается Габиния, то он вообще запретил депутации являться в сенат, выслал из Рима особенно активного ходатая за Цицерона всадника Л. Элия Ламию, а сенаторам предписал немедленно снять траур. Когда же ряд сторонников Цицерона и депутация, направлявшаяся к Габинию, подверглись нападению вооруженных людей Клодия и когда сам Катон посоветовал Цицерону добровольно уехать из Рима, дабы избежать бесполезного кровопролития, последнему уже ничего не оставалось делать, как только последовать этому совету.

Клодий собрал в цирке Фламиния, за чертой померия сходку, где выступили оба консула, осуждая расправу над катилинариями, и их поддержал Цезарь. Закон против Цицерона был принят, очевидно, 20 марта. Одновременно с ним утверждался и закон о провинциях, а вскоре после этого и тот, согласно которому Катон должен был ехать на Кипр. Цицерон покинул Рим, как известно, до принятия решения, затем отбыли Катон и Цезарь, который только теперь отправлялся в свою провинцию.

Устранение этих трех лиц окончательно развязывает руки Клодию. Он развивает бурную деятельность. В день принятия закона против Цицерона его дом в

Риме был сожжен, виллы разграблены, и Клодий заявил о своем желании на месте разрушенного дома воздвигнуть храм Свободы. Затем, чтобы превратить добровольное изгнание Цицерона в акт, имеющий уже юридическое значение и силу, Клодий проводит новый, открыто направленный против Цицерона закон. Последний гласил, что именно Цицерон подпадает под более ранний закон, сформулированный в общем виде, что решение сената, на основании которого казнили катилинариев, было фальшивкой; под страхом смертной казни запрещалось предоставлять убежище изгнаннику, в том случае если он окажется на расстоянии менее чем 500 миль от Рима, и запрещалось когда-либо в будущем ставить вопрос о пересмотре или отмене закона.

Клодий и его сторонники пользовались в это время безусловной поддержкой широких слоев населения Рима, или, как выражается Плутарх, «разнуздавшегося народа»⁵. Но Клодий не собирался, тем более в момент наивысших успехов, ограничивать поле своей деятельности только Римом. Он начинает активно вмешиваться в дела внешнеполитического характера. Еще в 59 г. он интересовался Арменией и собирался отправиться туда в качестве посла, теперь же начинает оказывать покровительство отдельным общинам и династам, например Византию и Галатии, и, наконец, устраивает скандальный побег молодому Тиграну, находившемуся под охраной претора Л. Флавия. Однако последняя акция, как и некоторые другие попытки, сводившиеся по существу к тому, чтобы взять под сомнение распоряжения Помпея на Востоке, послужили началом серьезного и длительного конфликта с Помпеем. Клодий открыто шел на этот конфликт, как несколько позже он открыто выступил и против Цезаря, призывая кассировать его законы. Все это, на наш взгляд, вскрывает истинный характер взаимоотношений между Клодием и триумвирами.

Большинство новейших исследователей считает, что Клодий был в период своего трибуната лишь «орудием» Цезаря или его «агентом-provokатором». Такой

⁵ Plut., Cic., 33

точки зрения придерживались Моммзен⁶, Покок⁷ и Каркопино⁸. Несколько иначе оценивал Клодия Эд. Мейер: Клодий не собирался быть орудием в руках триумвиров; если они его и использовали в своих интересах, то то же самое делал Клодий в отношении триумвиров⁹. Таким образом, хотя и с определенной оговоркой, Эд. Мейер все же признает Клодия «агентом» или «орудием» триумвиров, и в частности Цезаря.

Однако, на наш взгляд, это общераспространенное мнение совершенно неосновательно. И так как оно действительно не подтверждается всей дальнейшей деятельностью Клодия, то вышеназванные исследователи, включая и Эд. Мейера, считают, что по заданию и в интересах Помпея и Цезаря была проведена операция по удалению из Рима Катона, а также Цицерона.

Но подобное заключение, если в нем внимательно разобраться, не выдерживает критики. Какую опасность для Цезаря или Помпея таило в себе пребывание Цицерона в Риме? Какую для них опасность представлял сам Цицерон? Более того, нам хорошо известно, что Помпей неоднократно заверял Цицерона в своей поддержке и защите; Цезарь же начал с предложения участвовать в триумвирате, а затем предлагал ряд почетных постов и, наконец, вместе с Помпеем защиту против Клодия. Разумеется, было бы наивно основываться на всех этих акциях как показателях истинно «хорошего отношения», но во всяком случае они являются бесспорным свидетельством отсутствия *враждебного* отношения триумвиров к Цицерону, а решающим коррективом служит благоприятная реакция как Помпея, так и Цезаря на возвращение Цицерона, как только этот вопрос стал в порядок дня. Очевидно, поскольку Помпей, а в особенности Цезарь были достаточно реальными политиками и умели для «пользы дела» отвлекаться от личных симпатий или антипатий, то совершенно ясно, что в вопросе об изгнании Цицерона они не были, да и не могли быть инициаторами, но

⁶ Т. Моммзен История Рима, т III, стр 179—181.

⁷ P. Rosok Clodius and the Acts Caesar — «Class Quart», XVIII, 1924, p 52—65, A note of the Policy of Clodius — Ibid, XIX, 1925, p 182—185

⁸ J. Carcopino Histoire Romaine, II, 1936, p. 729.

⁹ Ed Meyer. Op cit, S 103

им пришлось в силу определенных политических соображений пойти в этом деле на *уступку* по отношению к Клодию, что сделать им было не так уж трудно (как это, кстати, повторилось через 16 лет в ситуации Антоний — Октавиан), поскольку в их политических расчетах Цицерон не занимал теперь никакого места.

Что касается Катона, то бесспорно, что взаимоотношения между этим рыцарем «без страха и упрека», с одной стороны, и Помпеем или Цезарем, с другой, были гораздо более напряженными. Но тем не менее что мог дать Помпею, а в особенности Цезарю, который покидал Рим минимум на пять лет, отъезд Катона в недолговременную командировку? Как и в чем это могло повлиять на их положение или на их основные политические расчеты? Конечно, никак и ни в чем, зато в данном случае было не только нетрудно, но даже приятно пойти еще на одну *уступку*.

И это действительно были только уступки (о причине их мы скажем позже), ибо единственным человеком, который по многим причинам мог быть кровно заинтересован в изгнании и диффамации Цицерона, а также хотя бы в недолговременном устранении из Рима Катона — эвентуального и непримиримого оппозиционера первым же его мероприятиям, — был, конечно, сам Клодий. Поэтому он вовсе не «орудие» и не «агент-provokator» триумвиров, и даже едва ли можно говорить, как Эд. Мейер, о «взаимоиспользовании»; скорее всего, Клодий — вполне самостоятельная и даже враждебная триумвирам сила, как на это намекал сам Цицерон еще до трибуната Клодия¹⁰ и как это показали конфликты с Помпеем и Цезарем уже во время трибуната.

Все это приводит к необходимости дать, хотя бы в самых общих чертах, оценку трибуната или, говоря шире, движения Клодия.

Со времени Моммзена весьма распространен взгляд на Клодия как анархиста и беспринципного демагога¹¹. Так, Хитон в своей работе, посвященной римской «чер-

¹⁰ См об отношении триумвиров к Клодию Cic, Ad Att, II, 7, 3, об отношении Клодия к триумвирам — Cic, Ad Att, II, 12, 2.

¹¹ Т М о м м з е н История Рима, т III, стр 252—255

ни», говорит, что Клодий опирался на «бандитские элементы»¹².

Примерно такой же точки зрения придерживаются многие из современных исследователей. В отличие от них Эд. Мейер, как уже говорилось, считает, что Клодий, не желая быть только «орудием» в руках триумвиров, имел собственные цели и стремился к достижению власти по образцу Гракхов или Сатурнина, но с той разницей, что за этим стремлением не стояло никакой четкой политической идеи или убеждения¹³. Пожалуй, наиболее интересная попытка дать оценку движения Клодия в социальном аспекте принадлежит советскому исследователю Н. А. Машкину¹⁴. Он указывает на то, что квалификация движения Клодия как анархического ничего не дает для выяснения его сущности. Н. А. Машкин довольно подробно разбирает вопрос о составе «отрядов» Клодия и об участии рабов в его движении. Вывод Н. А. Машкина состоит в том, что движение не имело «освободительно-демократического характера», но было «движением люмпен-пролетарских слоев городского римского населения в условиях кризиса римского государства». Самого Клодия Н. А. Машкин считает беспринципным политиком.

Нам кажется, что с этими итоговыми выводами советского исследователя едва ли можно полностью согласиться. Движение Клодия, на наш взгляд, имело более широкую социальную основу, чем городские люмпен-пролетарские слои населения.

Если проанализировать первые законодательные мероприятия Клодия, то их «демократический» характер — в смысле их верности традициям программы популяров — едва ли может вызвать какие-либо сомнения. В этом отношении на первое место должен быть поставлен хлебный закон, который являлся логическим развитием хлебных законов «великих трибунов», начиная с Гая Гракха. Но не в меньшей степени закон, касающийся кварталных коллегий — этих политических «клубов» римского плебса, — как и закон о прове-

¹² J. W. Heaton *Mob'violence in the late Roman Republik Urbana* (Illinois), 1939

¹³ Ed. Meyer *Op cit*, S 87—88

¹⁴ Н. А. Машкин *Указ соч*, стр. 28—35

дении комиций независимо от небесных знамений, соответствовали оживлению антисенатских, или, как их принято называть, «демократических», сил и настроений.

Безусловно, можно констатировать, что все три названных закона удовлетворяли политические запросы городского плебейского населения и никак не касались интересов сельского плебса. Но, во-первых, не следует забывать, что перечисленные законодательные мероприятия Клодия проводились вскоре после принятия аграрных законов Цезаря, реализация которых безусловно сняла — хотя, конечно, лишь временно — остроту аграрного вопроса. Во-вторых, мы имеем, пусть очень беглые, но тем не менее достоверные указания на то, что Клодий вовсе не проявлял равнодушия в определенных конкретных случаях к аграрному вопросу и к интересам сельского плебса. Мы можем сослаться на краткие (но высказанные в такой форме именно потому, что речь шла, очевидно, о всем известных фактах) упоминания Цицерона о земельных конфискациях, проводимых Клодием насильственным путем¹⁵. И, наконец, если даже иметь в виду городской плебс, который в это время был гораздо более активен в политическом смысле и играл большую роль, чем сельское население, то все же нет никаких оснований сводить его полностью к люмпен-пролетарским элементам.

Некоторое, хотя, к сожалению, недостаточно четкое, представление о социальной опоре Клодия, дает знакомство с социальным составом организованных им «отрядов», которые были численно настолько внушительны, что Цицерон говорит иногда о «Клодиевой армии»¹⁶. Организация этих «отрядов» стояла в тесной связи с восстановлением плебейских коллегий. Восстановлением коллегий; как и созданием новых, руководил некто Секст Клодий, клиент Публия Клодия, которому, кстати, была поручена реализация хлебного закона и который был наделен довольно широкими полномочиями. Совершенно естественно, что в состав упомянутых «отрядов» широко принимались новые получатели хлеба, новые члены коллегии; послед-

¹⁵ C i c , Pro Mil , 27, 74.

¹⁶ C i c , Pro Sest , 39, 85

ние иногда даже возглавляли отдельные отряды. Среди них были, несомненно, ремесленники, большое число вольноотпущенников, ибо в это время, в связи с расширением хлебных раздач, сильно возрос отпуск рабов на волю; были в составе «отрядов» также рабы и гладиаторы. Цицерон даже уверял, что Клодий собирался организовать армию рабов, при помощи которой он хочет овладеть государством и имуществом всех граждан¹⁷. Но, конечно, участие рабов как в «отрядах», так и в движении Клодия в целом, Цицероном сознательно и даже «злонамеренно» преувеличивалось. Мы не имеем прямых указаний относительно участия в Клодиевых «отрядах» сельского плебса, но то, как описывал тот же Цицерон проводимые Клодием земельные захваты, дает возможность предположить наличие какого-то контакта и с сельским населением.

Все сказанное выше позволяет прийти к выводу о движении Клодия как о последнем широком движении, проходившем под лозунгами и в традициях римской «демократии». Как и в случае с Катилиной, мы — и об этом уже говорилось — имеем сведения о Клодии и о всех событиях, связанных с его именем, от его злейшего врага — Цицерона. Поэтому в этих сведениях слишком много наносного, неправдоподобного, извращенного, как традиционно извращен и самый облик Клодия.

В противовес этим традиционным данным есть все основания считать, что в 50-е годы широкое общественное мнение признавало главой популяров скорее Клодия, чем Цезаря, и трибунат Клодия был поэтому своеобразной «демократической» рекацией на разочаровавшую широкие массы деятельность Цезаря во время его консульства.

Этим же, кстати сказать, и объясняется то странное, малопонятное и какое-то слишком «бережное» отношение Цезаря к Клодию, начиная со скандального случая во время праздника в честь *Vona Dea*. Мы упоминали, что Клодий уже тогда, несмотря на свою молодость, пользовался большой популярностью среди «народа». Мы считаем, что именно это обстоятельство, а отнюдь не то, что Цезарь сразу же «угадал» в Кло-

¹⁷ C i c., Pro Mil., 28, 76.

дии весьма пригодное для себя «политическое орудие», дает возможность понять поведение Цезаря как в данном конкретном случае, так и в истории его дальнейших взаимоотношений с Клодием Цезарь оказывался в щекотливом положении. Открытый конфликт с Клодием по мере роста популярности последнего мог привести к утере всяких связей с римской «демократией». Такой оборот дела Цезаря никак не устраивал. Поэтому в сложившейся ситуации для обоих политических деятелей было куда выгоднее сохранять либо «вооруженный нейтралитет», либо даже идти иногда на частные и временные соглашения, тем более что Клодий был достаточно умен, дабы до поры до времени ни в чем серьезном не мешать Цезарю.

Итак, мы склонны рассматривать движение Клодия как последнее движение, проходившее под лозунгами и в традициях римской демократии. Мы говорили о Клодии (и в какой-то мере о Цезаре) как о вожде демократических элементов. Мы вообще не раз оперировали понятием «римская демократия». Не обязывает ли это нас дать, наконец, более или менее развернутое определение самого понятия?

Сравнительно недавно в современной историографии господствовала точка зрения, согласно которой в Риме — во всяком случае, в эпоху поздней республики — существовала «двухпартийная система». Считалось, что примерно со времен Гракхов сложились партии так называемых оптиматов и популяров. Оптиматы — партия римского нобилитета, или сенатская партия, популяры — партия демократическая. Политическая борьба стала сводиться почти целиком к борьбе и соперничеству этих двух партий; так, сулланцы рассматривались как оптиматы, а марианцы как популяры, или, скажем, заговор Катилины трактовался как выступление популяров (т. е. «демократов»), да еще радикальных.

В западноевропейской историографии эта точка зрения шла от Моммзена и Друмана, у нас она одно время была общепринятой (даже в общих курсах и учебных пособиях), но, пожалуй, наиболее ярко проявилась в работах В. Н. Дьякова¹⁸. Тем не менее подобная трактовка

¹⁸ См., например, «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952, стр. 577—633

вопроса есть не что иное, как перенесение современных терминов и представлений на историю Рима, т. е., говоря иными словами, модернизация этой истории.

Если попытаться посмотреть на интересующие нас понятия глазами самих древних — а сделать это возможно, ибо у нас есть развернутое определение Цицерона, — то мы легко убедимся в том, что нет никаких оснований считать оптиматов и полуляров политическими партиями. Цицерон говорит: «В нашем государстве всегда было два рода людей, которые стремились к государственной деятельности и к выдающейся роли в государстве: одни из них хотели считаться и быть популярными, другие — оптиматами. Те, действия и высказывания которых приятны толпе, — популяры, те же, чьи действия и намерения встречали одобрение у каждого достойного человека, — оптиматы»¹⁹.

Определение этим не исчерпывается. Цицерон здесь же очень подробно перечисляет, кого именно следует относить к оптиматам. «Число оптиматов, — говорит он, — неизмеримо: это руководители государственного совета, это те, кто следует их образу действий, это люди из важнейших сословий, которым открыт доступ в курию, это жители муниципиев и сельское население, это дельцы, это также и вольноотпущенники». Короче говоря, это все те, «кто не наносит вреда, не бесчестен по натуре, не необуздан и обладает нерасстроенным состоянием»²⁰.

Из этого определения, на наш взгляд, с полной ясностью вытекает, что оптиматы никоим образом не являются «партией» нобилитета, да и вообще не должны рассматриваться в качестве какой-либо партии или определенной политической группировки. Более того, оптиматы — понятие межсословное. Говоря об оптиматах, Цицерон, как мы только что могли убедиться, имеет в виду достаточно широкие социальные слои: от нобилия до отпущенника. Оптиматы — это благонамеренные и зажиточные граждане, независимо от того, к какому сословию они принадлежат.

Что касается определения понятия «популяры», то, как показывает анализ употребления этого термина в

¹⁹ Cic, Pro Sest, 41, 96

²⁰ Ibid, 44, 96—97

древности, у нас нет и в данном случае никаких оснований говорить о политической партии, да еще оппозиционной по отношению к «партии» оптиматов. Популяры это — отдельные политические деятели, выступающие в «интересах народа», считающие, что управлять государством должен не сенат, но народное собрание, что следует проводить земельные и хлебные законы, основывать колонии и т. п.

Таким образом, ни оптиматы, ни популяры не могут рассматриваться как политические партии (особенно в современном смысле слова). Но это отнюдь не означает, что в Риме не существовало демократических деятелей и демократического движения. Широкие слои сельского, а затем и городского плебса были тем огромным резервуаром, той питательной средой, откуда римская демократия черпала свои силы. Правда, состав римских демократических слоев, особенно в эпоху поздней республики, был весьма пестрым и даже внутренне противоречивым, но это уже другой, совершенно особый вопрос. Популярами же следует считать тех политических деятелей (кстати, они часто были выходцами из самых высших слоев римского общества), которые в своей борьбе против сенатской олигархии пытались опереться на эти широкие, но, как показал опыт, малоорганизованные слои населения.

Поэтому, говоря о Клодии и его движении, мы имеем, как нам кажется, достаточные основания считать это движение демократическим, а самого Клодия — одним из вождей римской демократии, одним из видных популяров. Рассмотрим в заключение деятельность Клодия по истечении срока его трибунских полномочий, поскольку возглавленное им движение, безусловно, выходило за хронологические рамки самого трибуната.

Борьба Клодия с сенатом и просенатскими кругами продолжалась и в последующие годы. В 57 г. она развертывалась главным образом вокруг вопроса об изгнании Цицерона. Клодию был противопоставлен народный трибун Тит Анний Милон. Он, по примеру Клодия, стал создавать вооруженные отряды, используя их в дальнейшем для столкновений и борьбы с отрядами Клодия.

В том же 57 г. дело зашло так далеко, что в стычках на форуме были ранены народные трибуны, а брат

Цицерона Квинт ускользнул от гибели, спрятавшись среди трупов и притворившись мертвым. Как уверяет Плутарх, народ стал охладевать к Клодию, а Помпей пожалел о том, что «бросил Цицерона на произвол судьбы»²¹. Поэтому Помпей решил использовать Милона и его отряды, и под их давлением в августе 57 г. был принят в народном собрании закон, разрешающий изгнаннику вернуться в Рим. «Сенат,— говорит Плутарх,— как бы соревнуясь с народом, выразил признательность городам, которые оказывали уважение и услуги Цицерону во время изгнания, и распорядился за счет казны отстроить его дом и виллы, разрушенные Клодием»²².

Цицерон возвратился в Рим на шестнадцатом месяце изгнания. Города, через которые он проезжал, устроили ему торжественную встречу. Сам он выразился так, что Италия на собственных плечах внесла его в Рим²³. Сразу по возвращении он выступил с благодарственной речью перед сенатом и народом. Затем он поставил в сенате вопрос о наделении Помпея особыми полномочиями для обеспечения города продовольствием (вполне возможно, что цены на хлеб искусственно вздувались противниками Клодия).

Цицерон вообще в эти дни проявлял малосвойственную ему активность и решительность. Так, окруженный своими почитателями и приверженцами, он поднялся на Капитолий (правда, выбрав все же такой день, когда Клодия не было в городе) и сорвал доски, на которых были записаны постановления собраний и указы трибунов, в том числе и закон об его изгнании. Когда же, несколько позже, Клодий выступил с жалобой, он заявил, что Клодий — патриций, что народным трибуном он стал вопреки законам и потому ни одно из его действий или решений не имеет законной силы, чем вызвал возмущение даже со стороны Катона²⁴.

Однако в конце 57 г. и начале 56 г. позиции Клодия снова окрепли. На 56 г. он был избран эдилом. Пользуясь старинным правом, он решил привлечь Милона к суду, обвиняя его в насилии. Помпей, который только

²¹ Plut., Cic., 23

²² Ibidem

²³ Cic., Post red. in sen., 15, 39.

²⁴ Plut., Cic., 24

что потерпел поражение в сенате, где ему было отказано в разрешении на проектируемый им поход в Египет, скандально провалился с попыткой защиты Милона на форуме. Ему еле дали закончить речь, а когда поднялся Клодий и, обращаясь к толпе, стал спрашивать: «Кто морит людей голодом?» — клодианцы хором отвечали: «Помпей» — или на вопрос: «Кто хочет идти войной на Александрию?» — снова кричали: «Помпей». В заключение произошла очередная вооруженная схватка между клодианцами и милонианцами²⁵.

В апреле 56 г. состоялась встреча триумвиров в Луке. Решения, принятые во время этой встречи, были проведены в жизнь не без труда. Помпей и Красс были избраны консулами (кстати, выборы происходили с опозданием уже в 55 г.) только при поддержке вооруженной силы: так, сын Красса, легат Цезаря, привел в народное собрание большой отряд солдат для голосования за отца и за Помпея.

И в 54 и в 53 гг. уличные беспорядки и вооруженные столкновения не прекращались. Подкуп во время предвыборных кампаний принял такие размеры, что буквально каждому кандидату угрожал судебный процесс. В городе росла анархия, 53 г. начался без высших магистратов. Именно в это время начинается ослабление и даже распад триумvirата. В 54 г. умерла дочь Цезаря и жена Помпея — Юлия; в 53 г. гибнет в Парфии Красс; в Галлии вспыхнуло восстание; перед Помпеем возникает реальная возможность единоличной диктатуры. Все эти события фактически расстроили, расторгли тройственный союз.

В конце 53 г. в связи с выборами магистратов анархия еще более усилилась. Борьба за консульство шла между тремя претендентами; одним из них был Милон. Что касается Клодия, то на 52 г. он выставил свою кандидатуру в преторы. Как можно судить на основании отрывочных сведений источников, им разрабатывалась новая демократическая программа, в том числе закон о голосовании вольноотпущенников. По проекту этого закона вольноотпущенникам предоставлялось якобы право голосовать не только в городских, но и в сельских трибах, состоявших до сих пор целиком из свободно-

²⁵ Plut., Pomp., 48, ср. Cic., Pro Sest., 49, 104

рожденных граждан. Конечно, подобная реформа открывала возможность для вчерашних рабов, ныне отпущенников, оказывать определенное (и более значительное, чем раньше) влияние на результаты выборов. Поэтому не случайно — но как всегда в таких случаях с огромным преувеличением — Цицерон говорил: «Дома у него уже вырезаны на медных досках законы, которые целиком отдают нас нашим рабам»²⁶.

Предвыборная борьба шла и на сей раз как при помощи денег, т. е. подкупов, так и оружия. На улицах Рима возобновились стычки между отрядами Клодия и Милона. Во время столкновения на Священной дороге оказался в смертельной опасности Цицерон. 52 г., как и предыдущий, начался без высших магистратов — попытка провести консульские выборы окончилась свалкой, и оба консула (истекшего года) были ранены. Напряжение достигло высшей точки.

18 января 52 г. недалеко от Рима, на Аппиевой дороге, как уже упоминалось, произошла случайная встреча Клодия и Милона. Аппиан рассказывает, что они не обратили друг на друга внимания, но внезапно один из рабов Милона бросился на Клодия и нанес ему удар кинжалом в спину. Клодий истекал кровью, и его перенесли в придорожную гостиницу. Сюда же явился со своими людьми Милон, и они, видимо, прикончили умирающего.

Когда тело Клодия было перевезено в Рим и весть о его смерти распространилась по городу, дом его был окружен взволнованной толпой народа. На следующий день труп перенесли на ростры; здесь состоялась сходка, на которой выступили с речами народные трибуны. Затем толпа понесла труп Клодия в Гостилиеву курию (помещение, где происходили заседания сената), дабы оказать члену сенаторского сословия посмертные почести, а заодно выразить порицание не принимающему никаких мер сенату. Здесь из скамей и кресел сенаторов был сложен костер. В результате сгорела и сама курия, и ряд соседних зданий²⁷.

Волнения в Риме, связанные с убийством Клодия, продолжались несколько дней. Они вспыхнули с новой

²⁶ C i c , Pro Mil , 31, 87

²⁷ A p p , B c , 2, 21.

силой, когда в город вернулся Милон. В этом движении принимали участие и рабы, хотя Аппиан уверяет, что они просто воспользовались беспорядками в городе, чтобы предаться грабежам и насилиям²⁸.

Милон был привлечен к суду. Защиту его взял на себя Цицерон. Тем не менее сенат весьма опасался эксцессов во время самого суда и поручил Помпею не только председательство, но и организацию охраны и безопасности в городе. Помпей в ночь накануне суда окружил форум войсками, а Милон, зная характер своего защитника и опасаясь, что ему не хватит мужества в этих чрезвычайных условиях, посоветовал Цицерону прибыть на форум в носилках и не выходить из них, пока все судьбы не займут свои места. Но все же, как красочно об этом рассказывает Плутарх, Цицерон, «выйдя из носилок и увидев Помпея, сидевшего на возвышении, словно посреди военного лагеря, увидев сверкающий оружием форум, растерялся и едва смог приступить к речи — голос его прерывался, руки и ноги дрожали»²⁹. Защита на сей раз не удалась. Милон оказался обвиненным и вынужденным удалиться в изгнание; имущество его было продано для уплаты долгов.

Таков был конец Клодия, и не только самого Клодия, но и возглавленного им, однако совершенно бесперспективного в той обстановке, движения.

²⁸ Ibid , 2, 22.

²⁹ Plut , Cic , 35

Диктатура Цезаря

Итак, 12 января 49 г. Цезарь с войском перешел границу Италии, чем и положил начало гражданской войне. Дальнейшие события первого периода этой войны — остановимся на них лишь в самых общих чертах — развиваются с потрясающей быстротой.

Не встречая фактически никакого сопротивления в городах Северной Италии, Цезарь стремительно движется по направлению к Риму. Помпей, который не располагал в Италии достаточными военными силами, переправляется на Балканский полуостров (с ним вместе покидает Италию значительная часть сенаторов). Цезарь вступает в Рим. К всеобщему изумлению, вместо ожидаемых казней и проскрипций он выдвигает лозунг милосердия (*clementia*). Пленники получают свободу, с оставшимися в городе сенаторами он обходится крайне милостиво. В Риме Цезарь задерживается всего на несколько дней — он немедленно отправляется в Испанию, где были сосредоточены основные военные силы Помпея. Испанская кампания занимает июль-август 49 г. и заканчивается капитуляцией помпеянских войск (битва при Илерде).

После этого Цезарь снова возвращается в Рим. Здесь его провозглашают диктатором, но пребывает он в этой должности всего 11 дней и складывает диктаторские полномочия, будучи избран консулом на 48 г. В январе этого же года с 6 легионами и несколькими отрядами конницы он высаживается на западном побережье Балканского полуострова в районе Аполлонии.

Начало балканской кампании сложилось неудачно для Цезаря. В битве под Диррахием он потерпел довольно серьезное поражение, однако Помпей не сумел развить свой успех. Все же ситуация оставалась крайне тяжелой; недаром, по свидетельству Аппиана, Цезарь сказал: «Война могла бы быть в этот день закончена,

если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать»¹.

Цезарь отступил в Фессалию и расположился лагерем у Фарсала. Здесь в июне 48 г. и произошло решающее сражение. Войско Помпея было разбито наголову, сам он бежал сначала на остров Лесбос, а оттуда в Египет, где при высадке на берег его, по приказанию египетского царя, предательски убили.

Через несколько дней после этого события в Александрии высаживается с небольшим отрядом Цезарь. Он довольно решительно вмешивается во внутренние дела Египта. Во-первых, он взыскивает огромные денежные суммы, которые ему был должен недавно умерший египетский царь Птолемей Авлет, затем принимает участие в династической борьбе, разгоревшейся между наследниками покойного царя: Птолемеем Дионисом и его сестрой Клеопатрой. Цезарь решительно поддерживает Клеопатру, которая, кстати сказать, становится его любовницей, и добивается провозглашения ее царицей (совместно с братом). Это вызывает сильное недовольство придворных кругов. Вспыхивает восстание против римлян (так называемая Александрийская война). Пока к Цезарю не подошли подкрепления из Сирии, положение римлян было критическим. Между прочим, во время борьбы с восставшими Цезарь приказал сжечь стоявший в гавани флот; пламя перекинулось в город, и во время пожара погибла знаменитая Александрийская библиотека. Когда восстание было подавлено, а войско изменившего Цезарю Птолемея Диониса разбито в дельте Нила, единодержавная власть была вручена Клеопатре (она вскоре родила от Цезаря сына, которого александрийцы называли Цезарионом).

За время пребывания Цезаря в Египте оживились старые противники Рима. Сын знаменитого понтийского царя Митридата VI — Фарнак — начал военные действия в Малой Азии, и ему удалось захватить Вифинию. С необычайной для того времени быстротой Цезарь устремился через Сирию в Понт и начал войну с Фарнаком. Вся кампания продолжалась 5 дней, Фарнак был разгромлен, и Цезарь послал в Рим знаменитое

¹ А р р , В с . , 2, 62

сообщение о своем походе: «Пришел, повидал, победил» (veni, vidi, vici).

После всех этих событий Цезарь снова возвратился в Италию. Состояние дел в Риме требовало его присутствия. За время гражданской войны материальное положение широких слоев населения значительно ухудшилось, большую остроту приобрел долговой вопрос. Претор Целий Руф внес законопроект относительно кассации всех долгов (в том числе и платы за квартиры), но, будучи смещен со своей должности сенатом, пытался поднять на юге Италии восстание. В 47 г. народный трибун Долабелла решил возобновить его законопроект, что привело к новым волнениям. Цезарь был вынужден пойти на частичную реализацию программы Целия — Долабеллы (отмена задолженности по квартирной плате за один год, засчитывание уже выплаченных процентов в счет самого долга), благодаря чему спокойствие в Риме было восстановлено. Кроме того, Цезарю пришлось иметь дело с довольно опасным бунтом солдат, которым не выплатили вовремя обещанное вознаграждение. Этот бунт ему удалось ликвидировать благодаря решительному и смелому личному вмешательству, в частности благодаря тому, что, обещав солдатам требуемое ими увольнение, он уже стал называть их «квиритами», т. е. гражданами, а не воинами.

Цезарь срочно готовился к новому походу — в Африку, где приверженцы Помпея и сената сосредоточили крупные военные силы. Ими командовал Метелл Сципион — довольно бездарный представитель славного своими знаменитыми полководцами рода, но идеологическим вождем всего сенатского лагеря был старый и непримиримый враг Цезаря — Катон. 1 декабря 47 г. Цезарь с 6 легионами отправляется из Рима в Африку. Гражданская война вступает в свой завершающий этап. Остановимся поэтому на событиях данного периода несколько подробнее.

Первые действия войск Цезаря на территории Африки были неудачны, но его враги снова — как и после Диррахия — не сумели в полной мере воспользоваться своей победой. Исход африканской кампании был решен битвой при Тапсе (август 46 г.). Помпеянцы потерпели полное поражение. Катон, который на-

ходился в Утике, окончил жизнь самоубийством (прочтя предварительно диалог Платона). Нубия превратилась в римскую провинцию. 28 июля 46 г. до н. э. Цезарь вернулся в Рим. Прежде всего он был озабочен тем, чтобы, вопреки вновь распространяющимся в городе паническим слухам, произвести благоприятное впечатление и рассеять страхи перед кровавой расправой. Он выступил перед народом и в сенате, подчеркивая отсутствие каких бы то ни было тиранических намерений и, наоборот, всячески упирая на свои заботы о благосостоянии народа, которое можно и следует поднять за счет покоренных территорий.

В августе 46 г. Цезарем был отпразднован пышный четверной триумф: над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой. Празднества длились четыре дня (еще один день был специально выделен для отдыха). Общая стоимость продемонстрированных за эти дни сокровищ достигала суммы в 65 тыс. талантов, причем среди них находилось 2822 золотых венка (весом в 20 414 фунтов), поднесенных Цезарю различными правителями и городами.

Из этих же средств сразу после триумфа Цезарь стал расплачиваться с войском, превзойдя при этом собственные обещания. Каждый рядовой воин получил 5000 аттических драхм, каждый центурион — вдвое больше. Затем жителям Рима было выдано по 400 сестерциев каждому и кроме того хлеба, что полагался по хлебному закону, еще по 10 модиев зерна и 10 фунтов масла. Для народа было устроено грандиозное угощение на 22 тыс. столов, а также зрелища, игры, в которых принимали участие пехотинцы, конница и даже боевые слоны. Согласно обету, данному перед Фарсалом, Цезарь воздвиг храм в честь Венеры Прародительницы (*Venus Genetrix*) и устроил вокруг храма священный участок (*forum Iulium*). Вскоре после всех этих празднеств была произведена перепись населения, причем оказалось, что численность его уменьшилась более чем вдвое. Так что и Аппиан и Плутарх вынуждены заканчивать свои торжественные описания триумфа, игр и зрелищ меланхолическим вздохом по поводу бедствий, причиняемых народу междуусобными войнами².

² А р р , В . с . , 2, 102, P l u t , Caes , 55

И хотя успехи Цезаря были блестящи, положение его — вне сомнений, а триумф — великолепен, все же античная историография сохранила нам первые признаки недовольства и оскорбленной народной гордости, которые проявились во время этих празднеств, поскольку всем было ясно, что четвертый триумф — не столько триумф над Африкой, сколько над побежденными согражданами, и в частности над Катонем и Метеллом Сципионом.

Но Цезарь мог еще пока не придавать серьезного значения этим отдельным проявлениям недовольства, как и всяким насмешливым стихам, которые распевались солдатами по его адресу во время триумфа. Все это были мелочи, не соизмеримые с теми грандиозными почестями и той реальной властью, которою он ныне обладал. После Тапса сенат вынес решение о сорокадневных молебствиях, о праве Цезаря сидеть на курульном кресле между обоими консулами, о замене имени Катула в посвяtitельной надписи капитолийского храма на имя Цезаря, о даровании Цезарю почетной колесницы (*tensa*) и о воздвижении его статуи, у ног которой лежал бы земной шар, а надпись гласила: «Полубогу».

Еще более существенным было то обстоятельство, что Цезарь провозглашался диктатором на 10-летний срок с правом иметь 72 ликтора (по 24 ликтора — за две прежние и за нынешнюю диктатуру!) и ему вручалась на двойной (следовательно, на трехлетний) срок *praefectura togae*, т. е. по существу неограниченная цензорская власть, контроль над частной жизнью граждан.

Следует помнить, что Цезарь обладал еще (с 48 г.!) трибунскими полномочиями (*tribunicia potestas*) и неоднократно избирался консулом. А если, несколько забегаая вперед, учесть те почести, которые были для него декретированы после Мунды, — десятилетнее консульство (от чего он, кстати говоря, решительно отказался) и титулы императора (как *praepomen*), отца отечества (*parens patriae*), освободителя (*liberator*), то станет ясным чрезвычайно широкий и вместе с тем экстраординарный характер его власти.

Вопрос о характере власти Цезаря и, в особенности, о значении некоторых его отдельных полномочий

или почетных титулов неоднократно дебатировался в специальной литературе. Наибольший интерес, пожалуй, представляет толкование и оценка специфического значения титула *imperator*.

Моммзен совершенно недвусмысленно утверждал, что если положение Цезаря как главы государства формально определялось в первую очередь диктаторскими полномочиями, то для обозначения монархической сущности его власти гораздо «пригоднее» был титул императора, который впервые у Цезаря приобрел характер постоянного наименования (*praepotens*) и в отношении которого была оговорена возможность передачи его по наследству. В дальнейшем Моммзен выражался еще категоричнее; он считал, что новая власть императора была не чем иным, как восстановленной древнейшей царской властью и что Цезарь решил присвоить себе именно эту царскую власть, избегая слова царь (*rex*) и потому используя титул императора³.

В настоящее время эта «крайняя» точка зрения Моммзена на значение титула *imperator* разделяется лишь немногими. Ряд исследователей или находит, что титул *imperator* сохранял свое прежнее (республиканское!), идущее со времен Сципиона Африканского значение и при Цезаре (например, Эдкок)⁴, или не придает этому титулу и связанному с ним формально-юридическому анализу серьезного значения (Эд. Мейер)⁵, или, наконец вообще отрицает монархические устремления Цезаря (Сайм)⁶. Н. А. Машкин, уделяя большое внимание вопросу о характере власти Цезаря и давая обзор существующих точек зрения, сам, тем не менее, не приходит ко вполне определенным выводам. Он считает, что «Цезарь в ином значении, чем прежде, принимает титул императора», но вместе с тем пишет: «Нет, по нашему мнению, оснований усматривать в этом «имени-титуле» указания на верховную власть на то, что Цезарь был носителем *imperium maius*, что

³ Т М о м м з е н История Рима, т III, стр 394—401

⁴ The Cambridge Ancient History, IX, 1932, p 728

⁵ Ed. Meyer. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius Stuttgart — Berlin, 1922, S. 465—472

⁶ R y m e Roman Revolution Oxford, 1939, p 52

почетный титул *imperator* превратился в термин, указывающий на сферу компетенции». Одновременно Н. А. Машкин подчеркивает, что Цезарь открыто стремился к монархической власти, к тому, чтобы его провозгласили царем⁷.

С нашей точки зрения, если только не поддасться соблазну телеологических предвосхищений, нет ни нужды, ни необходимости вкладывать какой-то новый, особый и явно монархический смысл в термин *imperator* по сравнению с его прежним, т. е. «республиканским», значением. Во всяком случае, этого не следует делать применительно ко времени Цезаря. На каком основании возникла в современной историографии версия об особом и к тому же монархическом характере Цезарева почетного титула? Она, видимо, базируется на показаниях двух источников: свидетельстве Светония о том, что титул *imperator* превратился в *praenomen* Цезаря⁸ и свидетельстве Диона Кассия, подчеркивающего, кроме того, наследственный характер титула⁹.

Но если оба эти свидетельства с большей или меньшей точностью подтверждают тот факт, что ныне, т. е. со времени Цезаря титул императора стал применяться и использоваться особым образом и несколько иначе, чем прежде, то они вовсе не являются доказательством принципиального изменения (в «монархическом направлении») внутреннего содержания самого понятия. В крайнем случае показания наших источников, и главным образом Диона Кассия, свидетельствуют лишь о том, что значительно позднее Август, претендуя на наследование титула, мог вкладывать в свои устремления, как и в свое отношение к титулу, «расширительные» требования, совершенно, конечно, не свойственные обстановке и положению дел при Цезаре.

Как же следует понимать смысл термина *imperator*, когда он из старореспубликанского, общеизвестного и по существу временного титула все-таки превратился в «*praenomen imperatoris*»? Нам кажется, что в

⁷ Н. А. Машкин Принципат Августа М — Л, 1949, стр. 64—66

⁸ Suet., Iul., 76

⁹ Dio Cass., 43, 44

принципе внутреннее содержание его не изменилось. Термин *imperator* по-прежнему означал высшего военного начальника, распорядившегося своими подчиненными, но, поскольку он стал постоянным, почетное звание «главнокомандующего» носитель данного титула сохранял теперь не только в военное, но и в мирное время.

Решающим в смысле подтверждения высказанного взгляда является тот факт, что Цезарь имел диктаторские полномочия, которых, как известно, Август не имел, и потому при Цезаре титул императора вовсе и не должен был принимать то широкое, почти всеобъемлющее значение, которое он приобретает у позднейших принцепсов (начиная с того же Августа). Изложенная нами трактовка титула *imperator* применительно к Цезарю и его времени не предполагает — во всяком случае, в достаточно осознанной и подчеркнутой форме — стремления самого Цезаря к царской власти. На вопрос о субъективных устремлениях Цезаря, связанных с царским венцом, мы попытаемся ответить, если это вообще возможно сделать, несколько ниже.

Перейдем теперь к обзору внутривластных мероприятий, проведенных Цезарем после битвы при Тапсе. После пышных празднеств, наград и угощений, связанных с его триумфом, Цезарь приступил к наделению ветеранов землей, причем, когда вставал вопрос о неотчуждаемости участков, руководствовался, очевидно, своим же аграрным законом от 59 г. Наделение земельными участками производилось постепенно и осторожно, в соответствии с той программой, которую сам Цезарь изложил в предыдущем году бунтующим солдатам. Аппиан вкладывает ему в уста следующие обещания: «Я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных рядом с ограбившими, чтобы они пребывали в вечной вражде друг с другом, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если будет нужно, то еще и прикуплю»^{9а}. В различные области Италии Цезарем были направлены специальные уполномоченные, и несомненно, что чрезвычайно сложная

^{9а} App., B c., 2, 94, ср. Suet., Iul., 38

работа по наделению земельными участками не могла быть выполнена в течение того же (т. е. 46) года.

Затем Цезарь организует проведение всеобщего ценза, однако это мероприятие, видимо, осталось незавершенным вплоть до его смерти. Одним из подготовительных к проведению ценза актов было, по всей вероятности, принятие муниципального закона. Его содержание касалось в основном вопросов городского управления и устройства, причем не только по отношению к италийским, но и к провинциальным городам. Указывалось, что должность декуриона является пожизненной, и определялись необходимые требования к кандидатам на эту должность. Кроме того, в законе содержались предписания по городскому благоустройству применительно к самому Риму, в результате чего «столица империи» низводилась, хотя бы в этом смысле, на один уровень с муниципальными городами.

Однако Цезаря в это время волновали, если иметь в виду Рим, далеко не только вопросы коммунального хозяйства. Он проводит, причем весьма энергично, ограничение контингента лиц, получающих хлеб, снизив его с 320 тыс. до 150 тыс. человек. Городской претор должен был ежегодно пополнять при помощи жеребьевки освобождающиеся (в результате смерти) вакансии, однако строго в пределах тех же 150 тыс. человек. Некоторые древние авторы ставят возможность подобного снижения контингента лиц, получающих даровой хлеб, в непосредственную связь с переписью, произведенной после триумфа и празднеств. Другие говорят о том, что с целью пополнения уменьшившейся цифры населения был издан указ, запрещающий гражданам старше 20 и моложе 40 лет и не связанным военной службой находиться вне Италии дольше трех лет, а также лишавший права выезда за границу детей сенаторов, за исключением тех, кто находился в свите магистрата. Кроме того, все жившие в то время в Риме врачи и преподаватели свободных искусств (*liberalium artium doctores*) получили права римского гражданства, дабы они сами охотнее оставались в Риме и привлекали других.

В качестве верховного понтифика Цезарь издал эдикт о роспуске восстановленных Клодием религиозных коллегий (за исключением древнейших), что име-

ло, однако, не только религиозное, но и большое политическое значение, поскольку эти коллегии издавна были средоточием плебса и очагами демократической агитации. Кроме того, Цезарь провел знаменитую реформу календаря. Введен был солнечный год, насчитывавший 365 дней; добавочный месяц уничтожался, вместо него каждые четыре года стали добавлять один день.

Цезарю принадлежит попытка упорядочить и ускорить судопроизводство, а также восстановить твердый порядок в смысле соблюдения сроков при отправлении магистратур. Обе эти области государственно-правовой жизни пришли в заметное расстройство в годы гражданской войны. Был проведен специальный закон, по которому уничтожалась декурия эрарных трибунов, и, таким образом, суды снова должны были состоять лишь из сенаторов и всадников. Что касается вопроса об упорядочении сроков отправления магистратур, то законом Цезаря о провинциях управление консульскими провинциями ограничивалось двухгодичным сроком, а преторскими — одногодичным.

Следует упомянуть и законы Цезаря против роскоши. Этими законами запрещалось употреблять носилки, пурпуровые одежды, жемчуга. Регулировалась даже продажа гастрономических товаров на рынках; с другой стороны, не допускалась чрезмерная роскошь надгробных памятников, обилие колонн облагалось штрафом.

В качестве цензора Цезарь произвел пополнение сената. При этом в состав сената были приняты не только проскрибированные при Сулле, но и те, кто был лишен звания цензорами или осужден в свое время по обвинению в подкупе. По отношению к комициям Цезарь поступал следующим образом: кроме кандидатов на консульство, из претендентов на остальные должности половина избиралась народом, а другая половина — самим Цезарем, ибо он рассылал по трибам рекомендательные записки и таким образом проводил своих ставленников.

Наконец, следует сказать несколько слов о неосуществленных планах и проектах Цезаря. Он собирался выстроить грандиозный храм Марса, засыпав для этого озеро, а около Тарпейской скалы соорудить

огромный театр. Он намеревался издать свод законов, открыть греческие и римские библиотеки, поручив подготовку этого дела Марку Варрону. Он хотел осушить помптинские болота, спустить воду Фуцинского озера, исправить дорогу, идущую от Адриатического моря через Апеннины до Тибра, прокопать Истм. Что касается военных предприятий, то он собирался усмирить даков, которые вторглись в Понт и Фракию, а затем через Малую Армению направиться против парфян.

Такова была в общих чертах внутривластная и реформаторская деятельность Цезаря.

При непредубежденном подходе все перечисленные выше реформы и законы Цезаря представляются нам как проводимые (субъективно!) для ответа на тот или иной жгучий запрос «текущих» дел и обстановки. Не говоря уже о земельных награждениях или о таких мерах, как сокращение хлебных раздач, уничтожение Клодиевых коллегий, законы против роскоши и т. п., но и рассчитанные в какой-то мере на будущие времена закон о муниципиях; реформа календаря, судебный закон и закон о провинциях были прежде всего вызваны неотложными текущими нуждами управления. Возможна даже некоторая систематизация этих задач и нужд.

Когда после победы при Тапсе Цезарь вернулся в Рим в качестве победителя (поскольку решающий этап гражданской войны был уже завершен), естественно, что первой и неотложной задачей, вставшей перед ним, было удовлетворение нужд и требований его солдат. Отсюда — политика земельных раздач и наделений, щедрые награды. Непосредственно вслед за этим требовалось подсчитать «потери», и не только среди тех, кто воевал на полях сражений, но и среди мирного гражданского населения. Эта широкая проблема в свою очередь распадалась на ряд более частных задач. Проведенный ценз показал катастрофическую убыль числа граждан. Отсюда — такие мероприятия, как законы против эмиграции и муниципальный закон. Однако это были меры скорее сдерживающие и негативные, а отнюдь не позитивное решение вопроса. Поэтому сюда следует присоединить мероприятия Цезаря по распространению гражданских прав и выводу колоний. Но и этого еще было недостаточно. Общая зада-

ча «подсчета потерь» (а вместе с ними — и наличных сил) требовала какого-то решения вопроса о городском люмпен-пролетариате. С попыткой решения Цезарем этого вопроса и связано сокращение контингента лиц, получавших даровой хлеб, а также судебный закон.

И, наконец, перед Цезарем стояла задача восстановления нормального — и к тому же налаженного в интересах самого Цезаря! — функционирования государственного аппарата. К этой области следует отнести такие мероприятия, как пополнение сената, законы об увеличении числа магистратов, закон о провинциях, новый *usus* взаимосвязей между диктатором и комициями. Эту задачу «восстановления» государственного аппарата нельзя рассматривать изолированно от другой стороны той же проблемы: стремления найти новую — и достаточно надежную — социальную опору. Последним же стремлением, кстати говоря, была обусловлена и Цезарева «политика милосердия».

Таков, на наш взгляд, путь, избранный Цезарем в его трудах по восстановлению государственного строя, поколебленного гражданской войной. Однако реформаторская деятельность Цезаря, его напряженная работа по «восстановлению государственного строя» была прервана необходимостью срочного выезда на последний — но для Цезаря отнюдь не новый — театр военных действий: в Испанию. Здесь создалось довольно серьезное положение. Некоторые командиры войск, находившихся в Испании (где, кстати сказать, Помпей издавна имел большое число сторонников), вошли в сношения с помпеянами в Африке, откуда вскоре прибыли сыновья Помпея — Гней Помпей, которому было передано верховное командование, а затем и Секст Помпей. Лузитаны и кельтиберы присоединились к Гнею Помпею, и под его знаменами собрались большие силы — до 13 легионов. Легаты Цезаря оказались не в состоянии самостоятельно справиться с таким серьезным противником, и только флот имел некоторые успехи. Таким образом, Цезарю, несмотря на его явное нежелание, усугублявшееся пребыванием в Риме Клеопатры, пришлось лично отправиться в Испанию.

Однако он отбыл из Рима не раньше, чем провел ряд текущих мероприятий по управлению провинциями, а также самим Римом. Что касается провинций, то Цезарь

позаботился о назначении наместников на 45 г.; в самом же Риме, не имея времени организовать выборные комиции, он вступил на несколько иной путь. Будучи облечен властью диктатора (в третий раз) и консула (также в третий раз), он назначил начальником конницы, а следовательно, и своим заместителем на время отсутствия в Риме, М. Эмилия Лепида, бывшего, кстати сказать, тоже консулом. Ему он придал коллегию из восьми городских префектов, имевших ранг преторов. Были проведены только выборы народных трибунов и плебейских эдилов. Видимо, уже после того, как Цезарь отбыл в Испанию, были проведены (под председательством Лепида) также и центуриатные комиции, на которых Цезаря в четвертый раз избрали консулом, причем *sine collega*. Таким образом, Рим в 45 г. был оставлен без обычных магистратов, что уже имело место и раньше, например в 47 г.

Как справедливо отмечает Эд. Мейер, отношение к испанской войне в Риме было довольно индифферентным¹⁰. Никто уже не верил, что борьба шла за восстановление республики, но все понимали, что это борьба за власть между претендентами. В январе 45 г. Цицерон писал, что война едва ли будет продолжительной и что хотя причины, побудившие противников взяться за оружие, довольно различны, но между победой той или другой стороны он не видит большого различия¹¹. И тем не менее именно в этих условиях Цезарю пришлось, как он в этом позднее сам признавался, впервые бороться не за победу, а за собственную жизнь¹².

Цезарь выехал из Рима в начале декабря 46 г. и через 24—27 дней был уже в Испании. Военная кампания велась с обеих сторон с большим ожесточением; силы противников были примерно равны. Решительное сражение состоялось 17 марта 45 г. при Мунде. Цезарь ожидал, что враг спустится в долину и перейдет ручей, протекавший между двумя позициями. Однако его расчеты не оправдались. В то время как легионы Цезаря приближались к ручью, помпейцы и не думали сходить со своих высот. Легионы Цезаря остановились перед их

¹⁰ Ed Meyer Op cit, S. 431.

¹¹ Cic, Ad fam, 6, 4, 1

¹² App, B. c., 2, 104, Plut, Caes., 56, Suet, Iul., 36

грозной позицией. Завязалось ожесточенное сражение, исход которого долгое время был неясен; в некоторые моменты успех даже склонялся на сторону помпеянцев. Желая ободрить дрогнувшие ряды, Цезарь ринулся вперед и подбежал к вражеской линии, осыпаясь градом копий, пока не подоспели на выручку центурионы. К вечеру сражение было выиграно.

Вскоре Цезарю сдались Кордова, Гиспал и самый город Мунда. Много видных помпеянцев или погибло в сражении, или покончило с собой. Гней Помпей был захвачен в момент бегства и убит, а его голова показана народу в Гиспале. Его младшему брату, Сексту, удалось скрыться. Цезарь после битвы при Мунде задержался в Испании, очевидно, на довольно значительный срок (он вернулся в Рим только в октябре 45 г.), причем за время пребывания в Испании он провел ряд мероприятий: одним общинам были увеличены налоги, другим, наоборот, дарованы гражданские права, а некоторые даже получили право называться колониями римских граждан.

Победа при Мунде, когда весть о ней достигла Рима, внушила по свидетельству самих древних, такой страх перед Цезарем и создала ему такую славу, какой никто и никогда не имел до него. Так, по крайней мере, говорит об этом Аппиан. Этими же причинами он объясняет и безмерный, небывалый размах почестей, оказанных Цезарю после Мунды¹³. Мы уже говорили о даровании Цезарю титулов императора, отца отечества, освободителя и о десятилетнем консулате (от которого он, кстати говоря, отказался), но не упоминали пока о других, быть может, менее реальных, но отнюдь не менее пышных почестях.

Например, сенатом было назначено 50-дневное благодарственное молебствие в честь победы. Кроме того, сенат разрешил Цезарю появляться на всех играх в одеянии триумфатора, в лавровом венке, а также носить высокие красные сапоги, которые, по преданию, носили когда-то альбанские цари. Сенат и народ постановили, чтобы Цезарь получил на Палатине *domus publica*; дни его побед объявлялись праздничными. Во время игр в цирке его статую из слоновой кости проносили на

¹³ А р р , В с , 2, 106

роскошных носилках; кроме того статуи Цезаря воздвигались в храме Квирина и среди изображений царей на Капитолии. Это были уже такие почести, которые по словам Светония, не оказывались до сих пор ни единому смертному¹⁴.

Вскоре после возвращения из Испании Цезарь отпраздновал новый (пятый!) триумф. Он дал два угощения народу: первое из них показалось самому Цезарю чересчур бедным, и он повторил его через четыре дня. Однако эти празднества (а Цезарь разрешил отпраздновать триумф еще двум своим легатам) произвели на римлян самое тяжелое и неприятное впечатление, ибо речь шла о кровавой победе над согражданами, а не над чужеземными народами или властителями.

Вслед за триумфом Цезарь сложил с себя звание консула *sine collega* и провел выборы новых консулов на остающиеся три месяца. На эти же три месяца вместо городских префектов, очевидно, были избраны преторы и квесторы (в соответствии с законом Цезаря о магистратах). Таким образом, положение государства как будто полностью нормализовалось: последняя кампания гражданской войны победоносно закончена, видимые враги сокрушены, управление Римом и провинциями все более входило в упорядоченную колею, сам же Цезарь, окруженный неслыханными до того в Риме божескими почестями, пребывал на вершине славы и могущества.

Именно отсюда берет истоки мифологизация личности Цезаря, представление о нем как о гении и сверхчеловеке. Это представление начало складываться еще у современников, подтверждением чего в первую очередь могут служить соответствующие высказывания Цицерона. Однако следует отметить, что суждения современников и ближайших потомков были куда сдержаннее и реалистичнее, чем неумеренные восторги новейших историков. Это обстоятельство совершенно справедливо подчеркнул в своей интересной работе Штрассбургер, указав на то, что Цезарь, даже в глазах своих ближайших сторонников, не был великим государственным деятелем и реформатором. Истинным преобразователем государ-

¹⁴ Suet., Iul., 76

ства, по мнению Штрассбургера, следует считать не Цезаря, но Августа¹⁵.

Что касается оценки Цезаря в новой и новейшей историографии, то необходимо сразу же оговориться: литература, посвященная данному периоду римской истории и, в частности, деятельности и личности самого Цезаря, необозрима. Поэтому мы остановимся лишь на нескольких, представляющих наибольший интерес работах.

Пожалуй, первым и достаточно ярким примером телеологической и вместе с тем восторженной оценки личности (и деятельности) Цезаря является оценка, данная еще в первой половине прошлого века Друманом¹⁶, который, чрезвычайно высоко ставя Цезаря, одновременно весьма презрительно третировал Цицерона. Такой взгляд был прежде всего определенной реакцией на отношение к двум указанным деятелям Нибура, ибо последний высказывался о них диаметрально противоположным образом. Но, пожалуй, наиболее характерная черта всего построения Друмана — телеологизм: по его мнению, Цезарь вынашивал планы достижения единовластия и установления абсолютной монархии чуть ли не с юношеских лет: еще при жизни Суллы он понимал, что республика себя изжила; Помпей и Красс были лишь пешками в его руках; завоевание Галлии являлось сознательной подготовкой гражданской войны, т. е. борьбы за единовластие.

В своей оценке личности и деятельности Цезаря Друман был до известной степени предшественником Моммзена. Оценка же (или, вернее, апология) Цезаря, высказанная в свое время Моммзеном¹⁷, оказала и продолжает оказывать огромное влияние на современную западную историографию. Это не значит, конечно, что все последующие исследователи безоговорочно присоединялись к Моммзену, но почти все воздавали должное силе и «неотразимости» его характеристик, а те, кто пытался дать иную оценку Цезаря как исторической личности, все же невольно отталкивались в своей полемике от образа, столь ярко обрисованного Моммзеном.

¹⁵ H Strassburger Caesar im Urteil der Zeitgenossen — «Historische Zeitschrift», 175, 1953, S 225—264

¹⁶ W Drumann, P Gröbe Geschichte Roms, I—VI Berlin, 1899—1929

¹⁷ Т Моммзен История Рима, т III, стр 379—474

Цезарь для Моммзена — беспримерный творческий гений, первый и единственный император, идеальный монарх. Он великий полководец, оратор, писатель, но все эти свойства являются для Цезаря второстепенными, всем этим он стал только потому, что был в полном смысле слова государственным человеком (Staatsmann). Основная же особенность его деятельности как государственного человека — полнейшая гармония. Поэтому ему и удавалось то, что было недоступно другим государственным деятелям. сплочение под своей властью самых разнородных элементов и «коалиций», т. е. проведение надсословной, надклассовой политики, результатом которой было возрождение римской и эллинской «наций». Давно известно, что на моммзеновскую оценку Цезаря, грешащую, кстати сказать, достаточно ярко выраженным телеологизмом, оказали большое влияние события 1848 г., и эта оценка в какой-то мере отражала чаяния немецкой либеральной буржуазии, мечтавшей об объединении Германии под властью надклассового, но демократического (!) монарха.

Наиболее яркой реакцией на моммзеновскую апологию Цезаря была точка зрения Ферреро¹⁸. Обычно его «Величие и падение Рима» даже в буржуазной историографии расценивается как произведение блестящее по форме, но дилетантское по существу, принадлежащее перу скорее памфлетиста, чем ученого. Что касается характеристики Цезаря, то она вытекает у Ферреро из его отрицательного отношения к телеологизму Друмана и Моммзена. Но это отрицательное отношение высказано, пожалуй, слишком прямолинейно. Для Ферреро Цезарь никакой не государственный деятель, но блестящий авантюрист, иногда реализующий дерзкие планы, иногда оказывающийся игрушкой обстоятельств и случая. В начале своей политической карьеры Цезарь стремился добиться примирения между аристократами и демократами, в соответствии с учением Аристотеля; как консул он пытался установить умеренно-демократический строй по Периклову образцу. Ферреро считает, что Цезарь всячески стремился избежать гражданской войны, но допускал ошибку за ошибкой. После окончательной победы в этой войне положение Цезаря оказалось,

¹⁸ Г. Ферреро «Величие и падение Рима», т. II. М., 1916

как ни странно, отнюдь не прочным; восстановить государство он тоже оказался не способным, о чем свидетельствует вся его организаторская деятельность, а расчеты на войну против парфян как на предприятие, которое может в корне изменить политическое положение, были, конечно, совершенно фантастическими.

Эд. Мейер в неоднократно упоминавшейся уже работе «Монархия Цезаря и принципат Помпея» противопоставляет понятия двух государственных систем: принципата и монархии. Принципат — по существу республиканская система; во главе государства стоит сенат, а принцепс сената является охранителем и защитником республиканских устоев. Теоретическое обоснование подобного государственного устройства дал Цицерон в трактате *De re publica*, практическое же осуществление это устройство нашло в принципате Помпея, а затем в политической системе, установленной Августом. Что касается Цезаря, то ему подобная система была чужда, он стремился к превращению Рима в монархию эллинистического типа. Характеристике Цезаря и его политических целей, помимо отдельных замечаний, рассеянных по всему тексту, посвящены две особые главы: «Личность и цели Цезаря» и «Цель Цезаря. Абсолютная монархия».

Эд. Мейер пытается дать определение не только политических целей Цезаря, но и его «индивидуальности», причем стремится это сделать исходя из оценки характера «революционной обстановки». Он, по мере сил и возможностей, избегает телеологических «предсказаний». Что касается его мнения о Цезаре как о государственном деятеле, то оно достаточно высоко, и он решительно возражает против «часто выдвигаемого упрека, что Цезарь действовал лишь исходя из потребностей текущего момента и не создал ничего долговечного»; наоборот, «скорее образ, который он хотел придать государству, стоял перед его глазами совершенно ясно, и он осуществил его вполне последовательно в объеме, в котором это вообще было возможно в отпущенный ему краткий срок»¹⁹. Эта последняя фаза свидетельствует, на наш взгляд, о том, что Эд. Мейеру в его оценках деятельности Цезаря не удалось все же в полной мере освободиться от телеологического подхода.

¹⁹ Ed Meyer. *Op. cit.*, S 472, ср S. 509

В чрезвычайно интересной работе Сайма²⁰ дается довольно трезвая и осторожная оценка Цезаря. Политические цели последнего определялись, по мнению автора, стремлением ликвидировать последствия гражданской войны. Поэтому автократизм Цезаря в значительной степени был вынужденным. Что касается стремления Цезаря создать из Рима монархию эллинистического образца, то Сайм не без оснований считает все эти планы и идеи домислом современных нам историков.

Из русских историков на деятельности Цезаря и ее оценке в свое время довольно подробно останавливался Р. Ю. Виппер²¹. Для него также характерно стремление отойти от телеологического взгляда на деятельность Цезаря. Он пытается рассматривать эту деятельность — как, впрочем, и самую личность Цезаря — в аспекте социальной истории поздней Римской республики.

Р. Ю. Виппер говорит о Помпеевом принципате и о «политико-религиозной» идее восточного «царства» с «его апофеозом». У Цезаря, очевидно, после посещения Египта и Сирии наблюдается это «влечение к Востоку, его формам жизни, обстановке, религиозным обрядам и понятиям». По мнению Р. Ю. Виппера, Цезарь, который в начале своей политической карьеры выступал в качестве «союзника римской демократической оппозиции», постепенно все дальше и дальше отходит от этих кругов. Он становится представителем «военного империализма», солдатским вождем, абсолютным монархом, опирающимся на военную силу. Однако это не является признаком прочности и устойчивости его «правления». Все в большей степени Цезарь оказывается в зависимости от своих легионов и от «штаба своих военных фаворитов». Парадоксальность его положения заключается в том, что на вершине своего успеха он остается без «опоры против того самого элемента, который дал ему победу».

Советский исследователь Н. А. Машкин в известной и тоже не раз уже упоминавшейся нами работе «Принципат Августа» посвящает оценке личности и деятельности Цезаря фактически три главы: «Историография XIX—

²⁰ R Syme Op cit, p 52—59

²¹ Р Ю В и п п е р Очерки истории римской империи Москва, 1908, стр 213—220

XX вв. о деятельности Цезаря», «Власть Цезаря» и «Социальные основы римского цезаризма». Для нас в данном случае наибольший интерес представляет последняя из этих глав²².

Н. А. Машкин довольно подробно рассматривает в ней вопрос о социальных основах, социальной сущности римского цезаризма. Вслед за кратким обзором литературы он переходит к сравнительному анализу таких понятий, как цезаризм и бонапартизм. Вывод автора таков: римский цезаризм имеет некоторые общие черты с бонапартизмом. И тот и другой режимы возникают в результате фактической узурпации власти. Для римского цезаризма исключительное значение имеет армия, превратившаяся в Риме из общегражданского ополчения в наемное войско. В области социальной политики для римского цезаризма, который все же вырастает из рабовладельческой демократии, весьма характерно лавирование между различными социальными группировками. Основное и наиболее глубокое различие между бонапартизмом и римским цезаризмом заключается в отношении к классам современного им общества.

В дальнейшем автор переходит к анализу и характеристике социальной опоры Цезаря. Он утверждает, что последний «стремился стать между двумя борющимися группами римского рабовладельческого общества» и что из этих двух групп «плебс не был ни единственной, ни главной опорой Цезаря». Его «партия» была составлена из разнородных элементов, или, как указывает автор, «вокруг Цезаря группировались определенные круги римских всадников, богатых италийских муниципалов и знатных романизовавшихся провинциалов».

В заключение своего экскурса о римском цезаризме Н. А. Машкин поднимает вопрос о политических формах, характерных для античности. По его мнению, таких форм существовало лишь две: город-государство с его, как правило, республиканским (демократическим или аристократическим) устройством и монархия. Поэтому переход от города-государства был возможен только к монархии, а в этой монархии должен был раствориться сам Рим, который — в лучшем случае — мог остаться столицей мирового государства. И, наконец, по словам

²² Н. А. Машкин Указ соч., стр. 72—110

автора, «переход к монархии был вызван и социальными причинами: военная диктатура должна была оградить государство от массовых восстаний рабов и свободной бедноты».

Что касается оценок Цезаря в новейшей историографии, т. е. в историографии последних лет, то здесь, пожалуй, можно проследить две тенденции. Одна из них характеризуется стремлением к трезвым, умеренным и, по возможности, объективным выводам (с учетом социальной борьбы в условиях римского общества I в. до н. э.). Эта тенденция представлена именами Штрадбургера (его работа упомянута выше²³), Коллинза и др. С точки зрения, например, Коллинза, Цезарь был весьма активным политическим деятелем, но никоим образом нельзя считать, что он имел далеко идущие планы и четко намеченные цели. Кроме того, Цезарь после победы в гражданской войне (и под влиянием Клеопатры) был опьянен своей властью и успехами, а потому действовал нерасчетливо и в общем неразумно²⁴.

Но наряду с этими «умеренными» высказываниями в новейшей историографии, несомненно, возрождается апологетическое (с сильным уклоном в телеологию) направление. Оно — вероятно, не случайно — представлено наиболее откровенным образом в немецкой послевоенной литературе. Так, в работе по римской истории Корнеман пишет, что еще в «союзе трех» Цезарь был, конечно, главной силой. Именно он привел в дальнейшем Рим от троевластия к единовластию и реформировал одряхлевший полис (общину) в империю. Цезарь принадлежит уже новой эпохе, т. е. эпохе империи, которую он сам и вызвал к жизни. С тех пор *Kaisertum* во всем мире носит имя этого политического гения, строителя нового Рима, который начал свое великое дело еще как консул 59 г. и, таким образом, превратил эту дату в эпохальную и переломную дату всей римской истории²⁵.

Не менее высокую (и с не меньшим телеологическим налетом) оценку дает Цезарю в «Римской истории» один из наиболее маститых и авторитетных историков

²³ См стр 150—151

²⁴ I H Collins Caesar and the Corruption of the Power — «Historia», 1955, № 4, p 445—465

²⁵ E. Kornemann Römische Geschichte, I Stuttgart, 1954, S 520—521.

ФРГ — Фогт. Он считает, что законодательство Цезаря (во время его консулата) имело целью ослабление режима и господства аристократии, а кроме того, в законодательстве отражены далеко идущие государственные задачи. Поэтому консулат Цезаря — определенная веха в истории Рима. В результате же победы при Фарсале Цезарь получил то, к чему давно его вела жажда власти, — все римское государство. Его законодательная деятельность в Италии и провинциях доказывает, что сознательной целью Цезаря было полное переустройство государства и общества²⁶.

В своей последней большой работе, которая на Западе привлекала широкое внимание, Тегер анализирует вопрос о «культуре вождя» (властителя), в частности, по отношению к Цезарю²⁷. Автор считает, что Цезарь преследовал цель построить новый государственный порядок. Он явно стремился к самодержавию и не собирался добровольно выпускать власть из рук, но хотел сделать ее наследственным достоянием своего рода. Несмотря на нелюбовь римлян к царской власти, он, тем не менее, называл себя потомком альбалонгских царей. Но в Риме царская власть была слишком тесно связана с древнеримской общиной и ее специфическими институтами, чтобы служить приемлемой основой для нового мирового государства. Поэтому Цезарь искал образцов и примеров в эллинистическом мире, причем не в поздних эпохах, а у Александра, который всегда стоял перед его глазами как высший идеал и соответствовал его «универсалистским» государственным идеям.

И, наконец, работа В. Эренберга «Конечные цели Цезаря». В начале работы автор, сопоставляя существующие в литературе точки зрения на монархические тенденции Цезаря, высказывает желание судить о целях последнего только на основании фактов. В целом ряде случаев автор выдерживает это обещание. Однако конечные выводы исследования покоятся едва ли на чисто фактической основе²⁸. Так, Эренберг считает, что Цезарь «с пронизательностью гения» пытался предвосхитить

²⁶ J V o g t, *Römische Geschichte*, I Freiburg, 1955, S. 272

²⁷ F T a e g e r *Charisma*, II Stuttgart, 1960, S 50—88

²⁸ V E h r e n b e r g *Caesar's Final Aims* — «Harvard Studies in Classical Philology», 68 Cambridge, 1964, p. 149—150, 160

развитие двух-трех ближайших столетий. Конечная цель — быть не эллинистическим или римским царем, но «властителем империи» на особый лад. Цезарь уже подходил к такой форме правления, которая «материализовалась значительно позже и которая, сочетая римско-эллинистические элементы с ориентальными, вылилась в «нечто новое». Цезарю суждено было стать «правителем империи», первым истинным императором.

Таковы наиболее характерные оценки личности и деятельности Цезаря в современной историографии. Переходя к некоторым выводам, мы не собираемся в качестве итога находить какую-то равнодействующую этих оценок; еще в меньшей степени мы собираемся рисовать портрет Цезаря в том историко-литературном, почти беллетристическом плане, как это остается модным в современной западноевропейской историографии и как это впервые — и несомненно с наибольшей силой и талантом — было сделано еще Моммзенем. Наша задача значительно скромнее: мы хотим лишь отметить несколько характерных черт, определяющих, на наш взгляд, облик Цезаря как государственного деятеля²⁹.

Суммируя все вышеизложенное, мы, очевидно, можем прийти к следующим выводам. Какие бы то ни было соображения о «провиденциальном» характере деятельности Цезаря должны быть отвергнуты самым решительным образом. Анализ внутренней политики, проводившейся Цезарем, и его реформ убедительно свидетельствует о том, что Цезарь в этой области руководствовался, как правило, близлежащими задачами, вытекающими из конкретной политической обстановки. В целом и даже в «перспективе» круг этих задач был обусловлен общей и вполне конкретной «целью» восстановления (или укрепления) государственного строя, расшатанного за годы гражданской войны.

Ставил ли перед собой Цезарь тоже как «цель» создание «империи», думал ли он о себе как о монархе, о царе? На первую часть этого вопроса можно ответить только отрицательно. Конечно, перед его умственным взором никогда не возникала концепция «демократической» монархии, или «принципата», или монархии элли-

²⁹ Мы не касаемся вообще деятельности Цезаря как полководца. Это — вопрос сугубо специальный.

нистического типа, ибо все это — лишь ретроспективные конструкции новейших историков. Более того, в практике политической деятельности перед Цезарем не возникла, да и не могла возникнуть, какая бы то ни было отвлеченная, теоретическая, «кабинетная» концепция государства.

Благодаря долголетнему опыту политической деятельности Цезарь стал мастером политических интриг, комбинаций, борьбы. Он был «вождем демократии», который под конец своей карьеры вдруг очутился в роли государственного деятеля, фактически даже главы государства. Поэтому он как деятель государственный и оказался в лучшем случае талантливым дилетантом, а быть может, даже и «неудачником». Во всяком случае, бесспорно то, что не он создал ту политическую систему, которая характеризует собой государственный строй так называемой «ранней империи». Поэтому наиболее объективная оценка государственной (и реформаторской) деятельности Цезаря, а также итогов этой деятельности и ее исторического значения возможна лишь в сопоставлении с той политической системой, которая сложилась при Августе и которая носит обычно название «принципат Августа».

Что же касается намерений и стремлений Цезаря, связанных с царским венцом, то здесь, пожалуй, трудно прийти к какому-то определенному выводу. По всей вероятности, Цезарь — пусть даже с известными колебаниями — все же примерялся к этой новой роли и не исключал возможности подобного варианта. Для нас в данном случае представляет интерес не самое это намерение как таковое, но два связанных с ним момента. Во-первых, следует подчеркнуть, что стремление (если таковое имелось) к царскому венцу отнюдь не равнозначно наличию идеи (или концепции) «империи», если под последней подразумевать некое теоретическое «построение». Во-вторых, вопрос о стремлении Цезаря к царской короне связан, на наш взгляд, с гораздо более существенным для историка вопросом о социальной опоре Цезаря и о том сложном, своеобразном и даже парадоксальном положении, которое создалось после Мунды, т. е. в последние месяцы жизни и правления Цезаря. Есть все основания специально остановиться на этом вопросе.

Парадоксальность положения, сложившегося в Риме после битвы при Мунде, заключалась в том, что позиции Цезаря как диктатора именно в тот момент, когда он находился на вершине славы и видимого могущества, когда гражданская война победоносно завершилась, оказались не укрепившимися, а, наоборот, весьма существенно ослабленными. Каким же образом это произошло?

С момента возвращения Цезаря из Испании и по роковые иды марта 44 г. прошло всего пять месяцев. За это время не было никаких крупных событий, тем более конфликтного характера. Внешне все обстояло более, чем благополучно. Именно тогда Цезарь выдвинул ряд широких планов, о которых нам уже приходилось упоминать выше: от войны с парфянами и вплоть до осушения Помптинских болот. В ответ на все его проекты сенат декретировал ему новые почести. Однако наряду с перспективными мероприятиями не были забыты и более неотложные дела. Так, Цезарь провел очередное пополнение сената, во время которого он исключил из состава сенаторов ряд лиц и, наоборот, пополнил сенат своими креатурами, не остановившись перед дарованием сенатского звания отпущенникам и солдатам, в том числе даже происходящим из Галлии и только недавно получившим римское гражданство. Очевидно, в это же время общее число сенаторов было увеличено и доведено до 900.

Затем прошли выборы должностных лиц на 44 г. Во время выборов Цезарь, конечно, действовал на основании того самого установления, согласно которому он рекомендовал половину кандидатов. Выборы состоялись в декабре, причем консулами избрали самого Цезаря и Марка Антония. В числе 16 преторов избранными оказались М. Юний Брут и Г. Кассий Лонгин, причем первому из них Цезарь вручил городскую претуру, а второму — разбор дел, касающихся иностранцев.

Затем состоялись выборы эдилов и квесторов. Во время квесторских выборов произошел такой инцидент: когда 31 декабря были созваны трибутные комиции, то стало известно, что умер консул 45 г. Кв. Фабий Максим. По распоряжению Цезаря трибутные комиции превратили в центуриатные и на последний день истекающего года консулом избрали Г. Каниния Ребила, легата Цезаря в африканской и испанской кампаниях. Эта избира-

тельная комедия дала пищу как для остроумия Цицерона, так и для общественного мнения, складывавшегося не в пользу Цезаря и обвинявшего его в «тиранических» замахках.

В 44 г. Цезарь был диктатором в четвертый раз, а консулом — в пятый. Положение его казалось бесспорным; новые почести, определенные сенатом, соответствовали уже не просто царскому достоинству, но открытому обожествлению. Так, он во время занятий государственными делами мог пользоваться не просто курульным, но позолоченным креслом, мог не только носить красные сапоги, как это делали некогда цари Альбы-Лонги, но даже имел право надевать царское облачение. Было постановлено, чтобы дни побед Цезаря ежегодно отмечались как праздники, а каждые пять лет жрецы и весталки совершали молебствия в его честь; клятва именем Цезаря считалась юридически действительной, а все его будущие распоряжения заранее получали правовую силу благодаря тому, что магистраты при вступлении в должность присягали не противодействовать ничему из того, что постановит Цезарь.

Цезарю определялась почетная стража из сенаторов и всадников, причем сенаторы должны были поклясться охранять его жизнь. Для одного из самых старинных праздников (Луперкалий) наряду с коллегиями *Luperci Quintiliani* и *Fabiani* создавалась теперь третья коллегия — *Luperci Iuliani*. Во всех святилищах и публичных местах совершались жертвоприношения и посвящения Цезарю; по всей Италии, в провинциях и во всех царствах, которые состояли с Римом в дружбе, устраивались в его честь различные игры. Для изображения или статуи Цезаря должна быть — как для изображения богов — подготовлена в цирке специальная подушка (*pulvinar*). Месяц Квинтилий переименовывался в июль, одна из триб получила имя *Iulia*, и, наконец, Цезарю посвящался ряд храмов, в том числе один общий — Цезарю и богине Милосердия, причем обе находящиеся в храме фигуры должны были протягивать руки друг другу. Все эти почести и решения следовало записать золотыми буквами на серебряных колоннах, поставленных у подножия Юпитера Капитолийского.

Нет ничего удивительного, что в этой обстановке общего сервилизма начинают возникать всякие слухи и

разговоры о стремлении Цезаря к царскому венцу, тем более что его ближайшее окружение своими иногда чуть ли не провокационными действиями давало достаточно серьезные основания для подобных разговоров.

Например, кто-то, как говорит Аппиан, из тех, кто особенно поддерживал слух о стремлении Цезаря быть царем, украсил его изображение лавровым венком, обвитым белой лентой. Трибуны Марулл и Цезетий разыскали этого человека и арестовали его под тем предлогом, что они этим делают нечто угодное Цезарю, который уже и раньше протестовал, если о нем говорили как о царе. По свидетельству того же Аппиана, Цезарь реагировал на этот инцидент вполне спокойно. Но, когда его при возвращении из Альбы в Рим у городских ворот приветствовали как царя и народные трибуны снова разыскали инициатора этих приветствий и арестовали его, он, «потеряв терпение», выступил перед сенатом, обвинив трибунов в том, что они коварно навлекают на него подозрения в стремлении к тирании, и заявил, что считает их заслуживающими смерти, однако ограничивается лишением их должности и удалением из сената³⁰.

Отрешение от должности трибунов, власть которых считалась священной и неприкосновенной, произвело крайне неблагоприятное впечатление. Вскоре после этих событий Цезарь был провозглашен диктатором без ограничения срока. Началась подготовка к парфянской войне. В Риме стали распространяться слухи о том, что в связи с походом столица будет перенесена в Илион или в Александрию, а для того, чтобы узаконить брак Цезаря с Клеопатрой, будет предложен законопроект, согласно которому Цезарь получит разрешение брать себе сколько угодно жен, лишь бы иметь наследника.

Новый инцидент, как будто подтверждавший монархические устремления и «замашки» Цезаря, произошел 15 февраля, во время празднования Луперкалий. Марк Антоний, который был в это время не только консулом, но и магистром *Lupercum Iulianorum*, подбежал к Цезарю и хотел увенчать его голову диадемой. Раздались довольно жидкие и, как пишет Плутарх, заранее подготовленные аплодисменты. Когда же Цезарь отверг диадему, то рукоплескал весь народ. Эта игра повторилась

³⁰ App., B c., 2, 108; ср. Plut., Caes., 61; Suet., Iul., 79.

дважды, и Цезарь, учтя реакцию присутствующих, отдал распоряжение отнести диадему в Капитолий, в храм Юпитера³¹.

Однако все это вместе взятое создавало вполне определенную атмосферу недовольства. При выборах консулов на 43 г. большое число голосов было подано за Марулла и Цезетия — трибунов, столь несправедливо отстраненных Цезарем от должности; на статуе полубогородного Брута появилась надпись «О, если бы ты жил!», а его потомок и носитель его славного имени обнаруживал на своей судейской трибуне, которую он занимал как городской претор, такие воззвания: «Ты спишь, Брут!» или «Ты не Брут!», что, конечно, не могло не оказывать определенного действия.

Формировалось общественное мнение, формировался если еще не конкретный заговор, то, во всяком случае, довольно явно выраженная оппозиция. Одним из наиболее ранних проявлений этой оппозиции, которому следует придать определенный вес и значение (что и было сделано самим Цезарем), можно считать опубликование Цицероном его «Катона». Это произошло вскоре после отъезда Цезаря на испанскую войну и стало наиболее злободневной сенсацией того времени. Влияние этого произведения на римское общественное мнение было таково, что Цезарь счел необходимым, наряду с комплиментами по адресу Цицерона как стилиста, представителя римской образованности и даже политического деятеля, тем не менее довольно резко возразить автору по существу, обрушившись на Катона с рядом гневных обвинений. Известно также, что сочинение Цицерона не только встретило благожелательный прием в римском обществе, но вызвало к жизни ряд произведений подобного же направления, в том числе и «Катона» М. Юния Брута.

Чрезвычайно интересно отметить тот факт, что в растущих и ширящихся оппозиционных настроениях все более и более определенно начинает проступать демократическая струя. Так, не следует забывать, что М. Юний Брут, один из главных руководителей будущего заговора, в соответствии с традициями той ветви рода

³¹ Plut., Caes., 61; idem. Anton., 12, ср. App., B c., 2, 109, Dio Cass., 41, 11; Nic Dam., Vita Caes., 21.

Юниев, к которой он принадлежал, был убежденным сторонником «демократической партии». Совершенно справедливо указывает Эд. Мейер и на то, что оппозиционные настроения, постепенно расширяясь, распространились не только на таких сторонников сенатской республики, которые сделали попытку примириться с режимом Цезаря, но и на «демократов», разделявших взгляды Саллюстия, и даже на определенную часть личных приверженцев Цезаря.

Тот же Эд. Мейер, в качестве примера подобных настроений, останавливается на одном из «демократических» памфлетов против Цезаря³². В этом произведении использована историческая традиция о процессе Луция Сципиона Азиатского. Когда тот был взят под стражу, то прибывший из Этрурии его брат, Сципион Африканский, силой вырвал его из рук служителей и трибунов. Тиберий Гракх, бывший в то время тоже трибуном, произнес речь, в которой протестовал против подобной дискредитации трибунской власти и достоинства со стороны частного лица. Оратор вспоминал о том, что раньше Сципион держался совершенно иначе, он даже упрекал народ тогда, когда его хотели сделать пожизненным консулом и диктатором, когда хотели воздвигнуть его статуи на комиции, рострах, курии, Капитолии и в часовне Юпитера. Он возражал, чтобы его изображение в триумфальном одеянии выносилось из храма Юпитера. А теперь, мол, он полностью разложился и переступил всяческие границы.

Излагая этот инцидент, Эд. Мейер вполне резонно замечает, что все перечисленные в рассказе почести были немыслимы во времена Сципиона и под Сципионом Африканским в данном случае нужно иметь в виду Цезаря. Появление самого памфлета он относит к 44 г., т. е. считает, что памфлет появился не ранее, чем Цезарь был объявлен бессрочным диктатором.

Все вышеизложенное поясняет, на наш взгляд, с достаточной очевидностью то парадоксальное положение, в котором Цезарь оказался, вернувшись в Рим с испанской войны. После триумфа армия, конечно, была распущена. Вследствие этого Цезарь лишился единственной по тому времени организованной в политическом отно-

³² Ed. Meyer. Op. cit., S. 530—532

шении и сплоченной силы, единственной своей надежной опоры. Что касается новых фракций господствующего класса, т. е. руководящих кругов муниципиев, богатых отпущенников, посаженных на землю ветеранов, то, хоть Цезарь и являлся выразителем их интересов, в это время они еще только (и в частности, благодаря Цезарю!) «набирали силу» и не могли служить достаточно прочной опорой, как, впрочем, и сам Цезарь не мог еще стать достаточно решительным и последовательным проводником их классовых интересов. Предпринятое им пополнение сената, когда в его состав включались и солдаты и отпущенники, а число сенаторов доводилось до 900, конечно, было малоудовлетворительным (и даже жалким) паллиативом. Именно поэтому Цезарю приходилось лавировать между этими *homines novi* и представителями староримских родов, заигрывая с последними и всячески привлекая их к себе, в особенности после окончания гражданской войны.

Неизменной основой экономического и политического веса этих «староримлян» продолжало оставаться крупное землевладение, наиболее решительно подорванное лишь после экспроприаций, проведенных вторыми триумвирами.

«Демократические» слои населения в силу ряда упоминавшихся выше причин не могли представлять для Цезаря в то время сколько-нибудь серьезную политическую опору. Более того, оппозиция режиму Цезаря, переросшая затем в заговор против его жизни, в значительной мере питалась именно этими «демократическими» кругами.

И, наконец, монархические «замашки» Цезаря, то ли существовавшие на самом деле, то ли всего лишь приписываемые ему общей молвой — в данном случае это безразлично, — оттолкнули от него не только бывших сторонников и «республиканцев», которые одно время рассчитывали на возможность примирения и альянса, но даже личных приверженцев Цезаря. Таким образом и создалась парадоксальная ситуация: всемогущий диктатор, достигший, казалось бы, вершин власти и почета, на самом деле очутился в состоянии политической изоляции, а возникший против него и успешно реализованный заговор был закономерным проявлением слабости установленного им режима.

Как ни странно, но в огромной литературе о Цезаре до сих пор как-то почти не отмечалось то обстоятельство, что заговор, осуществленный в иды марта, был далеко не первым: наши сведения о готовящихся против жизни Цезаря заговорах восходят, по крайней мере, к 46 г. Так, в известной речи Цицерона за Марцелла содержится ясное указание на то, что Цезарь обратился в сенат с «жалобой» на готовящееся против него покушение, причем намекал, что оно исходит от лиц, принадлежащих к его ближайшему окружению³³. Известно также, что в 45 г. один из видных офицеров Цезаря — Гай Требоний — замышлял покушение, рассчитывая убить Цезаря при его возвращении из Испании. Он даже пытался по этому поводу вступить в контакт с Марком Антонием, который, однако, не пошел ему навстречу, но вместе с тем и не выдал его Цезарю. Примерно в это же время подобными мыслями начал тешить себя Цицерон, правда, чаще всего в плане довольно безопасных остроумий в частных письмах к друзьям³⁴. Тем не менее эти его новые настроения стали широко известны, и не случайно в сентябре 44 г. Марк Антоний причислял его к идейным вдохновителям убийства Цезаря, хотя заговорщики так и не решились доверить Цицерону свои замыслы.

Последний заговор на жизнь Цезаря сложился в самом начале 44 г. В нем приняло участие более 60 человек. Интересен состав заговорщиков: кроме главарей заговора М. Юния Брута, Г. Кассия Лонгина и таких видных помпейцев, как Кв. Лигарий, Гн. Домиций Агенобарб, Л. Понтий Аквила (и еще несколько менее заметных фигур), все остальные его участники были до недавнего прошлого явными сторонниками Цезаря: Л. Туллий Цимбр, один из наиболее близких к диктатору людей, Сервий Гальба, легат Цезаря в 56 г. и его кандидат на консульство в 49 г., Л. Минуций Базил, тоже легат Цезаря и претор 45 г., братья Публий и Гай Каска, причем первого из них уже избрали трибуном на 43 г. Еще более симптоматичным явлением следует считать вступление в число заговорщиков только что упоминавшегося Г. Требония и, наконец, Д. Юния Брута, который был весьма близок к Цезарю именно в это время.

³³ C i c., Pro Marc., 21—23; ср. S u e t., Iul., 75.

³⁴ C i c., Ad Att., 12, 45, 3.

То, что его жизни угрожает опасность, Цезарь, видимо, знал или догадывался. И хотя он отказался от декретированной ему почетной стражи, сказав, что не желает жить в постоянном страхе, тем не менее, когда его предостерегали относительно Антония и Долабеллы, он отвечал, что не боится людей, которые любят жизнь и умеют наслаждаться ею, однако ему внушают более серьезные опасения люди бледные и худощавые. В данном случае Цезарь явно намекал на Брута и Кассия.

Тем временем подготовка к новой, т. е. парфянской, войне шла полным ходом. Прежде всего предусматривалось упорядочение текущих дел на время похода. Видимо, в конце февраля состоялись комиции, на которых избрали консулов на 43 и 42 гг.; что касается преторов и других должностных лиц, то они определялись лишь на текущий год. В основном закончились и чисто военные приготовления: в Иллирии, Ахайе и Македонии в общей сложности было уже сосредоточено 16 легионов пехоты и 10 тыс. всадников. Цезарь намечал свой отъезд к войску на 18 марта (в Македонию), а 15 марта предполагалось заседание сената. На этом заседании квиндецемвир Л. Аврелий Котта (консул 65 г.), основываясь на предсказании сивиллиных книг относительно того, что парфян может победить лишь царь, должен был провести решение о награждении Цезаря соответствующим титулом. Плутарх и Аппиан сообщают про несколько смягченный вариант этого проекта решения сената: титул царя присваивался Цезарю, так сказать, по отношению к провинциям и союзным государствам, по отношению же к Риму (и Италии) Цезарь оставался по-прежнему императором и диктатором³⁵.

Заседание сената 15 марта и было избрано заговорщиками в качестве дня и места приведения их планов в исполнение, дабы не голосовать за проект Л. Котты. Убийство Цезаря и предшествующие ему чудесные предзнаменования весьма драматично описаны рядом древних авторов³⁶. По иронии судьбы труп заколотого кинжалами заговорщиков диктатора остался лежать у подножия восстановленной им на этом месте статуи его давнего противника — Помпея. Сенаторы в страхе разбе-

³⁵ Plut., Caes., 64; App., B. c., 2, 110

³⁶ Dio Cass., 44, 15—19, Plut., Caes., 62—66, App., B. c., 115—116 etc.

жались. Только через некоторое время появились трое молодых рабов; они положили Цезаря на носилки, с которых свешивалась его рука, и отнесли тело домой. Об этом рассказывает Светоний³⁷. И, может быть, из всех подробностей, сообщаемых нам об убийстве Цезаря, данная деталь наиболее драматична — эта бессильно свесившаяся с носилок рука, которая еще несколько минут назад управляла миром и мановением которой отзывалось во всех, даже самых отдаленных, уголках orbis terrarum.

³⁷ Suet., Iul., 82

Агония Римской республики

Убийство Цезаря произвело в Риме смятение и панику. Сенаторы в страхе разбежались из курии Помпея, где происходило роковое заседание. Заговорщики, наоборот, сделали попытку обратиться к народу. Окруженные толпой рабов и гладиаторов, они направились к форуму и Капитолию. Но, как пишет Аппиан, народ за ними не последовал, и они были приведены в замешательство, даже испуганы¹. Что касается видных цезарианцев, то они также находились в состоянии растерянности: один из самых близких к покойному диктатору людей, консул 44 г. Марк Антоний и начальник конницы Марк Эмилий Лепид забаррикадировались в своих домах.

Однако вскоре выяснилось, что, хотя заговор был довольно основательно подготовлен и удачно выполнен, его инициаторы не имели никакой позитивной программы. Они считали, что достаточно устранить тирана, а все остальное образуется само собой. Но, как всегда, действительность оказалась сложнее отвлеченных и смутных проектов, а пресловутая «республика предков» — куда более иллюзорным явлением, чем складывающийся на их глазах новый политический режим. Недаром Цицерон — правда, несколько позже — писал Аттику: «Утешаться мартовскими идами глупо; ведь мы проявили отвагу мужей, разум же, верь мне, детей. Дерево срублено, однако не вырвано с корнем: поэтому ты можешь видеть, какие оно дает отпрыски»². И он был безусловно прав.

Более того, всеобщая растерянность и беспомощность заговорщиков помогли цезарианцам сравнительно быстро оправиться, прийти в себя. Кроме всего прочего, на их стороне была наиболее реальная сила — ветераны

¹ А р р., В. с., 2, 119.

² С i c., Ad Att., 15, 4, 2; ср. 14, 21, 2.

Цезаря. Настроение городского плебса тоже заметно менялось в их пользу. Поэтому Эмилий Лепид смог уже заговорить о мщении за смерть Цезаря; затем он ввел в город отряд солдат и занял форум. В свою очередь Марк Антоний, получивший от вдовы Цезаря все его денежные средства и бумаги, использовал права консула и созвал 17 марта заседание сената.

На нем сторонники заговорщиков (Брут и Кассий на заседание не явились) предложили объявить Цезаря тираном, а его убийцам выразить благодарность и одобрение. Тогда Антоний заявил, что если Цезарь будет признан тираном, то, следовательно, все его распоряжения автоматически отменяются. Но ведь среди этих распоряжений немало таких, которые непосредственно касаются целого ряда сенаторов, находящихся на данном заседании.

Слова Марка Антония произвели резкий перелом в настроении. Те сенаторы, которые только что поддерживали заговорщиков или даже намекали на собственное участие в заговоре, теперь, под угрозой потери выгодных и почетных назначений, были готовы снова восхвалять убитого диктатора. Поэтому с большой легкостью прошло компромиссное предложение Цицерона: по отношению к заговорщикам применить *амнистию* (т. е. «забвение») и одновременно утвердить все распоряжения Цезаря, причем не только те, которые были сделаны им при жизни, но и те, которые намечались на будущее. Заседание сената, проведенное 17 марта, знаменовало собой перемирие между цезарианцами и заговорщиками.

Однако это перемирие продолжалось недолго. Через два или три дня, во время похорон Цезаря, Антоний произнес над телом диктатора речь, по существу направленную против заговорщиков. Для вящего впечатления он поднял копьем растерзанную и окровавленную одежду Цезаря. Народу показали также восковую статую покойного с 23 зияющими ранами. А так как незадолго до этого оглашалось завещание Цезаря, из которого присутствующие узнали, что, помимо персональных наследников, Цезарь не забыл о римском плебсе в целом, то ситуация складывалась явно не в пользу заговорщиков. Дело в том, что Цезарь завещал народу свои роскошные сады над Тибром и по 300 сестерциев из личных средств каждому римскому плебею.

Возбужденный народ ринулся к зданию сената, в котором произошло убийство, и поджег его. Искали заговорщиков, чтобы немедленно с ними расправиться. Брут и Кассий вынуждены были тайно бежать из города. Таким образом, волна событий вынесла на своем гребне тех же главарей цезарианцев — Марка Антония и Эмилия Лепида.)

Марк Эмилий Лепид — начальник конницы (*magister equitum*), т. е. официальный помощник Цезаря как диктатора, мог, пожалуй, похвалиться лишь знатностью своего рода, который возводили чуть ли не к богу Марсу. Правда, он дважды удостоивался триумфа, но, как считали сами древние, едва ли заслуженно. Тем ярче выделяется на его фоне колоритная фигура другого крупного цезарианца — Марка Антония.

В биографии Антония, написанной Плутархом, встречается целый ряд характерных штрихов, которые, будучи собраны воедино, воссоздают облик этого знаменитого сподвижника Цезаря. Плутарх прежде всего уделяет внимание его происхождению. Антоний принадлежал к старинному роду, представители которого, однако, мало чем себя прославили. Тем не менее семейное предание прародителем рода считало самого Геракла. С другой стороны, потомком Антония в пятом колене был император Нерон³. В молодости Марк Антоний отличался чрезвычайно красивой и представительной внешностью, считалось даже, что он похож на своего легендарного предка⁴.

Как и многие римляне знатного происхождения, Антоний провел юность в кутежах, в разгульном обществе. Это было обычным явлением, но порицание вызывало то, что он не оставил этих привычек и в более зрелые годы. Так, когда Юлий Цезарь вел африканскую кампанию, а Антоний находился в Италии, то его кутежи и происхождения, если верить Плутарху, вызывали всеобщее возмущение⁵. Безоговорочно Плутарх осуждает и его позднюю страсть к Клеопатре, считая, что эта страсть окончательно подавила в нем все добрые и разумные

³ Plut., Ant., 4, 87.

⁴ Ibid., 4

⁵ Ibid., 9

пачала⁶. Характеристика Антония как личности подытоживается в биографии следующими словами: «Вообще он был простак и тугодум и потому долго не замечал своих ошибок, но зато, поняв их, бурно раскаивался, горячо винился перед теми, кого обидел, и уже не знал удержу ни в воздаяниях, ни в карах»⁷.

Антоний, несомненно, имел военные дарования и был достаточно опытен и энергичен в политической борьбе. Плутарх говорит, что Цезарь ни разу не имел случая разочароваться в его предприимчивости, мужестве и военных способностях⁸. Правда, в другом месте указывается, что в Риме в дальнейшем было распространено мнение о том, что Антоний (как, кстати говоря, и Октавиан) более удачлив в войнах, которые ведет не сам, но «руками и разумом своих подчиненных»⁹. Зато Плутарх неоднократно и настойчиво подчеркивает такую особенность Антония как военачальника: умение завоевать любовь и доверие солдат¹⁰. К тому было много оснований, пишет он: «знатность происхождения, сила слова, простота, широкая и щедрая натура, остроумие, легкость в обхождении»¹¹.

В другой биографии (Брута) Плутарх дает весьма лапидарную, но зато как бы обобщающую характеристику, в которой подмечены черты Антония и как человека и как полководца, причем общий тон ее скорее отрицательный. Антоний характеризуется как человек «наглый и дерзкий», как «приверженец единовластия», ибо своим долгим общением с солдатами он приобрел большое влияние в войске¹².

Будет лишь естественно предположить, что все отмеченные Плутархом качества имели немаловажное значение и для облика Антония как политического деятеля. Сложная игра, которую ему пришлось вести после убийства Цезаря, роль его во втором триумvirате — все это свидетельствует о том, что он был серьезным противни-

⁶ P l u t., Ant., 25.

⁷ Ibid., 24.

⁸ Ibid., 7—8.

⁹ Ibid., 34.

¹⁰ Ibid., 6, 43; 68.

¹¹ Ibid., 43.

¹² P l u t., Brut., 18.

ком (или союзником) и в политических боях. Правда, в этом смысле он не смог выдержать соперничества с Октавианом, но в данном случае дело заключалось не столько в слабости или неумелости Антония, сколько в силе политического гения его соперника.

Так или иначе, Марк Антоний был яркой, выдающейся личностью — это бесспорно. Широкая натура, человек с размахом, человек, не лишенный авантюризма, но и большого обаяния. Смел до дерзости, страстен до безрассудства, хладнокровен в опасности, энергичен, ловок, остроумен, распутен и сластолюбив, словом, человек настроения, минуты, прихоти. Он не был, конечно, ни великим полководцем, ни выдающимся государственным деятелем в точном смысле этих понятий, но, совмещая в какой-то мере качества того и другого, озаряя их блеском своего темперамента, оказавшись, наконец, в центре решающих событий, он сам стал крупным явлением истории последних лет Римской республики.

Как исторический деятель Марк Антоний был, на наш взгляд, типичным порождением той эпохи, которая уже безвозвратно уходила в прошлое, — эпохи эллинизма. Быть может, именно этим обстоятельством определялась и объяснялась его постоянная тяга к Востоку. Всем своим обликом, всей своей деятельностью, всем сочетанием противоречивых качеств и талантов он походил на тех блестящих авантюристов, которые были эпигонами Александра. Недаром Плутарх сопоставляет его с таким искателем славы и приключений, как Деметрий Полиоркет.

Но, как бы то ни было, теперь, после заседания сената 17 марта и после похорон Цезаря, Марк Антоний, который к тому же имел в своих руках власть консула, оказался фактически первым лицом в Риме. Тем энергичнее ему пришлось действовать.

Дело в том, что имя Цезаря и его растущую популярность стремились использовать не только ближайшие сподвижники покойного диктатора. Например, в Риме появился некто Герофил (или Амаций), который называл себя внуком Мария, а следовательно, и родственником Цезаря. Он соорудил жертвенник на том месте, где был сожжен труп Цезаря. Вокруг Лже-Мария начали группироваться солдаты, плебеи, рабы, приносившие жертвы убитому, призывавшие к отмщению. Про появившуюся

в те дни комету пустили слух, что это душа Цезаря, ставшего богом и вознесшегося на небо.

Движение ширилось и могло оказаться опасным для официальных преемников диктатора. Тогда Антоний, используя свою власть консула, арестовал Лже-Мария, а затем и казнил его без всякого суда. Окончательно движение было подавлено вторым консулом — Долабеллой, который повелел приверженцев Герофила из числа свободных сбросить с Тарпейской скалы, а из числа рабов — распять на крестах. Интересно отметить, что движение Лже-Мария имело явно выраженную религиозную окраску¹³.

Подавление этого движения резко изменило отношение народа к Антонию. Аппиан прямо говорит о «невывразимой ненависти», которую навлек на себя Антоний¹⁴.

И действительно, его положение было крайне сложным, ему приходилось лавировать между сенатом и народом. В данный момент он был вынужден искать опоры в сенате. Поэтому он внес предложение вызвать из Испании Секста Помпея, выдать ему в возмещение конфискованного имущества отца 50 млн. драхм и назначить его командующим флотом. Сенат с радостью принял это предложение, а Антоний, воспользовавшись благоприятной обстановкой, добился от сената права на создание личной охраны. Однако сенаторы были неприятно поражены, когда вскоре выяснилось, что Антоний набрал в свои отряды 6000 чел.

В соответствии с решением сената от 17 марта Антоний, ссылаясь на волю Цезаря, назначал удобных ему лиц на высшие должности, вводил в состав сената, а иных даже возвращал из ссылки. Всем этим людям, как рассказывает Плутарх, римляне дали насмешливое прозвище «друзей Харона», ибо все милости и назначения неизменно объявлялись волей умершего¹⁵. Затем Антоний провел закон, уничтожающий на вечные времена диктатуру. В обмен на все эти просенатские акции ему удалось добиться нового распределения провинций: его коллега по консулату Долабелла получал Сирию, сам же Антоний — Македонию. В обоих этих провинци-

¹³ Н А М а ш к и н Принципат Августа. М — Л., 1949, стр. 126—132.

¹⁴ А р р , В. с., 3, 4

¹⁵ P l u t., Ant., 15

ях находились в данный момент войска, подготовленные Цезарем для намечавшегося парфянского похода.

И тем не менее положение Антония продолжало оставаться сложным и не всегда ясным. Оно осложнилось еще в большей степени тогда, когда в Риме появился внучатый племянник Цезаря, усыновленный им и назначенный по завещанию его наследником, — девятнадцатилетний Гай Октавий.

Он прибыл в Рим из Аполлонии, где, по распоряжению Цезаря, проходил курс военных и гражданских наук. Хотя его ближайшие родственники — мать и отчим — советовали ему отказаться и от усыновления, и от наследства, избрав жизнь частного человека, как менее опасную при данных обстоятельствах, он не послушался этого совета и сразу же включился в политическую борьбу. Антоний поначалу отнесся к юноше весьма пренебрежительно. Аппиан довольно подробно описывает первую встречу и разговор, состоявшийся между Октавием и Антонием. Разговор этот, конечно, вымышлен, но общая его направленность отражена, видимо, верно. Молодой Октавий почтительно, но твердо заявил о своем желании отомстить убийцам приемного отца, а также о необходимости выполнить волю покойного и раздать народу завещанные ему средства. Для этого он просил Антония вернуть из имущества Цезаря то золото, которое было собрано покойным для ведения предстоящей войны с Парфией.

Антоний был поражен и возмущен смелостью, даже наглостью этого мальчишки. Он дал ему резкую отповедь, подчеркнув прежде всего, что Цезарь, оставив своему приемному сыну наследство и славное имя, отнюдь не передавал управления государственными делами. Поэтому он, Антоний, вовсе не намерен давать сейчас отчет в этих делах. Что же касается наследства, то денежные средства, перенесенные в свое время в его дом, истрачены на подкуп влиятельных лиц, дабы они не препятствовали принятию решений в интересах Цезаря и его памяти, а государственную казну покойный диктатор, как известно, оставил пустой. Поэтому он, Антоний, ничем не может помочь молодому человеку в его денежных затруднениях¹⁶.

¹⁶ А р р., В. с. 3, 14—20.

После этой встречи Октавий, который теперь стал называться Гаем Юлием Цезарем Октавианом, начал сложную игру, возбуждая римский народ против Антония, вызывая сочувствие к себе и, наконец, лавируя сам между сенатом и народом.

Пожалуй, наиболее удачным ходом в этой политической игре со стороны Октавиана оказался блок с Цицероном, который ему удалось установить. Цицерон, как и большинство сенаторов, относился к Антонию с глубоким недоверием, подозревая его — и не без оснований — в стремлении к единоличной власти. Октавиан же своим скромным и почтительным отношением к знаменитому консуляру сумел внушить тому не только полное доверие, но и надежду на то, что неопытный еще, но усердный и почтительный молодой человек может оказаться неплохим орудием в руках столь умудренного в политических битвах деятеля, каковым, без сомнения, считал себя сам Цицерон. В письмах к своему другу Аттику он неоднократно говорит о «почтительном и дружеском» отношении к нему со стороны наследника Цезаря и даже о полной его «преданности»¹⁷.

В скором времени Цицерон начинает, по его же собственному выражению, «словесную войну» с Марком Антонием, открыто обвиняя его в тиранических намерениях. В сенате и перед народом он произносит 14 речей против «тирана», которые были самим же оратором, по аналогии с речами Демосфена против Филиппа Македонского, названы «филиппиками». В этих речах Марк Антоний обвиняется во всех смертных грехах и говорится о том, что в случае его победы город Рим, жизнь и имущество наиболее достойных граждан будут выданы на поток и разграбление солдатам. Самодержавные замашки Антония известны всем — недаром не кто-либо другой, а именно он предлагал в свое время царскую корону убитому диктатору. В соответствии с правилами политического красноречия, принятыми в Риме, личные выпады в этих речах перемежаются с обвинениями политического характера: Антоний то сравнивается с Катилиной и даже Спартаком, то подчеркивается, что им полностью командует его властолюбивая жена Фульвия (кстати, бывшая некогда женой знаменитого

¹⁷ Cic., Ad Att., 14, 11, 2; 12, 2.

трибуна Клодия), а сам он давно уже обезумел от пьянства.

Отношения между сенатом и Марком Антонием, с одной стороны, между Антонием и Октавианом — с другой, обостряются настолько, что «словесная война» грозит перерасти в войну с оружием в руках, в войну гражданскую. Цицерон в старой роли «спасителя отечества» и в новом амплу вождя колеблющегося сената открыто провоцирует этот вооруженный конфликт. Первым поводом к нему можно считать решение комиций о передаче Антонию в управление Цизальпийской Галлии, которая более ранним решением сената была назначена Дециму Бруту (одному из заговорщиков). Брут, как и следовало ожидать, отказывается подчиниться этому новому решению и укрепляется с войском в Мутине. Тогда Антоний срочно мобилизует свои силы и осаждает Мутину. Так начинается новая гражданская война.

Эта новая война (или, точнее говоря, новый этап гражданской войны) была вызвана крайним обострением противоречий среди различных классов и различных политических группировок свободного населения. Из сказанного выше нетрудно сделать вывод о том, по каким основным линиям развивались эти противоречия. Прежде всего определился раскол между «республиканцами», как иногда называют сторонников сената, и цезарианцами. Однако сторонники сената не были вполне едины: часть из них относилась к цезарианцам совершенно непримиримо, но какая-то часть готова была идти на компромисс, что достаточно ярко проявилось, например, в заседании сената от 17 марта. С другой стороны, не наблюдается единства и в лагере цезарианцев, особенно с того момента, как выступает наследник Цезаря — Октавиан. Вся эта борьба — борьба политических группировок — была отражением более глубоко скрытых социальных, классовых противоречий. Н. А. Машкин пытается определить роль в этой борьбе таких группировок, как сенаторское сословие, городской плебс, население италийских городов, ветераны¹⁸. Но если, например, сенаторское сословие или городской плебс можно считать определенной и единой социальной группировкой (даже несмотря на свойственные им внут-

¹⁸ Н. А. Машкин. Указ. соч., стр. 136—146.

ренные противоречия), то в том случае, когда речь идет об италийском населении, конечно, приходится иметь дело с различными классами и социальными слоями. Каковы же были их позиции в развернувшейся борьбе?

Внутренние противоречия senatorского сословия объясняются, на наш взгляд, тем, что состав его в эти времена был далеко не однородным. К наиболее непримиримым антицезарианцам принадлежала та часть сенаторов, которая представляла собой «староримлян», т. е. членов старинных римских родов. Сторонники компромисса с цезарианцами были, как правило, *homines novi*, т. е. «выскочки», с точки зрения староримской знати. Это были представители муниципальной аристократии или выслужившиеся при Цезаре офицеры римской армии.

Что касается социального состава цезарианцев, то это, главным образом, средние слои италийских муниципиев и среднее звено армии, т. е. центурионы. Конечно, почти все ветераны Цезаря могут быть причислены к числу его сторонников, но наиболее активная роль принадлежала именно центурионам. Плебейское население самого города Рима тоже в основном симпатизировало цезарианцам (как то показали похороны), но здесь многое зависело, как всегда, от привходящих обстоятельств.

Когда произошел раскол между Антонием и Октавианом, то некоторые ветераны стали переходить из войска одного вождя к другому. Однако это уже не может быть объяснено различием социальных или политических интересов: для солдат оба вождя были последователями и продолжателями Цезаря — пожалуй, только Октавиан возбуждал больше сочувствия и был щедрее (последнее обстоятельство играло немаловажную роль).

На какие же социальные слои опирались главари «республиканцев», т. е. бывшие руководители заговора? Следует признать, что в самом Риме, как это выяснилось в первые же дни после убийства, они не имели достаточно прочной и широкой опоры. Их, строго говоря, здесь поддерживали лишь явные антицезарианцы, т. е. представители староримского нобилитета. Это была, конечно, еще влиятельная в политической жизни (по традиции!), но в численном отношении незначительная группа, к тому же наиболее консервативно настроенная. Ее ло-

зунгом считался призыв к восстановлению республики или даже «свободы» (*libertas*), но на самом деле все они стремились лишь к реставрации замкнутой сенатской олигархии. Правда, Брут и Кассий имели большое число клиентов в италийских муниципиях, а такие города, как Капуя, Теан и Путеолы, целиком перешли к ним в клиентелу, т. е. избрали их своими патронами, но это все же не могло изменить общего соотношения сил в их пользу.

Итак, новый этап гражданской войны начался с осады Мутины войсками Антония. Цицерон, произнося в сенате свои филиппики, пытался добиться объявления Антония врагом отечества. Однако ему это не удалось, и хотя сенат санкционировал набор войск против Антония, война официально еще не была объявлена, наоборот, одновременно к Антонию было направлено посольство.

Переговоры затягивались. Брут и Кассий, отправившись в Сирию и Македонию (т. е. в те провинции, которые Антоний пытался у них отнять), готовили войска. К Антонию было направлено новое посольство. И только после его высокомерного ответа консулы 43 г. Авл Гирций и Гай Вибий Панса, а с ними Октавиан, который командовал войсками в качестве пропретора, получили официальное повеление начать военные действия против Антония. Таким образом, Октавиан волею судеб оказался на стороне убийц своего отца и вступил в вооруженную борьбу с его ближайшим соратником и другом.

В результате нескольких крупных столкновений войско Антония было разбито, ему пришлось снять осаду и отступить в Нарбоннскую Галлию. Однако и победители понесли крупные потери, в частности в боях пали оба консула — Гирций и Панса.

Известие о победе под Мутиной вызвало в Риме ликование. Толпа привела Цицерона на Капитолий и заставила говорить с роstr. На следующий день он выступил в сенате со своей последней филиппикой, в которой требовал объявить Антония врагом отечества, наградить консулов и Октавиана, а также объявить 50-дневное молебствие в честь победы. На сей раз все его требования были выполнены сенатом, но, поскольку консулы пали в бою, триумф получил Децим Брут и ему было вручено отныне главное командование. Октавиан же

получил только малый триумф — так называемую «ова-цию».

Однако в Риме напрасно так торопились праздновать победу. В скором времени события приняли совершенно непредвиденный оборот. Во-первых, отступавшему Антонию удалось соединиться с войсками Лепида (в Нарбоннской Галлии). Во-вторых, Октавиан вместо преследования Антония, опираясь на войско, находившееся под его командованием, начал добиваться консулата. Сначала он пытался уговорить Цицерона выставить вместе с ним и свою кандидатуру, но затем, убедившись в бесплодности этих попыток, стал действовать прямее: летом в Рим прибыла делегация от его армии, и, когда требование этой делегации о предоставлении Октавиану консулата встретило противодействие, один из центурионов выхватил меч и воскликнул: вот, кто его даст!¹⁹

И действительно, вскоре после этого юный наследник Цезаря по примеру своего знаменитого отца перешел через Рубикон и двинулся с войском к Риму. В городе началась паника: вывозили жен и детей, ценное имущество. Сенат был вынужден признать свое бессилие, тем более что прибывшие из Африки два легиона тоже перешли на сторону Октавиана. Город был взят без боя. Октавиана избрали консулом, и первой же мерой, проведенной по его инициативе, было решение, по которому убийцы Цезаря лишались «воды и огня», т. е. объявлялись вне закона. Вслед за этим отменялись решения сената, направленные против Антония и Лепида, чем создавалась основа для торжественного и полного примирения вождей цезарианцев.

И оно произошло. В ноябре 43 г. около Бононии, на маленьком речном островке состоялась встреча трех вождей цезарианцев. Каждый из них прибыл к месту встречи, приведя с собою по пять легионов. Первым по наведенному мосту перешел на островок Лепид и, убедившись в отсутствии опасности, подал знак плащом своим сотоварищам.

Совещание Антония, Октавиана и Лепида, происходившее на глазах их войска, продолжалось два дня. Здесь было положено начало тому соглашению, которое в дальнейшем получило название второго триумvirата.

¹⁹ Dio Cass., 36, 43.

Целью этого соглашения была борьба с заговорщиками, т. е. Брутом и Кассием, и распределение между собой важнейших провинций. Так как предполагаемые военные действия против заговорщиков требовали серьезной подготовки и значительных расходов, то было решено выделить для награды солдатам земельные участки в самой Италии. Эти участки предполагалось конфисковать у их владельцев, для чего были намечены земли 18 итальянских городов. Кроме того, готовились проскрипционные списки, т. е. списки лиц, присуждаемых к смертной казни с конфискацией всего их имущества. В эти списки включались не только имена личных врагов триумвиров, но и просто богатых людей, что опять-таки давало возможность мобилизовать крупные средства.

Второй триумvirат в отличие от первого не был всего лишь неофициальным соглашением. Власть триумвиров утверждалась особым решением народного собрания. Они получали право — на пять лет — назначать сенаторов и магистратов, издавать законы, устанавливать налоги, чеканить монету; им же принадлежала на этот срок высшая судебная власть (без права апелляции).

С момента возвращения триумвиров в Рим и юридического оформления их власти началась вакханалия проскрипционных убийств и конфискаций. За голову каждого осужденного назначалась крупная награда, рабам же, кроме денежного вознаграждения, была еще обещана и свобода. Всячески поощрялись доносы родственников друг на друга. Предоставление проскрибированным убежища, укрывательство их — карались смертной казнью.

Разгул проскрипций вскрыл страшную картину разложения римского общества. Казалось, что все родственные связи, все узы дружбы были расторгнуты. Дети доносили на своих родителей, рабы и отпущенники на своих господ, жены — на мужей. Римский историк Веллей Патеркул установил даже особую шкалу морального разложения: на первом месте в смысле предательства стояли сыновья, стремившиеся получить наследство, затем шли отпущенники, затем — рабы; наибольшую же стойкость и верность проявили все-таки жены²⁰.

²⁰ Veil. Pat., 2, 67.

Страшный пример того, как следует относиться к родственникам, к друзьям, к политическим союзникам, показали прежде всего сами триумвиры. «Первым из приговаривавших к смерти,— пишет Аппиан,— был Лепид, а первым из приговоренных — брат Лепида, Павел. Вторым из приговаривавших к смерти был Антоний, а вторым из приговоренных — дядя Антония, Луций; в свое время и Луций и Павел высказались за объявление Лепида и Антония врагами отечества»²¹. Октавиан хотя и не объявил никого из своих родственников включенным в проскрипционные списки, но зато пошел навстречу настояниям Антония и согласился на включение в эти списки своего недавнего союзника — Цицерона.

Цицерон пытался бежать, сел уже на корабль, но море оказалось бурным, а он не выносил качки. Пришлось вернуться и высадиться на пустынном берегу, но здесь он был опознан, выдан и убит. Солдату, который доставил в Рим его голову и правую руку, Антоний выдал награду в десятикратном размере. Он поставил голову на стол и долгое время наслаждался этим ужасным зрелищем. А его жена Фульвия колола язык оратора булавками. Затем голова Цицерона была поставлена около ростр, с которых столько раз гремели его речи, вызывая восторг римлян.

Общее число жертв было весьма велико. Различные авторы называют различные цифры. Аппиан, например, говорит о гибели 300 сенаторов и 2000 всадников²². Но так как проскрипционные списки не раз менялись, а кроме того, погибло много людей, вообще ни в какие списки не внесенных, то едва ли можно говорить о каких-то точных цифровых данных. Следует также заметить, что, против ожиданий, больших средств проскрипции триумвирам не дали — слишком многое разграблялось солдатами. Конфискация земель 18 городов тоже пока была стложена. Зато был введен чрезвычайный налог на зажиточных граждан (в $\frac{1}{50}$ часть всего имущества).

Пока триумвиры в Италии вели борьбу с противниками и собирали средства для предстоящих военных действий, «республиканцы», не менее деятельно и также не останавливаясь перед прямым и открытым вымогатель-

²¹ А р р , В. с., 4, 12.

²² Ibid , 4, 5; ср Pl u t , Ant 20; i d e m Cic., 46; i d e m. Brut , 27

ством, действовали в провинциях. В Сицилии утвердился Секст Помпей; Сирия, Греция и Македония оказались в руках Брута и Кассия. Они не менее жестоко расправлялись с цезарианцами, чем триумвиры со своими противниками. Провинциальные города облагались огромными налогами, вассальные царства обязаны были оказывать помощь как денежными средствами, так и живой силой.

В конечном счете Брут и Кассий сосредоточили войска на границе Македонии и Фракии, около города Филиппы. Здесь ими был создан укрепленный лагерь, заняты наиболее выгодные позиции. Сюда же направили свою армию Антоний и Октавиан, и через два с половиной года после убийства Цезаря именно здесь произошла решающая схватка между преемниками покойного диктатора и «республиканцами».

Плутарх и Аппиан дают подробное, развернутое описание битвы при Филиппах. Они оба подчеркивают, что, несмотря на более выгодное в военном да и в морально-политическом отношении состояние войск «республиканцев», их вожди, и главным образом Брут, были охвачены тяжелыми предчувствиями. Как всегда, оба древних историка уделяют много места и внимания перечислению различных знамений, явно неблагоприятных для «республиканцев». И все же Брут в гораздо большей степени, чем Кассий, был сторонником немедленного и решительного сражения. А когда один из его друзей поддержал на военном совете не его, но Кассия и предложил переждать хотя бы зиму, Брут обратился к этому своему другу с ироническим вопросом: что рассчитывает тот выиграть, откладывая сражение до будущего года? — «Да хоть бы прожить лишний год, и то хорошо», — неожиданно отвечал спрашиваемый. Этот ответ, как уверяет Плутарх, возмутил всех присутствующих, в том числе и Кассия, и было решено дать сражение на следующий же день²³.

Битва при Филиппах происходила как бы в два приема. В первый день против Брута, командовавшего правым крылом, стояли войска Октавиана, против Кассия — войска Антония. Воины Брута ринулись в атаку, даже не дождавшись пароля и команды. Они смяли передние ряды неприятеля, обошли его левый фланг и захватили

²³ P l u t., Brut., 39.

лагерь. Октавиан, который был в этот день болен и лежал в палатке, еле успел избежать плена и спастись бегством. Однако такой слишком быстрый успех имел свою оборотную сторону: солдаты не окружили и не преследовали врага, они увлеклись разграблением лагеря.

На левом фланге армии «республиканцев» ситуация сложилась куда менее благоприятно. Кассий обнаружил в этой битве несвойственную ему медлительность и нерешительность. Войскам Антония удалось зайти ему в тыл, и вскоре после этого конница начала беспорядочно отступать к морю, затем дрогнула и пехота. Видя свое дело проигранным и ничего не зная о победе Брута, Кассий удалился в какую-то пустую палатку, где и был убит — по собственной просьбе — одним из своих отпущенников. По существу это было самоубийство, но самоубийство по недоразумению. Брут плакал над телом друга, называя его последним римлянином, говоря, что Риму не видать больше людей такой отваги и такой высоты духа²⁴.

Через несколько дней состоялось второе сражение. Правое крыло, которым снова командовал сам Брут, одержало верх над неприятелем и даже обратило его в бегство. Но командующие левым флангом войск «республиканцев», боясь обхода, слишком растянули его, боевая линия чрезвычайно истончилась и была прорвана; тогда неприятель ударил Бруту в тыл. Это было поражение, несмотря на то, что Брут «в этот грозный час свершил все возможное и как полководец, и как простой воин»²⁵. В сражении погибло немалое количество видных представителей «республиканской» партии.

Окруженный группой ближайших друзей и военачальников, Брут провел ночь в лесу, расположившись в ложине у подножия высокой скалы. Плутарх, ссылаясь на свидетельство одного из его спутников, утверждает, что Брут, глядя в звездное небо, декламировал Еврипида. Под утро, когда кто-то сказал, что больше медлить нельзя и следует бежать, он тотчас же откликнулся: «Вот именно, бежать и как можно скорее. Но только с помощью рук, а не ног»²⁶. После этого он с двумя-тремя друзьями отошел несколько в сторону и затем, укрепив

²⁴ Plut., Brut., 43—44.

²⁵ Ibid., 49.

²⁶ Ibid., 52.

рукоять меча в земле, с силой бросился на обнаженный клинок и тут же испустил дух. Герой обеих побед Марк Антоний (Октавиан фактически не принимал участия ни в первой, ни во второй битве), найдя тело Брута, укрыл его своим роскошным, стоившим целое состояние, пурпуровым плащом. Урну с прахом он распорядился отослать матери Брута — Сервилиии.

После битвы при Филиппах стало ясно, что надеждам еще оставшихся в живых «республиканцев» нанесен окончательный удар. Поэтому кое-кто решил перейти на сторону триумвиров. Что касается победителей, то они заново распределили между собой провинции, после чего Антоний отправился на Восток, а большой Октавиан вернулся в Италию, где ему предстояло решить острейший вопрос — наделение ветеранов землей.

Выше упоминалось о том, что триумвиры еще в самом начале своей деятельности решили пустить под раздел земли 18 городов. Теперь два города (Регий и Вибон) освобождались от этой повинности, ветеранов расселяли в 16 италийских городах. Все это были старые, богатые города главным образом Северной и Средней Италии. Земли, принадлежавшие местным жителям испокон веку, конфисковывались и передавались новым владельцам, т. е. ветеранам, причем передавались вместе с рабами и прочим живым и мертвым инвентарем. Местные жители беспощадно сгонялись с земли; ветераны вели себя, как завоеватели во вражеской стране.

Само собой разумеется, что жители обреченных городов выражали крайнее недовольство и даже возмущение подобным положением дел. Но если иметь в виду чисто экономическую сторону вопроса, то триумвирам нельзя отказать в определенной последовательности их аграрной политики. Проводившиеся ныне конфискации можно считать как бы продолжением проскрипций. Объявлялся поход против крупного италийского землевладения. Величина наделов, получаемых ветеранами, нам точно не известна, но по некоторым косвенным данным можно судить о том, что они были очень невелики. Н. А. Машкин говорит в своей книге даже о торжестве — правда, кратковременном — мелкого землевладения²⁷, а некоторые западные ученые, например

²⁷ Н. А. М а ш к и н. Указ. соч., стр. 220—221.

Р. Сайм, считают действия Октавиана революционными и расценивают передел земель итальянских городов, как социальный переворот²⁸.

Во всяком случае, положение в Италии становилось чрезвычайно напряженным. Разоряемые итальянские землевладельцы скапливались в Риме, они были резко настроены против солдат и ветеранов. Нередко происходили стычки между солдатами и толпой. Флот Секста Помпея затруднял снабжение Италии продовольствием, в стране начинался голод, разруха. На дорогах появились шайки разбойников, которые грабили путников, а иногда даже захватывали их в плен, увозили и продавали в рабство. По ночам толпы вооруженных грабителей бесчинствовали в самом Риме, возможно, это были солдаты.

Царившее в стране недовольство попытались возглавить близкие к Антонию люди: его брат Луций Антоний, консул 41 г., и жена Антония — энергичная и властолюбивая Фульвия. Они вели яростную агитацию против Октавиана, доказывая, что он один несет ответственность за конфискации земель, разорение владельцев и чуть ли не за все насилия и грабежи в Италии. Уверяли, что Марк Антоний, как только вернется с Востока, сложит свои чрезвычайные полномочия и «восстановит свободу». Противникам Октавиана удалось на вербовать войско из недовольных итальянских жителей, а также из ветеранов.

Луция Антония и Фульвию, конечно, нельзя считать бескорыстными защитниками разорявшихся италиков. Причина их противоречий и даже вражды с Октавианом лежала глубже — она заключалась в борьбе за монопольное право наделения землей ветеранов. Это была серьезная политическая проблема, ибо речь шла о создании новой, достаточно широкой социальной опоры. Октавиан, сгоняя с земель городов сотни, пусть даже тысячи более или менее крупных владельцев и распределяя наделы среди десятков тысяч ветеранов (а он распределял земли солдатам 34 легионов), приобретал таким образом массовую и прочную опору. Если от него не удалось вырвать это право наделения землей, то следовало, по крайней мере, создаваемому Октавианом новому социальному слою противопоставить всех тех, кого эти новые владельцы разоряли и вытесняли. Это и по-

²⁸ R. Syme. Roman Revolution Oxford, 1939, p 121—122, 207.

служило причиной очередной вспышки гражданской войны.

Война началась с ряда восстаний в среднеиталийских городах. Аппиан утверждал, что, опасаясь раздела земель, восстала почти вся Италия²⁹. После ряда стычек и маневров Октавиану и его полководцам, главным образом наиболее талантливого из них — Марку Випсанию Агриппе, удалось запереть войско восставших в Перузии. Осада города длилась несколько месяцев, наконец голод принудил осажденных к капитуляции (весна 40 г.). Луций Антоний получил прощение, его солдаты перешли к Октавиану, но Фульвии пришлось бежать. Город был отдан на разграбление, члены муниципального совета казнены. Октавиану разрешалось вступить в Рим в одежде триумфатора и присуждался лавровый венок.

Население Рима да и всей Италии с восторгом приветствовало окончание военных действий. Все жаждали прочного устойчивого мира. Однако время для него еще не пришло — не успела окончиться Перузинская война, как уже начал назревать новый конфликт между Октавианом и Антонием.

Антоний, как уже было сказано, после битвы при Филиппах отправился на Восток. Основная цель заключалась в сборе средств для расплаты с солдатами, а также для подготовки парфянского похода, о чем мечтал еще Юлий Цезарь. Но для этого следовало сначала разобраться в сложных, как всегда, восточных делах: произвести династические перемены в ряде вассальных царств, покарать и обложить налогами те города и области, которые поддерживали «республиканцев», предоставить какие-то привилегии своим приверженцам.

Плутарх весьма красочно описывает пребывание Антония на Востоке: «Когда... Антоний переправился в Азию и впервые ощутил вкус тамошних богатств, когда двери его стали осаждать цари, а царицы наперебой старались снискать его благосклонность богатыми дарами и собственной красотой, он отдался во власть прежних страстей и вернулся к привычному образу жизни, наслаждаясь миром и безмятежным покоем, меж тем как Цезарь (т. е. Октавиан. — С. У.) в Риме выбивался из сил, измученный гражданскими смутами и войной»³⁰.

²⁹ App., B. c., 5, 27.

³⁰ Plut., Ant., 24.

Антония окружала целая свита, в которой далеко не последнее место занимали кифареды, флейтисты, плясуны, мимы и прочий, как выражается Плутарх, «чумной сброд». Вот как описывается въезд Антония в Эфес: «Вся Азия, точно город в знаменитых стихах Софокла, была полна «курений сладких, песнопений, стонов, слез». Когда Антоний въезжал в Эфес, впереди выступали женщины, одетые вакханками, мужчины и мальчики в облиии панов и сатиров, весь город был в плюще, в тирсах, повсюду звучали псалтерии, свирели, флейты и граждане величали Антония Дионисом — подателем радостей, источником милосердия»³¹.

Из Эфеса Антоний переехал в Тарс (столица Киликии) и сюда он вызвал Клеопатру, которая должна была оправдаться перед ним от возводимых на нее обвинений в сочувствии и помощи Кассию. И вот тогда-то «ко всем природным слабостям Антония прибавилась последняя напасть — любовь к Клеопатре»³². Царица прибыла в Тарс по реке Кидн на корабле «с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые поднимались и опускались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны ложа стояли мальчики с опахалами — будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благоговения восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали корабль по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись ей навстречу из города... И повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии»³³.

Результат этой встречи заключался в том, что подготовка похода против парфян фактически была отложена и Антоний отправился с Клеопатрой в Александрию, где в непрерывных пирах и увеселениях он провел зиму 41/40 г. От этого приятного времяпрепровождения его оторвали такие события, как вторжение парфян и гражданская война в Италии.

³¹ Plut., Ant., 24.

³² Ibid., 25.

³³ Ibid., 26.

Антоний направляется в Италию. К нему присоединяется Домиций Агенобарб, который приводит с собой республиканский флот, а затем они оба заключают союз с Секстом Помпеем. Кажется, что столкновение Октавиана с этой коалицией неизбежно. Дело дошло до того, что войска Октавиана и войска Антония сошлись у Брундизия. Однако, как случалось и раньше, солдаты обеих армий настояли на примирении полководцев. К тому же пришло известие о смерти Фульвии, которая была настроена гораздо более непримиримо, чем сам Антоний.

После этого состоялось так называемое Брундизийское соглашение. Провинции были снова перераспределены: Антоний теперь официально получал все восточные провинции, Октавиан — все западные, а за Лепидом, который все больше и больше отступал на задний план, по-прежнему сохранялась Африка. Соглашение было скреплено династическим браком: Антоний женился на сестре Октавиана, которая незадолго до всех этих событий овдовела.

В скором времени Брундизийское соглашение было дополнено еще одним: договором, заключенным триумвирами с Секстом Помпеем в Путеолах (или в Мизене) в 39 г. По этому соглашению Помпей признавался командующим всеми морскими силами, за ним закреплялись Сицилия и Сардиния, признавалась его власть над Пелопоннесом. Все бежавшие к нему из Рима (от проскрипций) получали прощение, все рабы, служившие в его войсках, объявлялись свободными.

Однако прочного мира, которого так жаждало все население Римской державы, не получилось и теперь. После заключения договора в Путеолах Антоний снова направился на Восток. Положение там было довольно напряженным. Уже упоминалось о вторжении парфян в 40 г. в пределы Римского государства. Они захватили Сирию и некоторые области Малой Азии. Правда, в 39 г. полководцу Антония Вентидию Бассу (это был один из наиболее опытных и испытанных военачальников) удалось вытеснить парфян из захваченных ими областей, но парфянская проблема в целом оставалась нерешенной, планы Цезаря — нереализованными, поражение Красса — неотмщенным. Антоний стремился к «настоящей», большой войне против Парфии.

Не наступило мира и в самой Италии. Договор,

заключенный с Секстом Помпеем в ПUTEОЛАХ, оказался непрочным. Его флот по-прежнему затруднял подвоз продовольствия в Италию, бегство же рабов из Рима в Сицилию приняло колоссальные размеры. Общественное мнение в Риме складывалось теперь далеко не в пользу Помпея. Этим решил воспользоваться Октавиан, чтобы окончательно разделаться с полупиратским государством — постоянной угрозой Риму.

Однако начало военных действий, пока флотом руководил сам Октавиан, оказалось чрезвычайно неудачным. Он потерпел поражение, флот его частично был разбит и потоплен в бою, частично погиб во время бури. Пришлось искать помощи у Антония. Весной 37 г. в Таренте произошло свидание Октавиана с Антонием. Антоний передал своему коллеге флот из 130 судов, сам же он нуждался в сухопутном войске. Октавиан предоставлял поэтому в его распоряжение 20 тыс. солдат для парфянского похода. Кроме того, во время Тарентинского свидания было принято решение о продлении чрезвычайных полномочий триумвиров еще на пять лет.

Война с Секстом Помпеем возобновилась. Теперь во главе флота стоял Агриппа, прославившийся еще во время Перузинской войны. В двух морских сражениях (36 г.) Помпей был разбит, бежал в Малую Азию и там погиб. Эмилий Лепид, который выступал в ходе войны как союзник Октавиана, попытался вдруг захватить власть над Сицилией. Однако войско ему изменило и перешло на сторону Октавиана. Последний завершил свою победу над Помпеем весьма своеобразным образом: всех беглых рабов из войска Помпея разоружили, доставили в Италию (всего 30 тыс. человек) и передали их бывшим владельцам. Октавиан настолько гордился этим актом, что в составленном несколько лет спустя знаменитом перечне «Деяния божественного Августа», специально подчеркивал: «Море я очистил от пиратов. Взяв в этой войне около 30 тыс. рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, я передал их господам для надлежащего наказания»³⁴. И это после того, как по ПUTEОЛЬСКОМУ соглашению всем рабам, находившимся в государстве Секста Помпея, торжественно гарантировалась свобода! Из одной этой фразы «Деяний» можно извлечь весь моральный кодекс, а также всю теорию и практику рабовладения.

³⁴ Res Gestae Divi-Augusti, 25.

Октавиан Август и становление Римской империи

Октавиан Август, как человек и как государственный деятель, еще в самой древности вызывал противоречивые суждения. При его жизни и в первые годы после его смерти в римской историографии, и даже более широко — в римской литературе, возникло явно выраженное апологетическое направление. Оно было представлено такими историками, как Николай Дамасский, Веллей Патеркул, в более умеренной форме — Титом Ливием и Дионом Кассием, причем последний считается обычно основным источником по эпохе Августа. Существовало, несомненно, и другое направление — критическое, оппозиционное, представители которого отстаивали взгляды и лозунги «последних республиканцев», но от их произведений до нас практически ничего не дошло. Более поздние историки, начиная с Тацита, дают, как правило, двойственную оценку, но зато она оказывается довольно подробной и содержательной.

Например, сам Тацит в начале «Анналов», вскоре после того как он делает свое знаменитое заявление об отсутствии у него «гнева и пристрастия» (*sine ira et studio*), приводит весьма своеобразно построенную характеристику Октавиана Августа. Она основана на мнениях и высказываниях римлян вскоре после смерти престарелого императора, причем сначала группируются положительные высказывания, а затем — отрицательные. К первым относится перечисление почетных должностей и званий Августа, подчеркивание его любви к отцу, т. е. к Юлию Цезарю, и оправдание этой любовью инициативы в гражданской войне, затем указание на созданный им новый политический строй без царской власти и без диктатуры, на расширение государства и обеспечение его безопасности, на украшение Рима и, наконец, на то, что

насилие употреблялось лишь в редких случаях и для того, чтобы сохранить мир и покой для большинства ¹.

Однако затем приводятся и противоположные высказывания, согласно которым любовь к отцу была лишь предлогом для борьбы за власть, делаются намеки на причастность Октавиана к смерти Гирция и Пансы, говорится о захвате первого консулата силой и об обращении войска, полученного для борьбы с Антонием, против самого государства. Безусловно осуждаются действия Октавиана во время проскрипций и раздела италийских земель. Затем идут обвинения в коварстве и обманах, в злоупотреблении казнями, в недостаточном почитании богов и даже столь типичные для тех времен пересуды и сплетни по поводу семейных дел и жизни ². Замечательнее всего в этой двойственной характеристике то обстоятельство, что сам Тацит ничем и никак не выдает своего собственного отношения к личности Августа.

С наиболее полной и развернутой характеристикой мы, как и следовало ожидать, сталкиваемся в биографии Октавиана Августа, написанной Светонием. Но она тоже носит на себе печать двойственности и противоречий.

Пока речь идет об Октавиане-триумвире, т. е. о периоде его борьбы за власть, он рисуется как человек крайне жестокий (расправа с пленными после взятия Перузии ³, поведение во время проскрипций и т. п. ⁴), по достижении же власти оказывается милостивым и щедрым и даже мягкосердечным судьей ⁵. Если в начале биографии упоминаются насмешки Марка Антония над его трусостью, то позже приводятся примеры, опровергающие подобные подозрения ⁶. С похвалой говорится о том, что он категорически запрещал возводить в его честь храмы в Риме (лишь в провинциях, да и то с двойным посвящением: ему и Риму), что он не обращал серьезного внимания на дерзкие выпады и подметные письма, что он держался основ справедливости ⁷, причем целых четыре главы биографии — с 57 по 60 включительно — посвяще-

¹ T a c , Ann., 9.

² Ibid., 10.

³ S u e t., Aug., 15.

⁴ Ibid., 27.

⁵ Ibid., 33; 41; 51.

⁶ Ibid., 16; ср., например, 43, 5.

⁷ Ibid., 52; 55; 56.

ны описанию добровольных проявлений «общенародной» любви к Августу.

На этом Светоний завершает ту часть биографии, которая посвящена характеристике Октавиана Августа как военного и политического деятеля, и переходит к описанию его личных качеств. Он уделяет им большое внимание, вплоть до описания наружности Августа или его неприхотливости в пище. Он специально останавливается на его интересе к «благородным наукам», на занятиях красноречием, а также на хорошем знании греческих и латинских авторов⁸. Биография заканчивается описанием смерти Августа и его похорон, причем — и это, конечно, блестящий заключительный штрих общей характеристики — рассказывается о том, как умирающий император обратился к своим близким с таким вопросом: как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни, и потребовал, в случае утвердительного ответа, аплодисментов⁹.

Таковы наиболее типичные оценки и характеристики самой древности. Что касается нового времени, то можно сказать, что на фоне блестящей и всегда импонирующей личности Цезаря фигура Августа казалась бледной и даже незначительной. Во всяком случае, он не внушал симпатий новым историкам и не пользовался их признанием.

Еще французские просветители, для которых Август был узурпатором и душителем республики, отзывались о нем резко отрицательно. Так, Вольтер говорил о «чудовище», о «человеке без стыда, без веры и чести»; кровавым тираном, установившим для своих подданных «долговременное рабство», считал его и Монтескье. В знаменитой в свое время работе Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» Август характеризуется следующими словами: «Холодный ум, бесчувственное сердце и трусливый характер заставили его, когда ему было девятнадцать лет, надеть на себя маску лицемерия, которую он впоследствии никогда не снимал». Гардтхаузен в своей трехтомной работе сравнивает Августа с Наполеоном III¹⁰⁻¹¹. Пожалуй, из новых исто-

⁸ Ibid., 84—89.

⁹ Ibid., 99.

¹⁰⁻¹¹ V. Gardthausen. Augustus und seine Zeit. I—III. Leipzig, 1891—1904.

риков наиболее положительно оценивает Августа Ферреро, противопоставляя его «гениальному неудачнику» Цезарю. Но и он пишет о нем в таких выражениях: «Этот умный эгоист, не имевший ни тщеславия, ни честолюбия, этот ипохондрик, боявшийся внезапных волнений, этот тридцатилетний человек, преждевременно состарившийся, этот осторожный счетчик, холодный и боязливый, не делал себе иллюзий»¹².

Советский исследователь принципата Августа, Н. А. Машкин, также оказывается весьма невысокого мнения о личных качествах и талантах преемника Цезаря. Он говорит: «Хотя для утверждения монархической власти Август сделал гораздо больше, нежели его приемный отец, все же мы не можем сравнить его с Юлием Цезарем. По способностям он уступал не только Цезарю, но и многим его сподвижникам. Он выдвинулся не благодаря своим способностям, а потому, что принял имя Цезаря и вместе со своими окружающими правильно оценил обстановку и наметил пути преодоления трудностей. Август умел видеть свои недостатки и умел выбирать и привлекать людей»¹³.

Итак, лицемер и трус, эгоист и ипохондрик, коварный и жестокий тиран, к тому же человек весьма средних способностей — такой или почти такой образ преподносит нам новая историография. Редкий, вернее даже исключительный, случай огромного несоответствия, разрыва между ничтожеством деятеля и величию содеянного! Так ли это на самом деле?

Мы вовсе не собираемся создавать апологетический образ Октавиана Августа. Но нам хотелось бы подчеркнуть одну — и, с нашей точки зрения, наиболее характерную — особенность его личности, по сравнению с которой все остальные могут считаться как бы второстепенными и подчиненными. Октавиан Август был прирожденным политиком, политиком *par excellence*, политиком с головы до ног, и как таковой он представляет собой исключительное, пожалуй, даже единственное явление, во всяком случае, в древней истории.

Решив в 19 лет, причем вопреки совету родных и близких, принять в наследство от Цезаря не только его имя,

¹² Г. Ферреро Величие и падение Рима, т. IV. М., 1922, стр. 11.

¹³ Н. А. Машкин Принципат Августа М.—Л., 1949, стр. 551

но и его особое положение в государстве, он с тех пор знает «одной лишь думы власть», причем этой «думе» он последовательно и без всяких колебаний подчиняет все свои остальные намерения и поступки. Перед ним все время стоит лишь одна цель — достижение первенствующего положения в Риме, и на выполнение этой жизненной задачи он устремляет все физические и духовные силы. Когда мы говорим об Августе и имеем в виду его политическую карьеру, представление о ясно намеченной и определенной цели отнюдь не выглядит как телеологическое преувеличение. Наоборот, во всех его действиях — как в больших, так и в малых — поражает постоянно ощущаемое присутствие дальновидного расчета. Причем это не только сухой и трезвый, так сказать, «приземленный» расчет, нет, он часто окрылен блестящей интуицией — по существу без интуиции, а следовательно, без риска не бывает и быть не может большой политики, политики «дальнего прицела».

Политический гений Августа — явление почти устрашающее. Тактический расчет и стратегическое предвидение сочетаются в нем столь естественно и столь совершенно, что часто заранее рассчитанный поступок выглядит как интуитивно принятое решение, а явно, на первый взгляд, интуитивная акция оборачивается вдруг трезвым расчетом. В результате — ни одной крупной ошибки, ни одного промаха на всем протяжении политической карьеры. Пример в истории, на наш взгляд, совершенно беспрецедентный! Зато носитель этих качеств вынужден был заплатить утерей качеств чисто человеческих — политик в нем вытеснил, уничтожил человека; это был уже и не человек, но почти безукоризненный политический механизм, робот.

Нам хотелось бы сейчас на некоторых конкретных примерах подтвердить ту мысль, что политический гений Августа сумел как-то преобразовать, использовать, во всяком случае, поставить себе на службу все остальные свойства и особенности его личности. Правда ли, что он не обладал военными талантами, был слабым, да к тому же еще и неудачливым полководцем? Да, был, но этот свой недостаток, эту слабость он сумел превратить в силу, воюя, как правило, чужими руками или, когда он вел военные действия самолично, проявляя крайнюю осторожность, в соответствии с излюбленными им изрече-

ниями: «Спешит не торопясь» или «Осторожный полководец лучше безрассудного».

Правда ли, что он был коварным и жестоким человеком, обманщиком, предателем друзей? Это — никому не известно, ибо неизвестно, кем он был на самом деле, каковы были его человеческие качества. Зато прекрасно известно другое: когда *нужно*, он был жесток, а когда *нужно* было другое — добр и милостив¹⁴. Все человеческие чувства в нем также были подчинены политическому расчету (или интуиции). Вершиной такого расчета можно считать тот засвидетельствованный его биографом факт, что и с собственной женой Ливией он в некоторых важных случаях говорил по заранее составленному конспекту¹⁵, а вершиной интуиции — вступление в союз с Антонием, после того как тот был разгромлен в Мутинской войне¹⁶.

Ведь этот шаг привел к созданию второго триумvirата, к совместным действиям при Филиппах и вообще ко всему тому, что было основным содержанием римской истории, пока не распался сам триумvirат, и, что, конечно, никоим образом не поддавалось никакому предварительному расчету.

Все это вместе взятое и было основной причиной противоречивых характеристик античных — да, пожалуй, и новых — историков. Кроме того, не следует забывать, что Август правил государством, по подсчетам самих же древних, более полувека: 12 лет вместе с Антонием и Лепидом и 44 года единовластно¹⁷. Поэтому его образ и как человека, и как политического деятеля следует представлять не статично, хотя и в каждый данный момент он достаточно сложен и противоречив, но в определенном развитии. Политический аспект образа Октавиана необычайно интересен тем, что в его политической деятельности, если ее рассматривать в развитии и на всем протяжении, воплощены как бы все известные в те времена формы правления — как правильные, так и «извращенные»: диктатура и тирания, аристократия, демократия и олигархия и, наконец, республика и монархия.

¹⁴ Suet., Aug., 25, 27, 51.

¹⁵ Ibid., 84

¹⁶ Ibid., 12

¹⁷ Ibid., 8, 3

А своеобразный сплав всех этих форм и элементов дал тот совершенно новый, быть может, единственный в истории политический строй, который получил наименование принципата. Что же касается частного, или «человеческого», аспекта образа Октавиана, то, скорее всего, это образ актера, непрерывно и неустанно исполняющего определенную роль и настолько в нее «выигравшегося», что она стала для него самой жизнью, как он об этом прямо и сказал в приведенных выше предсмертных словах.

Вернемся к тому периоду жизни и деятельности Октавиана, к тому периоду римской истории, который можно назвать подготовкой к последнему этапу гражданской войны. После окончания военных действий против Секста Помпея и после неудачной (и роковой для него) попытки Эмилия Лепида выступить против Октавиана триумвират фактически превращается в двойственный союз. Но прочность этого союза тоже была довольно иллюзорной; пожалуй, именно с этого момента Октавиан начинает предварительную и далеко нацеленную подготовку к решающей схватке со своим коллегой и соперником. Он проводит ряд мероприятий, которые ныне уже рассчитаны на удовлетворение нужд и интересов не только ветеранов, но и широких кругов населения Италии. Он хочет стереть все неблагоприятные для него воспоминания, связанные с начальным этапом гражданских войн после смерти Цезаря (о проскрипциях, конфискациях земель). Если теперь ветераны и напраждались, как обычно, землей и деньгами, то это шло за счет огромной сицилийской добычи, и никаких экспроприаций не производилось. Более того, было объявлено об уничтожении всех документов, имеющих отношение к гражданской войне и проскрипциям, слагались недоимки по налогам и откупам, сообщалось о том, что по возвращении Антония из парфянского похода будет полностью восстановлен старый республиканский строй. Все эти меры подкреплялись удачей новой внешнеполитической акции — успешной военной экспедицией в Иллирию, во время которой Октавиан вместе со своим полководцем Агриппой одержал не только ряд побед, но и проявил на сей раз личное мужество.

Таким образом, если Октавиану в середине 30-х годов удалось в какой-то мере укрепить свои позиции и авторитет, по крайней мере, среди населения Италии, то этого

никак нельзя сказать о Марке Антонии Его парфянский поход, начавшийся весьма многообещающе и удачно (осада столицы Мидии), затянулся и в конечном счете Антонию пришлось увести войска из Мидии. Отступление проходило в трудных условиях, при непрерывных нападениях парфян, и войско Антония понесло крупные потери. Как рассказывает Плутарх, поход продолжался 27 дней, и римляне одержали в стычках с парфянами 18 побед, но это все были не полные и не решительные успехи, ибо у римлян не хватило сил для преследования понесшего поражения противника¹⁸.

В официальном донесении сенату Антоний изображал парфянский поход, как крупную победу. Однако скрыть истину полностью не удалось, и в скором времени в Риме распространились слухи, для Антония весьма мало лестные и неблагоприятные. Не помогло и то, что в следующем (т. е. в 35) году Антоний предпринимает новый и более удачный поход — на сей раз в Армению. Дело в том, что он совершил после этого похода крупную политическую ошибку — отпраздновал триумф в Александрии, что, по римским понятиям, выглядело чуть ли не святотатством. Кульминационным пунктом всякого триумфа считалось жертвоприношение в храме Юпитера Капитолийского, следовательно, триумф мог праздноваться только в самом Риме.

Более того, или во время самого триумфа, или вскоре после него Антоний провел в Александрии пышную политическую манифестацию, о которой Плутарх рассказывает следующее: «Наполнивши толпой гимнасий и водрузив на серебряном помосте два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие — попроче и пониже — для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицей Египта, Кипра, Африки и Келесирии, при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной; затем сыновей, которых родила Клеопатра от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею — Финикию, Сирию, Киликию»¹⁹.

¹⁸ Plut., Ant., 50

¹⁹ Ibid., 54

Само собой разумеется, что подобные акции никак не могли содействовать росту авторитета и популярности Антония в Риме. Наоборот, они воспринимались, как вызов, как враждебный акт по отношению «ко всему римскому», и вызвали «волну ненависти» против Антония²⁰.

Этот благоприятный момент вовремя и весьма тонко использовал Октавиан. Мы уже упоминали о том, что Брундизийское соглашение было подкреплено династическим браком: Антоний женился на сестре Октавиана Октавии. Поначалу этот брак выглядел даже счастливым — благодаря красоте и прекрасному характеру Октавии, но когда Антоний в 37 г. в Антиохии снова встретился с Клеопатрой, все нарушилось. Пренебрегая обычаями и правилами, Антоний вскоре, не разводясь с Октавией, вступил в официальный брак с египетской царицей. Это был очередной скандал.

Судьба Октавии, которая держала себя безукоризненно и, оставаясь в Риме, вела дом Антония и воспитывала его детей, вызывала общее сочувствие. Когда она заявила о своем желании поехать к мужу, Октавиан этому не препятствовал, но, как отмечали еще древние авторы, отнюдь не из желания угодить сестре, а рассчитывая на оскорбительный прием со стороны Антония, что могло послужить одним из поводов к войне²¹. Так и получилось. Когда Октавия, ведя с собой 2 тыс. отборных солдат, а также собрав деньги и подарки для военачальников и друзей Антония, прибыла в Афины, ей было вручено от него письмо, в котором, ссылаясь на очередной поход и занятость, он просил ее вернуться обратно в Рим.

С этого времени начинается открытая вражда между бывшими триумвирами. Они обмениваются взаимными упреками, обвинениями, а в 32 г., на заседании сената происходит полный разрыв не только между самими главными действующими лицами, но и между их сторонниками из числа сенаторов. В результате этого около 300 сенаторов (в том числе оба консула!) покинули Рим (с разрешения Октавиана) и отправились к Антонию. Этим, по существу говоря, был решен вопрос о

²⁰ Ibidem

²¹ Ibid, 53

новой войне, и обе стороны начинают деятельно к ней готовиться.

Антоний присылает официальный развод Октавии; в ответ на это Октавиан, вопреки существующим правилам, публикует завещание Антония, хранившееся у весталок. Из этого завещания следовало, что Антоний просит похоронить его в Египте вместе с Клеопатрой, что он за нею и за ее детьми закрепляет все те земли и царства, которые были им столь торжественно переданы.

Это завещание оказалось каплей, переполнившей чашу. Оно вызвало в Риме всеобщее возмущение. Клеопатре была объявлена война. Тот факт, что война объявлялась именно Клеопатре, можно признать новой удачной акцией Октавиана, ибо таким образом предстоящая война приобретала характер внешней, а отнюдь не гражданской, что гораздо больше в тот момент импонировало римлянам.

Тем не менее война требовала средств. Октавиану пришлось прибегнуть к исключительным мерам. Все свободнорожденные должны были внести четвертую часть годового дохода, а вольноотпущенники — одну восьмую часть всего имущества. Эти меры привели чуть ли не к восстаниям. Плутарх считает величайшей ошибкой Антония его промедление, ибо он дал возможность Октавиану приготовиться, а волнениям улечься, и весьма мудро замечает, что «пока шли взыскания, люди негодовали, но, заплатив, успокоились»²². Более того, Октавиан сумел добиться того, что ему присягнули на верность жители Италии, Галлии, Испании, Африки, Сицилии и Сардинии.

Антоний, со своей стороны, готовился к предстоящей войне не менее активно. Он собрал значительное войско; флот, находившийся в Эфесе, насчитывал до 800 судов (включая грузовые), причем 200 кораблей выставила Клеопатра. От нее же Антоний получил 2 тыс. талантов и продовольствие для всей армии. В лагере Антония существовали две группировки или «партии»: перешедшие на его сторону сенаторы, которые хотели или примирить его с Октавианом, или, по меньшей мере, удалить на время Клеопатру, и «партия» самой Клеопатры, провоцировавшая Антония на самые вызываю-

²² Plut., Ant., 58

щие действия и полный разрыв с Римом. Победила, конечно, последняя.

Пока стягивался флот и комплектовалось войско, Антоний и Клеопатра отправились на Самос, где проводили все дни в развлечениях и удовольствиях. Но предоставим слово опять Плутарху. Он пишет: «Чуть ли не целая вселенная гудела от стонов и рыданий, а в это самое время один-единственный остров много дней подряд оглашался звуками флейт и кифар, театры были полны зрителей, и хоры усердно боролись за первенство. Каждый город посылал быка, чтобы принять участие в торжественных жертвоприношениях, а цари старались превзойти друг друга пышностью приемов и даров, так что в народе с недоумением говорили: каковы же будут у них победные празднества, если они с таким великолепием отмечают приготовления к войне?»²³. Затем Клеопатра и Антоний переехали в Афины, где опять потянулись бесконечные пиры, торжества, зрелища.

Когда, наконец, противники двинулись друг против друга, под командованием Антония находилось не менее 500 боевых кораблей, 100 тыс. пехоты и 12 тыс. конницы. На его стороне выступал ряд зависимых царей и властителей, приславших свои вспомогательные отряды. У Октавиана же было только 250 судов, пехоты — 80 тыс., а конницы тоже около 10—12 тыс. Однако в одном отношении он имел бесспорное преимущество — его суда были прекрасно оснащены и отличались большей легкостью и маневренностью. Тем не менее Октавиан предлагал Антонию решить дело сухопутным сражением, обещая обеспечить его войску высадку в Италии. Антоний ответил отказом и взамен предложил Октавиану сойтись с ним в поединке.

Решающее сражение произошло 2 сентября 31 г. на море, около мыса Акции в Эпире. Бой был довольно упорным, исход его еще абсолютно неясным, как вдруг, у всех на виду, 60 кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь через гущу сражающихся. Антоний, стоило лишь ему заметить, что корабль Клеопатры уходит, забыл обо всем на свете и, бросив на произвол судьбы людей, которые сражались и умирали за него, перешел с флаг-

²³ Ibid, 56.

манского корабля на быстроходную пентеру и ринулся в потюню за Клеопатрой.

Морская битва, однако, продолжалась до позднего вечера. Лишь очень немногие видели бегство Антония своими глазами, а те, кто об этом узнавал, не хотели верить, что прославленный полководец мог так позорно бросить свой флот, а кроме того 19 вовсе нетронутых легионов и 12 тысяч конницы. И хотя флот был все же разгромлен, сухопутное войско еще целую неделю не желало покидать лагерь, отвергая все выгодные предложения, которые делал Октавиан. И только, когда сами военачальники стали тайно по ночам бежать из лагеря, солдатам ничего больше не оставалось, как перейти на сторону победителя.

Битва при Акции решила в принципе исход гражданской войны. Но война как таковая отнюдь еще не была закончена. Прежде чем перейти к конечной цели — взятию Египта, Октавиан, как всегда чрезвычайно основательный и осторожный, осуществляет ряд мер, закрепляющих его положение на Востоке. Он отправляется сначала в Афины, где принимает посвящение в Элевсинские мистерии. Затем он отплывает на Самос, а оттуда в малоазиатские города. Здесь в поисках популярности он проводит традиционную политику сложения долгов и отмены налогов, а также дарует права римского гражданства уроженцам восточных городов, служивших в его войске. В конце 31 г. Октавиан вынужден вернуться в Италию — ему сообщают о крупном мятеже ветеранов. Солдаты, как всегда, требовали денег и земель. В расчете на будущую египетскую добычу, Октавиан удовлетворил все их требования, хотя для этого ему пришлось потратить почти все собственные средства да еще одолжить значительные суммы у друзей. После этого он смог возобновить свой восточный поход.

Что касается Антония, то передышку, невольню предоставленную ему Октавианом, он использовал довольно странно. После нескольких месяцев депрессии, проведенных им в одиночестве, он вернулся в Александрию, к Клеопатре. И хотя к нему поступали самые неутешительные сведения, говорящие о том, что подвластные ему цари и династы, начиная с иудейского царя Ирода, один за другим изменяют и переходят на сторону Октавиана, так что за ним ничего уже не остается,

кроме Египта, он, по словам Плутарха, словно радуясь, отрекся от всякой надежды и принялся увеселять город нескончаемыми пирами, попойками и денежными раздачами. Цезариона он записал в эфебы, т. е. объявил совершеннолетним на греческий лад, а своего сына от Фульвии одел в мужскую тогу. По этому поводу для всех жителей Александрии было устроено многодневное празднество. Затем Антоний и Клеопатра основали «Союз смертников», куда записывались друзья, решившие умереть вместе с ними, но пока по очереди задававшие пиры, один роскошнее другого.

Вместе с тем они все же направили послов к Октавиану. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям, а Антоний — разрешить ему провести остаток дней частным лицом либо в Египте, либо в Афинах. Просьбу Антония Октавиан категорически отверг, Клеопатре же отвечал, что ей будет оказано полное снисхождение, если она выдаст или умертвит Антония. Октавиан в то время всячески старался подчеркнуть свое милостивое отношение к Клеопатре еще и потому, что она перенесла неисчислимые богатства из царской сокровищницы в свой мавзолей и угрожала все это сжечь, а с собой покончить.

Когда войска Октавиана подошли к Александрии, то в одной из первых стычек Антоний обратил в бегство неприятельскую конницу. Разгоряченный боем он вернулся во дворец и, не снимая доспехов, поцеловал Клеопатру и представил ей одного из наиболее отличившихся воинов. Царица наградила его золотым панцирем и шлемом. Получив эту награду, отличившийся солдат в ту же ночь перебежал к Октавиану²⁴.

Вскоре такое же предательство повторилось, но уже в гораздо более широком масштабе.

Антоний снова направил Октавиану вызов на поединок. Тот отвечал, что ему, Антонию, открыто много дорог к смерти. Тогда Антоний решил дать сражение одновременно на суше и на море. Однако именно в этом сражении его флот перешел на сторону Октавиана, подобным же образом поступила конница, а пехота потерпела поражение.

²⁴ Plut., Ant., 74

Это был конец. Антоний, впавший в отчаяние, стал обвинять в предательстве Клеопатру. В страхе перед его гневом она укрылась в усыпальнице, а ему велела сообщить о своей смерти. Антоний поверил этому и закололся мечом. Тогда его доставили в усыпальницу царицы, и он умер на руках прощенной им Клеопатры. Так завершилась судьба этого блестящего авантюриста. Когда Октавиан получил известие о его гибели, он «ушел в глубину палатки и заплакал, горюя о человеке, который был его свойственником, справителем и товарищем во многих делах и битвах»²⁵.

Судьба Клеопатры в конечном счете оказалась не менее трагичной. Когда она стала пленницей Октавиана и убедилась в том, что в лучшем случае он сохранит ей жизнь, но намеревается провести ее в триумфе, она покончила жизнь самоубийством. По преданию, она умерла от укуса змеи, доставленной ей — несмотря на охрану — в корзине с ягодами.

Октавиан казнил Цезариона и старшего сына Антония — Антилла. Остальных детей Клеопатры от Антония вели в триумфе, а затем они воспитывались Октавией вместе с ее детьми от Антония. Египет был обращен в римскую провинцию, причем он стал первой провинцией, управлявшейся уже не сенатом, но самим императором через своих уполномоченных. Октавиан по возвращении в Италию отпраздновал пышный триумф, длившийся три дня: первый день — за Иллирию, второй — за победу над Клеопатрой при Акции, третий — за взятие Александрии. Таким образом, снова подчеркивалось, что победы одерживались над внешними врагами, а отнюдь не над римскими гражданами.

Тем не менее это были, конечно, гражданские войны. Октавиан вышел из них победителем. Ему удалось, как говорит Тацит, привлечь на свою сторону войско — подарками, народ — раздачей хлеба, а всех вообще — сладостью мира²⁶. Этот мир был желанной мечтой для всех почти слоев населения огромной державы. Того, кто мог ныне твердым и умелым руководством обеспечить прочный, длительный мир, ожидало общее поклонение и почти божеские почести. Так и получилось. По-

²⁵ Plut., Ant., 78

²⁶ Tac., Ann., 1, 2

этому, когда на заседании сената 13 января 27 г. до н. э. Октавиан заявил о сложении с себя чрезвычайных полномочий, сенаторы дружно и единодушно — хотя, как говорит Дион Кассий, одни искренне, а другие только из страха — убедили его вновь принять высшую власть²⁷. А еще через три дня благодарный сенат преподнес ему почетный титул Августа. С этого времени Октавиан стал официально называться «император Цезарь Август, сын божественного». Кроме того, с этого времени он стал всегда заноситься первым в списки сенаторов, т. е. стал принцепсом сената или, как в дальнейшем подчеркивал сам Август, «первым среди равных». Обычно 27 г. до н. э. считается датой, открывающей новую эпоху — эпоху принципата, или, как принято говорить значительно чаще, эпоху Римской империи.

Характер политического строя, установившегося в Риме со времени правления Августа, вызывал и до сих пор вызывает не меньше противоречивых суждений, чем личность самого «первого римского императора». Эти разногласия начались еще в античной историографии.

Прежде всего — документ, составленный самим Августом и опубликованный его преемником Тиберием, который носит название «Деяния божественного Августа». В этом документе Октавиан Август со всей доступной ему убедительностью пытается доказать, что он «вернул свободу государству» (республике), что он «передал государство (республику) из своей власти в распоряжение сената и народа»²⁸.

Итак, «восстановленная республика» (*res publica restituta*) — это был официальный лозунг, с которым выступал сам Август, следовательно, так полагалось рассматривать всю его деятельность, такова якобы была ее основная и конечная цель. И действительно, именно так изображали ее представители апологетической тенденции в римской историографии. Например, наиболее близкий по времени к эпохе Августа Веллей Патеркул писал: «...была возвращена первоначальная и старинная форма государства»²⁹, т. е., говоря другими словами, восстановлена республика.

²⁷ Dio Cass., 53, 3

²⁸ Res Gestae Divi Augusti, 1, 34.

²⁹ Vell Pat., 2, 89.

Тацит, который, как уже говорилось, характеризуя Августа, не высказывал собственной точки зрения, но приводил существующие о нем мнения в равной степени как за, так и против, в данном случае, т. е. оценивая политический строй, установленный Августом, тоже не избегает явно противоречивых суждений. В одном месте — об этом уже говорилось — он считает, что Август дал государству устройство без диктатуры и без царской власти, но зато в другом месте он подчеркивает, что мир, установленный Августом, достался римлянам ценой потери свободы, или утверждает, что трибунскую власть (*tribunicia potestas*) Август принял, чтобы только не принимать имени царя, но вместе с тем превосходить всех своею властью³⁰. Вообще говоря, Тацит считает, что власть в государстве Август захватил, узурпировал, а политический строй, им установленный, выродился в дальнейшем в открытую и явную тиранию.

Дион Кассий, относящийся к Августу весьма положительно, тем не менее не сомневается, что Август установил единодержавие. Однако это единодержавие не является абсолютным и нетерпимым — сенат и его члены пользуются большим влиянием и почетом. Сама верховная власть, которой обладает Август, отнюдь не результат узурпации, но вручена ему лишь на определенный срок и именно сенатом³¹.

Таким образом, в античной историографии существовало как бы два варианта определения политического строя, установленного Августом. Вариант официальный квалифицировал этот строй как «восстановленную республику» (или «государство»), вариант неофициальный (представленный, как правило, более поздними авторами) определял строй как единодержавный.

Следует отметить, что новая историография не внесла большого разнообразия в этот вопрос. Пожалуй, наиболее оригинальная характеристика принципата (и власти Августа) была высказана в свое время Моммзенom. Его не интересовал вопрос о генезисе принципата, что обуславливалось его принципиальными установками. В тех работах, в которых Моммзен дает определение принципата, он занимается не историей, но систе-

³⁰ Tac., *Ann.*, 1, 9, 3, 56.

³¹ Dio Cass., 52, 41.

мой римского права. Поэтому он отправляется от юридических прецедентов.

Подходя к определению императорской власти с этих позиций, Моммзен говорит о проконсульском империи (*imperium proconsulare*) и трибунской власти (*tribunicia potestas*) как о двух принципиальных основах этой власти. Тот же политический строй, который установился в Риме с 27 г., т. е. формальное разделение власти между императором и сенатом, которое продолжало *de iure* оставаться и дальше, определяется Моммзеном не как республика и не как монархия, а как некая своеобразная форма двоевластия, что он и называет *диархией*.

Другой исследователь принципата, Гардтхаузен, придерживался иного взгляда. Он обосновал один из вариантов античной традиции, считая, что «восстановление республики» Августом есть явная фикция и власть Августа носила чисто монархический характер. Специфической чертой этой власти было необычное совмещение в руках одного человека обычных римских магистратур. Именно в этом и заключались магистратские основы монархии Августа.

Особую, как уже говорилось, точку зрения на принципат и на власть Августа развивал Эд. Мейер. По его мнению, принципат как особая политическая форма сложился еще при Помпее. Приемный сын Цезаря отнюдь не был наследником и продолжателем политической доктрины своего отца, ибо Юлий Цезарь стремился к установлению монархии эллинистического типа. В смысле государственного творчества Августа следует считать продолжателем дела Помпея. Принципат — это такая политическая система, когда вся полнота власти принадлежит сенату, «охранителем» которого является принцепс. Таким образом, это отнюдь не монархия или «диархия», а действительно восстановленная республика.

Все изложенные точки зрения, особенно две последние, варьировались в современной историографии бесконечное число раз. Мы не можем останавливаться на этих «вариантах», ибо для этого пришлось бы касаться множества работ. Стоит лишь, пожалуй, отметить, что М. И. Ростовцев в своем капитальном труде «Социально-экономическая история Римской империи» по сущест-

ву отказывается от определения принципата; так же, собственно говоря, поступает и Р. Сайм (в неоднократно упоминавшейся работе «Римская революция»). Кстати сказать, Сайм абсолютно справедливо возражает против попыток юридического обоснования власти Августа.

Наконец, советский исследователь принципата Н. А. Машкин считает, что если официально и была «восстановлена республика», все же очень многое подтверждает монархическую сущность власти Августа. Об этом, по его мнению, свидетельствует понятие *auctoritas*, а также титулы принцепса и императора. Таким образом, в отличие от Моммзена можно говорить о немагистратских, но чисто римских источниках единоличной власти. Что касается магистратских полномочий, то, хотя они и имеют большое значение, это отнюдь не существо, а лишь оформление власти. В этом смысле власть Августа складывалась из обычных римских полномочий, с тем лишь исключением, что он соединил в своих руках несоединимые в годы классической республики магистратуры и функции (магистратуры обычные и экстраординарные, жреческие функции и т. п.)³².

В заключение — несколько слов о нашем понимании природы политического строя, установленного Августом. Мы не претендуем в данном случае ни на исследование проблемы принципата, ни даже на точное определение его сущности, но, памятуя об общеизвестном правиле, что все явления и события лучше познаются в сравнении, попытаемся лишь сопоставить, дать сравнительную характеристику «режимов» Цезаря и Августа. Более того, мы не собираемся проводить данное сравнение в плане: монархия — диархия — республика или эллинистическая монархия — принципат или, наконец, в плане выяснения государственно-правовых основ принципата, поскольку все эти аспекты проблемы следует считать в основном творением и конструкцией новой историографии. Отвлекаясь от этих, строго говоря, модернизаторских конструкций, попытаемся лишь сопоставить некоторые характерные черты «режимов» Цезаря и Августа. Причем этим термином мы пользуемся условно, с той оговоркой, что считаем данные «режимы» не столько продуктом деятельно-

³² Н. А. Машкин Указ соч., стр. 393, 400—401

сти или творением поименованных исторических личностей, сколько порождением определенной обстановки и условий социально-политической борьбы.

Учитывая данную оговорку, мы считаем вполне возможным утверждать — в противовес изложенной выше точке зрения Эд. Мейера — тот факт, что Август в принципе был последовательным учеником и продолжателем Цезаря. Однако, не говоря уже о различии темпераментов, следует в первую очередь подчеркнуть различие методов, по поводу чего не без остроумия было замечено, что Август как бы затормозил темпы, взятые в свое время Цезарем, причем в такой степени, что создавалось впечатление, будто он не столько продолжает политическую линию своего приемного отца, сколько противопоставляет себя ей, хотя в действительности это совсем не так.

Рассуждая в этом плане об Августе, очевидно, следует иметь в виду по крайней мере два обстоятельства: а) Август отнюдь не огульно продолжал все то, что было сделано или только намечено Цезарем, но, так сказать, «творчески» отбирал или отбрасывал отдельные элементы этого наследства; б) нечто, Августом уже отобранное и что у Цезаря, как правило, было вызвано к жизни «текущими потребностями», а потому и выглядело лишь намеком или изолированной акцией, Август развивал в «систему». В основе этих методов и особенностей лежало более глубокое различие — различие между действиями вождя «демократии» и государственного деятеля. Вот почему «режим» Цезаря был не чем иным, как суммой отдельных мероприятий — пусть иногда очень талантливых, своевременных и даже имеющих важное государственное значение, — но отнюдь не системой и даже не режимом, в то время как «режим» Августа — это уже явно государственная система.

Очевидно, следует ознакомиться с данной «системой», хотя бы в ее самых общих, но в то же время и наиболее характерных чертах. Прежде всего, «режим» Августа отличался от Цезарева хотя бы тем — и этот момент отнюдь не стоит считать побочным, легковесным, не заслуживающим серьезного внимания, — что форма правления, установившаяся при Августе, получила официально признанное наименование. Это была, как уже указывалось, «восстановленная республика» (*res publica restituta*).

та), и подобное утверждение поддерживалось всей мощью правительственной пропаганды. Кстати сказать, именно при Августе политической пропаганде начинает придаваться чрезвычайно важное значение и она впервые приобретает черты государственного предприятия.

Следовательно, всякое открытое несогласие с официальным названием существующего режима могло рассматриваться как вредное инакомыслие, как своего рода фронт, а потому в зависимости от воли принцепса могло более или менее решительно подавляться. Во всяком случае, был дан заверенный государством эталон. Роковой же ошибкой Цезаря как политического деятеля было то досадное обстоятельство, что его «режим» не имел никакого официально выраженного наименования и, следовательно, возможность его определения предоставлялась как бы самим гражданам. Последние же почему-то довольно единодушно определяли его не иначе, как *regnum*, тирания, и т. п.

Соответствовало ли то официальное название, которое присвоил Август своему режиму, его внутреннему содержанию? Конечно, нет! Это великолепно понимал сам Август, это понимали или, во всяком случае, могли понимать его современники и подданные, но это уже не имело решающего значения. Едва ли на самом деле важно, насколько всерьез современники Августа верили в то, что он является богом; важно лишь то, что официально он считался таковым и в его честь воздвигались вполне реально существовавшие жертвенники и храмы. Так же обстоит дело и с лозунгом *res publica restituta*, который был уже не только лозунгом, но и официально признанным определением реально существовавшего государственного строя.

Но из сказанного следует, что «принципат Августа» — едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии, да еще возведенном в принцип. Это — государственная система (с течением времени довольно четко сложившаяся и выраженная), которая совершенно сознательно и цинично выдавалась официальной пропагандой вовсе не за то, чем она была на самом деле. Однако при подобном понимании «режима» Августа, т. е. сущности «принципата», становится более чем очевидным второстепенное, подсобное значение тех его атрибутов, которые нередко принимались

многими исследователями за чистую монету. К такого рода атрибутам безусловно относится и пресловутая *auctoritas* Августа, которая (с момента находки надписи, называемой обычно *Monumentum Antiochenum*) оказалась в центре внимания всех исследователей принципата и которая то признается, то, наоборот, не признается государственно-правовой основой этого политического режима. То же самое может быть сказано по поводу всех других попыток уяснить существо принципата, исходя при этом из формально-юридических критериев и понятий.

Каковы же, с нашей точки зрения, не формально-юридические, не государственно-правовые, но социально-политические основы «принципата» Августа? Этих основ несколько, и на первое место среди них мы считаем нужным поставить не что иное, как новый бюрократический аппарат империи. Мы ставим его на первое место, хотя полностью сознаем тот факт, что он не мог превратиться в главную опору императорского режима уже при Августе. Однако если рассматривать роль правительственного аппарата в перспективе, то несомненно, что в дальнейшем он превращается в подобную опору нового режима и настолько, что возникает даже возможность говорить о «диктатуре аппарата» (применительно к поздней империи).

Огромное возрастание роли аппарата связано с тем, что он был призван вытеснить выборные (и наиболее демократические!) органы полисно-республиканского устройства Рима. Этот процесс вытеснения мы можем проследить, начиная со времени Цезаря. Например, как указывалось выше³³, Цезарь, уезжая в последний раз на войну в Испанию, назначил для управления Римом на время своего отсутствия *praefecti urbis*, заменив ими выборных магистратов. Назначение префектов города неоднократно практиковалось Августом (и его преемниками). Кроме того, звеньями правительственного аппарата становятся назначаемые Августом прокураторы, легаты, префекты претория и императорских провинций, а также друзья (*amici*) и спутники (*comites*) императора.

Из какой же социальной среды вербовался бюрократический аппарат при Августе? В соответствии с суще-

³³ См стр 148.

ствовавшими еще в республиканские времена традициями, восходящими к созданию аппарата при наместниках провинций, Август пополнял правительственный аппарат в значительной мере людьми, находящимися от него в той или иной форме личной зависимости: клиентами, отпущенниками, рабами.

Второй, и не менее важной основой нового режима мы считаем, конечно, армию. Римская армия в период гражданских войн после смерти Цезаря имела не меньшее политическое значение и использовалась в качестве политической организации не в меньшей степени, чем при Цезаре. Но когда устанавливается прочный мир и утверждается единое положение Августа, то задачи, стоявшие перед ним по отношению к армии, само собой разумеется, существенно меняются. О «диктатуре легионов» теперь уже не может быть и речи. Армия как политическая сила и политическая опора нового режима, несомненно, остается, но она должна быть введена в определенные рамки, должна быть «обузdana», т. е. обязана прекратить существование в качестве самостоятельного политического фактора. Эту задачу Август выполнил, проведя, как считают некоторые исследователи, следующую реформу: заменив «чрезвычайные» армии республиканской эпохи постоянной армией мирного времени, но в масштабах времени военного. Кроме того, Август внес важное изменение в положение офицерского состава, поставив во взаимосвязь офицерскую и гражданскую карьеры. Этим он сумел избежать двух опасностей: армии, насыщенной офицерами-профессионалами, и, наоборот, армии, в которой профессионалами являются лишь солдаты, но не их командный состав. Найденный Августом компромисс оказался чрезвычайно удачным, он стал краеугольным камнем всей его военной реформы. По мнению других исследователей, Августу удалось «расколоть единый фронт центурионов и солдат» тем, что он не стеснялся, вопреки обычаю, обещать, когда это было ему выгодно, сенатские должности центурионам. Он делал это от случая к случаю, но зато стал систематически разрешать лицам, принадлежавшим к всадническому сословию, занимать высшие офицерские должности без предварительной службы в армии. Таким образом, «корпус центурионов» начал постепенно дифференцироваться.

Следующей по значению опорой режима Августа мы считаем новые слои господствующего класса, точнее говоря — господствующий класс в его трансформированном виде. Что следует понимать под этой трансформацией, разъяснялось уже выше³⁴. Как и Цезарь — быть может, даже с большей последовательностью, — Август стремился направить представителей этого класса в «русло» сената. Сенат, как известно, в правление Августа играл выдающуюся роль, но взаимоотношения между сенатом и принцепсом были довольно сложными. Август, несомненно, чрезвычайно считался с сенатом, но вместе с тем стремился держать его деятельность под постоянным контролем, не говоря уже о том, что он принимал самое непосредственное участие в формировании состава сената.

Точными данными о составе сената при Августе мы, однако, не располагаем. Можно лишь с большой долей вероятности утверждать, что состав его пополнялся главным образом за счет муниципальной аристократии. Так, нам известно, что император Клавдий в своей речи по поводу предоставления *jus honoꝛum* уроженцам галльских колоний говорил: «Дед мой божественный Август и Тиберий Август хотели, чтобы в этой курии был цвет колоний и муниципиев»³⁵. Как справедливо указывает в этой связи Н. А. Машкин, в составе сената времен Августа встречаются лица, происходящие почти из всех областей Италии, причем многие из них были всадниками, достигшими сенаторского звания на военной службе³⁶. История взаимоотношений между принцепсом и сенатом — особый и далеко не простой вопрос, которого мы здесь не можем касаться во всех его деталях. Бесспорно лишь одно: несмотря на все сложности и нюансы этих взаимоотношений, сенаторское сословие, конечно, представляло собой одну из опор нового режима.

И, наконец, следует сказать хоть несколько слов о такой основе этого режима, как провинции. Разделение всех провинций на сенатские и императорские вовсе не случайно явилось одним из самых первых актов, связанных с установлением принципата. Тот факт, что в

³⁴ См стр. 13—16.

³⁵ С. G. B r u n s Fontes iuris Romani, ed 7, п 52.

³⁶ Н. А. М а ш к и н Указ соч, стр 443

ведение императора отходили вновь завоеванные и пограничные провинции, свидетельствовал о тесной связи двух проблем в условиях нового режима: провинций и армии.

Что касается роли и значения провинций для «принципата» Августа, мы считаем, что при Августе провинции из придатка к городу Риму, из «поместий римского народа», как называл их еще Цицерон, начинают превращаться в части единого политического целого. Это сказывается прежде всего в том, что начинает меняться система управления провинциями, в частности, система взимания налогов. Произвол откупщиков существенно ограничивается. Рассмотрение дел о злоупотреблениях в провинциях переносится в сенат; кроме того, провинциалы — даже из сенатских провинций — получают право направлять своих представителей, выражающих претензии или жалобы, непосредственно к самому Августу.

Наряду с этим следует подчеркнуть определенную сдержанность, даже «скупость» Августа, когда речь идет о даровании прав римского гражданства. В этом смысле Цезарь действовал более смело и с большим размахом. Принудительной, насильственной романизации при Августе не существовало, а если и можно говорить о каком-то процессе слияния местных традиций, культуры, языка с римскими элементами, привносимыми колонистами, торговцами, ветеранами, ремесленниками и т. п., то следует иметь в виду именно постепенно развивающийся процесс³⁷.

Таковы, с нашей точки зрения, некоторые характерные черты режима Августа или формирующейся в период его правления новой государственной системы. Если вернуться к вопросу о сравнении этой системы с «режимом» Цезаря, то после всего вышесказанного нетрудно прийти к следующему выводу. «Режим» Цезаря не представлял еще собою определенной и к тому же сознательно продуманной системы, но сводился к сумме отдельных мероприятий, нужда в которых была, как правило, продиктована текущими событиями и запросами современной этим мероприятиям обстановки. Но именно потому некоторые из подобных мероприятий оказались преходя-

³⁷ Н А М а ш к и н Указ соч., стр. 502, 504—506

щими, недолговечными, другие — имеющими более основательное, даже «историческое» значение, тем более что в любом случае названные мероприятия не были плодом прихоти или «свободного творчества» стоящей над классами (или «партиями») личности. И, наконец, те из «мероприятий» Цезаря, которые в силу своей наиболее тесной связи с политической обстановкой и интересами господствующего класса оказались более долговечными, те и вошли — конечно, в несколько трансформированном, усложненном, а иногда и в «сознательно обдуманном» виде — в качестве органических звеньев или составных элементов в новую, формирующуюся государственную систему, получившую затем название «принципата Августа».

II

Рим и эллинистическая культура

Широко распространенное убеждение относительно тесного родства, даже единства греко-римского мира ни в чем не находит, пожалуй, столь яркого подтверждения, как в факте близости и взаимовлияния культур. Но что обычно имеется в виду, когда говорят о «взаимовлиянии»? Каков характер этого процесса?

Обычно считается, что греческая (или, шире, эллинистическая) культура, как культура более «высокая», оплодотворила римскую, причем последняя тем самым уже признается и несамостоятельной, и эклектичной. Не менее часто — и, на наш взгляд, столь же неправомерно — проникновение эллинистических влияний в Рим изображается как «завоевание побежденной Грецией своего сурового завоевателя», завоевание мирное, «бескровное», не встретившее в римском обществе видимого противодействия. Так ли это на самом деле? Такой ли это был мирный и безболезненный процесс? Попытаемся, хотя бы в общих чертах, рассмотреть его ход и развитие.

Об отдельных фактах, доказывающих проникновение греческой культуры в Рим, можно говорить применительно еще к так называемому «царскому периоду» и к периоду ранней республики. Если верить Ливию, то в середине V в. до н. э. в Афины была направлена из Рима

специальная делегация, дабы «списать законы Солона и узнать учреждения, нравы и права других греческих государств»¹. Но все же в те времена речь могла идти лишь о разрозненных и единичных примерах — о систематическом же и все возрастающем влиянии эллинистической культуры и идеологии можно говорить, имея в виду уже ту эпоху, когда римляне, после победы над Пирром, подчинили себе греческие города Южной Италии (так называемую «Великую Грецию»).

В III в. до н. э., особенно во второй его половине, в высших слоях римского общества распространяется греческий язык, знание которого в скором времени становится как бы признаком «хорошего тона». Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Еще в начале III в. Квинт Огульний, глава посольства в Эпидавр, овладевает греческим языком. Во второй половине III в. ранние римские анналисты Фабий Пиктор и Цинций Алимент — о них еще будет речь впереди — пишут свои труды по-гречески. Во II в. большинство сенаторов владеет греческим языком. Луций Эмилий Павел был уже настоящим филэллином, в частности, он стремился дать своим детям греческое образование. Сципион Эмилиан и, видимо, все члены его кружка, этого своеобразного клуба римской «интеллигенции», бегло говорили по-гречески. Публий Красс изучал даже греческие диалекты. В I в., когда, например, Молон, глава родосского посольства, держал речь перед сенатом на своём родном языке, сенаторам не требовался переводчик. Цицерон, как известно, свободно владел греческим языком; не менее хорошо знали его Помпей, Цезарь, Марк Антоний, Октавиан Август².

Вместе с языком в Рим проникает и эллинская образованность. Великих греческих писателей знали превосходно. Например, известно, что Сципион реагировал на известие о гибели Тиберия Гракха стихами Гомера. Уже упоминалось, что последней фразой Помпея, обращенной им за несколько минут до трагической гибели к жене и сыну, была цитата из Софокла. Среди молодых римлян из аристократических семей все больше распро-

¹ Liv., III, 31.

² Обо всем этом более подробно см. W. Kroll Die Kultur der Ciceronischen Zeit, I, 1933, S. 117—134.

страняется обычай образовательных путешествий, главным образом в Афины или на Родос, с целью изучения философии, риторики, филологии, в общем всего того, что входило в римские представления о «высшем образовании». Возрастает число римлян, серьезно интересующихся философией и примыкающих к той или иной философской школе: таковы, скажем, Лукреций — последователь эпикуреизма, Катон Младший — приверженец не только в теории, но и на практике стоического учения, Нигидий Фигул — представитель нарождавшегося в то время неопифагорейства, и, наконец, Цицерон — эклектик, склонявшийся, однако, в наибольшей мере к академической школе.

С другой стороны, в самом Риме непрерывно растет число греческих риторов и философов. Целый ряд «интеллигентных» профессий был как бы монополизирован греками. При этом следует отметить, что среди представителей этих профессий нередко попадались рабы. Это были, как правило, актеры, педагоги, грамматик, риторы, врачи. Слой рабской интеллигенции в Риме, особенно в последние годы существования республики, был многочислен, а вклад, внесенный ею в создание римской культуры, весьма ощутим³.

Таковы некоторые факты и примеры проникновения в Рим эллинских влияний. Однако было бы совершенно неправильно изображать эти влияния как «чисто греческие». Исторический период, который мы имеем в виду, был эпохой эллинизма, следовательно, «классическая» греческая культура претерпела серьезные внутренние изменения и была в значительной мере ориентализована. Поэтому в Рим — сначала все же при посредстве греков, а затем, после утверждения римлян в Малой Азии, более прямым путем — начинают проникать культурные влияния Востока.

Если греческий язык, знание греческой литературы и философии распространяются среди высших слоев римского общества, то некоторые восточные культы, а также идущие с Востока эсхатологические и сотериологические идеи получают распространение прежде всего среди широких слоев населения. Официальное признание сотерио-

³ W Kroll Op cit, S 117—134

логических символов происходит во времена Суллы⁴. Движение Митридата содействует широкому распространению в Малой Азии учений о близком наступлении золотого века, а разгром этого движения римлянами возрождает пессимистические настроения. Подобного рода идеи проникают в Рим, где они сливаются с этрусской эсхатологией, имеющей, возможно, также восточное происхождение. Эти идеи и настроения приобретают особенно актуальное звучание в годы крупных социальных потрясений (диктатура Суллы, гражданские войны до и после смерти Цезаря). Все это свидетельствует о том, что эсхатологические и мессианистические мотивы не исчерпывались религиозным содержанием, но включали в себя и некоторые социально-политические моменты.

В античной культуре и идеологии имеется ряд явлений, которые оказываются как бы связующим звеном, промежуточной средой между «чистой античностью» и «чистым Востоком». Таковы орфизм, неопифагорейство, в более позднее время — неоплатонизм. Отражая в какой-то мере чаяния широких слоев населения, в особенности политически бесправных масс неграждан, наводнявших в те времена Рим (и бывших очень часто выходцами с того же Востока), подобные настроения и веяния на более «высоком уровне» выливались в такие исторические факты, как, например, деятельность уже упоминавшегося выше Нигидия Фигула, друга Цицерона, которого можно считать одним из наиболее ранних в Риме представителей неопифагорейства, с его вполне определенной восточной окраской. Не менее хорошо известно, как были сильны восточные мотивы в творчестве Вергилия. Не говоря уже о знаменитой четвертой эклоге, можно отметить наличие весьма значительных восточных элементов и в других произведениях Вергилия, а также у Горация и ряда других поэтов «золотого века»⁵.

Из всего сказанного выше, из приведенных примеров и фактов, действительно, может сложиться впечатление о «мирном завоевании» римского общества чужеземными, эллинистическими влияниями. Пора, очевидно, обра-

⁴ Н. А. Машкин. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики — «Известия АН СССР, серия истории и философии», III, № 6, 1946, стр. 447

⁵ Там же, стр. 451—453.

тить внимание на другую сторону этого же процесса — на реакцию самих римлян, римского общественного мнения.

Если иметь в виду период ранней республики, то идейная среда, окружавшая римлянина в семье, роде, общине, была, несомненно, средой, противодействующей подобным влияниям. Само собой разумеется, что точное и детальное определение идейных ценностей столь отдаленной эпохи едва ли возможно. Быть может, только анализ некоторых рудиментов древней полисной морали способен дать приблизительное и, конечно, далеко не полное представление об этой идейной среде.

Цицерон говорил: предки наши в мирное время всегда следовали традициям, а на войне — пользе⁶. Это преклонение перед традицией, высказываемое обычно в форме безоговорочного признания и восхваления «нравов предков» (*mos maiorum*), определяло одну из наиболее характерных черт римской идеологии: консерватизм, враждебность ко всяким новшествам.

Римляне требовали от каждого гражданина бесконечного числа добродетелей (*virtutes*), которые, кстати сказать, нередко выступают парами и невольно наталкивают на аналогию с римской религией и ее огромным количеством богов. Не будем в данном случае ни перечислять, ни определять эти *virtutes*; скажем лишь, что от римского гражданина требовалось отнюдь не то, чтобы он обладал той или иной доблестью (например, мужеством или достоинством, или стойкостью и т. п.), но обязательно «набором» всех добродетелей, и только их сумма, их совокупность и есть римская *virtus* в общем смысле слова — всеобъемлющее выражение должного и достойного поведения каждого гражданина в рамках римской гражданской общины⁷.

Иерархия нравственных обязанностей в древнем Риме известна, причем, пожалуй с большей определенностью, чем любые другие взаимоотношения. Краткое и точное определение этой иерархии дает нам создатель литературного жанра сатиры Гай Луцилий, когда он в своих стихах ставит на первое место деяния по отношению к отчизне, затем — по отношению к родным и только на последнем месте заботу о собственном благе⁸.

⁶ Cic, *Pro lege Man*, 60

⁷ R Heinze *Vom Geist des Römertums*. Leipzig, 1938, S 7 ff

⁸ Luc, fr 1337 etc

Несколько позже и в несколько иной форме, но по существу ту же самую мысль развивает Цицерон. Он говорит: много есть степеней общности людей, например общность языка или происхождения. Но самой тесной, самой близкой и дорогой оказывается та связь, которая возникает в силу принадлежности к одной и той же гражданской общине (*civitas*). Родина, и только она, вмещает в себя общие привязанности⁹.

И действительно, высшая ценность, которую знает римлянин,— это его родной город, его отечество (*patria*) Рим — вечная и бессмертная величина, которая безусловно переживает каждую отдельную личность. Потому интересы этой отдельной личности всегда отступают на второй план перед интересами общины в целом. С другой стороны, только община является единственной и высшей инстанцией для апробации *virtus* того или иного определенного гражданина, только община и может даровать своему сочлену честь, славу, отличие. Поэтому *virtus* не может существовать в отрыве от римской общественной жизни или быть независимой от приговора сограждан. Содержание древнейших (из дошедших до нас) надписей Луция Корнелия Сципиона (консула 259 г. до н. э.) прекрасно иллюстрирует это положение (перечисление *virtutes* и деяний во имя *res publica*, подкрепленное мнением членов общины).

Пока были живы нормы и максимы древнеримской полисной морали, проникновение чужеземных влияний в Рим шло вовсе не легко и не безболезненно. Наоборот, мы имеем дело со сложным, противоречивым, а временами и мучительным процессом. Во всяком случае, это была не столько готовность к принятию эллинистической, а тем более восточной культуры, сколько борьба за ее освоение, вернее даже, преодоление.

Достаточно вспомнить знаменитый процесс и постановление сената о вакханалиях (186 г.), по которому члены общин поклонников Вакха (культ, проникший в Рим с эллинистического Востока) подверглись суровым карам и преследованию. Не менее характерна деятельность Катона Старшего, политическая программа которого основывалась на борьбе против «новых гнусностей» (*nova flagitia*) и на восстановлении древних нравов.

⁹ Cic., *De off.*, I, 17, 53—57

Избрание его цензором на 184 г. свидетельствует о том, что эта программа пользовалась поддержкой определенных и, видимо, достаточно широких слоев римского общества.

Под *nova flagitia* подразумевался целый «набор» пороков (не менее многочисленный и разнообразный, чем в свое время перечень добродетелей), но на первом месте стояли, несомненно, такие, занесенные якобы с чужбины в Рим пороки, как корыстолюбие и алчность (*avaritia*), стремление к роскоши (*luxuria*), тщеславие (*ambitus*). Проникновение хотя бы только этих пороков в римское общество было, по мнению Катона, главной причиной упадка нравов, а следовательно, и могущества Рима. Кстати сказать, если бесчисленное множество добродетелей объединялось как бы общим и единым стержнем, а именно интересами, благом государства, то и все *flagitia*, против которых боролся Катон, могут быть сведены к лежащему в их основе единому стремлению — стремлению убогатиться сугубо личные интересы, которые берут верх над интересами гражданскими, общественными. В этом противоречии уже сказываются первые (но достаточно убедительные) признаки расшатывания древних нравственных устоев. Таким образом, Катона можно считать родоначальником теории упадка нравов в ее явно выраженной политической интерпретации. Мы еще вернемся к этой теории.

В ходе борьбы против тех иноземных влияний, которые в Риме по тем или иным причинам признавались вредными, иногда применялись даже меры административного характера. Например, в 161 г. из Рима выслали группу философов и риторов; в 155 г. тот же Катон предлагал удалить философов Диогена и Карнеада, входивших в состав афинского посольства, и даже в 90-х годах упоминалось о недоброжелательном отношении в Риме к риторам¹⁰.

Что касается более позднего времени, для которого мы уже констатировали широкое распространение эллинистических влияний, то и в этом случае приходится, на наш взгляд, говорить о «защитной реакции» римского общества. С нею нельзя было не считаться. Некоторые греческие философы, например Панетий, учитывая

¹⁰ A. Gell., NA, XV, 11; ср. Cic., De orat., III, 93

запросы и вкусы римского общества, шли на смягчение ригоризма старых школ. Цицерон, как известно, был вынужден доказывать свое право на занятия философией, да и то оправдывая их вынужденной (не по его вине!) политической бездеятельностью. Гораций в течение всей своей жизни боролся за признание поэзии серьезным занятием. С тех пор как в Греции возникла драма, актерами там были свободные и уважаемые люди, в Риме же это были рабы, которых бьют, если они плохо играют; считалось бесчестием и достаточным основанием для порицания цензоров, если свободнорожденный выступал на сцене. Даже такая профессия, как врачебная, долгое время (вплоть до I в. н. э.) была представлена иностранцами и едва ли считалась почетной.

Все это свидетельствует о том, что на протяжении многих лет в римском обществе шла долгая и упорная борьба против иноземных влияний и «новшеств», причем она принимала самые различные формы: то это была борьба идеологическая (теория упадка нравов), то политические и административные меры (*senatusconsultum* о вакханалиях, высылка философов из Рима). Но как бы то ни было, факты говорят о «защитной реакции», возникавшей иногда в среде самого римского нобилитета (где эллинистические влияния имели, конечно, наибольший успех и распространение), а иногда и в более широких слоях населения.

В чем заключался внутренний смысл этой «защитной реакции», этого сопротивления?

Он может быть понят лишь в том случае, если мы признаем, что процесс проникновения эллинистических влияний в Рим — отнюдь не слепое, подражательное их принятие, не эпигонство, а, наоборот, процесс освоения, переработки, сплавления, взаимных уступок. Пока эллинистические влияния были только чужеземным продуктом, они наталкивались и не могли не наталкиваться на стойкое, иногда даже отчаянное сопротивление. Эллинистическая культура, собственно говоря, лишь тогда и оказалась принятой обществом, когда она, наконец, была преодолена как нечто чуждое, когда она вступила в плодотворный контакт с римскими самобытными силами. Но если это так, то тем самым полностью опровергается и должен быть снят тезис о несамостоятельности, эпигонстве и творческом бессилии римлян. Итогом

Всего этого длительного и отнюдь не мирного процесса — по существу процесса взаимопроникновения двух интенсивных сфер: староримской и эллинистической — следует считать образование «зрелой» римской культуры (эпоха кризиса и падения республики, первые десятилетия принципата).

Было бы, на наш взгляд, небезынтересно, а быть может, и поучительно, проследить некоторые этапы указанного процесса на примере развития какой-нибудь отдельной области или участка римской культуры. Остановимся в данном случае на римской историографии. Конечно, речь может идти лишь о самом беглом обзоре, отмечающем некоторые основные тенденции.

Римская историография, в отличие от греческой, развивалась из летописи. Согласно преданию, чуть ли не с середины V в. до н. э. в Риме существовали так называемые «таблицы понтификов». Верховный жрец (*pontifex maximus*) имел обычай выставлять у своего дома белую доску, на которую заносил для всеобщего сведения важнейшие события последних лет. Это были, как правило, сообщения о неурожае, эпидемиях, войнах, предзнаменованиях, посвящениях храмов и т. п.

Какова была цель выставления подобных таблиц? Можно предположить, что они выставлялись — во всяком случае, первоначально — для удовлетворения вовсе не исторических, а чисто практических интересов. Записи в этих таблицах имели календарный характер. Вместе с тем известно, что одной из обязанностей понтификов была забота о правильности календаря. В тех условиях эта обязанность могла считаться довольно сложной: у римлян отсутствовал строго фиксированный календарь, и потому приходилось согласовывать солнечный год с лунным, следить за передвижными праздниками, определять «благоприятные» и «неблагоприятные» дни и т. п. Таким образом, вполне правдоподобным представляется предположение, что ведение таблиц прежде всего было связано с обязанностью понтификов регулировать календарь и наблюдать за ним.

С другой стороны, есть основания считать таблицы понтификов как бы неким остовом древнейшей римской историографии. Погодное ведение таблиц давало возможность составлять список или перечень лиц, по имени которых в древнем Риме обозначался год. Такими ли-

цами были высшие магистраты, т. е. консулы (эпонимные магистраты). Первые списки (консульские фасты) появились предположительно в конце IV в. до н. э. Примерно тогда же возникла и первая обработка таблиц, т. е. первая римская хроника.

Характер таблиц и основанных на них хроник с течением времени постепенно менялся. Число рубрик в таблицах увеличивалось, помимо войн и стихийных бедствий в них появляются сведения о внутривластных событиях, деятельности сената и народного собрания, об итогах выборов и т. д. Можно предположить, что в эту эпоху (III — II вв. до н. э.) в римском обществе проснулся исторический интерес, в частности интерес знатных родов и семей к их «славному прошлому». Во II в. до н. э. по распоряжению верховного понтифика Публия Муция Сцевола была опубликована обработанная сводка всех погодных записей, начиная с основания Рима (в 80 книгах), под названием «Великая летопись» (*Annales maximi*).

Что касается литературной обработки истории Рима, т. е. историографии в точном смысле слова, то ее возникновение относится к III в. до н. э. и стоит в бесспорной связи с проникновением эллинистических культурных влияний в римское общество. Не случайно первые исторические труды, созданные римлянами, написаны на греческом языке. Поскольку ранние римские историки литературно обрабатывали материал официальных летописей (и семейных хроник), то их принято называть анналистами. Анналистов делят обычно на старших и младших.

Современная историческая критика давно не признает римскую анналистику исторически ценным материалом, т. е. материалом, дающим достоверное представление об отображенных в нем событиях. Но ценность ранней римской историографии состоит отнюдь не в этом. Изучение некоторых ее характерных черт и тенденций может дать определенное представление об идейной жизни римского общества, причем о таких сторонах этой жизни, которые недостаточно или вовсе не освещались другими источниками.

Родоначальником литературной обработки римских хроник, как известно, считается Квинт Фабий Пиктор (III в.), представитель одного из наиболее знатных и старинных родов, сенатор, современник второй Пуни-

ческой войны. Он написал (на греческом языке!) историю римлян от прибытия Энея в Италию и вплоть до современных ему событий. От труда сохранились жалкие отрывки, да и то в форме пересказа. Интересно, что, хотя Фабий и писал по-гречески, его патриотические симпатии настолько ясны и определены, что Полибий дважды обвиняет его в пристрастном отношении к соотечественникам.

Продолжателями Квинта Фабия считаются его младший современник и участник второй Пунической войны Луций Цинций Алимент, написавший историю Рима «От основания города» (*Ab urbe condita*), и Гай Ацилий, автор аналогичного труда. Оба произведения были написаны также по-гречески, но труд Ацилия в дальнейшем переведен на латинский язык.

Первым историческим трудом, который самим автором писался на родном языке, были «Начала» (*Origines*) Катона. В этом сочинении — оно до нас не дошло, и мы судим о нем на основании небольших фрагментов и свидетельств других авторов — материал излагался не в летописной форме, а скорее в форме исследования древнейших судеб племен и городов Италии. Таким образом, труд Катона касался уже не только Рима. Кроме того, он отличался от произведений других анналистов тем, что имел определенную претензию на «научность»: Катон, видимо, тщательно отбирал и проверял материал, опирался на факты, летописи отдельных общин, личный осмотр местности и т. д. Все это вместе взятое делало Катона своеобразной и одиноко стоящей фигурой в ранней римской историографии.

Обычно к старшей анналистике относят еще современника третьей Пунической войны Луция Кассия Гемину и консула 133 г. Луция Кальпурния Пизона Фруги. Оба они писали уже по-латыни, но конструктивно труды их восходят к образцам ранней анналистики. Для труда Кассия Гемины более или менее точно засвидетельствовано не без умысла взятое название *Annales*, самый труд повторяет традиционную схему таблиц понтификов — события излагаются от основания Рима, при начале каждого года всегда указываются эпонимные консулы.

Ничтожные фрагменты, да и то сохранившиеся, как правило, в пересказе более поздних авторов, не дают

возможности охарактеризовать манеру и своеобразные черты творчества старших анналистов по отдельности, но зато можно довольно четко определить общее направление старшей анналистики как историко-литературного жанра, главным образом, в плане его расхождений, его отличий от анналистики младшей.

Труды старших анналистов представляли собой (быть может, за исключением лишь *Origines* Катона) хроники, подвергшиеся некоторой литературной обработке. В них сравнительно добросовестно, в чисто внешней последовательности излагались события, передавалась традиция, правда, без критической ее оценки, но и без сознательно вводимых «дополнений» и «улучшений». Общие черты и «установки» старших анналистов: романоцентризм, культивирование патриотических настроений, изложение истории как в летописях — «с самого начала», т. е. *ab urbe condita*. Именно эти общие черты и характеризуют старшую анналистику в целом как определенное идейное явление и как определенный историко-литературный жанр.

Что касается так называемой младшей анналистики, то этот по существу новый жанр или новое направление в римской историографии возникает примерно в эпоху Гракхов. Произведения младших анналистов до нас также не дошли, поэтому о каждом из них можно сказать весьма немногое, но какие-то общие особенности могут быть намечены и в данном случае.

Одним из первых представителей младшей анналистики считают обычно Луция Целия Антипатра. Его труд, видимо, уже отличался характерными для нового жанра особенностями. Он был построен не в форме летописи, а скорее исторической монографии; в частности, изложение событий начиналось не *ab urbe condita*, но с описания второй Пунической войны. Кроме того, автор отдавал весьма заметную дань увлечению риторикой, считая, что в историческом повествовании главное значение имеет сила воздействия, эффект, производимый на читателя.

Таковыми же особенностями отличалось творчество другого анналиста, жившего во времена Гракхов, — Семпрония Азеллиона. Его труд известен нам по небольшим извлечениям у Авла Геллия (II в. н. э.). Интересно, что Семпроний Азеллион сознательно отказы-

вался от летописного способа изложения. Он говорил: «Летопись не в состоянии побудить к более горячей защите отечества или остановить людей от дурных поступков». Рассказ о случившемся также еще не есть история, и не столь существенно рассказать о том, при каких консулах началась (или окончилась) та или иная война, кто получил триумф, сколь важно объяснить, по какой причине и с какой целью произошло описываемое событие. В этой установке автора нетрудно вскрыть довольно четко выраженный прагматический подход, что делает Азеллиона вероятным последователем его старшего современника — выдающегося греческого историка Полибия.

Наиболее известные представители младшей анналистики — Клавдий Квадригарий, Валерий Анциат, Лициний Макр, Корнелий Сизенна — жили во времена Суллы. У некоторых из них наблюдаются попытки возрождения летописного жанра, но в остальном их труды отмечены всеми характерными чертами младшей анналистики (большие риторические отступления, сознательное приукрашивание событий, а иногда и прямое их искажение, вычурность языка и т. п.). Характерной чертой всей младшей анналистики можно считать проецирование современной авторам политической борьбы в далекое прошлое и освещение этого прошлого под углом зрения политических взаимоотношений современности.

Для младших анналистов история превращается в раздел риторики и в орудие политической борьбы. Они — и в этом их отличие от представителей старшей анналистики — не отказываются в интересах той или иной политической группировки от прямой фальсификации исторического материала (удвоение событий, перенесение позднейших событий в более раннюю эпоху, заимствование фактов и подробностей из греческой истории и т. п.). Младшая анналистика — на вид довольно стройное, завершенное построение, без пробелов и противоречий, а на самом деле — построение насквозь искусственное, где исторические факты тесно переплетаются с легендами и вымыслом, где рассказ о событиях излагается с точки зрения более поздних политических группировок и приукрашен многочисленными риторическими эффектами.

Явлением младшей анналистики завершается ранний период развития римской историографии. Можно ли говорить о каких-то общих чертах старшей и младшей анналистики, о каких-то особенностях или специфических признаках ранней римской историографии в целом?

Очевидно, это возможно. Более того, как мы убедимся ниже, многие характерные черты ранней римской историографии сохраняются и в более позднее время, в период ее зрелости и расцвета. Не стремясь к исчерпывающему перечислению, остановимся лишь на тех из них, которые можно считать наиболее общими и наиболее бесспорными.

Прежде всего, нетрудно убедиться, что римские анналисты — и ранние и поздние — пишут всегда ради определенной практической цели: активного содействия благу общества, благу государства. Как таблицы понтификов служили практическим и повседневным интересам общины, так и римские анналисты писали в интересах *res publica*, разумеется, в меру своего понимания этих интересов.

Другая не менее характерная черта ранней римской историографии в целом — ее романоцентристская и патриотическая установка. Рим был всегда не только в центре изложения, но, собственно говоря, все изложение ограничивалось рамками Рима (опять-таки за исключением *Origines Катона*). В этом смысле римская историография делала шаг назад по сравнению с историографией эллинистической, ибо для последней — в лице ее наиболее видных представителей, в частности Полибия, — уже можно констатировать стремление к созданию универсальной, всемирной истории. Что касается открыто выражаемой, а часто и подчеркиваемой патриотической установки римских анналистов, то она закономерно вытекала из отмеченной выше практической цели, стоявшей перед каждым автором, — поставить свой труд на службу интересов *res publica*.

Наконец, следует отметить, что римские анналисты в значительной мере принадлежали к высшему, т. е. сенаторскому, сословию. Этим и определялись их политические позиции и симпатии, а также наблюдаемое нами единство, или, точнее говоря, «однаправленность» симпатий (кроме, очевидно, Лициния Макра, который пытался, насколько мы можем об этом судить, внести в

римскую историографию демократическую струю). Что касается объективности изложения исторического материала, то давно уже отмечено, что честолюбивая конкуренция отдельных знатных фамилий и была одной из основных причин извращения фактов.

Таковы некоторые общие черты и особенности ранней римской историографии. На примере смены анналистических жанров можно видеть, как проникавшие в Рим чужеземные (эллинистические) влияния были на некоторое время подавлены активным выступлением Катона, и только через несколько лет после его цензуры это проникновение снова усиливается, но теперь оно принимает уже совсем иные формы. Начинается период творческого освоения и переработки культурных влияний. Развитие римской анналистики, смена анналистических жанров оказываются своеобразным (и опосредствованным) отражением именно этих процессов.

Хотелось бы подчеркнуть еще один существенный момент. В политических тенденциях, заложенных в старшей анналистике, уже сказывается некое определенное направление политической идеологии римского общества, которое своим основным лозунгом делает лозунг борьбы за общегражданские, общепатриотические интересы. Пусть в чрезвычайно слабом, зачаточном состоянии, но этот лозунг уже встречается в ранней римской анналистике, в ее «патриотически-римских» установках. Наиболее ярко он звучит в литературной (и общественно-политической) деятельности Катона.

С другой стороны, в политических тенденциях, заложенных в младшей анналистике, проявляется иное, враждебное первому направлению развития политических идей, которое в качестве своего основного лозунга провозглашает лозунг борьбы за «партийные» интересы определенных кругов римского общества. Этот лозунг — пусть тоже еще в зачаточном состоянии — выражается в младшей римской анналистике (педаром она возникает в эпоху Гракхов) в особенностях ее жанра, в ее «партийном духе» и, что весьма характерно, в ее зависимости от эллинистических культурных влияний, причем они, несомненно, были более глубоки, чем те, под воздействием которых находились старшие анналисты. Если последние заимствовали у эллинистической историографии только язык и форму, то на младших анналистов оказа-

ли значительное влияние и эллинистическая риторика, и эллинистические политические теории.

Несомненно, что обе эти установки свидетельствовали об отражении в сфере идеологии каких-то процессов, имевших место в практике политической борьбы. «Партийный лозунг» вполне возможно поставить в связь с той линией политической борьбы, которая в истории Рима была представлена прежде всего Гракхами, а затем их различными последователями. Что касается «общепатриотического лозунга», то он в такой же мере может быть поставлен в связь с консервативно-традиционной линией политической борьбы, развитие которой *mutatis mutandis* можно проследить от Катона и вплоть до определенного периода в деятельности Октавиана Августа.

Кризис полиса и воззрения римских стоиков

Нам приходилось уже говорить о кризисе полиса¹. Сейчас мы вернемся к этому вопросу, однако в несколько ином аспекте. Мы не собираемся в данном случае рассматривать кризис полиса как историческое явление во всей его конкретности, а хотим лишь выяснить, как это конкретно-историческое явление отразилось в сфере идеологии. Говоря другими словами: какова роль и значение понятия *полис* в государствоведческих теориях и концепциях античных мыслителей?

Едва ли будет преувеличением сказать, что проблема полиса занимала центральное место в политическом мышлении самих древних. Полис — единственно возможное и даже единственно мыслимое средоточие государственной жизни, государственных прав и привилегий. Только тот, кто приобщен к полису — как правило, в силу своего рождения — и есть полноправный гражданин (*πολίτης*), и как таковой только и может принимать более или менее значительное участие в государственной жизни (*πολιτεία*).

Поэтому политическое мышление греков (во всяком случае, в так называемый «классический» период, т. е. до эпохи эллинизма) никогда не выходило за рамки полиса. Любая конструкция базировалась на представлении о государстве как о полисе. Даже в своем наивысшем развитии (у Платона и Аристотеля) политическая мысль древности вращается все в тех же пределах: идеальное государство Платона — не что иное, как полис, к тому же, что отнюдь не случайно, спартанского образца.

Как же все-таки сами древние понимали и определяли сущность полиса? Первоначально словом «полис», оче-

¹ См. стр. 16 слл.

видно, обозначалось укрепленное место, цитадель. Так, акрополь в Афинах, по свидетельству Фукидида, довольно долгое время именовался полисом². Однако если иметь в виду понятие полис в государствоведческих теориях древних, то там это понятие всегда выступает как несравненно более сложная категория.

Прежде всего, полис — не только (и даже не столько) территория, но люди, граждане, некая общность граждан. Тот же Фукидид устами Никия говорит, что полис — это мужи, а вовсе не сами по себе стены города или корабли³. Таким образом, понятие полиса как некой гражданской общности (или общины) было свойственно политическому мышлению древних. Более того, возникновение подобной общности рассматривалось как первое, главное и необходимое условие существования полиса.

Но это условие было, конечно, не единственным. В понятие полиса древние включали также ту сумму материальных (и духовных) ценностей, которые и создают общность граждан. Платон, например, считал, что возникновение полиса как такового обусловлено необходимостью удовлетворения потребностей в пропитании, жилище и одежде, потребностей, которые человек в состоянии удовлетворить не единолично, а лишь в сообществе с другими людьми⁴. Аристотель к основным условиям существования полиса относил пропитание и владение землей. Главным же признаком и необходимым условием государственного бытия вообще он считал автаркию, самодовлеющий характер государства⁵. Чрезвычайно интересное определение полиса дано в Псевдоаристотелевой «Экономике»: полис есть совокупность жилищ, территории, имущества, самодовлеющая для своего благополучия⁶. Таким образом, в государствоведческих теориях «классической» эпохи полис выступает чуть ли не как идеал «совершенной автаркии»⁷.

Наконец, существовало еще одно условие — теоретического характера: вопрос о размерах территории и чис-

² Thuc., II, 15, 6

³ Ibid., VII, 77, 7

⁴ Plato Resp., 2, 369, 13 c.

⁵ Arist., Polit., VII, 4, 7, 1326a 13, VII, 7, 1, 1328a 17

⁶ [Arist.], Oec., I, 1, 2

⁷ См. П. И. Новгородцев Политические идеалы древнего и нового мира. М., 1919, стр. 27 слл.

ленности населения полиса. Теоретически считалось, что площадь и население полиса должны быть невелики. Широко известно указание Платона относительно 5040 земельных участков⁸. Аристотель в «Политике», довольно подробно разбирая этот же вопрос, приходит к выводу, что как население, так и территория государства, во всяком случае, должны быть «легко обозримы»⁹.

Поддавляющее большинство греческих полисов было действительно невелико и по своей территории, и по количеству населения. Так, в Фокиде на территории в 1650 кв. км умещалось 22 полиса, на острове Эвбее территорию в 3770 кв. км занимало 6 полисов, вся территория Аттики равнялась примерно 2500 кв. км. Вместе с тем теоретические соображения о численности населения и территории, как и сугубо теоретический тезис автаркии, т. е. самодовлеющего полиса, никогда не были реальным препятствием для экстенсивного развития полисов. С другой стороны, полис, значительно расширивший в результате своей экспансионистской политики территорию, возглавивший крупное объединение полисов или державу, либо сравнительно недолго сохранял подобное положение (как то доказывает двукратный распад Афинского морского союза), либо превращался из полиса в какое-то иное государственное образование (как это подтверждается примером самого Рима).

Однако критика полисного идеала, возникающая впервые в римско-эллинистическую эпоху, обрушивается прежде всего на идею замкнутого гражданства и на принцип экономической и политической автаркии. Очевидно, не будет преувеличением утверждать, что в сфере идеологии кризис полиса выразился прежде всего в крушении полисно-автаркистского идеала и в распространении своеобразных индивидуалистических и космополитических воззрений. Неслучаен поэтому в интересующую нас эпоху успех стоической философии, где подобного рода идеи нашли наиболее яркое (и вместе с тем наиболее доступное) воплощение.

Мы имеем в виду пока старую Стою. Остановимся, хотя бы в самых общих чертах, на некоторых положениях стоической этики. Собственно говоря, в системе стоициз-

⁸ Plato Leg., 737e, 745c

⁹ Arist., Polit., VII, 5, 2, 1326b 18

ма логика и физика всегда имели лишь служебное, вспомогательное значение, тогда как центр учения стоиков лежал в этике. В свою очередь центральным понятием стоической этики был идеал мудреца, который в значительной степени рисовался стоиками в духе софистов и Сократа.

Мудрец — это совершенный человек, абсолютно свободный от влияния окружающей среды. Нормой его поведения является полное равнодушие, апатия, т. е. отказ и воздержание от естественных влечений, переходящих надлежащую меру и, таким образом, превращающихся в аффекты¹⁰. Мудрец несомненно испытывает влечения, но не дает им возможности превратиться в аффекты благодаря тому, что не считает предмет влечения ни злом, ни благом.

Единственное благо — сама добродетель. Но добродетелью мудреца является разум, который, в понимании стоиков, тождествен природе. Отсюда вытекает положительное определение норм поведения мудреца: жить согласно природе, в соответствии с ее требованиями.

Единство и совершенство — существенный признак понятия добродетели, а также идеал мудреца. Этот идеал или достигается вполне, или не достигается вовсе. Этические ценности, с точки зрения стоиков, не имеют степеней и градаций, поэтому нельзя быть добродетельным или порочным отчасти, но можно быть или мудрецом (воплощенная добродетель), или воплощением порока. Следовательно, только добродетель и соответствующие ей действия есть единственное благо, только порок и соответствующие ему действия — единственное зло, все же остальное, что лежит между ними, безразлично.

Этот ригористический идеал мудреца, несомненно, выходил за рамки чисто этических воззрений стоиков и приобретал особый политический смысл и звучание. Самодовлеющий образ мудреца по существу означал победу своеобразных индивидуалистических тенденций (восходящих еще к софистам!) в том смысле, что идеальному коллективу граждан, т. е. идее самодовлеющего полиса, в сфере политического мышления противопоставлялся теперь идеал самодовлеющей личности. Отсюда безраз-

¹⁰ Н von Arnim *Stoicorum veterum fragmenta*, 4 vol. Leipzig, 1903—1905, 1924, I, n 205, 209, III, n. 228, 377, 380, 393, 401, 414, 443

личное отношение стоиков к таким формам общения и связи, как полис, государство, народ, и признание того, что естественное стремление человека к жизни в обществе должно осуществляться лишь в форме разумного общения всех людей. Племенные и государственные различия должны исчезнуть перед разумом, который всем людям дает одинаковый закон и право¹¹. Таким образом, политическим кредо стоического мудреца был своеобразный космополитизм, который значительно позже был сформулирован Сенекой: родина мудреца — в любом месте¹².

Таковы основные положения стоической этики. Историческое значение развития подобных взглядов состоит в том, что они являются отражением кризиса полиса в области идеологии. Это сказывается прежде всего в отмеченном сочетании индивидуалистических тенденций со своеобразной концепцией античного космополитизма.

Видимо, эти специфические черты и делали стоическую доктрину особенно привлекательной для идеологических запросов правящих групп римской средиземноморской державы. Однако этико-политическая доктрина старой Стои должна была подвергнуться некоторому смягчению, некоторому приспособлению к этим запросам (например, ригоризм идеала мудреца, смягчение индивидуалистических и космополитических тенденций!). Подобным «приспособлением» стоических воззрений к нуждам и запросам правящих кругов Рима и занялись представители так называемой средней (или римской) Стои.

Интенсивное проникновение эллинистической идеологии в Рим, как уже говорилось, начинается с периода войн на Балканском полуострове. Эти влияния попали на подготовленную почву, ибо Рим как полис вступил к этому времени в стадию кризиса. Таким образом, успех и распространение в Риме эллинистических культурных влияний, и, в частности, стоической философии, вовсе не результат «филиации идей», но в значительной мере факт внутренней истории Рима, обусловленный определенным уровнем социально-экономического развития самого римского общества.

¹¹ Н von Arnim Op cit, III, n 49—54, 295, 305—307, 336, 548, 567, 582, 589, 671—674, 677

¹² Sen, Ad Helv, 9, 7.

Но как бы то ни было, конечная «победа» эллинистических влияний была победой над полисной идеологией. Наиболее ярко это можно проследить на этико-политических воззрениях римских стоиков, членов знаменитого Сципионова кружка — Панетия и Полибия, которых мы можем считать, пожалуй, наиболее ранними провозвестниками новой «антиполисной» идеологии в Риме.

К сожалению, если говорить об этических воззрениях римских стоиков, то приходится ограничиваться лишь самыми общими соображениями. Произведения Панетия, в частности, самое важное для нас в данном случае — «Об обязанностях», до нас не дошли, за исключением ничтожных фрагментов. Частично на основании этих фрагментов, частично на основании первых двух книг трактата Цицерона «Об обязанностях» (*De officiis*), в которых автор, по собственному признанию, близко следует Панетию¹³, мы все же можем составить некоторое представление об этике Панетия.

Очевидно, основной его задачей было стремление смягчить ригористический идеал мудреца старых стоиков, приспособив и приблизив его к нормам житейской прикладной морали, более понятной для римлян. Есть все основания полагать, что в труде Панетия особое развитие получило идущее из недр старой Стои учение о так называемых «средних действиях», которые еще Зенон называл *καθήκοντα*.

Смягчение ригористического идеала мудреца сказалось в том, что теперь между совершенным человеком (мудрец) и глупцом ставится фигура человека «стремящегося», а между добродетельными и порочными действиями — надлежащий поступок (*τὸ καθήκον*). Он относится к категории «средних действий», которые в нравственном отношении совершенно индифферентны, но как действия «по природе» имеют некоторую относительную ценность.

Это учение уже давало возможность отойти от философски сублимированного образа мудреца и выработать гораздо более реальный в римских условиях образ идеального гражданина (*vir bonus*), что и было сделано Цицероном в трактате *De officiis* на основе трансформированной Панетием старостойческой этики.

¹³ Cic., *Ad Att.*, XVI, 11, 4.

Кроме того, как указывал Диоген Лаэртский, Панетий говорил, что существуют две добродетели: теоретическая и практическая¹⁴, что тоже было чрезвычайно важно для выработки политического идеала *vir bonus*, тем более что уже и Панетий подчеркивал свое предпочтение «практической жизни» по сравнению с «теоретической»¹⁵. Для римлян же, и в частности для Цицерона, само собой разумелось, что исследование истины («теория») никак не должно отвлекать *vir bonus* от практических дел и обязанностей¹⁶ и правильнее всего занятиям теорией посвящать время, свободное от общественно-политической деятельности (*otium*)¹⁷. Так трансформированный образ стоического мудреца ложится в основу уже новой римской концепции идеального гражданина (*vir bonus*).

Но если наши представления об этике Панетия весьма общи и поневоле ограничиваются вышеизложенным, то о политических концепциях римских стоиков мы можем судить более детально, имея в виду прежде всего воззрения Полибия. Остановимся здесь лишь на одном вопросе, который, на наш взгляд, наиболее ярко вскрывает «антиполисную» направленность этих воззрений, — на теории смешанного государственного устройства в той интерпретации, которая придается этой теории Полибием.

Мы не будем останавливаться на истории возникновения и развития взглядов на смешанное государственное устройство. Это будет сделано несколько позже¹⁸. Сейчас укажем лишь на то, что теория смешанного устройства в «классическую» эпоху получила наиболее отчетливое выражение у Аристотеля. Последователем же Аристотеля, впервые приложившим учение о смешанном государственном устройстве к римской конституции, обычно считают Полибия. Однако это и верно, и не верно. Полибий, несомненно, исходил из учения Аристотеля и его предшественников, но нельзя представлять себе его интерпретацию теории смешанного устройства лишь как некое развитие и детализацию соответствующих взгля-

¹⁴ Diog Laert, VII, 92

¹⁵ См М Pohlenz Cicero De officiis Leipzig — Berlin, 1934, S. 35

¹⁶ Cic., De offic, I, 6, 19

¹⁷ Cic., De rep., I, 9, 14

¹⁸ См стр. 293.

дов Аристотеля. Наоборот, между воззрениями Аристотеля и Полибия существует принципиальное различие. Если у Аристотеля и его предшественников теория смешанного государственного устройства еще не содержит в себе критики полисных форм и не направлена против полиса как такового, то в интерпретации Полибия она уже приобретает подобную направленность.

Таким образом, учение Полибия о смешанной форме правления есть новый и принципиально отличный от предыдущих этап развития этой политической теории, этап, отражающий в области идеологии исторически уже бесспорный факт кризиса полиса. Чтобы убедиться в этом, мы, не останавливаясь на изложении самого учения в целом, рассмотрим более подробно лишь некоторые его основные тенденции.

Это учение выросло из восторженного преклонения Полибия перед могущественной Римской державой, которая утверждалась на его глазах и которая, с точки зрения грека из аркадского полиса, представляла собой небывалое и совершенно отличное от всех знакомых ему форм государственное образование. Это обстоятельство отмечается самим Полибием, буквально, в первых же строках его рассуждения о государственном строе Рима. Приписывая действию государственных учреждений военные успехи римлян, покоривших весь обитаемый мир и создавших величайшую державу, Полибий подчеркивает, что «раньше не было изобретено ничего подобного»¹⁹.

Поэтому учение Полибия о смешанном государственном устройстве в значительной мере определяется двумя характерными чертами: во-первых, отказом от каких-либо отвлеченных и умозрительных схем (идеальное государственное устройство рассматривается им как исторически данное, выраженное в римской конституции), во-вторых, критикой других типов государственных устройств (Афины, Фивы, проект идеального государства Платона), вплоть до тех, которые некогда считались образцами смешанного устройства (Крит, Карфаген и даже Лакедемон!), причем именно эта критика по своему содержанию и направлению имеет четко выраженный антиполисный характер.

¹⁹ Polyb., VI, 2 (I), 3.

Рассуждение о различных формах государственного устройства предваряется противопоставлением Римского государства, как сложного и многообразного устройства, всем эллинским государственным образованиям²⁰. Уже подобное противопоставление, несомненно, свидетельствует об определенной тенденции автора, хотя истинный смысл его еще остается неясным.

Затем следует самое рассуждение о правильных и извращенных государственных формах и об их круговороте. Для нас в данном случае несравненно больший интерес представляет разбор Ликургова законодательства, которое трактуется как образец смешанного устройства. Вслед за этим обычно помещается знаменитое описание римской конституции, в которой Полибий, как известно, находит сочетание монархических (консулы), аристократических (сенат) и демократических (комиции) элементов²¹.

Из вышеизложенного напрашивается вывод, что в качестве идеальных образцов смешанного устройства Полибий имеет, собственно говоря, два эталона: Лакедемон и Рим. Однако следует обратить внимание на ту критику реально существующих государственных форм, которую путем сравнения их с римским устройством дает Полибий в конце VI книги. Без этого сравнения невозможно прийти к правильным выводам.

Оказывается, что фиванский и афинский государственный строй и учреждения не заслуживают даже серьезного разбора. Причиной краткого возвышения Фив или Афин следует считать поэтому отнюдь не их государственных учреждений, но деятельность отдельных выдающихся личностей. Остроумной критике подвергается также государство Платона, как чисто умозрительное построение (идеальный полис!), никем и никогда еще не испытанное на практике.

Но Полибий подвергает критическому разбору не только те государства, строй которых заведомо далек от смешанной формы правления, но и те, которые рядом древних авторов считались образцами смешанного устройства. Так, анализируя государственный строй критян, который Эфор, Ксенофонт, Каллисфен и Платон считали тождественным лакедемонскому, а потому достойным хва-

²⁰ Polyb., VI, 3, 1—3

²¹ Ibid., VI, 11—18

лы и одобрения, Полибий доказывает, что Критское и Лакедемонское государства построены на совершенно противоположных началах, указывает на недостатки критского устройства и приходит к выводу, что оно не заслуживает ни одобрения, ни подражания.

Наиболее близким к римскому (и лакедемонскому) государственному устройству оказывается карфагенское, которое некогда было прекрасным, ибо в нем сочетались все необходимые элементы смешанного правления. Но к моменту Ганнибаловой войны Карфаген уже отцветал, его государственные учреждения разлагались, принцип взаимоограничения властей был нарушен, причем самым опасным образом — в пользу демоса, толпы. Этим и объясняется конечное поражение карфагенян в войне и торжество над ними римлян.

Итак, остается еще лишь один образец смешанного устройства, который до сих пор выступал наряду с римским в качестве эталона, — Лакедемонское государство, Ликургово законодательство. Тем больший интерес поэтому представляет для нас критика Ликурговой конституции, подробно развиваемая Полибием и при внимательном рассмотрении вскрывающая политическую сущность его концепции смешанного государственного устройства.

Начиная свое рассуждение о Ликурговом законодательстве, Полибий отмечает, что оно обеспечивало единодушие и свободу граждан, внутреннюю прочность государства²². Равенство имуществ, простота образа жизни, всеобщая умеренность и благоразумие положительным образом влияли на частную жизнь граждан и предохраняли государство в целом от мятежей и междоусобиц.

Таким образом, Ликург обеспечил безопасность всей Лаконике и длительную свободу ее гражданам. Но в его государственном устройстве есть один серьезнейший недостаток: он совершенно, видимо, не заботился о том, чтобы подготовить Лакедемонское государство к гегемонии над другими. У него все построено на простоте и автаркии частной жизни граждан; но тогда неизбежно и общим принципом государства в целом должен быть тот же принцип автаркии и умеренности.

Это, однако, не так, и Полибий дальнейшими примерами показывает, к каким печальным для самих же спар-

²² Ibid, VI, 48, 1—2

танцев результатам приводили их попытки при столь неприспособленном государственном устройстве установить гегемонию над эллинами. Поэтому совершенно закономерным оказывается основной и главный вывод Полибия, что Ликургово законодательство, т. е. лакедемонское государственное устройство, пригодно лишь для процветания замкнутой, самодовлеющей общины; если же народ или государство стремятся властвовать над другими и осуществлять гегемонию, то для этой цели такой государственный строй явно непригоден и бесспорно уступает римскому²³.

Таков основной вывод Полибия. Нетрудно убедиться, что он имеет достаточно четко выраженную антиполисную направленность, ибо, как это с полной очевидностью вытекает из восторженного отношения Полибия к Римской державе, его уже не может удовлетворить государство типа замкнутой и самодовлеющей общины. Наоборот, сохранение подобной замкнутости расценивается им как основной порок Ликургова устройства, и именно за это он подвергает его критике. Таким образом, учение Полибия о смешанной форме государственного устройства зиждется, с одной стороны, на критике старого полисно-автаркистского идеала, а с другой — на пропаганде новой государственной формы, исторически воплотившейся в Римской державе.

²³ Polyb., VI, 50, 3—4.

Социально-политическая утопия

I в. до н. э.

Два письма Саллюстия к Цезарю (*Epistulae duae ad Caesarem senem de re publica*) представляют собой чрезвычайно любопытный исторический документ. Эти «Письма», в особенности раннее, вводят нас в атмосферу напряженной политической борьбы одного из самых бурных периодов римской истории. Они знакомят нас с социально-политическими утопиями и характерными лозунгами эпохи. Они, наконец, дают возможность более полно представить себе политические воззрения самого Саллюстия и его отношение к Цезарю.

Однако все это возможно лишь при одном определенном условии — при условии подлинности писем. Дело в том, что «Письма» принадлежат к разряду таких источников, вопрос о подлинности которых, вероятно, вечно останется спорным. По традиции, восходящей еще к XVI в., они считались подложными. Сто лет назад на основании тщательного анализа языковых данных Г. Иордан пришел к выводу, что «Письма» являются лишь удачной имитацией саллюстианского стиля и принадлежат перу ритора эпохи Флавиев — Антонинов¹. Моммзен также считал их подложными, и этот взгляд был господствующим в западноевропейской историографии вплоть до сравнительно недавнего времени.

В начале текущего столетия сперва Пёльман², а затем Эд. Мейер³ высказались, правда, весьма осторожно, за подлинность «Писем». И Пёльман и Эд. Мейер остав-

¹ H Jordan. De suasoriis ad Caesarem de re publica. Berlin, 1868.

² R Pöhlmann Zur Geschichte der antiken Publizistik — «S B philol. philol. und hist. Klasse der Akademie der Wissenschaften» München, 1904, p 3—79

³ Ed Meyer Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius Berlin, 1922, p 357—364, 388—399

ляли вопрос об авторстве Саллюстия открытым и лишь устанавливали бесспорную принадлежность «Писем» к эпохе гражданской войны. Но этим, собственно говоря, уже достаточно определенно решался вопрос об авторе. Ибо кто же мог «подражать» Саллюстию или «имитировать» его стиль до появления в свет его произведений?

В 20—30-х годах подавляющее большинство исследователей, в том числе такие ученые, как В. Кроль⁴, О. Зелль⁵ и В. Шур⁶, считали вопрос о принадлежности «Писем» Саллюстию окончательно решенным. Однако в самое последнее время предпринята новая попытка поколебать эту уверенность. Мы имеем в виду монографию Р. Сайма, посвященную Саллюстию⁷. В этой работе автор, по крайней мере трижды, обращается к вопросу о подлинности «Писем». Сначала идут довольно бегло изложенные общие соображения, сводящиеся к тому, что «Письма» представляют собой образец упражнений поздних риториков⁸, затем более подробному доказательству неподлинности «Писем» посвящен специальный Appendix II, где анализируются стиль «Писем», техника подражания, анахронизмы и абсурдности и т. п. По существу говоря, Р. Сайм возвращается к точке зрения (а иногда и к аргументации!) Г. Иордана, поэтому его критические соображения едва ли отличаются большей убедительностью и новизной.

Таким образом, вопрос об авторстве Саллюстия остается для нас все же непоколебленным. Перейдем поэтому непосредственно к «Письмам», начав знакомство с ними с раннего письма к Цезарю⁹, тем более что, с нашей точки зрения, оно представляет для исследователя больший

⁴ W. Kroll Sallusts Staatsschriften — «Hermes», LXII, 1927.

⁵ O. Seel. Sallust von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae Stuttgart, 1930

⁶ W. Schur. Sallust als Historiker Stuttgart, 1934

⁷ R. Syme. Sallust — «University of California Press». Berkeley and Los Angeles, 1964.

⁸ Ibid, p. 3, 299

⁹ Как известно, в рукописи Vaticanus 3864 оно поставлено на втором месте. Поэтому, согласно традиции, при ссылках мы его обозначаем Ep. II, а более позднее «Письмо» (в рукописи стоящее на первом месте) обозначаем Ep. I. Что касается датировки «Писем», то мы относим раннее «Письмо» (Ep. II) — к 50 г., а более позднее (Ep. I) — к 46 г., считая, что оно было написано после битвы при Тапсе

интерес и ценность и в силу этого должно быть рассмотрено подробнее.

Глава пятая раннего «Письма» представляет собой характерный для Саллюстия исторический экскурс. Саллюстий начинает с того, что устанавливает исконное деление римского общества на патрициев (*patres*) и плебеев (*plebs*). Патриции обладают авторитетом, а плебеи — силой. Затем идет упоминание о борьбе сословий и о сессии. Вследствие этих событий могущество нобилитета уменьшилось, а права народа возросли¹⁰.

Это для Саллюстия — решающий момент. Именно с этого момента устанавливается некое устойчивое и равновесное состояние, республика процветает, наступает период «золотого века». По Саллюстию, он характеризуется тем, что народ пользовался свободой, никто не мог злоупотреблять своей властью, попирая законы, и знатный стремился превзойти незнатного не богатством или надменностью, а доброй славой и отважными поступками¹¹.

Что касается хронологических рамок этого периода, то они достаточно широки. Начало периода приурочивается Саллюстием к первым успехам, достигнутым плебеями в их борьбе за политические права, т. е. к тому времени, когда плебеи впервые на ограниченных условиях были включены в жизнь государственного организма. Окончание же периода не определено с достаточной точностью, но намек Саллюстия на утерю земельных участков, на пауперизацию сельского населения¹² заставляет нас обратиться к событиям III и II вв., которые вызвали к жизни реформы Гракхов¹³.

Дальнейшая разработка темы «золотого века» в более поздних произведениях Саллюстия может лишь подтвердить этот взгляд. Окончание периода «золотого века», согласно историческим экскурсам «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны»¹⁴, совпадает с началом превра-

¹⁰ Ep II, 5

¹¹ Ibidem

¹² Ibidem.

¹³ Реформаторская деятельность Гракхов, в понимании Саллюстия, является уже попыткой возрождения государства. Поэтому Саллюстий и оценивал деятельность Гракхов столь высоко (см., например, Iug., 42).

¹⁴ S a II, Cat., 6—13, i d e m Iug., 41—42

щения Рима в мировое государство (т. е. с разрушением Карфагена).

Какое же государственное устройство, какая форма правления обусловила процветание государства? Изучение раннего «Письма» дает возможность выяснить точку зрения Саллюстия. Процветание обусловлено такой счастливо найденной формой правления, которая обеспечила «правильные взаимоотношения» между сенатом, *patres* (средоточие авторитета!) и *plebs* (средоточие силы!). Однако как понимал Саллюстий «правильные взаимоотношения» между сенатом и народом? Глава 5-я раннего «Письма» еще не дает ответа на вопрос, она лишь повествует о том, *когда* это равновесное состояние установилось.

Кстати, бесполезно еще раз подчеркнуть, что установление этого идеального состояния трактуется Саллюстием как следствие ограничения власти нобилитета и расширения прав народа. Таким образом, казалось бы, можно говорить о демократических тенденциях Саллюстия, поскольку он ставит в непосредственную связь расширение прав народа с процветанием государства. Однако такой вывод слишком поспешен. Во-первых, крайне характерно, что, говоря о расширении прав народа и ограничении власти аристократии, Саллюстий допускает всего лишь некоторое изменение в соотношении между двумя членами своей формулы *patres — plebs*, т. е. речь идет о некоем компромиссе между нобилитетом и плебсом. Во-вторых, упомянутое изменение понимается Саллюстием довольно своеобразно. Глава 10-я раннего «Письма» разъясняет, как понимал этот вопрос Саллюстий, и одновременно дает исчерпывающее представление о том, каковы же «правильные» взаимоотношения между сенатом и народом. Народ должен повиноваться сенату, как тело душе, и следовать его решениям; сенаторам приличествует выделяться политической мудростью и дальновидностью, для народа же подобные качества излишни¹⁵.

Итак, «золотым веком» римской истории является тот период, когда Рим не распространил еще свое могущество за пределы Италии, не превратился еще в мировую державу. Формой управления, обусловившей этот рас-

¹⁵ Ep II, 10.

цвет, оказалась некая равновесная система: сенат — народ. Эта система призвана удовлетворять следующему условию: авторитетом сената сдерживать силу народа, примирять в некоем синтезе то и другое. Такая государственная форма есть не что иное, как республика, руководимая сенатом, который и обладает высшим авторитетом. Эта государственная форма уже существовала в истории Рима («золотой век»), к ней должно стремиться и в будущем. Таков «политический идеал» Саллюстия, и, пожалуй, мы имеем все основания охарактеризовать его как республиканско-консервативный.

Рассмотрим, как изображает Саллюстий современный ему Рим, в чем он видит причины упадка и какие выдвигает проекты для возрождения Римского государства.

Положение римского общества Саллюстий рисует далеко не радужными красками. Глава 5-я раннего «Письма» связывает начало упадка с утратой гражданами земельных участков, с ростом лени и нужды, с торговлей свободой и интересами государства в пользу своих корыстных интересов. Постепенно римский народ, который был господином и повелевал всеми другими народами, пришел в упадок. Тогда власть, которую разделяли все, сменило рабство для каждого в отдельности¹⁶. Но если римский народ, заразившись дурными свойствами, утратил идею общего блага, то, следовательно, он уже более неспособен принимать участие в управлении государством¹⁷.

Однако упадок римского общества характеризуется не только развращенностью народа. Он характеризуется еще разложением всех государственных институтов, и в первую очередь слабостью сената. В главе 10-й раннего «Письма» Саллюстий сравнивает роль сената в древности с современным ему положением и приходит к малоутешительным выводам. Представители знатных фамилий погрязли в бездействии и пороках. Презируя труд и заботы, забыв о военных доблестях, они занимаются недостойными интригами, а сенат, который призван руководить жизнью государства, превратился в жалкую игрушку в руках этих интриганов¹⁸. Несколько ниже, в главе 11-й, Саллюстий добавляет еще несколько

¹⁶ Ep II, 5

¹⁷ Ibidem

¹⁸ Ep II, 10.

уничтожающих штрихов. Он указывает на то, что сенаторы всецело поглощены посторонними, частными делами, дела же государства вершит клика нобилей (с небольшим количеством сенаторов, вовлеченных в эту шайку), которая не знает никаких границ своему произволу¹⁹.

Итак, следствием слабости сената и развращенности народа является господство клики нобилитета. Отношение Саллюстия к нобилитету — резко отрицательное. Эти люди, говорит Саллюстий, не знают цены добродетели, они предались бездеятельности и разврату, чувства их окаменели, они закалились в своих дурных наклонностях²⁰. Они погубили Друза, подозревая его в стремлении к захвату власти, судя о нем по самим себе, по своим собственным намерениям²¹, и, наконец, добились безраздельного господства в государстве, в частности благодаря пагубной деятельности Помпея. Ибо верховную власть, распоряжение доходами от податей, власть судебную Помпей сделал достоянием немногих сенаторов, народ же римский превращен им в рабов. Фактически всем в государстве распоряжается клика его приверженцев. Законы попораны, торжествуют грубая сила и произвол. Разложение достигло такой степени, что наглость членов этой клики, этих *factiosi* можно сравнить лишь с действиями неприятеля, взявшего город приступом²². В заслугу Цезарю ставится именно то, что он расстроил и унизил партию нобилитета²³. Но сила нобилитета еще не сломлена; об этом Саллюстий специально предупреждает Цезаря²⁴.

Нобилитет несомненно будет противодействовать всем тем реформам, которые намечены Саллюстием и проведения которых он ожидает от Цезаря²⁵. Поэтому борьба неизбежна, а так как власть фактически узурпирована нобилитетом, то нобилитет — основной враг, главная опасность. Эта опасность возникла и разрослась как неизбежное следствие слабости сената и развращенности народа.

¹⁹ Ер II, 11

²⁰ Ер II, 8

²¹ Ер II, 6

²² Ер II, 3

²³ Ер II, 2

²⁴ Ер. II, 8

²⁵ Ер II, 6, 8, 11.

Нетрудно убедиться, что, говоря об упадке римского государства, Саллюстий сохраняет верность своему «республиканско-консервативному идеалу». В самом деле, он констатирует прежде всего развращенность народа, а затем слабость, бессилие сената. Это свидетельствует о том, что упадок понимался Саллюстием как разрушение его «политического идеала», т. е. как дискредитация формулы сенат — народ.

Не ограничиваясь перечислением признаков и симптомов упадка, Саллюстий пытается установить основные причины, которые привели римское общество к подобному состоянию.

Ряд причин объясняет развращенность народа. В главе 5-й, где Саллюстий говорит о развращенности народа, о неспособности его управлять государством, он, как мы видели, объясняет все это тем, что граждане постепенно теряли свои земельные участки, что бездеятельность и нужда лишили их надежного крова²⁶. Таким образом, потеря земельных участков была первым толчком, который вызвал в дальнейшем разложение народа.

Однако Саллюстий указывает еще на одну причину. Это не что иное, как предпочтение своих личных выгод нуждам государства, т. е. то, что Саллюстий называет торговлей свободой и интересами государства²⁷.

В главе 10-й Саллюстий разъясняет, что если это непохвально для народа, то уж вовсе непростительно для высокопоставленных лиц, для сенаторов. Ибо кто занимает в своем государстве наиболее выдающиеся должности, те и обязаны в первую очередь заботиться о судьбах отечества²⁸. Для народа с целостью отечества сопряжена лишь свобода, а для тех, кто своей доблестью снискал славу, честь и богатство, вдвойне чувствительна всякая опасность, угрожающая государству. Они не должны жалеть ни трудов, ни забот, попевать всюду, и если народ обязан повиноваться сенату, как тело душе, то сенаторам надлежит за народ размышлять. Так было в древности, так поступали предки, и это служение отечеству приносило обильные плоды²⁹. Отсутствие всех этих

²⁶ Ep. II, 5

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ep II, 10

²⁹ Ibidem

качеств у людей, стоящих во главе управления государством, преобладание личных интересов, склонность к интригам, продажность — вот следующая группа причин, объясняющих уже слабость и бессилие сената.

Концепция Саллюстия теперь вырисовывается в более полном виде. Наше представление об упадке и разложении римского общества мы можем дополнить тем, что причиной развращенности народа оказывается утеря земельных участков, а причиной слабости сената — забвение сенаторами нужд и интересов государства.

Выяснив эту концепцию Саллюстия, мы, собственно говоря, выяснили негативную сторону его политических воззрений. Перейдем теперь к рассмотрению позитивной программы, т. е. к разбору и оценке выдвигаемых им реформ. При изложении программы реформ будем следовать той «систематизации», которая намечена самим Саллюстием, т. е. сгруппируем проекты реформ по двум основным разделам: реформы, необходимые для обновления народа, и реформы, необходимые для обновления сената³⁰.

Основной реформой первого раздела следует считать предложение Саллюстия о расширении прав гражданства и о выводе «смешанных» колоний, т. е. колоний, в которых будут смешаны старые граждане с новыми, только что получившими права гражданства. Это мероприятие, по мнению Саллюстия, приведет к воскрешению истинного понятия о свободе, так как новые граждане будут стремиться сохранить полученную свободу, а старые захотят сбросить с себя оковы рабства³¹.

Ставя вопрос о выводе колоний, Саллюстий по существу выдвигает некую аграрную реформу. Аграрная реформа должна возродить римский народ. Этот тезис находится в полном соответствии с мнением о том, что причиной развращения народа была утеря земельных участков. Таким образом, проект аграрной реформы Саллюстия является логическим выводом из его же посылки о причинах упадка и разложения.

К проектам реформ этого же «раздела» следует отнести и предложение Саллюстия об искоренении или, по крайней мере, уменьшении любви к деньгам, ибо, пока

³⁰ Ер II, 10

³¹ Ер II, 5

эта страсть господствует, не может быть правильного руководства ни государственными делами, ни частными³². Затем сюда должны быть отнесены предложения Саллюстия относительно избрания высших магистратов (консулов и преторов), исходя из достоинства кандидатов, а не из их состояния, и относительно избрания судей из граждан первого класса³³. Избрание же магистратов должно происходить согласно закону Г. Гракха, т. е. центурии всех пяти классов должны быть перемешаны и затем произведена жеребьевка. Это обеспечит равенство прав для граждан, и они будут стремиться превзойти друг друга не богатством, а доблестью³⁴.

Переходя к другому «разделу» реформ, Саллюстий предваряет свои проекты некоторым введением, где рассказывает, как специальное изучение вопроса убедило его в том, что отдельные царства, общества, народы дотоле имели власть, пока они держались основ истины и добра; когда же они начали им изменять из-за любви к наслаждениям, из чувства страха, то они потеряли всю власть и могущество и даже оказались затем поработченными³⁵. Интересы отечества должны быть вдвойне важны для людей, высоко стоящих в государстве. Саллюстий для подтверждения этой мысли ссылается на пример предков и затем снова говорит о слабости сената, ставшего игрушкой в руках интриганов. Это следствие того, что интересы отечества забыты, сенаты трусливы, продажны и добровольно обращают себя в рабство³⁶.

Следовательно, необходимо провести такие меры, которые содействовали бы поднятию чувства достоинства у сенаторов, создали бы им независимое положение, вернули бы их к служению интересам отечества. Для возрождения сената Саллюстий предлагает две реформы: умножить число сенаторов и ввести тайное голосование³⁷.

Небезынтересно отметить, что подобно тому, как в предыдущем «разделе» своей программы Саллюстий выдвигал в первую очередь аграрную реформу, так сейчас он выдвигает мероприятия по обеспечению независи-

³² Ер. II, 7.

³³ Т. е. с цензом в 100 тыс сестерциев.

³⁴ Ер. II, 7.

³⁵ Ер. II, 10.

³⁶ Ер. II, 10, 11.

³⁷ Ер. II, 11.

мости убеждений сенаторов, по поднятию морального авторитета сената. Этот тезис находится в полном соответствии с тем положением, что причиной ослабления сената было забвение интересов государства и выдвигание на первый план частных, своекорыстных интересов. Таким образом, проект восстановления независимости мнений сенаторов тоже является логическим выводом из посылки Саллюстия о причинах упадка и разложения.

Все реформы как одного, так и другого «разделов» имеют целью возрождение общества и государства. Однако позитивная программа Саллюстия не исчерпывается этими реформами. Вышеизложенные проекты отвечают лишь на вопрос о том, *как* возродить государство. Но Саллюстия не мог не интересоваться и вопросом о том, *кто* может выполнить столь высокую задачу. Пытаясь ответить на этот вопрос, мы сталкиваемся с проблемой отношения Саллюстия к Цезарю.

Раннее «Письмо» начинается с характерного «домогаательства благосклонности» (*captatio benevolentiae*)³⁸, где Саллюстий после рассуждения по поводу того, насколько трудно давать советы людям, вознесенным на вершину земного величия, переходит к обоснованию мотивов, которые все же побуждают его дать ряд советов. Прежде всего он ссылается на то, что с ранней молодости посвятил себя государственной деятельности и изучению жизненных интересов государства как во время мира, так и во время войны. Это и дает ему право обращаться с советами к Цезарю. Попутно Саллюстий набрасывает краткую, но выразительную характеристику Цезаря в апологетическом тоне. Затем он объясняет свою попытку тем, что, отнюдь не считая себя разумнее или опытнее Цезаря, все же рискует давать ему советы, ибо Цезарь, занятый войной и победами, не имеет времени для устройства внутренних дел государства. И наконец, что для нас особенно существенно, Саллюстий ссылается на то, что эта попытка есть результат его твердой уверенности в намерениях Цезаря, которые не могут ограничиваться только отражением неприятеля, но несомненно должны идти дальше и затрагивать основные вопросы в жизни общества и государства³⁹.

³⁸ Ер. II, 1, 2.

³⁹ Ер. II, 2.

Саллюстий, видимо, верит в то, что историческая миссия Цезаря заключается в возрождении республики. Этот взгляд Саллюстия на историческую роль Цезаря и определяет его отношение к нему в данный период. Дальнейший анализ раннего «Письма» может только подтвердить высказанное мнение.

Раннее «Письмо» заканчивается обращением к Цезарю, которого Саллюстий снова призывает заняться восстановительной деятельностью⁴⁰. Одновременно Саллюстий настаивает, что только восстановление государства может обеспечить Цезарю истинную славу и величие⁴¹.

Таково отношение Саллюстия к Цезарю. В период написания раннего «Письма» Саллюстий, очевидно, искренне верил в то, что Цезарь является тем единственным человеком, единственным государственным деятелем в Риме, который может реформировать Римское государство в желательном для него направлении. Так решал Саллюстий вопрос о том, кто возродит государство.

На этом мы можем закончить анализ более раннего «Письма» к Цезарю. Оно дает нам представление о политических воззрениях Саллюстия (в определенный период их развития), о его политической «системе». Эта «система» включает в себя изложение политического идеала Саллюстия (идеала государственного устройства), затем негативную сторону его политической программы (картина упадка общества, анализ причин упадка) и, наконец, позитивную часть программы — пути реституирования государства, т. е. *как* восстановить (проекты реформ) и *кто* должен восстановить (историческая роль Цезаря).

Теперь следует дать общую принципиальную оценку политической «системы» Саллюстия, и в первую очередь его «политического идеала».

Итак, что представляет собою «политический идеал» Саллюстия? Он, как уже известно, заключается в таком государственном устройстве, в таком образе правления, которое существовало в определенный период римской истории, т. е. в период «золотого века», когда Рим не превратился еще в мировую державу, в *imperium Romanum*. Это идеальное государственное устройство выра-

⁴⁰ Ер. II, 12

⁴¹ Ер. II, 13

жено в данной самим Саллюстием формуле: сенат — народ, при соответствующем разграничении функций между обоими членами формулы (сенат управляет, а народ под его мудрым руководством занимается полезной деятельностью). Этот политический идеал уже охарактеризован нами как республиканско-консервативный.

Стремление Саллюстия к восстановлению обычаев и институтов «золотого века» республики, вера в то, что только этим путем может быть достигнуто истинное обновление государства, есть внешнее проявление более глубоко скрытой идеологии, столь характерной для античного мыслителя.

Для Саллюстия, как и для большинства его современников, понятия «государство» и «Рим» были еще понятиями идентичными. Саллюстий отождествлял государство именно с Римом, в лучшем случае с Италией, провинции же были для него не чем иным, как громоздким и, скорее всего, чужеродным придатком к Риму. Идея государства воплощалась для него в полисе. В этом, между прочим, и заключается консерватизм политических воззрений Саллюстия. Его политическим идеалом было государственное устройство Рима-полиса, т. е. Саллюстий призывал вернуться к уже пройденному этапу. Для античных политических систем вообще характерно, что идеал лежит в прошлом. Как уже говорилось, обычно это идеализация нравов и законов предков (*mos maiorum*). Саллюстий целиком стоит на подобных позициях.

Но замечательно то, что Саллюстий обостренно ощущал противоречие, проявляющееся в факте выхода Рима за рамки полиса и превращении его в *imperium Romanum*. Эта коллизия была для Саллюстия противоречивой и полной драматизма. Совершенно недвусмысленно говорит он о превращении Рима в мировую державу как о начале конца Рима. Разрушение Карфагена оказалось той гранью, которая была столь неосмотрительно перейдена, и с этого момента судьба начинает безудержно изливать свой гнев на Римское государство.

Следует также дать, хотя бы в нескольких словах, оценку программы реформ Саллюстия. Прежде всего отметим, что эта программа — отнюдь не поверхностный план более или менее случайных мероприятий или даже ближайших практических задач, но план основательного

переустройства современного ему Римского государства. Выполнение этого плана, по мысли Саллюстия, должно было возродить Рим предков, Рим-полис. А так как Рим-полис характеризуется прежде всего определенным типом государственного устройства, который выражен формулой: сенат — народ, то Саллюстий и группирует свои реформы по двум «разделам», двум направлениям: меры для обновления сената и меры для обновления народа.

Насколько проекты реформ Саллюстия были реальными?

На этот вопрос мы считаем нужным ответить отрицательно, солидаризуясь с теми исследователями, которые признают проекты реформ Саллюстия утопическими. Так, нам представляется правильным замечание Эд. Мейера по поводу одного из проектов реформ⁴², замечание, которое вполне может быть распространено и на все остальные проекты. По мнению Эд. Мейера, политические реформы Саллюстия представляют собой утопию, идущую еще от воззрений Сократа и Платона и характерную для многих политических теорий древности. Это не что иное, как уверенность в том, что правильное законодательство может изменить формы жизни, исторически данные условия бытия и даже формы государственных.

Однако это в общем верное замечание Эд. Мейера не может нас полностью удовлетворить, ибо, подтверждая утопичность и несвоевременность реформ Саллюстия, оно не объясняет, почему эти реформы были утопичны, почему они были несвоевременны.

Ответ на этот вопрос может быть дан лишь в том случае, если мы получим представление о конечной цели реформаторского плана Саллюстия. Но нам уже известно, что проекты реформ были планом мероприятий по возрождению Рима-полиса. Насколько реально было в то время думать о возможности втиснуть Рим в рамки полиса, в рамки, которые Римом давно были превзойдены и разбиты,— на это ответ был дан самим ходом исторического развития. Именно *поэтому* реформы Саллюстия оказались утопией. Именно *поэтому* они не только не были, но и не могли быть реализованы Цезарем.

⁴² Это замечание относится к проекту финансовой реформы. См. Ed. Meyer. Op. cit., S. 363.

Интересы какой части римского общества отражала политическая программа, изложенная Саллюстием в раннем «Письме»? Чьим чаяниям и запросам отвечал идеал государственного устройства, пропагандируемый Саллюстием?

Саллюстий, родившийся в сабинском городе Амитерне, был по существу выходцем из среды среднезажиточных слоев муниципального населения. Очевидно, именно он упоминается Асконием в связи с событиями 52 г. В этот год Саллюстий был народным трибуном, причем стоял на стороне Клодия, а следовательно, был противником Милона. Вместе с другими трибунами — Квинтом Помпеем и Мунацием Планком — он после убийства Клодия произносит страстные речи, направленные против Милона. Он стремится придать делу политический характер и доказывает, что убийство Клодия — результат заговора нобилитета.

Итак, Саллюстий впервые выступил на политической арене как сторонник демократии и одно время определенно и явно ориентировался на Цезаря. Это вполне отвечало политическим позициям и интересам тех слоев муниципального (и римского) населения, той «промежуточной группировки», которая, с одной стороны, достаточно четко отделяла себя от деклассированных низов, но, с другой стороны, не менее ярко ненавидела кастово-замкнутую, олигархическую группу нобилитета, захватившую всю полноту политической власти в свои руки.

Программа этой группы может быть сформулирована так: политическое равноправие для ее представителей, или, говоря языком Саллюстия, «расширение прав народа и ограничение власти аристократии», т. е. опять-таки некое равновесное состояние между сенатом (аристократией) и народом. Эта программа была тем доступнее, что подобный политический идеал был не только умозрительным построением, не только мечтой философа, как многие политические утопии греческих мыслителей, нет, он ведь был однажды реально воплощен, он был действительностью в эпоху «золотого века» Римской республики!

Отсюда определенное убеждение, что все дело заключается в том, чтобы восстановить государственные формы и отношения периода «золотого века». Отсюда же и вера в историческую миссию Цезаря, который мог восприниматься представителями данной прослойки как

восстановитель республиканских традиций. Это тем более вероятно, что из всех крупных политических фигур этого времени, несомненно, только Цезарь и мог возбуждать подобные надежды, так как Клодий погиб, а Помпей уже открыто блокировался с нобилитетом. Цезарь был еще окружен ореолом стойкого и последовательного борца народной партии, он был уже окружен ореолом легендарных побед и завоеваний в Галлии, он был врагом нобилитета и вместе с тем выказал известную лояльность и умеренность как демагог. Не следует забывать, что в 50 г. Цезарь если и был главою «партии», то отнюдь не был еще главой государства. Надо учесть и то, что Цезарь, основным лозунгом которого в его борьбе за власть было милосердие (*beneficia*) и примирение различных общественных интересов, видимо, ничего не имел против несколько «вольного» и расширительного толкования своей программы.

Если определенные слои римского общества могли верить в то, что Цезарь выступает как борец за возрождение республики, то самому Цезарю было только выгодно поддерживать подобные взгляды. Письмо Саллюстия, будь оно опубликовано или нет, будь оно заказано или написано по собственной инициативе автора, все-таки в какой-то мере отражает тот факт, что Цезарь возбуждал в определенной части римского общества те надежды, которые возлагаются на него в этом «Письме». И если не отдельные конкретные предложения или реформы Саллюстия, то общее направление этих реформ, несомненно, должно было лежать в том плане, в том аспекте, через который преломлялась деятельность Цезаря для определенной прослойки римского общества.

Однако дальнейший объективный ход исторических событий, столь отличный от путей и направлений, которые намечались Саллюстием, показал, какая пропасть существовала между этими утопическими проектами и реальными политическими нуждами Римской империи в процессе ее становления. Наиболее ярко и наглядно это противоречие может быть вскрыто путем оценки внутриполитической деятельности Цезаря в период между написанием более раннего и более позднего «Писем».

Если придерживаться того взгляда, что раннее «Письмо» к Цезарю написано в последние месяцы 50 г.,

а более позднее — после битвы при Тапсе (апрель 46 г.)⁴³, то промежуток, отделяющий позднее «Письмо» от раннего, обнимает срок несколько больший, чем три года. За это время произошло много важных событий. За это время Цезарь из главы «партии» превратился в главу государства, т. е. фактически утвердилось единодержавие Цезаря.

Не будем останавливаться на перечислении и анализе внутривполитических мероприятий Цезаря за этот период. Попробуем лишь выяснить, насколько общее направление его деятельности соответствовало реформаторским планам Саллюстия.

Нетрудно убедиться, что реформы, проведенные Цезарем, не только не совпадали с предложениями Саллюстия, но иногда прямо противоречили смыслу Саллюстиевых проектов.

Саллюстий, например, говорил о выводе смешанных поселений; Цезарем за это время не выведено ни одной колонии⁴⁴. Позднее, когда Цезарь стал выводить колонии, основное требование Саллюстия, т. е. принцип смешения, не выполнялось, следовательно, Цезарь не придавал этому мероприятию того глубокого внутреннего смысла, который вкладывался в него Саллюстием.

Саллюстий говорил об уменьшении любви к деньгам и уничтожении привилегий, доставляемых богатством, но способы, которыми Цезарь пытался регулировать долговую проблему, были тесно связаны с мероприятиями, содействующими обращению капиталов, и свидетельствовали о совершенно иной линии Цезаря в этом вопросе. Не снижение роли и значения денег, а наоборот, открыто плутократический характер законодательства⁴⁵ — вот что характеризовало финансовую политику Цезаря.

Саллюстий предлагал выбирать судей из граждан первого класса. Цезарь до 46 г. никак не затрагивал этого вопроса, но зато нам прекрасно известно, что позже, в 46 г., им была уничтожена в судах декурия эрарных трибунов⁴⁶ и суды снова стали достоянием лишь сенаторов и всадничества.

⁴³ См. выше, стр. 244.

⁴⁴ O. See l. Op. cit., p. 16—17.

⁴⁵ Ed. Meyer. Op. cit., S. 418

⁴⁶ См. выше, стр. 145.

Наконец, Саллюстий говорил о выборности магистратов по жребию, Цезарь же фактически отменил самую выборность и раздавал магистратуры по своему усмотрению.

Таким образом, проекты реформ Саллюстия по «обновлению народа» не только не осуществлялись, но был предпринят ряд мер, резко противоположных этим проектам. Следовательно, у Цезаря было свое понимание роли народа, свое отношение к народу, отличное от взглядов на этот вопрос Саллюстия.

Что касается проектов реформы Саллюстия в плане «возрождения сената», то здесь противоположность мероприятий Цезаря выражена не менее ярко. Прежде всего, самая идея укрепления власти сената была, конечно, чужда Цезарю, и поднятие авторитета сената никак не входило в его расчеты. Это настолько очевидно, что не нуждается в особых доказательствах. Относительно предложения Саллюстия об увеличении числа сенаторов необходимо иметь в виду, что хотя такое увеличение Цезарем и было проведено, оно предпринималось им с совершенно иной целью — для ослабления самостоятельности и значения сената. Поскольку сенат пополнялся лишь креатурами Цезаря, эта цель легко достигалась. Таким образом, если только что говорилось об отличном от Саллюстия понимании роли народа Цезарем, то в данном случае можно говорить о коренном различии между Саллюстием и Цезарем в понимании роли сената.

Итак, деятельность Цезаря в период между написанием раннего и позднего «Писем» могла убедить автора этих произведений, что программа реформ, изложенная им в более раннем «Письме», не встретила положительного отклика. Чем объяснить такое расхождение? Быть может, суть дела заключается в различии подхода, в различии принципиальных установок «теоретика» Саллюстия и «практика» Цезаря?

На первый взгляд естественнее и соблазнительнее всего — и такие попытки неоднократно уже предпринимались⁴⁷ — представить дело так, что «кабинетный мыслитель», теоретик Саллюстий в полном отрыве от окружающей обстановки и практики политической борьбы

⁴⁷ См., например, Ed. Meyer. Op. cit., S. 398—399

цеплялся за свой отживший, утопический «полисный идеал», а практический деятель Цезарь сознательно и целеустремленно создавал новое государственное устройство, новый государственный аппарат империи. Однако, нам кажется, подобный вывод был бы ничем не оправданной модернизацией. Недопустимо, впадая в телеологические соблазны и ретроспективные «предвидения», рассматривать деятельность Цезаря как сознательно направленную на создание империи. Этого нельзя делать хотя бы потому, что то понятие империи, которое сложилось, пожалуй, только ко времени Тацита и которым мы фактически оперируем и в наше время, никоим образом не могло возникнуть ни у Цезаря, ни у его современников. Утверждение о том, что Цезарь якобы стремился создать монархию эллинистического или какого-то особого и небывалого образца⁴⁸, есть не что иное, как историческая аберрация, как запоздалое и малоудачное «пророчество после событий».

Скорее всего, мы имеем дело с различными вариантами восстановления государства после потрясений гражданской войны. И Саллюстий и Цезарь руководствовались именно этой задачей, но с тою разницей, что перед первым она вставала сугубо теоретически и он выступал в роли консультанта-советчика, тогда как перед Цезарем эта же задача выдвигалась как насущная и практическая необходимость.

Несколько выше мы уже подчеркивали⁴⁹, что все законы и реформы Цезаря следует расценивать как меры, проводившиеся в порядке ответа на тот или иной вопрос, настоятельно выдвигавшийся текущими делами, злободневной обстановкой, насущными нуждами управления. Но значит ли это, что все реформы Цезаря имели лишь сугубо преходящее значение и, следовательно, не были меропрятиями длительной государственной важности, большого масштаба?

Конечно, это не так! Тут уже выступает на свет объективная и, как правило, не зависящая от сознательных устремлений сторона деятельности реформатора. Как это обычно и бывает, время и объективные условия

⁴⁸ V. Ehrenberg *Caesar's Final Aims*. Cambridge, 1964, p. 149—150, 160

⁴⁹ См. выше, стр. 158

дальнейшего развития отсеивают или сохраняют из «злободневно» возникших законов, реформ и т. п. те, которые оказываются наиболее соответствующими этому «дальнейшему развитию» и которые только таким путем и приобретают (в ходе десятилетий) объективную ценность и достаточно «масштабное» государственное значение.

Но неужели перед Цезарем не вставало вообще никаких общих задач, никакой общей цели, помимо чисто злободневных и текущих вопросов? Конечно, такая общая цель существовала, и она вырисовывалась не только перед умственным взором Цезаря. О ней знали все те, кого в той или иной степени волновали судьбы Римского государства. О ней говорил, в частности, Саллюстий (и Цицерон). Но вместо надуманной, ретроспективно привнесенной идеи «империи» это была совершенно конкретная задача восстановления государственного строя, до основания потрясенного годами гражданской войны. Конечно, взгляды Саллюстия и Цезаря на пути и методы решения этой задачи никак не совпадали. Мы в этом могли убедиться, сопоставляя «теоретические выкладки» Саллюстия с практической деятельностью Цезаря. Но мы могли убедиться и в другом: в правомерности именно такого сопоставления, а не в искусственном конструировании борьбы двух отвлеченных концепций — идеи полиса с идеей *imperium Romanum*.

В заключение остановимся кратко на более позднем «Письме к Цезарю». Оно интересует нас главным образом в плане сопоставления с уже рассмотренным выше ранним «Письмом».

Общая схема обоих «Писем» примерно одинакова. Однако по своему содержанию и даже по манере изложения они существенно отличаются друг от друга. Рисуя картину разложения римского общества в более позднем «Письме», Саллюстий говорит о непомерной роскоши и алчности, о развращенности юношества⁵⁰, об испорченности народа денежными и хлебными раздачами⁵¹. Но главным образом в позднем «Письме» Саллюстий останавливается на ужасах междоусобной войны, описанию которых посвящена целиком глава четвер-

⁵⁰ Ер. I, 5.

⁵¹ Ер. I, 7.

тая. Саллюстий говорит здесь о тайных убийствах и преступлениях, о массовых избиениях, о гибели женщин и детей, о разрушении жилищ⁵². Он гневно обрушивается на тех, кто в эти тяжелые дни, несмотря на все ужасы войны, проводит время в пирах и преступных наслаждениях⁵³.

Нетрудно убедиться, что картина разложения в раннем «Письме» была несравненно более полной и убедительной. Кроме того, она была более систематизированной и «обоснованной», ибо «увязывала» разложение общества с развращенностью народа и слабостью сената, т. е. в какой-то степени отражала «систему» Саллюстия, логически вытекающая из нее.

Анализ причин разложения мы находим в главе седьмой. Саллюстий рассказывает здесь, что специальные занятия и размышления о причинах возвышения или гибели отдельных выдающихся людей, народов и государств убедили его в том, что причиной возвышения всегда было презрение к богатству, а причиной падения — страсть к деньгам, корыстолюбие. Достичь истинного величия как для отдельного человека, так и для государства возможно лишь одним путем, путем нравственного самоусовершенствования⁵⁴.

Таким образом, в позднем «Письме» причинами упадка уже оказываются моральное несовершенство, нравственное разложение римских граждан. В этих кратких формулировках, по существу, дана в зародыше Саллюстиева теория упадка нравов. Мы говорим в зародыше потому, что позднее «Письмо» еще не дает ответа на вопрос о том, кто же является конкретным носителем зла, по чьей вине произошло разложение общества. Саллюстий еще оперирует общими и отвлеченными категориями, которые не являются пока атрибутами той или иной общественной группировки, а бытуют в римском обществе вообще.

Поскольку причиной упадка оказывается непомерная алчность, то в первую очередь Саллюстий предлагает уничтожить роскошь и любовь к деньгам. Крайне характерно, что сделать это, по мнению Саллюстия, путем

⁵² Ep. I, 4.

⁵³ Ibidem

⁵⁴ Ep. I, 7.

восстановления древних законов и обычаев для современного общества, в силу крайнего его разложения,— уже невозможно⁵⁵. Поэтому существует лишь один выход, который Саллюстий и предлагает. Для того, чтобы каждый довольствовался своим, следует уничтожить ростовщичество. Саллюстий понимает всю затруднительность проведения подобного проекта в жизнь, но интересы государства настоятельно требуют такой меры и потому выполнить это необходимо⁵⁶.

Затем идет ряд второстепенных предложений, которые Саллюстий только перечисляет «оптом», даже не давая себе труда развить и обосновать их. Тут и уничтожение торговыми должностями, который, впрочем, прекратится сам собою, когда будет уничтожена любовь к деньгам, тут и меры по обеспечению безопасности в Италии, и регулирование срока военной службы, и предложения относительно раздачи хлеба ветеранам⁵⁷.

Этими предложениями исчерпывается новая программа реформ Саллюстия, изложенная им в позднем «Письме».

Если ее сравнивать с программой реформ более раннего «Письма», то прежде всего бросается в глаза неглубокий, непринципиальный характер новых проектов Саллюстия. Проекты реформ раннего «Письма» можно было считать планом основательного переустройства государства, проекты же реформ позднего «Письма» — всего навсего ближайшие шаги, ближайшие практические мероприятия. Даже основное и наиболее серьезное, с точки зрения самого Саллюстия, предложение об уничтожении ростовщичествоа вовсе не требовало переустройства государства, а вполне укладывалось в рамки «существующего строя». В этом и заключалось коренное отличие нового плана реформ Саллюстия от плана реформ раннего «Письма».

Следует еще отметить отсутствие систематизации реформ и единой целевой установки всего плана, в то время как план реформ более раннего «Письма» был поставлен на службу определенной цели, а именно возрождению Рима как полиса. Как на картине разложе-

⁵⁵ Ер. I, 5

⁵⁶ Ер. I, 6

⁵⁷ Ер. I, 8.

ния римского общества, данной в позднем «Письме», так и на программе реформ лежит печать торопливости, отрывочности и растерянности. Это не случайное явление: очевидно, в позднем «Письме» эти разделы имеют уже второстепенное, побочное значение, а центр тяжести перенесен автором на нечто иное.

Позднее «Письмо» начинается также с традиционной *captatio benevolentiae* и с восхваления заслуг Цезаря, однако в самом начале мы находим замаскированный намек и опасение, которые можно отнести на счет самого Цезаря. Говоря о том, что всякий человек, стоящий на вершине могущества, как бы он ни был добр и милосерден, все же внушает опасение тем, что может употребить свою власть во зло, Саллюстий объясняет, почему это так бывает. Причиной подобных опасений может служить пример многих могущественных людей, которые неправильно считают свою власть тем прочнее, чем более ничтожны те, кем они управляют⁵⁸.

Затем Саллюстий всячески восхваляет *beneficia* Цезаря, его кротость во время войны, его отношение к побежденным соотечественникам⁵⁹. Он призывает Цезаря к проведению подобной же политики и в дальнейшем но сама настойчивость этих призывов заставляет думать о том, что Саллюстий скорее ожидает обратного⁶⁰.

Небезынтересно отметить описание лагеря Цезаря, который изображен отнюдь не в радужных красках. Сюда стекается весь сброд, все те, кто погряз в пороках и преступной роскоши, все те, кто мечтает «подорвать общественный порядок»⁶¹.

Далее Саллюстий снова переходит к увещаниям на тему о том, что власть, основанная на жестокости, непрочна и тягостна, ибо тот, кто внушает страх многим, и сам живет в постоянном страхе. В противовес этому властитель, который управляет милостиво и снисходительно, имеет прочную, спокойную власть⁶². Саллюстий всячески старается сделать тезис о милостивой власти наиболее убедительным, и вся картина ужасов гражданской войны должна служить наглядным и кра-

⁵⁸ Ep I, 1

⁵⁹ Ep I, 1.

⁶⁰ Ep I, 3, 4, 6 etc.

⁶¹ Ep I, 2

⁶² Ep I, 3.

сочным подтверждением этой мысли. В главе шестой Саллюстий снова заклинает Цезаря употребить все могущество на пользу отечества, не прибегать к суровым приговорам и казням, но проявить истинное милосердие (*vera clementia*) и позаботиться в первую очередь о восстановлении нравственности среди молодого поколения⁶³.

Итак, позднее «Письмо» пронизано призывами к Цезарю не обратить во зло завоеванную им власть, но воспользоваться ею с милосердием, употребив ее на восстановление добрых нравов в Римском государстве.

Все это свидетельствует о том, что отношение Саллюстия к Цезарю ко времени написания более позднего «Письма» существенно изменилось. Если на основании раннего «Письма» мы в своем месте делали вывод о том, что Цезарь был тогда для Саллюстия единственной фигурой, единственным деятелем, который мог провести реформу государственного строя, и Саллюстий, очевидно, возлагал на него определенные надежды в этом отношении, то сейчас, в эпоху позднего «Письма», мы можем говорить о неуверенности Саллюстия в Цезаре, о его растерянности, о его разочаровании в личности и деятельности Цезаря. Это подтверждается ожиданием проскрипций, которое явно ощущается в «заклинаниях» Саллюстия, это подтверждается самим обилием подобных «заклинаний» и призывов, это проскальзывает, наконец, в осторожных и замаскированных намеках.

Каков же общий итог, который можно подвести изучению политических воззрений Саллюстия на основе сопоставления двух «Писем к Цезарю»?

Прежде всего необходимо отметить, что в раннем «Письме» имелось изложение довольно стройной политической «системы» Саллюстия, которая базировалась на его политическом идеале (сенат — народ). В позднем «Письме» Саллюстий как будто отходит от прежней «системы». Центральной проблемой становится вопрос о нравственном возрождении римского общества. Саллюстий отказывается от основных предложений раннего «Письма» — аграрной реформы и реформы сената — и все сводит к уничтожению роскоши и корыстолюбия, к мероприятиям скорее воспитательного характера.

⁶³ Ep. I, 6.

Позднее «Письмо» имеет отвлеченный, абстрактный характер. Здесь отсутствуют исторические экскурсы и, за исключением скорее риторического, чем исторического отступления по поводу ужасов гражданской войны, в позднем «Письме» не имеется более никакого исторического материала. Картина разложения общества сводится к отвлеченным рассуждениям о падении нравственности «вообще», о разложении общества «в целом».

И, наконец, в позднем «Письме» центр тяжести перенесен именно на *captatio benevolentiae*, на уговоры не прибегать к проскрипциям, на просьбы о проявлении милосердия. Это и есть, очевидно, основная цель позднего «Письма», и «теоретическая часть» в этом «Письме» имеет явно второстепенное, подчиненное значение. Подобное перенесение центра тяжести наилучшим образом свидетельствует о растерянности Саллюстия, о разочаровании в Цезаре и о страхе перед ним.

Итак, многие из прежних убеждений, прежних взглядов и симпатий Саллюстия терпят крах. Но так как этот крах есть следствие весьма конкретных причин, а именно событий 50—46 гг., то весьма понятно желание Саллюстия как-то отойти от реальной действительности, приносящей только разочарование, характерна тяга к абстрактным построениям, к учению о нравственном самоусовершенствовании и об упадке нравов как причине гибели отдельных лиц и даже целых народов. Вот этим частичным отказом от старых убеждений, неуверенностью и растерянностью характеризуется изменение политических воззрений Саллюстия в период написания им более позднего «Письма».

Однако необходимо отметить, что подобное состояние политической растерянности и протрации было для Саллюстия лишь переходным состоянием. Саллюстий отнюдь не превратился в бесстрастного и разочарованного свидетеля событий, в «надпартийного» созерцателя. Наоборот, он нашел в себе силы перестроить свою «систему» и прийти к новым выводам. Теория упадка нравов, впервые намеченная в позднем «Письме», постепенно наполняется вполне конкретным содержанием. Она становится для Саллюстия орудием партийной борьбы против его главного политического врага — римского нобилитета.

Теория упадка нравов

Учение об упадке нравов как причине разложения государства было весьма распространено среди высших слоев римского общества. Оно имело определенный политический смысл и направленность и использовалось римскими государственными деятелями в качестве орудия партийной борьбы. Основывалось же это учение на некоторых основных категориях древнеримской полисной морали.

Нам уже приходилось говорить о моральных критериях Рима-полиса¹. Сейчас еще раз подчеркнем, что древнеримская мораль всегда имела своим образцом нравы и обычаи предков. Уважение к ним прививалось римлянам с детства, в семье. Отец наставлял детей собственным примером; маски и инсигнии предков хранились в доме на самом почетном месте. Подобного рода воспитание осуществлялось не только семьей, родом, но и всей общиной. Поэтому древнеримская мораль может рассматриваться как мораль, созданная именно самой общиной и ее традициями и хранимая высшими судьями этой общины, определяющими моральную ценность каждого отдельного человека, каждого члена общины.

В древнейшем из дошедших до нас римских прозаических произведений — труде Катона о сельском хозяйстве — в самом начале дается образ «идеального мужа» (*vir bonus*), как его понимали предки: хороший земледелец и хороший хозяин. Интересно отметить, что спустя примерно 200 лет, в эпоху империи, Сенека, пропагандируя как будто совершенно новый идеал гражданина вселенной, умудряется, тем не менее, сохранить эту специфически римскую окраску, сопоставляя и по существу отождествляя совершенного человека с совершенным римлянином.

¹ См выше, стр 220—223.

Выше уже говорилось о том, какое значение имела деятельность Катона для характеристики (а также для датировки) того кризиса, того «упадка нравов», с которым он, как цензор, считал своим долгом вести самую решительную борьбу. Эта борьба была отчаянной, но вместе с тем безнадежной попыткой восстановить «нравы предков» (*mores maiorum*), якобы господствовавшие в патриархальной римской общине.

Катон вместе со своим другом Л. Валерием Флакком был избран цензором в 184 г. Плутарх рассказывает, что его избранию противились самые знатные и самые влиятельные сенаторы. Поэтому его кандидатуре было противопоставлено семь соискателей, которые пытались привлечь симпатии населения обещаниями кротости и снисходительности, тогда как Катон, не обнаруживая ни малейшей снисходительности или уступчивости, открыто, с ораторской трибуны возвещал, что городу, погрязшему в пороках, необходимо «великое очищение», и убеждал римлян выбрать для этого наиболее решительных врачей: его самого, а из патрициев — Валерия Флакка². И действительно, Катон и Флакк были избраны, несмотря на конкуренцию представителей старейших и знатных фамилий.

Вскоре после этого последовал ряд крупных политических процессов. Катон изгнал из сената многих, и в том числе Луция Квинтия, бывшего консула, брата знаменитого «освободителя» Греции Тита Фламинина. Пострадали и всадники — у брата Сципиона Африканского был отнят государственный конь (*equus publicus*). Но особую ненависть богатых людей, как сообщает тот же Плутарх, возбудили мероприятия Катона против роскоши. Он увеличил налоги, настоял на повышении цен на женские украшения, одежду, богатую домашнюю утварь, сократил плату за подряды и, наоборот, высоко поднял цену откупов³.

Эти крутые и решительные меры сурового цензора, вызывая к нему ненависть в определенных кругах, вместе с тем встречали одобрение и даже поддержку самых широких слоев населения. Известно, что Катону была воздвигнута статуя, надпись на которой гласила: «за то,

² Plut., Cato, 16—17.

³ Ibid., 18—19.

что, став цензором, он здоровыми советами и разумными наставлениями снова вывел на правильный путь уже клонившееся к упадку Римское государство»⁴. Свое описание деятельности Катона как цензора Плутарх заключает следующими словами: благодаря безупречному образу жизни, преклонному возрасту и красноречию он пользовался в Риме огромным влиянием⁵.

Какое же значение цензура Катона имела для датировки кризиса? Те признаки разложения, те элементы морального кризиса общества, которые Катон пытался искоренить, он сам, как мы уже отмечали, называл «губительными гнусными новшествами». Следовательно, подчеркивалось, что болезнь возникла недавно, а потому еще вполне излечима. Этому как будто вполне соответствует и только что приведенная надпись на статуе Катона, воздвигнутой, видимо, не случайно в храме богини Здоровья⁶. Но даже если болезнь действительно возникла недавно, это еще не значило, что можно было пресечь ее развитие, что существовали эффективные средства лечения.

По существу говоря, причиной кризиса древнеримской морали был кризис полиса, а «упадок нравов», ломка традиций, отход от древних норм и устоев — лишь неизбежным следствием. Это явление вполне закономерное и естественное. Немыслимо управлять огромным государством и осуществлять в нем не только свое материальное, но и духовное превосходство, основываясь на моральных критериях и нормах, сложившихся в маленькой городской общине и рассчитанных именно на членов этой замкнутой общины. Древнеримская мораль в силу своих специфических черт вообще могла сохраняться до тех пор пока граждане обладали примерно одинаковыми правами. Вот почему пресловутый лозунг «нравы предков» превратился в некий недосягаемый идеал, в отвлеченный призыв, но никоим образом не в программу практической деятельности и борьбы.

Таковы некоторые соображения по поводу древнеримской морали и причин ее «кризиса». Как же отразились эти явления общественной жизни в римской лите-

⁴ Ibid , 19

⁵ Ibidem

⁶ Ibidem

ратуре, или, точнее говоря, в римской историографии?

У ряда авторов мы находим лишь краткие указания на разложение нравов в римском обществе. Так, Фабий Пиктор, как об этом упоминает Страбон⁷, считал, что римляне впервые «попробовали богатства» во время III Самнитской войны. Валерий Максим⁸ говорил, что склонность к менее строгому образу жизни стала проявляться после второй Пунической войны (201 г.) и поражения Филиппа Македонского (197 г.). Ливий⁹ считал, что возвращавшееся из Азии оккупационное войско (187 г.) занесло с собой в Рим привычку к расточительности. Что касается Полибия¹⁰, то он рассматривал исчезновение древней скромности и бережливости как следствие войны с Персеем (168 г.). Посидоний начинал период упадка с разрушения Карфагена (146 г.), и в этом ему следовал Саллюстий¹¹. Таким образом, датировка начала упадка нравов, даваемая самими римскими авторами, колеблется между 290 г. и 146 г. Однако их указания мало что говорят по существу. Первая попытка поставить вопрос об упадке нравов более широко и дать какой-то исторический анализ этого явления (а также его причин) принадлежит Полибию.

В одном из своих общих рассуждений, но безусловно имея в виду современное ему положение Рима, Полибий говорит, что в государстве, которое отразило многие опасности и приобрело небывалое могущество, начинает развиваться страсть к господству, распространяется богатство и образ жизни каждого в отдельности становится все более и более притязательным¹². Но дело не только в этом. Развитие в обществе таких пороков, как властолюбие и корыстолюбие,— всего лишь внешнее проявление более глубоко скрытых причин. Полибий считает, что судьба вообще всякого государства подчинена неотвратимым органическим законам становления и уничтожения¹³. Эти законы имеют такую силу, что на

⁷ Strabo, V, 3, 1.

⁸ Val Max, 9, 12

⁹ Liv, XXXIX, 6, 7.

¹⁰ Polyb, XXXI, 25

¹¹ Sall, Cat, 10 sqq; idem. Jug, 41 sqq; idem. Hist, I, 11 sqq.

¹² Polyb, VI, 57, 5.

¹³ Ibidem.

основе их изучения можно предсказать историческую судьбу каждого народа; эпоха расцвета дает возможность предвидеть неизбежный крах.

Воззрения Полибия на упадок нравов и его причины мы еще не можем расценивать как разработанную и самостоятельную теорию. Это — всего лишь какая-то часть общеисторической концепции Полибия и потому лишь зародыш собственно теории упадка нравов. Важно отметить, что в своих рассуждениях Полибий твердо стоит на конкретно-исторической почве и взгляды, развиваемые им, имеют определенную политическую направленность; так, он говорит о властолюбии и корыстолюбии не вообще, но как о пороках руководящего класса, т. е. нобилитета.

Творцом первой теории упадка нравов был, очевидно, Посидоний. Поскольку сохранившиеся фрагменты его творений не могут дать полного представления о некоторых весьма существенных деталях этой теории, приходится обращаться к Диодору, ибо, как доказано¹⁴, в XXXII—XXXVII книгах Диодор тесно примыкает к Посидонию.

Развивая и теоретизируя взгляды Полибия и, видимо, Панетия на исторические судьбы Рима, Посидоний создал теорию упадка нравов, которая усматривала причины разложения римского общества именно в нравственной деградации римлян. Фрагменты Диодора (так как упомянутые книги дошли до нас тоже в эксцерптах) показывают, что основными элементами теории Посидония были: картина «золотого века», роль *metus romicus* как некоего сдерживающего начала, разрушение Карфагена и каузальная связь этого события с падением нравов в Риме, представление о 146 г. как о некоем рубеже, за которым следует разгул низменных страстей и катастрофически прогрессирующее разложение общества, наконец, рассуждение об алчности как об одной из главных причин упадка нравов.

Все эти элементы, как мы увидим ниже¹⁵, вошли в схему Саллюстия. Для нас сейчас важно отметить то обстоятельство, что теория Посидония была как бы поворотным моментом в развитии учения о разложении

¹⁴ Ed. Meyer *Kleine Schriften*, I, p. 390 sqq

¹⁵ См. ниже, стр. 277—278.

нравов. Она отличается от конкретно-исторической концепции Полибия тем, что стремится перевести вопрос в область философии и этики, в область отвлеченных нравственных категорий. Эта тенденция Посидония дает знать о себе с достаточной силой. В своем анализе причин упадка нравов Посидоний исходит уже не столько из исторических фактов, сколько из интерпретации этих фактов при помощи философской теории. Эта теория ведет нас к греческим образцам, к греческим мыслителям, вплоть до Платона и Аристотеля, с его систематикой различных причин гражданских смут и неурядиц¹⁶.

Дальнейшее развитие и, пожалуй, наиболее законченное выражение теории упадка нравов мы встречаем в трудах Саллюстия¹⁷. Поэтому остановимся на Саллюстиевой интерпретации более подробно. Изберем для нашего анализа исторический экскурс из «Заговора Катилины»¹⁸, где наиболее полно и ярко изложено учение об упадке нравов.

Историю Римского государства Саллюстий подразделяет как бы на три больших периода.

К первому относится основание Рима троянцами, которые, слившись воедино с аборигенами, образовали общину, жившую еще без законов, но согласно и свободно. Преуспевающая община, как это обычно и бывает, стала вызывать по отношению к себе зависть, соседние цари и народы начали на нее нападать. Римляне мужественно отражали опасность, защищая свою родину, свободу, семью. Власть в этот период они имели царскую, причем государственные дела обсуждались старейшинами или «отцами» (*patres*). Когда царская власть начала вырождаться в тиранию, римляне изменили государственное устройство и поставили во главе государства двух выборных и ежегодно сменявшихся правителей (*consules*)¹⁹.

Второй период, который характеризуется этой выборной властью, свободой и высоконравственной жизнью общества, Саллюстий описывает более подробно, ибо это лучшая пора, «золотой век» римской истории. У всех

¹⁶ Arist., *Polit.*, V, 2, 1302a 23 sqq

¹⁷ Sall., *Cat.*, 10 sqq, *idem* *Iug.*, 31 sqq; *idem* *Hist.*, I, 11 sqq

¹⁸ Sall., *Cat.*, 6—12.

¹⁹ *Ibid.*, 6, 1—7

граждан наблюдается необычайный подъем чувства собственного достоинства, стремление к славе овладевает всем обществом, люди заботятся не о накоплении денег, а о накоплении геройских подвигов и доблестных деяний, ибо только они и считались тогда истинным богатством. В обществе и в мирную эпоху, и в военное время культивируются добрые нравы, царит согласие, приращенная порядочность заменяет писанные законы. Неустрашимость на войне и строгая, неподкупная справедливость в мирное время — вот какими двумя средствами охраняют римляне свое государство. Этот лучший период римской истории продолжается вплоть до разрушения Карфагена²⁰.

Третий период — эпоха смут и раздоров, начало упадка государства. Прежде всего в обществе развивается стремление к власти, затем страсть к деньгам. Честолюбие и корыстолюбие — вот те губительные страсти, которые явились источником и первопричиной всех зол в Римском государстве. Снова верховная власть вырождается из самой справедливой в самую несправедливую — тиранию. Первым человеком, который олицетворил эту тираническую власть, был Сулла. Захват власти Суллой приводит к дальнейшему разложению общества: армия развращается, изнеживается, привыкает к роскоши, начинаются грабежи и разбои, молодежь стремится лишь к роскоши, к богатству, забывает всякий стыд и скромность, бросается в разврат и излишества²¹. Происходит, наконец, полное разложение нравов граждан, полное вырождение общества. Олицетворением этого окончательного разложения, олицетворением тирании является теперь Катилина и его достойные приспешники («свита из пороков и преступлений»). Заговор Катилины — вполне закономерное следствие, логический продукт вышеизложенных причин²². Такова концепция римской истории в «Заговоре Катилины».

Может быть, небезынтересно отметить зависимость данного экскурса от греческих историко-философских построений, в частности от некоторых схем Платона. Нам кажется, что периодизация (трехчленное деление)

²⁰ Ibid, 7, 1—10, 1

²¹ Ibid, 10, 2—12, 2.

²² Ibid, 14, 2—7.

римской истории, принятая Саллюстием, заимствована в общих чертах именно у Платона. Как известно, греческий философ, излагая в «Законах» историю развития государственных форм, устанавливает некие периоды или «циклы» общественного и культурного развития человечества. Эти «циклы» Платона и легли, на наш взгляд, в основу Саллюстиевой периодизации римской истории.

Как характеризует Платон свой первый цикл? Эта государственная (или, вернее, общественная) форма, которую Платон называет династией, определяется первобытным строем жизни, чистотою нравов, отсутствием развитого государственного аппарата и писаных законов. Власть в этот период осуществляется царями²³. Нетрудно убедиться, что древнейший период римской истории в изображении Саллюстия в основном соответствует этой картине «патриархального быта» в «Законах» Платона и наиболее типичные черты Платонова «цикла» заимствованы Саллюстием для его картины архаического периода римской истории.

Как характеризует Платон свой второй цикл? Эта государственная форма, которую Платон называет аристократией или «царством», отличается возникновением законодательства и установлением выборной власти²⁴. Но второй период римской истории в изложении Саллюстия — период блестящего расцвета, «золотой век» — как раз характерен тем, что для уничтожения тиранических тенденций законом была установлена выборная и ежегодно сменяющаяся власть. Результатом этого мудрого государственного устройства явилось то процветание общества, о котором столь подробно распространяется Саллюстий. Таким образом, и в этом случае наиболее важные черты второго «цикла» Платона перенесены Саллюстием в описание «золотого века» римской истории.

Как же, наконец, характеризует Платон свой третий цикл? Эта государственная форма, которую Платон никак не называет (демократия?), отличается, с одной стороны, ростом культуры и могущества государства, но с другой стороны — это период смут и раздоров, начало

²³ P l a t o. Leg., 677e — 680e.

²⁴ Ibid., 680e — 681d.

упадка, разложения государственных форм²⁵. Нетрудно убедиться, что последний период римской истории в интерпретации Саллюстия сконструирован на основе главных черт третьего «цикла» Платона и зиждется на учении Платона о вырождении демократических форм в тиранию. Таким образом, трехчленная периодизация римской истории, примененная в историческом экскурсе «Заговора Катилины», имеет своим источником учение Платона о «циклах» общественного и культурного развития человечества.

Что касается картины морального разложения римского общества, разложения, наступающего в «третий период» римской истории, то схема Саллюстия, по которой это разложение обусловлено развитием сначала честолюбия (*ambitio*), а затем корыстолюбия и роскоши (*avaritia* и *luxuria*)²⁶, воспроизводит этапы постепенного ухудшения «совершенного государства» Платона, как они даны в VIII книге «Государства». У Платона первым этапом деградации оказывается тимократия со свойственным ей пороком честолюбия, затем олигархия, для которой типичны алчность, корыстолюбие, а затем в демократии рождаются низменные страсти; последняя же ступень вырождения — появление некоего «тиранического мужа», образ которого, несомненно, использован Саллюстием для характеристики Катилины.

Таково влияние Платона на концепцию римской истории, изложенную в экскурсе «Заговора Катилины». Однако это было чисто литературное влияние, и в заимствованные в качестве некоего стилистического образца формы Саллюстий вкладывал совершенно самостоятельное и своеобразное содержание.

Сравним теперь рассматриваемый нами экскурс с историческим экскурсом из более раннего «Письма к Цезарю». Они имеют некоторые черты сходства. В обоих экскурсах Саллюстий дает обзор исторического прошлого Римского государства, изображает картину современного ему упадка общества и анализирует причины этого упадка. Исторический экскурс «Заговора Катилины», несомненно, разработан более тщательно. То, что в раннем «Письме» дается намеком или одной фразой, то в «Заго-

²⁵ P l a t o. Leg., 681e — 682e, 701a — 702a.

²⁶ S a l l, Cat, 11, 1—6

воре Катилины» разрастается до целого описания. Такова, например, тема «золотого века», едва намеченная в раннем «Письме» и подробно развитая в экскурсе «Заговора Катилины».

Однако этим и исчерпывается сходство обоих исторических экскурсов. По своему содержанию, по основным идеям, заложенным в них, они глубоко различны. Бросается в глаза крайняя абстрактность и аполитичность изложения римской истории в «Заговоре Катилины». Если в историческом экскурсе раннего «Письма» мы имели указания на борьбу сословий, если там упоминались конкретные факты этой борьбы (например, сессия плебеев), то экскурс «Заговора Катилины» дает крайне отвлеченное, схематичное изображение истории Римского государства. За исключением Суллы, не упоминается ни одной исторической личности, сословная борьба выхолощена начисто, вся история разложения и упадка римского общества представлена как следствие борьбы абстрактных категорий, как победа честолюбия и корыстолюбия над древнеримской доблестью. Таким образом, если можно говорить о формальном или конструктивном сходстве экскурсов из раннего «Письма» и «Заговора Катилины», то по своему «идейному содержанию» они отнюдь не совпадают.

Наоборот, в смысле «идейного содержания» исторический экскурс «Заговора Катилины» является развитием того круга идей, той новой системы, первоначальный набросок которой Саллюстий дает в более позднем «Письме к Цезарю».

Система взглядов Саллюстия, изложенная в позднем «Письме», может быть определена как набросок учения об упадке нравов. Это учение получает наиболее полное выражение и развитие в экскурсе «Заговора Катилины». Во-первых, Саллюстий здесь подробно развивает тему «золотого века». Развитие этой темы обусловлено новыми воззрениями Саллюстия на разложение римского общества. Поскольку разложение общества ныне трактуется Саллюстием как состояние упадка нравов, то, естественно, возникает потребность в противопоставлении этой развращенной эпохе какого-то периода римской истории, когда люди не были еще развращены гибельными пороками и страстями, когда и в мирное время, и на войне культивировались добрые нравы, когда

существовало величайшее согласие, а корыстолюбие — лишь в самой ничтожной степени.

Остановимся несколько подробнее на картине разложения общества и на анализе причин разложения в историческом экскурсе «Заговора Катилины».

Начало разложения римского общества приурочивается Саллюстием к разрушению Карфагена. Основными причинами разложения являются две страсти, два порока, которые именно в это время развиваются в римском обществе: жажда власти — *ambitio* и страсть к деньгам — *avaritia*. Развитие первого порока привело к тому, что люди превратились в лжецов: имея на уме одно, на словах высказывают другое, расценивают дружеские или неприязненные отношения не по существу, а исходя из расчета, заботятся о привлекательности внешнего вида, а не внутреннего содержания. Второй, еще более губительный порок в корне подорвал верность, правдивость и прочие добрые навыки. Зато на первый план выдвинулись заносчивость и жестокость, пренебрежение к богам и уверенность в том, что все на свете продажно. Саллюстий посвящает несколько строк сравнению и описанию этих двух пороков: властолюбия и корыстолюбия, считая, что властолюбие (честолюбие) все же стоит ближе к добродетели, чем корыстолюбие²⁷.

Окончательное падение нравов в римском обществе Саллюстий связывает с диктатурой Суллы. После того как Сулла с оружием в руках вторично овладел государством, все предалось грабежам и разбоям. Победители (т. е. сулланцы), утратив всякое самообладание и чувство меры, совершали по отношению к согражданам отвратительные преступления и насилия. Даже римская армия, которая славилась когда-то закаленностью духа воинов, развратилась и, забыв обычаи предков, предалась роскоши и разврату.

И вот римское общество окончательно погрязло в пороках и преступлениях. Уважается лишь богатство, добродетель попрана, бедность считается позором, честность — как бы неблагонамеренностью.

Особенно неустойчивой оказалась молодежь, которая под влиянием алчности и роскоши пустилась, с одной стороны, на грабежи, с другой — на безумные траты,

²⁷ S a l l., Cat., II, 1.

забыла стыд и скромность и не желает подчиняться ни людским, ни божеским законам.

Если сравнить современные дома и виллы с храмами, построенными предками в честь богов, то не трудно убедиться, что предки старались украшать свои святилища набожностью, а свои жилища — славою. Потомки же этих благородных людей дошли до чудовищных извращений, само богатство для них — предмет дикой забавы, ибо чем иначе объяснить, что некоторые частные лица из прихоти срывают горы и застраивают постройками моря. Нет ничего удивительного в том, что в подобном обществе пышно расцвели разврат, половые извращения, чревоугодие и прочие пороки. Подобная жизнь, подобная обстановка сама толкает людей, в особенности молодежь, на преступления и беззакония^{27 а}.

Таковы картина упадка Римского государства и анализ причин разложения в историческом экскурсе «Заговора Катилины». Мы снова хотели бы подчеркнуть, что эта картина есть более полное воспроизведение наброска разложения общества из позднего «Письма». Вместе с тем следует указать на различие между этим отрывком и экскурсом более раннего «Письма». Там картина упадка отражала прежде всего два основных момента: слабость сената и развращенность народа, что и обуславливало тогда для Саллюстия разложение общества. Но в историческом экскурсе «Заговора Катилины» нет даже упоминания о сенате и народе. Все дело заключается в разложении нравственном, причем причиной подобного разложения выставляется борьба отвлеченных моральных категорий: победа *ambitio* и *avaritia* над древнеримской *virtus*. Снова картина разложения общества в «Заговоре Катилины» представляется нам крайней абстракцией, являясь в этом смысле как бы развитием традиций позднего «Письма», традиций «аполитичности».

На первый взгляд теория упадка нравов Саллюстия ставит в центр внимания отвлеченные моральные принципы и критерии. В трактовке римской истории факты социальной и политической борьбы выхолащиваются и подменяются борьбой этих моральных категорий. Основной причиной разложения Римского государства провозглашается упадок нравов. Таким образом, Саллюстий

^{27 а} S a 11., Cat., 12—13.

как будто отходит от конкретно-исторической и политически заостренной концепции Полибия, акцентируя и углубляя те элементы аполитичности, которые были даны в схеме Посидония.

Но теперь мы вправе поставить вопрос: не являются ли «абстрактность» и «аполитизм» Саллюстия своего рода дымовой завесой? Не есть ли это попытка завуалировать некоторые политические убеждения, а сама «абстрактная» теория упадка нравов — всего-навсего лишь фразеология, за которой можно вскрыть весьма конкретные политические симпатии и антипатии? Не является ли эта «надпартийность», этот «аполитизм», осторожностью опытного политика?

Нам представляется, что дело обстоит именно так. Картина упадка нравов в «Заговоре Катилины» изображает не разложение общества «вообще», не борьбу абстрактных категорий, как это может показаться на первый взгляд, а разложение вполне определенной группы, определенной прослойки римского общества. Это — картина разложения римского нобилитета.

Дальнейшее знакомство с материалом может лишь подтвердить наше предположение.

Действительно, как мы убедились выше, основной причиной, вызвавшей, по мнению Саллюстия упадок нравов в римском обществе было развитие *ambitio*, а затем *avaritia*. Но в какой же среде развились эти пороки? Отнюдь не прямо, а только намеками, косвенно Саллюстий дает возможность узнать его истинное отношение к этому вопросу.

Он указывает на то, что в результате развития упомянутых пороков власть в государстве вырождается из справедливой в самую жестокую и неприемлемую^{27 а}. Но если так, то упомянутые пороки характерны, как это и подчеркивает Саллюстий, в первую очередь для тех, кто стоит у власти. Кому же принадлежит власть в Римском государстве? Власть незаконно захвачена нобилитетом. Об этом Саллюстий совершенно прямо говорил еще в раннем «Письме»^{27 б}, в «Заговоре Катилины» можно встретить такие же не менее определенные высказывания²⁸.

^{27 а} S a 11, Cat., 10, 6.

^{27 б} Ep. II, 3; 11.

²⁸ S a 11., Cat., 38, 2—3.

Господство клики нобилитета становится особенно явным после того, как Помпей отправился на войну с пиратами и Митридатом. В руках олигархов сосредоточились государственные должности, управление провинциями и все прочее²⁹.

Но если *ambitio* и *avaritia* свойственны именно власть имущим, то из вышесказанного следует, что эти пороки, вызвавшие столь глубокий упадок нравов, характеризуют римский нобилитет. Неслучайно Саллюстий в историческом экскурсе подчеркивал, что окончательный распад общества начинается с эпохи сулланской диктатуры, предавшей государство нобилитету. Также неслучайно Саллюстий указывает, что именно действия Суллы побудили Катилину к его преступной попытке захватить власть, что Катилина рассчитывал на поддержку сулланских ветеранов³⁰.

Когда Саллюстий переходит к описанию тех безумных трат и роскоши, того преклонения перед богатством, которые пышно расцвели в Риме, он снова подразумевает насквозь безнравственную и продажную среду нобилитета. Это опять та же немногочисленная клика, которая благодаря своему богатству—а богатство ее единственная доблесть и достоинство—захватила власть и первенство в государстве. Говоря же о роскоши домов и вилл, о безумных предприятиях и тратах, вроде срытия гор и застройки морей, Саллюстий несомненно намекал на определенных, всем известных лиц, представителей нобилитета, хотя бы, например, на Лукулла.

Итак, оказывается, что в историческом экскурсе Саллюстий, рисуя картину развращенности и разложения римского общества, подразумевал не общество «в целом», а в первую очередь и главным образом среду нобилитета. Но в этом нас убеждает не только материал исторического экскурса.

Самый факт заговора, самая личность Катилины есть для Саллюстия явление закономерное и неизбежное, есть следствие морального разложения той среды, которая одна только и могла породить чудовище, подобное Катилине. Саллюстий сам подчеркивает, что Кати-

²⁹ S a l l., Cat., 39, 1—2

³⁰ Ibid., 5, 6; 16, 4.

лина был продуктом окружавшей его среды³¹. Что же это за среда? Как мы установили, общество, терзаемое подобными пороками — *luxuria* и *avaritia*, — это среда нобилитета. Да и сам Саллюстий дает совершенно четкий ответ на вопрос о том, какой средой был порожден Катилина: «Луций Катилина, происходивший из *знатного рода*» (*nobili genere natus*)³².

Таким образом, Катилина — порождение развратной среды нобилитета, в нем как бы персонифицированы все пороки этого сословия. У него извращенный характер, который сводит на нет все его природные дарования, его смолоду прельщают междоусобные войны, грабеж и убийства, он коварен, непостоянен, лжив, неискренен, жаден до чужого, расточителен в своем, неумерен в страстях³³. Почти в тех же самых выражениях перечисляются здесь Саллюстием качества и пороки, которыми он наделил римское общество «в целом» т. е. римский нобилитет.

Но Катилина для Саллюстия — типичный представитель нобилитета не только по характеру, но и по всем своим «устремлениям». Он обуян страстным желанием захватить государственную власть, он стремится к тирании, он не стесняется в выборе средств для достижения цели и наметил себе в качестве образца для подражания Суллу и его действия³⁴.

В связи с вышеизложенным небезынтересно отметить один момент, который, несмотря на его явную нарочитость и искусственность, до сих пор почему-то не отмечен никем из исследователей Саллюстия. Дело в том, что тезис Саллюстия: Катилина — закономерный продукт развращенной среды нобилитета, подчеркнут самим Саллюстием «конструктивно». Почему именно после 5-ой главы, где приведена характеристика Катилины, изложение прерывается и дается обширный исторический экскурс? Саллюстий сам объясняет это тем, что поскольку ему пришлось заговорить об общественных нравах, то необходимо вернуться назад и хотя бы вкратце рассказать о порядках, установленных предками, о том

³¹ Ibid., 5, 8.

³² Ibid., 5, 1.

³³ Ibid., 5, 4.

³⁴ Ibid., 5, 6.

как они управляли государством и как оно, постепенно изменяясь, превращалось из прекраснейшего в самое худшее и самое порочное³⁵.

Но дело не только в том, что исторический экскурс повествует о «прошлых порядках» и о том, как «государство из прекраснейшего превратилось в самое худшее и самое порочное»: этот рассказ имеет определенную целеустановку. Он «увязан» с личностью Катилины, он должен показать развращенность и разложение именно той социальной среды, продуктом которой явился Катилина, должен исторически обосновать развитие тех пороков римского нобилитета, персонификацией которых опять-таки оказывается Катилина. Глава 5-я — это характеристика Катилины, главы 6—8-я — характеристика той социальной среды, которая породила Катилину. Он плоть от плоти, кровь от крови этой среды, в нем, как в микрокосме, сконцентрированы все характерные черты, все пороки людей этого класса, в нем есть все, что характерно для них, и ничего, чего бы у них не было. Вот почему исторический экскурс вставлен именно после характеристики Катилины. Саллюстия нужно было показать, как в результате разложения нобилитета исторически и неизбежно сложился такой социальный тип, как Катилина.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что Саллюстий всячески старается подчеркнуть знатность происхождения заговорщиков, т. е. непосредственного окружения Катилины, его «среды». В изображении Саллюстия нобилитет является основной руководящей силой в заговоре. Саллюстий подробно перечисляет наиболее видных деятелей заговора: П. Лентула Суру, П. Аврония, Л. Кассия Лонгина, Г. Цетега, Публия и Сервия Суллу³⁶, Л. Варгунтея, Кв. Анния, М. Порция Леку, Л. Бестию, Кв. Курия — и указывает, что все они были из сенаторского сословия; затем М. Фульвия Нобилиора, Л. Статилия, П. Габиния Капитона и Г. Корнелия, которые были из всаднического сословия, и, наконец, упоминает о «массе провинциалов» из колоний и муниципиев, не преминув указать, что и они были у себя знатными людьми. Но, кроме них, в заговоре было замешано значительное

³⁵ Sall., Cat., 5, 9.

³⁶ Сыновья Сервия Корнелия Суллы, т. е. племянники Луция Корнелия Суллы.

число более тайных участников, тоже из среды нобилитета, а что касается молодежи, то большая часть юношества, особенно из среды нобилей, благоприветствовала начинаниям Катилины³⁷. Другие сторонники Катилины снабжаются также характеристиками, где подчеркивается их принадлежность к нобилитету. Так, про участника первого заговора Гн. Пизона говорится: знатный юноша, необычайной дерзости, энергичный. Упомянутый уже Кв. Курий характеризуется как человек достаточно видного происхождения и указывается на его связь с Фульвией, знатной женщиной. И, наконец, в речи, вложенной в уста Катона, заговор прямо расценивается как дело рук нобилитета: «Знатнейшие граждане составили заговор, чтобы уничтожить родину в огне»³⁸. Таким образом, едва ли возможно сомневаться в том, что Саллюстий хочет представить заговор Катилины как преступную попытку со стороны представителей нобилитета узурпировать государственную власть и установить открытую тиранию.

В заключение нам хотелось бы указать на одно существенное обстоятельство. Оно заключается в том, что в «Заговоре Катилины» характеристика разложения «народа» выделена в самостоятельное отступление, в главы 37—38. Поскольку это так, то очевидно, что в историческом экскурсе, т. е. в главах 10—13, подразумевается именно среда нобилитета.

Теперь возможно сделать твердый вывод. Изображая упадок нравов в «Заговоре Катилины» и анализируя причины этого упадка, Саллюстий пользовался «абстрактной» фразеологией лишь в качестве дымовой завесы для прикрытия своих нападков на нобилитет, выявляя на самом деле растущее в нем убеждение, что римское общество было приведено к гибели в результате развращенности и безнравственности нобилитета. Нобилитет для Саллюстия является главной причиной разложения, нобилитет — конкретный носитель зла, язва, разъедающая римское общество. И вся история Рима излагается как история падения нравов (если сохранить «дымовую завесу»), или, что по существу одно и то же, как история «злокозненности» нобилитета (если «дымовую завесу»

³⁷ S a l l , Cat., 17, 3—6.

³⁸ Ibid , 52, 24.

отбросить). Труд Саллюстия «Заговор Катилины» есть попытка построить серьезный обвинительный акт против нобилитета, к тому же исторически «обоснованный», ибо исторический экскурс и должен доказать глубокую закоренелость, «извечность» злокозненности нобилитета. Так Саллюстий использует отвлеченную, абстрактную, на первый взгляд, теорию упадка нравов в качестве орудия острой партийной борьбы.

Дальнейшее развитие политических воззрений римского историка может только подтвердить наше понимание позиций Саллюстия в отношении нобилитета. Если, как мы только что установили, «Заговор Катилины» можно назвать скрытой инвентивой против нобилитета, то более поздние произведения Саллюстия — «Югуртинская война» и «Истории» — это уже явное, ничем не прикрытое нападение на политического врага.

В самом начале «Югуртинской войны», говоря о мотивах, побудивших его заняться историей этой войны, Саллюстий совершенно недвусмысленно заявляет: «Я буду описывать войну, которую римский народ вел с Югуртой, царем нумидийцев; во-первых, потому, что она была велика и жестока и победа клонилась то на ту, то на другую сторону; затем потому, что тогда было впервые оказано сопротивление господству нобилитета»³⁹. Таким образом, получается, что даже цель написания исторической работы о Югуртинской войне заключалась в показе истоков борьбы с нобилитетом и в обличении злокозненности последнего.

Обращение к историческому экскурсу «Югуртинской войны» может еще раз убедить нас в том, что главным носителем зла для Саллюстия оказывается все тот же нобилитет. В этом экскурсе римская история излагается как история борьбы между плебсом и нобилитетом, причем плебеи борются за свои «права», а нобилитет творит беззакония. Недаром, говоря об убийстве Гракхов и о «беззаконном торжестве» нобилитета, Саллюстий делает следующий вывод: «Такие вещи очень часто губили великие государства»⁴⁰. Во фрагментах экскурса «Историй» Саллюстий еще более четко ставит вопрос о приращенности зла свойственной человеческой природе, подразу-

³⁹ S a l l , I u g . , 5, 1—2.

⁴⁰ I b i d , 42, 4.

мевая на самом деле «природу» римского нобилитета: «у нас первые разногласия были результатом порочности человеческой природы»⁴¹. Затем он показывает, в чем заключались эти «разногласия» и кто был их виновником. Оказывается, эти «разногласия» есть не что иное, как извечная борьба сословий в римском обществе, борьба плебеев против патрициев, борьба народа против нобилитета за узурпированную последним власть и права.

Ценность фрагментов экскурса «Историй» заключается, между прочим, в том, что они совершенно ясно дают понять, на чьей стороне симпатии Саллюстия и чье дело он считает правым. Когда Саллюстий говорит, что отцы властвовали над плебеями, как рабами, то ясно, что он на стороне плебеев; когда Саллюстий рассказывает о сецессии и возникновении должности народных трибунов⁴², то и здесь явно проглядывает сочувствие к плебсу, который борется за «права», а не творит беззакония, как это делает аристократия.

Для того чтобы покончить с вопросом об отношении Саллюстия к нобилитету и подвести некоторые итоги, следует остановиться на речах Меммия и Мария из «Югуртинской войны». В этих речах Саллюстием мобилизован весь арсенал обвинений против нобилитета.

Схема речи Меммия приблизительно такова. Он начинает ее с того, что обращается к народу, упрекая его в бездеятельности, политической индифферентности, в рабском подчинении нобилитету. Затем Меммий дает обзор преступных деяний нобилитета в отношении народа, говорит об убийстве Г. Гракха и М. Фульвия, о разграблении народных денег, о господстве кучки честолюбцев и корыстолюбцев.

После этого Меммий переходит к изображению безотрадной и мрачной картины современного ему разложения общества, т. е. непосредственного и неизбежного следствия из вышеизложенных преступных действий нобилитета. Подкупные, развратные представители нобилитета, находящиеся у руля правления продают ныне с торгов законы и величие Римского государства заклятым врагам Рима. Вся власть сосредоточена в руках убийц и гонителей народа. Их правление — по существу преступ-

⁴¹ S a 11, Hist., I, 7.

⁴² Ibid., I, 11.

ный заговор (*factio*) против римского народа, и нобилитет есть не что иное, как кучка преступных заговорщиков (*factiosi*). Меммий проводит яркое сопоставление бесправия плебеев с преступным и незаконным господством нобилитета и предлагает выступить против него, избрав в качестве пробного камня дело Югурты⁴³.

Заключительным аккордом этой речи служит гневное обличение узурпаторских действий нобилитета, призыв к народу стряхнуть с себя политическую индифферентность и, наконец, указание на то, что борьбу следует вести до конца, непримиримо, ибо всякий компромисс приведет к полному краху дела⁴⁴.

Мы намеренно дали изложение речи Меммия несколько схематично. Дело в том, что самая конструкция, самое построение речи представляют значительный интерес. Речь, как нетрудно убедиться, построена по схеме исторических экскурсов, в частности экскурса из «Югуртинской войны». Речь Меммия — как бы дублет, корректив исторического экскурса, но сделанный с еще более четкой и непримиримой партийной установкой, чем сам экскурс.

Речь Мария также является блестящей инвективой против нобилитета. Но она построена в ином плане и дополняет собою речь Меммия. Если речь Меммия есть некое «историческое доказательство» злокозненности нобилитета, некий исторический обзор его преступных деяний, то речь Мария является теоретическим и принципиальным обоснованием этой злокозненности. В ней сделана попытка развенчать и окончательно дискредитировать самый принцип, на котором держится понятие *pobilitas*.

Марий начинает речь с того, что высокое звание консула, полученное им по милости народа, налагает на него ряд ответственных обязанностей. Он указывает на особую трудность своего положения: другие могут рассчитывать на древность происхождения, выдающиеся подвиги предков, на средства друзей и родственников, на множество клиентов. Он же может надеяться только на самого себя, на собственную доблесть и правоту. Трудность положения Мария усугубляется еще тем, что нобилитет, конечно, только и ждет случая, чтобы использовать какой-нибудь его промах или недостаток и погубить его,

⁴³ S a 11, Iug, 31, 18—19.

⁴⁴ Ibid, 31, 20—22

но он, привыкнув с детства к трудам и опасностям, останется тверд, непоколебим и не свернет с пути добродетели⁴⁵.

После этого вступления Марий переходит к главной части речи, к построению «принципиального» обвинения против нобилитета. Обязанность вести войну с Югуртой, говорит Марий, возложена на него к величайшему неудовольствию нобилей. Но разве было бы лучше избрать для выполнения этой сложной задачи человека древнего рода, имеющего длинный ряд фамильных изображений, но вместе с тем совершенно неспособного к ведению войны? Такие люди все равно вынуждены перепоручать фактическое ведение военных действий другим лицам, или же они бросаются штудировать труды греческих теоретиков военного искусства, наивно надеясь, что это заменит недостающий им практический опыт. Марий просит сравнить его, человека незнатного происхождения, с подобными людьми. То, о чем эти люди знают лишь из книг, он испытал на практике, на поле сражения. Пусть они презирают его за незнатность происхождения, он может отплатить им еще бóльшим презрением за их неспособность и ничтожность, тем более что в первом виновата судьба, а во втором они сами. Свое рассуждение Марий заканчивает следующей замечательной фразой, в которой кратко формулируется основная, ведущая мысль всей речи: хотя я полагаю, что природа едина и обща у всех, все же я думаю, что достойнейший и есть благороднейший⁴⁶.

Далее Марий развивает эту мысль. Он доказывает, что благородство завоевывается славными деяниями и представители так называемых благородных родов всецело обязаны этим своим «благородством» славным подвигам предков, которые тоже когда-то были неизвестными и «неблагородными». Поэтому представители нобилитета совершенно напрасно надеются беспрестанным упоминанием о подвигах предков увеличить собственный авторитет, наоборот, славная жизнь и деяния их предков еще более оттеняют позорное бездействие ничтожного потомства⁴⁷.

⁴⁵ Ibid., 85, 4—9.

⁴⁶ Ibid., 85, 15—16.

⁴⁷ Ibid., 85, 18—24.

Затем Марий говорит, что «благородство» его рода начинается с него самого; поэтому он не в состоянии представить фамильные портреты, но зато может продемонстрировать полученные им самим военные трофеи, почетные награды и раны, нанесенные ему спереди. Речь его конечно, недостаточно изыскана, он не изучал правил греческого красноречия, однако, по его мнению, от подобного изучения люди не становятся ни добродетельнее, ни лучше. Взамен этого он в совершенстве изучил науку, которая более полезна для отечества, науку войны, науку побед. На войско он может действовать своим личным примером, он будет делить с ним все невзгоды и трудности похода. Так следует поступать военачальнику, так именно поступали предки, и этим они прославили себя и возвеличили Римское государство ⁴⁸.

Наконец, Марий обрушивается на образ жизни представителей нобилитета и противопоставляет нравы и обычаи, царящие в их развращенной среде, своему образу жизни. Эти люди унаследовали от предков знатность и богатства, унаследовали все, кроме добродетели. Они проводят жизнь среди пиров, роскоши и разврата. Но пусть бы так было и впредь! Марий говорит, что он не променяет военные труды, пыль и пот на эти роскошные пиршества, ибо истинная доблесть ищет славы в оружии, а не в роскошном образе жизни. Но все дело в том, что эти презренные хотят отнять у людей достойных то, что заслужено трудами и доблестью. Этого уже нельзя терпеть, ибо это обращается во вред самому государству ⁴⁹.

Заключение речи посвящено перспективам дальнейших военных действий против Югурты, которые рисуются Марием в весьма оптимистических тонах. После того как командование передано ему, Марию, война несомненно должна окончиться победой, ибо у Югурты отнимается его лучшая защита: корыстолюбие, надменность и неопытность римских военачальников. Следовательно, победа близка, а вместе с ней — добыча и слава ⁵⁰.

Таково содержание речи Мария. Эта речь — не только злейшая инвектива против нобилитета, где развенчивает-

⁴⁸ S a l l., Iug., 85, 25; 29—36.

⁴⁹ Ibid., 85, 37—43.

⁵⁰ Ibid., 85, 44—50.

ся все, что составляет гордость данного сословия, все на чем держится самое понятие «нобилитет», но одновременно это панегирик жизнеспособности, энергии «новых людей», выходцев из широких слоев народа, к которым принадлежит и сам Марий. Речь Мария с ее принципиальной и даже философской окраской, с ее необычайной политической направленностью как бы подводит окончательный итог отношений Саллюстия к нобилитету.

Таково развитие этих отношений. Точка зрения Саллюстия, сформулированная в его первой исторической монографии, в «Заговоре Катилины», в форме абстрактной теории упадка нравов, выступает в более поздних произведениях римского историка уже вполне обнажено — в совершенно конкретных и политически заостренных понятиях и лозунгах. Эта примечательная эволюция несомненно тесно связана с дальнейшим развитием общеполитических воззрений Саллюстия.

Учение о смешанной форме государственного устройства

Учение о смешанной форме государственного устройства играло определенную и весьма заметную роль в политических теориях древности. Оно возникло в качестве составной части этих теорий еще у древнегреческих мыслителей (в частности у пифагорейцев, Платона, Аристотеля) и получило свое развитие в политико-философских концепциях эллинистического (например Полибия) и римского времени. Важное место это учение занимает и в диалоге Цицерона «О государстве» (*De re publica*).

Центральной идеей того раздела диалога Цицерона, который сам автор определял как раздел, посвященный проблеме наилучшего государственного строя (*de optimo statu civitatis*)¹, следует считать учение о смешанной форме правления. Наиболее развернутое определение этой формы Цицерон дает в конце первой книги, говоря, что из трех простых форм наилучшей он считает царскую, но ее превосходит такая, которая равномерно и в правильных пропорциях сочетает три лучшие формы общественного устройства. Здесь же поясняется, какие именно начала должны войти в качестве компонентов в эту смешанную форму, как они должны сочетаться друг с другом и взаимно умерять друг друга: желательно, чтобы в государство входило нечто выдающееся и свойственное царской власти, нечто, характеризующее авторитет правления первых людей, и, наконец, нечто близкое к контролю над делами по воле и усмотрению большинства².

Преимуществами этого смешанного устройства является, во-первых, некое «великое» равенство, которое не может быть продолжительное время уделом простых

¹ C i c., *Ad Q. fr.*, III, 5, 1.

² C i c., *De rep.*, I, 45, 69

форм государственного устройства, а затем — прочность, тоже такое свойство, которым едва ли могут похвалиться простые формы, слишком легко вырождающиеся в свою противоположность. Для смешанной формы подобное вырождение почти исключено (оно может иметь место лишь при каких-то особых пороках правителей!), ибо «нет причины для переворота там, где каждый прочно занимает свое место, и нет формы, в которую она могла бы выродиться»³. Однако к этому развернутому определению смешанного государственного устройства Цицерон подходит далеко не сразу. Значительная часть первой книги посвящена сравнительному описанию простых форм.

Проследим, как развивается рассуждение главного участника диалога (Сципиона) о государстве. После предварительных замечаний относительно самого названия *res publica*, проблемы возникновения (в силу природного социального влечения!) и определения существа *res publica* (совокупность людей, связанных воедино общностью правосознания и интересов), причем эти соображения даны весьма кратко, Сципион переходит к определению основных типов государственного устройства. Им устанавливаются три простые формы: монархия (или царство) аристократия и демократия⁴. Ни одна из них для Сципиона не является совершенной; он считает их терпимыми, однако подчеркивает их недостатки, в особенности, тот главный порок, что каждая из этих форм, взятая в отдельности, не имеет устойчивости и легко переходит в извращенную форму. Так возникают своеобразные циклы и кругообороты сменяющих друг друга государственных форм, от которых застрахована лишь некая четвертая форма государственного устройства, т. е. смешанная, состоящая из трех названных⁵.

После этого введения Сципион, казалось бы, должен был привести определение смешанной формы. Но здесь другой участник диалога — Лелий — обращается к нему с просьбой ответить, какую из трех простых форм Сципион считает наилучшей. В середине этого обращения

³ Ibidem

⁴ Ibid, I, 26, 42

⁵ Ibid, I, 29, 45.

текст обрывается. Сципион, как явствует из дальнейшего, соглашается ответить, но говорит, что ответ не так прост, ибо мнения расходятся, и излагает сначала точку зрения сторонников демократии (здесь текст восстанавливается), затем — сторонников правления оптиматов, но сам не высказывается ни за, ни против и уклоняется от оценки. Тогда Лелий снова спрашивает его, какую же форму он одобряет более всего. С оговоркой о предпочтении смешанной формы (это, конечно, ослабляет последующее заключение), Сципион говорит, что из простых форм он более всего одобряет царскую. Затем с помощью различных примеров и аналогий он пытается убедить Лелия в правильности этой мысли и снова подходит к вопросу о различных вырождениях простых государственных форм, по сравнению с которыми только смешанная форма является устойчивой. Как и в начале диалога, необходимость смешанной формы выводится главным образом из факта неустойчивости форм простых. И только после этого Сципион, наконец, дает развернутое определение смешанного государственного устройства и описывает его преимущества.

Благодаря подобному методу изложения как бы подчеркивается и оттеняется тот факт, что смешанная форма, с одной стороны, свободна от недостатков чистых форм, а с другой — объединяет в себе все их преимущества. Но, вообще говоря, недостатки и невыгоды чистых форм рассматриваются довольно кратко, значительно подробнее обсуждается опасность их постоянной смены. Однако неустойчивость этих форм, с точки зрения Цицерона, один из основных, но отнюдь не единственный недостаток. Смешанное устройство замечательно не только своей прочностью, но и осуществлением идеи справедливости, а простые (или чистые) формы далеко не совершенны в этом смысле, не говоря уже об их склонности к вырождению.

Таковы главные положения речи Сципиона, примеряющего идею о смешанном государственном устройстве к римскому обществу. Вероятно, неслучайно Цицерон вкладывает изложение этой теории в уста Сципиона, в кружке которого подобные проблемы, как это видно хотя бы на примере политических воззрений Полибия, несомненно дебатировались. Остановимся теперь на источниках этого учения.

Нам известно, что идея смешанной формы правления разрабатывалась греческой философской мыслью еще до Платона и Аристотеля. Так философ-пифагореец Архит говорил, что «наилучшее государственное устройство должно состоять из соединения всех других политических форм, должно заключать отчасти демократию, отчасти олигархию, монархию и аристократию»⁶.

Более широкое развитие это воззрение получило в сочинении о государстве другого пифагорейца — Гипподама, который считал: «Законы особенно будут прочны в том случае, если государство имеет характер смешанный и составлено из всех других форм государственного устройства». Гипподам довольно подробно объяснял выгоды сочетания этих «других форм», т. е. царской власти, аристократии и демократии⁷.

У Платона мы не встречаем развернутого определения смешанной формы, но в «Законах», где идет речь о различных формах правления, имеется следующее, правда, довольно беглое, указание: «Мы должны сказать, что есть еще и третья форма государственного устройства, в которой заключаются все виды и случайности остальных форм»⁸.

Аристотелю также знакомо учение о смешанной форме, и он высказывается на эту тему более определенно: «Некоторые полагают, что лучшее политическое устройство — смешанное из всех. Поэтому они хвалят политическое устройство Лакедемона. Итак, вообще говоря, те, кто думает, что следует соединять различные формы государственной жизни, рассуждают правильнее, ибо политическое устройство, сложенное из многих других, действительно лучше»⁹. К числу государств, в которых этот принцип нашел себе практическое применение, Аристотель относил, кроме Лакедемона (монархический элемент — цари, аристократический — герусия, демократический — эфоры), также Крит, Карфаген и даже законодательство Солона считал не чуждым этого принципа¹⁰.

⁶ См. обзор этих высказываний: С. Вехов. Сочинение Цицерона «О государстве». СПб., 1882.

⁷ Stob., Floril., p. 251.

⁸ Plato. Leg., III, 681.

⁹ Arist., Polit., II, 3.

¹⁰ Ibid., II, 7—9.

К римской же конституции — для ее характеристики и для объяснения причин величия Рима — учение о смешанной форме было, как уже указывалось, впервые применено Полибием. Он тоже отмечает достоинства лакедемонской конституции, учрежденной Ликургом, который, понимая, что «всякий вид государственного устройства, простой и опирающийся на одну силу, опасен»¹¹, соединил все достоинства лучших политических форм воедино, «чтобы ни один из элементов государственной власти не мог склониться к свойственному ему пороку, чрезмерно усилившись, но чтобы государство, уравновешенное одинаковыми тяжестями, существовало как можно долее»¹².

К той же цели, по мнению Полибия, направлено и римское государственное устройство — «самое лучшее из всех, какие были на нашей памяти»¹³ и в котором три простые формы соединены с таким искусством (монархический элемент — консулы, аристократический — сенат, демократический — комиции), что ни одной из них не отдается видимого предпочтения.

Таковы вкратце высказывания греческих авторов о смешанном государственном устройстве. Из них, если говорить об источниках Цицерона в трактате «О государстве», следует, очевидно, назвать в первую очередь Платона (что неоднократно подчеркивается самим Цицероном) и Полибия.

Когда говорят о Цицероне как о мыслителе, то почти всегда указывают, что он был эклектиком. Но если это и так, то все же это не дает еще достаточных оснований считать его всего лишь компилятором. Отношение Цицерона к своим источникам — сложное, переходящее иногда в прямую полемику. Нам, конечно, трудно судить об этом в тех случаях, когда самые источники до нас не дошли или сохранились в крайне незначительных фрагментах и пересказе (как, например, Хрисипп, Панетий, Посидоний, Антиох Аскалонский); но когда речь идет о таких источниках, как Полибий или Платон, то отношение к ним со стороны Цицерона может быть показано на ряде примеров и достаточно наглядно.

¹¹ Polyb., VI, 10.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid., VI, 11.

Что касается Полибия и центрального раздела его историко-философской концепции — учения о смешанном государственном устройстве, то Цицерон, как мы уже могли убедиться, во многом следует этому своему источнику. Пожалуй, наиболее важным в данном случае следует считать то обстоятельство, что он примыкает к Полибию в стремлении видеть смешанный строй осуществленным на историческом примере Римского государства.

Однако, следуя за Полибием, Цицерон все же иногда отходит от него в сторону. Так, для Полибия круговорот простых форм обусловлен, собственно говоря, единственной причиной — неустойчивостью этих форм. Цицерон же, рассуждая об основах смешанного устройства, на первое место, как мы видели, ставит «великое равенство» и только потом переходит к «прочности». Конечно, Цицерон понимает «великое равенство» достаточно своеобразно. Это, безусловно, не равенство в области имущественных отношений или в смысле равенства способностей, но скорее равенство прав, предполагающее, однако, определенную градацию «по достоинству».

Таким образом, Цицерон, по выражению И. Фогта, отходит от Полибиева «биологического» схематизма, особенно в тех случаях, когда говорит о возможности для политического деятеля влиять на смену государственных форм и даже в какой-то мере ее направлять¹⁴. Кроме того, у Полибия прочность смешанного устройства соотнесена лишь с естественной порой его «цветания» (т. е. опять-таки определяется «биологическими» факторами), тогда как Цицерон допускает в принципе «вечное» существование государства со смешанным устройством. Такое государство ничто не может поколебать или разрушить, если только не какие-то роковые ошибки его руководителей.

Своеобразное отношение Цицерона к источникам еще более ярко проявляется, когда возникает вопрос о влиянии Платона. Последнее отнюдь не исчерпывается только теми случаями (кстати сказать, довольно многочисленными), когда сам Цицерон его отмечает и подчеркивает. Более того, оно также может быть прослежено, так сказать, по двум противоположным направлениям: там,

¹⁴ J. Vogt. Ciceros Glaube an Rom Darmstadt, 1963, S 87 ff

где Цицерон следует за своим источником, и там, где он фактически с ним полемизирует.

Прежде всего принципиально различным оказывается — об этом уже вскользь говорилось — общее представление о государстве. Если идеальное государство Платона (в «Государстве» и даже, в какой-то степени, в «Законах») имеет значение лишь абсолютной (и отвлеченной) нормы, то совершенное государство Цицерона есть построение, пригодное именно для Рима и даже связанное с определенной исторической эпохой. Государство Платона — идея, государство Цицерона — историческая реальность. Цицерон рассматривает развитие и смену простых форм не вообще, но на примере истории Рима. Основными пороками этих форм, как только что говорилось, являются их «несправедливость», их неустойчивость, и только смешанная форма может считаться и справедливой, и устойчивой, причем эта устойчивость превращается у Цицерона в незыблемость и даже вечность. «Ибо государство,— пишет он,— должно быть устроено так, чтобы быть вечным»¹⁵; или: «Я все же тревожусь за наших потомков и за бессмертные государства, которое могло бы быть вечным, если бы люди жили по заветам и обычаям отцов»¹⁶.

Известно, что Цицерон дополнил свой труд «О государстве» вторым сочинением «О законах», следуя образцу Платоновых диалогов. К этому, несомненно, можно добавить, что сама литературная форма диалога тоже заимствована у Платона. Однако и на этом примере нетрудно показать своеобразное отношение Цицерона к источникам. Так, если в диалоге «О государстве» имеются чисто внешние и формальные «совпадения» с «Политией», то даже и в этих случаях все переделано на «римский лад». У Платона диалог происходит на празднике фракийской богини, в доме у человека, не являющегося даже гражданином Афин, у Цицерона — во время Латинских празднеств, в доме первого гражданина и государственного деятеля — Сципиона Эмилиана. Это придает всему диалогу чисто римскую окраску. Платон, как известно, заключает свой диалог апофеозом, в котором выступает некий воин, павший в бою и очну-

¹⁵ Cic., *De rep.*, III, 23, 34.

¹⁶ *Ibid.*, III, 29, 41.

шийся от десятидневной «смерти»; Цицерон дает в заключение беседу между двумя героями Рима и мотивирует ее введение вполне правдоподобным образом, т. е. сновидением. У Платона произведение кончается апофеозом философа, у Цицерона — апофеозом государственного деятеля.

Приведенные места являются примерами как бы «скрытой полемики». Но в трактате «О государстве» наряду с самой высокой оценкой Платона можно встретить также прямые и открытые выпады против него. Так, Цицерон (устаами Сципиона) заявляет, что ему легче следовать избранной им теме, показав Римское государство на различных стадиях его развития, чем рассуждать о каком-то вымышленном государстве, как это делает Сократ у Платона¹⁷.

Полемика против Платона незаметно перерастает в полемику вообще против греческих образцов и канонов. Весьма показательна приводимая в самом начале II книги трактата апология Катона Старшего, этого «истинного римлянина», врага растлевающих иноземных влияний. Ссылаясь именно на него, Цицерон (устаами Сципиона) рассуждает о преимуществах Римского государства по сравнению с Критом, Спартой, Афинами, государственный строй которых всегда зиждился на законах и установлениях, введенных отдельными деятелями. «Напротив, наше государство,— говорит Цицерон,— создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений»¹⁸.

Не менее полемический характер носит и рассуждение о выборе места для основания города, будущего Рима. В данном случае явно ощущается стремление противопоставить Рим греческим приморским полисам. В этом же плане воспринимается и противопоставление выборной царской власти, существовавшей, по мнению Цицерона, у древних римлян, принципам Ликурга, который якобы настаивал на том, что цари не могут быть избираемы, коль скоро они должны принадлежать к роду, ведущему свое начало от Геркулеса. Наконец, одним

¹⁷ Ibid , II, 1, 3

¹⁸ Ibid , II, 1, 2.

из наиболее ярких примеров полемики с греческими образцами и вместе с тем примером восхваления римской самобытности может служить отрицание Цицероном той версии, что Нума Помпилий был учеником Пифагора (или хотя бы его последователем). Это рассуждение заключается весьма характерным пассажем: «Меня радует, что мы воспитаны не на заморских и занесенных к нам науках, а на прирожденных и своих собственных доблестях»¹⁹.

Таково довольно сложное, своеобразное отношение Цицерона к греческим образцам и источникам, и в первую очередь к Платону и Полибию. Но все же основные идеи политико-философского учения Цицерона были, конечно, заимствованы им из сферы греческого политического мышления, и с этим фактом нельзя не считаться.

В заключение следует остановиться на вопросе, который тесно связан со всем предыдущим. В каком соотношении находятся теоретические построения Цицерона с его практическими политическими позициями? Существует ли подобная связь вообще и в чем она выражается?

Так как для Цицерона его совершенное государство — отнюдь не отвлеченная идеальная норма, но совершенно реальный и исторический факт, то и смешанное устройство было, по его мнению, воплощено в жизнь в истории Рима. Конечно, воплощение это относится к прошлому (опять-таки *locus communis* почти всех аналогичных построений древних), ко времени предков (*maiores*). Подкрепляя это мнение ссылкой на авторитет Панетия и Полибия, Цицерон говорит, что наилучшим состоянием государства было то, какое римлянам оставили их предки²⁰. В конце первой книги трактата «О государстве», именно там, где Сципион считает нужным перейти к изложению конкретно-исторического материала, снова подчеркивается, что смешанное устройство для определенного периода истории Рима было вполне реальным фактом²¹.

Что же это за период? Обычно в построениях подобного рода период наивысшего расцвета, «золотой век»,

¹⁹ Cic., *De rep.*, II, 15, 29

²⁰ *Ibid.*, I, 21, 34

²¹ *Ibid.*, I, 46, 70

относят к древнейшим временам. У Цицерона это не так. Наоборот, у него можно встретить определенные указания на то, что в эпоху царей или ранней республики положение государства было недостаточно устойчивым. Правда, эта точка зрения высказывается как бы сторонниками демократии; Цицерон может ее не разделять, но следует обратить внимание на момент, который неоднократно подчеркивается уже самим Цицероном: смешанное государственное устройство в Риме устанавливается постепенно, на протяжении веков и жизни многих поколений²².

Трактат «О государстве», как уже говорилось, полностью не сохранился, и одна из больших лакун приходится именно на те разделы, в которых, по-видимому, было развернуто описание эпохи расцвета. Но нет оснований сомневаться в том, что Цицерон имел в виду Римское государство, строй, созданный предками (*maiores*) и просуществовавший до времени Гракхов, до того, как «смерть Тиберия Гракха и еще раньше все его стремления как трибуна разделили единый народ на две части»²³. Если говорить о хронологических рамках этого периода процветания, то, очевидно, следует иметь в виду отрезок римской истории от окончания борьбы между патрициями и плебеями и до движения Гракхов.

Так локализуется во времени эпоха осуществления или воплощения смешанного устройства в истории Рима. Какова же наиболее характерная черта этого устройства, т. е. тот практический результат, то общественное, государственное «благо» в его конкретном и практическом преломлении, во имя которого смешанный строй и должен быть установлен. Касаясь этого вопроса, мы вплотную подходим к определению основных политических лозунгов, политических позиций самого Цицерона. Ибо его политическим кредо, верность которому он сохранял на протяжении почти всей жизни и политической деятельности, был лозунг «согласия сословий» (*concordia ordinum* или *consensus bonorum omnium*). Недаром во второй книге диалога «О государстве» дается чрезвычайно поэтичное, даже вдохновенное сравнение гармонии в области музыки и пения с гармонией сосло-

²² Ibid., II, 1, 2; ср. II, 21, 37.

²³ Ibid., I, 19, 31.

вий: «Так и государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий..., стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал]»²⁴.

Какой реальный смысл вкладывал сам Цицерон в этот свой излюбленный лозунг и на каких основаниях могло, с его точки зрения, существовать и укрепляться согласие *всех* сословий?

Как только что было отмечено, лозунг *concordia ordinum* появился лишь в определенный момент политической деятельности Цицерона. В своих первых речах он выступает в роли разоблачителя нобилитета. И только впервые в 66 г., в его речи в защиту Клуенция, появляется идея блока между сенаторами и римскими всадниками²⁵. В дальнейшем этот лозунг становится лейтмотивом почти всех политических выступлений Цицерона. Особенно горячо он пропагандирует его в годы своего консульства, в период борьбы с Катилиной. Уже в первой речи против Катилины говорится о необходимости единения сенаторов, всадников и всех «честных людей» с целью борьбы против общего врага²⁶, а в четвертой речи против Катилины дается совершенно апологетическое описание той *concordia ordinum*, какой охвачены все слои населения, начиная от возродившегося союза между сенаторами и римскими всадниками и кончая отношением к заговору со стороны вольноотпущенников и даже рабов²⁷.

Лозунг *concordia ordinum* — в том или ином аспекте — звучит в речах Цицерона после его возвращения из изгнания, в годы «анархии», после смерти Цезаря и, наконец, в «Филиппиках», где он призывает всех «честных людей», все сословия объединиться против нового тирана — Антония.

Каков же в действительности реальный смысл этого лозунга, который Цицерон считал возможным провозглашать и отстаивать в самых различных политических ситуациях, в самой изменчивой политической обстановке?

Мы не будем выяснять такой интригующий, но мало уловимый момент, как внутренняя убежденность Цице-

²⁴ C i c., De rep., II, 42, 69.

²⁵ C i c., Pro Cluent., 55, 152.

²⁶ C i c., In Cat., I, 13, 32.

²⁷ Ibid., IV, 7, 14—8, 16.

рона в правоте этого лозунга, т. е. искренность его веры в возможность единения всех сословий. Это, в конце концов, момент второстепенный, хотя вся практическая сторона деятельности Цицерона, а также некоторые откровенные высказывания в его частных письмах едва ли могут оставить сомнения на этот счет²⁸. Важнее другое. Объективный смысл и политическая сила лозунга состояли в том, что он в условиях современной Цицерону римской действительности, в условиях напряженной борьбы политических группировок и их главарей, наконец, в условиях гражданской войны мог звучать, как лозунг «надпартийный», поднимающийся над «частными» интересами и распрями, во имя интересов «отечества» в целом. Конечно, и это достаточно известно, понятие отечества для Цицерона отождествлялось с понятием сенатской республики, и когда он скорбит о «гибели отечества», он имеет в виду гибель традиционного сенатского режима; но это отнюдь не снижало политической привлекательности лозунга в глазах его современников. Недаром в толпе, заполнившей улицы Рима после убийства Цезаря, раздавались призывы к свободе и часто называлось имя Цицерона. Он не принадлежал к заговорщикам и ничего не сделал для свержения тирана», но имя его в такой момент приобрело особое обаяние: оно было символом республики, а не той или иной «партии»; оно напоминало о благе и интересах «отечества» в целом.

Кроме того, когда мы говорим, что Цицерон был сторонником «сенатской республики» или «сенатского режима», то это не следует понимать в том смысле, что он выражал интересы выродившейся сенатской олигархии, которая занимала наиболее консервативные, реакционные позиции. В его понимании, «сенатская республика» — это тот строй, существовавший в «эпоху процветания», когда с руководящей ролью сената (и магистратов) разумно сочетались элементы «демократии» (т. е. было осуществлено смешанное государственное устройство). Недаром Цицерон все же считал нужным возразить своему брату Квинту, когда тот в диалоге «О законах» обрушивается на власть плебейских трибунов,

²⁸ Cic., Ad Att., I, 14, 3—4.

как на наиболее типичный и вместе с тем, наиболее пагубный элемент демократического строя²⁹.

Таким образом, Цицерон выступает перед нами как выразитель умеренно-консервативных и «интеллигентных» кругов римского господствующего класса. Его пропагандистские лозунги *concordia ordinum* и *consensus bonorum omnium* имели достаточно четко выраженные политический смысл и направление. Учение же о наилучшем государственном устройстве (в той его части, где речь идет о смешении «простых форм») служило теоретическим обоснованием пропагандистских лозунгов, которые применялись Цицероном в его политической практике.

²⁹ Cic., *De leg.*, III, 8, 18—10, 24

Идеологическая подготовка принципата

Вопрос о социальной природе того строя или «режима», который был установлен Августом, т. е. принципата, нами уже рассматривался, правда, довольно бегло и в общей форме. Сейчас мы хотели бы подойти к проблеме принципата с несколько иной стороны, а именно с точки зрения его идеологической подготовки и оформления. Для этого нам снова придется обратиться к трактату Цицерона «О государстве».

Нетрудно убедиться в том, что политическая фразеология, которой пользуются Цицерон (главным образом в названном трактате) и Август в перечне своих деяний (*Res Gestae*), в ряде деталей совпадает. Например, Цицерон нередко оперирует понятием *auctoritas* или термином *principes* (иногда именно в единственном числе). В литературе также замечалось, что те качества и атрибуты, которыми Цицерон в трактате награждает первых римских царей¹, сконцентрированы затем в известном перечислении доблестей и нравственных достоинств на золотом щите, о котором упоминает Август, т. е. мужество (*virtus*), милосердие (*clementia*), справедливость (*iustitia*) и (*pietas*) благочестие². Очевидно, эти соответствия и послужили основанием для ряда новейших исследователей считать Цицерона сознательным сторонником и апологетом единовластия, идеологическим предшественником принципата.

Еще Ферреро³ высказывался в том смысле, что Цицерон в *De re publica* дал апологию принципата. Не менее определенно звучит утверждение Р. Ю. Виппера⁴

¹ Cic., *De rep.*, II, 17, 27, VI, 16.

² *Res Gestae Divi Augusti*, 34.

³ Г. Ферреро. Величие и падение Рима, т. II, стр. 75—76, 156.

⁴ Р. Ю. Виппер. Очерки истории римской империи М., 1908, стр. 271.

о том, что «руководитель государства» (*rector rei publicae*) Цицерона есть «монархический президент».

Названная тенденция нашла наиболее полное и яркое отражение в новой историографии в частности в немецкой, где она приобретает вполне определенную политическую окраску.

Так, Ф. Тегер⁵ усиленно настаивает на монархических симпатиях Цицерона. О монархическом идеале Цицерона говорит и Рейтценштейн⁶, по мнению которого, Цицерон вносит свой корректив в Полибиеву схему смешанного государственного устройства Рима, подставляя на место «царского элемента» (т. е. консулов) своего *rector rei publicae*. Эд. Мейер считает, что образцом для Цицерона была «идеальная аристократия» под руководством принцепса, т. е. по существу некая конституционная монархия⁷.

Однако эти представления настолько противоречат установившейся еще в древности репутации Цицерона, что они не могли не вызвать противоположного движения в самой же западноевропейской историографии. Мнение о Цицероне как апологете и провозвестнике принципата было основательно поколеблено работами Р. Гейнце⁸. Он убедительно показал, что государство, которое имеет в виду Цицерон в своем трактате, есть аристократическая республика сципионовского толка. Понятие *auctoritas*, которым оперирует Цицерон, всецело находится в этой же сфере. И даже слово *principes* есть типичное слово аристократической идеологии. *Principes* у Цицерона — всего лишь перевод греческого слова *ἀριστοί*. *Principes* — это руководящие мужи сената.

Как видим, Р. Гейнце пытается опровергнуть взгляд на Цицерона как на апологета монархии путем анализа некоторых терминов (например *auctoritas*, *principes*), которыми оперирует Цицерон. Он одним из первых пытался вскрыть внутреннее содержание этих терминов и доказать, с одной стороны, отсутствие в них монархиче-

⁵ F. T a e g e r. Die Archäologie des Polybios, 1924, S. 34.

⁶ R. R e i t z e n s t e i n. Die Idee des Principats bei Cicero und Augustus.— «Gött. Nachr.», 1917, S. 399, 436 ff.

⁷ E d M e y e r. Caesars Monarchie .., S 177 ff.

⁸ R. H e i n z e. Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift.— «Hermes», LIX, 1924; i d e m. Von der Ursachen der Grösse Roms. Rektoratsrede. Leipzig, 1921.

ского привкуса, а с другой стороны, подчеркнуть их традиционный и лояльный характер. В этом же направлении строит свое исследование и В. Шур⁹, который занимает как бы промежуточную позицию, пытаясь показать, что Цицерон, некогда твердо стоявший на республиканских позициях, постепенно был вынужден пойти на уступки «монархической действительности» и примириться с нею. В. Шур думает обосновать этот тезис, проследивая различные нюансы в словоупотреблении Цицерона. Его тоже интересует главным образом употребление термина *принсерс*. Анализируя этот вопрос, он, однако, приходит к выводу, что, поскольку Цицерон все же употребляет слово *принсерс* в единственном числе и применяет его к Периклу, а тем более к Помпею, то нельзя не считаться с тем, что слово приобретает «новый оттенок», и в этом-то как раз и заключается уступка Цицерона «монархической действительности». Если в речах после возвращения из изгнания слово *принсерс* имеет еще республиканский смысл, то в речах «О своем доме», «За Сестия», в речи «О консульских провинциях» и в письме к проконсулу Лентулу Спинтере в декабре 54 г. оно, несомненно, приобретает уже новый оттенок, наполняясь монархическим содержанием. Следовательно, Цицерон, делает вывод В. Шур, подготовил почву для монархической трактовки идеи принципата. Эти выводы в конечном счете приводят В. Шура к оценке Цицерона как «идеологического предтечи» принципата Августа и в одном месте он прямо называет Августа «непосредственным учеником Цицерона»¹⁰.

Так как все или большинство вышеприведенных высказываний о политических позициях Цицерона основываются на материале его трактата «О государстве», то, очевидно, прежде чем изложить нашу точку зрения на этот вопрос, необходимо, хотя бы в общих чертах, остановиться на политических тенденциях трактата Цицерона в той его части, которая посвящена разбору вопроса об идеальном государственном деятеле.

Но, прежде всего — несколько слов о положении самого Цицерона в тот период, когда он работал над трактатом. Это, пожалуй, может во многом объяснить

⁹ W. Schur. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934, S. 36 ff

¹⁰ Ibid., S. 36.

политические настроения и взгляды, нашедшие свое отражение в трактате «О государстве».

Трактат «О государстве» был начат, вероятно, в 54 г., а закончен и опубликован в 51 г., непосредственно перед отъездом Цицерона в Киликию. Мы знаем, об этом говорилось выше¹¹, что в 50-х годах политическая обстановка в Риме была чрезвычайно напряженной. Государственный аппарат работал с серьезными перебоями, высшие магистраты не избирались, в комициях царили подкуп и анархия. Все это кончилось такими событиями как убийство Клодия на Аппиевой дороге, массовые волнения в Риме в связи с его похоронами и, наконец, вручение Помпею сенатом смягченной формы диктатуры, т. е. избрание его консулом без коллеги. Политическая борьба в Риме подходила к решающему моменту своего развития: приближался неизбежный конфликт между бывшими триумвирами.

Положение Цицерона во все эти годы было чрезвычайно двусмысленным. Он заигрывал с триумвирами еще в тот период, когда существовало единство действий между его членами (т. е. при жизни Красса), за что и заслужил нерасположение сенатской оппозиции¹². После смерти Красса он тоже продолжает лавировать между Помпеем и Цезарем, хотя, очевидно, был склонен к ориентации на первого, что вытекало из свидания и беседы с Помпеем перед самым его отъездом в Киликию, когда он отсоветовал Помпею уезжать в Испанию¹³.

Все это говорит за то, что Цицерон в этот период едва ли был настроен таким образом, чтобы сознательно пропагандировать идею принципата. Бесспорно, что в эти годы он находился в состоянии тяжелой моральной депрессии и с болью говоря о том, что «республики — нет», а «Помпей — всесилен», считал свою политическую карьеру — и в значительной степени именно по этой причине — разбитой. Ни о каком «тяготении» Цицерона к принципату не может быть и речи. Более того, пропаганда идеи принципата в этот период для Цицерона была чрезвычайно невыгодна, во-первых, потому

¹¹ См. стр 115, 133—135.

¹² Cic., Ad. fam., I, 9.

¹³ Cic., Ad. Att., V, 7; ср. Ad. fam., VIII, 8, XI, 27.

что она могла лишь подкрепить бросавшиеся ему обвинения в измене «прежнему делу», перебежке в другой лагерь, а во-вторых, и потому, что пропаганда идеи единовластия при «соглашательской» политике Цицерона в отношении Цезаря и Помпея была опасной: она бесспорно была бы воспринята враждебно одним из двух соперников.

Кроме того, если предположить, что в трактате «О государстве» идет речь о принцепсе — Помпее, то непонятно почему трактат не был опубликован хотя бы в 52 г., когда сенатские круги до известной степени были готовы примириться с диктатурой, а лишь в 51 г., хотя в этом году настроение существенно изменилось. И, наконец, почему современники и последователи Цицерона, как, например, Целий, Аттик, совершенно не замечали этой «идеи принципата» в трактате?¹⁴ Но само собой разумеется, что политические тенденции трактата Цицерона следует определять исходя не только из окружающей обстановки, но, прежде всего, из материала, представляемого самим произведением. Вернемся к трактату «О государстве».

Занимаясь изучением вопроса о смешанном государственном устройстве, мы рассматривали тот раздел трактата, который сам Цицерон считал посвященным описанию лучшей формы государства (*de optimo statu civitatis*). Теперь нам придется обратить внимание на последний раздел диалога, где трактуется вопрос о государственном деятеле, об идеальном гражданине (*de optimo cive*).

В согласии с традиционно-римской точкой зрения: «римское государство сильно старинными нравами и мужами», Цицерон считает, что своим процветанием государство всегда обязано взаимодействию именно этих двух факторов: нравы (*mores*) и мужи (*virii*). Поскольку в римском государстве осуществлен идеал смешанного устройства, то оно само по себе отнюдь не нуждается в каких-либо принципиальных изменениях по сравнению с древнейшей римской «конституцией», но нужно лишь «подновить краски», вдохнуть древний дух —

¹⁴ И. М. Тронский Построение трактата Цицерона «О государстве» и его политические тенденции — «Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та», I, 1949, стр. 182.

древние mores и virtutes — в граждан государства. Иными словами говоря, необходима лишь нравственная реформа. Но она, очевидно, может быть проведена каким-то руководящим лицом, которое способно выполнить подобную задачу и занять соответствующее положение исключительно в силу своих собственных нравственных и гражданских качеств. Подобного реформатора Цицерон и называет *rector rei publicae* или *civitatis*.

Еще Р. Гейнце обратил внимание на то, что идеальный реформатор действительно всюду называется Цицероном *rector rei publicae (civitatis)*, но не *principes* (за исключением некоторых неточных эксцерптов). Термин *rector* впервые появляется в диалоге «Об ораторе»¹⁵ при определении государственного деятеля. Он не имеет никакого монархического оттенка, являясь лишь латинским эквивалентом греческого *ἀνὴρ πολιτικός*. Несомненно в таком же смысле этот термин употребляется и в трактате «О государстве». Монархический оттенок никак не приложим к слову *rector*. Под этим термином Цицерон постоянно подразумевает «аристократа-реформатора». В кн. VI приводятся образцы этих *rectores rei publicae*: Сципион, Л. Эмилий Павел, Катон, Гракх-отец, Лелий, Сципион Назика. А так как в дальнейшем Цицерон примеряет и самого себя к идеалу *rector rei publicae*¹⁶, то немонархический характер этого понятия совершенно ясен.

Небезынтересно отметить, что в *De re publica* отмечаются лишь обязанности ректора, но не его права. Поэтому, на наш взгляд, вполне правильно было в свое время замечено, что для Цицерона понятие *de optimo cive* есть норма поведения, а не власти¹⁷.

Действительно, Цицерон требует от своего *rector rei publicae* прежде всего определенных нравственных и гражданских достоинств, требует благоразумия¹⁸, требует, чтобы в таком человеке разум торжествовал над низкими страстями¹⁹, ибо, если это необходимо для каждого человека, то для правителя государства необ-

¹⁵ C i c., De orat., I, 211.

¹⁶ C i c., Ad Att., VI, 2, 9; VII, 3, 2

¹⁷ С. И. Протопова. Трактат Цицерона о государстве.— «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. VI, 1927, стр. 277.

¹⁸ C i c., De rep., II, 40.

¹⁹ Ibid., II, 46.

ходимо вдвойне²⁰. Помимо этого Цицерон требует от правителя мужества, осмотрительности, воздержанности²¹ и, наконец, трудолюбия, без которого правитель не может удовлетворять своему высокому положению и задачам²².

Кроме того, собственно говоря, нигде не указывается, что *gestor* должен быть всегда в единственном числе, наоборот, как правило должно иметь место соревнование нескольких лиц в целях большего приближения к идеалу. Если же слово *gestor* и встречается в *De re publica* в единственном числе, то это объясняется тем каноническим эллинистическим трактатом, по которому материал должен быть расположен так: изложение самой дисциплины (*τέχνη*), а затем специальный раздел, посвященный мастеру (*τεχνίτης*). Так же строится и трактат Цицерона: сначала излагается сама дисциплина — *πολιτικά*, а затем идет раздел, специально посвященный *πολιτικός*. Поэтому государственный деятель Цицерона никак не «монарх» и даже не «президент», но просто выдающийся муж, идеальный гражданин. И, наконец, согласно высказываниям самого Цицерона, образ «ректора» дается и мыслится им самим лишь как некая норма, идеал. Таким образом, искать в цicerоновом идеальном *ἀνὴρ πολιτικός* портретного сходства с кем-либо из римских деятелей, как то делают некоторые исследователи, нет никаких оснований. В лучшем случае он задуман как некий приукрашенный автопортрет²³.

Следует также отметить полную несостоятельность попыток вывести монархические тенденции Цицерона, как то делает В. Шур, из факта употребления и другого термина: *principes* (иногда тоже в единственном числе). Во-первых, такое заключение неправомерно уже потому, что идеальный государственный деятель для Цицерона всегда (как отмечалось выше) *gestor*, а не *principes*, что, видимо, подчеркивалось самим Цицероном. Говоря о руководителе государства, о реформаторе, Цицерон сознательно употребляет точный термин (*rector*) и избегает слова *principes*. *Principes*, таким образом, не есть *terminus*

²⁰ Ibid., II, 41; idem. De off., I, 23, 73.

²¹ Cic., De rep., II, 41; V, 8.

²² Ibid., V, 7.

²³ См. И. М. Тронский. Указ. соч., стр. 181.

technicus в государственном-правовом словаре Цицерона. Во-вторых, употребление слова *principes* в единственном числе так же ничего не может доказать, кроме наличия определенных формальных приемов, как и употребление термина *rector*.

Но и понятие *auctoritas*, как указывал Р. Гейнце, всецело относится к республиканско-аристократическому кругу идей и представлений. *Auctoritas* — вполне может быть совмещена с *res publica restituta*, ибо *auctoritas* без внешних средств власти есть лишь покоящаяся на всеобщем признании действенная сила, прежде всего в морально-политическом плане. Ее политическое значение освящено традицией: это — *πρόστατης το δῆμου* Платона²⁴. Таким образом *auctoritas principis* тоже вполне закономерно и органически включается в общественный порядок республики²⁵.

Следовательно, ни термин *rector*, ни термин *principes* не имеют никакого монархического привкуса и употребление их Цицероном вовсе не может рассматриваться как свидетельство монархических симпатий автора. Необходимо, однако, выяснить, какое место занимал *rector* в совершенном государственном устройстве и в чем состояли его роль и значение.

Цицерон в основном ставит своему идеальному государственному деятелю задачу, которую он постоянно рассматривал и как свою собственную: «я действовал во время консульства таким образом, что ничего не предпринимал без совета сената, ничего — без апробации римского народа, так что часто на рострах защищал *куру*, а в сенате — народ и соединил толпу с первейшими [людьми государства], всадническое сословие — с сенатом»²⁶. Так и следует всегда поступать, но если складывается такое положение, что государственные институты, например тот же сенат, оказываются не на высоте, то руководство государственными делами может взять в свои руки *civis optimus* (т. е. частный гражданин, а не должностное лицо)²⁷, который выступает в качестве

²⁴ Plato, Pol., 219.

²⁵ Об употреблении термина *auctoritas* подробнее см. Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 385—390

²⁶ Cic., In Pis., 7

²⁷ Cic., De rep., II, 46.

«охранителя государства», в качестве его руководителя и правителя (*rector et gubernator civitatis*).

Кстати сказать, эта мысль Цицерона интересна тем, что она свидетельствует об определенной стадии разложения полисной идеологии. В подтексте данного рассуждения Цицерона сквозит если не убеждение, то хотя бы опасение по поводу того факта, что полисные институты (сенат, магистратуры, в частности, власть консулов) перестают выполнять свое назначение. Если Цицерон об этом прямо и не говорит, то, во всяком случае, он мог видеть это воочию на примере римской политической жизни в 50-е годы. Вот почему вместо должностного лица у него выступает частный гражданин, обладающий не магистратскими полномочиями, но реальным авторитетом и влиянием.

Платон связывал возникновение государства как такового с идеей справедливости. Цицерон, в общем, следует в этом вопросе за Платоном, но у него эта идея приобретает более практический оттенок, так как для Цицерона носителями справедливости оказываются всегда практические деятели, которых он и называет «руководителями» (*rectores*). Из обеих задач, которые поставлены богами перед людьми «или основывать новые государства или сохранять, уже основанные»²⁸, — как раз «сохранять уже основанные» и есть, в первую очередь, долг политического деятеля, который «благ и мудр и понимает государственную пользу и достоинство»²⁹. Если государство способно воспитывать, а, по мнению Цицерона, оно бесспорно может считаться могущественным воспитателем в духе древнеримской доблести (*virtus*), то всегда должны найтись конкретные носители этой доблести, которые и встанут в годы испытаний у руля государственного управления. Все это показывает, что Цицерон не считал безнадежной и всеобщей ту порчу нравов, которую рисует Саллюстий и при которой не остается уже ничего светлого, что могло бы спасти государство от окончательной гибели.

Таким образом, монархическое толкование политических тенденций трактата Цицерона оказывается несостоятельным. Следовательно, если говорить о субъектив-

²⁸ Ibid., I, 12.

²⁹ Ibid., I, 51

ных и сознательных политических симпатиях Цицерона, то едва ли можно сомневаться в его традиционно-республиканских воззрениях. Однако, было бы глубоко неправильным ограничиться подобным односторонним утверждением. И, действительно, при попытке уяснить себе значение такой сложной и противоречивой личности как Цицерон, нельзя удовлетвориться ни одной из уже высказывавшихся точек зрения: бесспорно нельзя считать Цицерона апологетом монархии, но и неправильно было бы расценивать его как апологета традиционной республики и только. На самом деле облик Цицерона как политического деятеля и мыслителя гораздо сложнее и трагичнее. И истинные идеологические позиции Цицерона могут быть определены, прежде всего, не подсчетом того, сколько раз употреблено слово *principes* в единственном числе и т. п., но пониманием общего и принципиального направления в развитии его политических воззрений.

Высказанные положения отнюдь не противоречат выводам, сделанным ранее. С точки зрения своих субъективных и осознанных симпатий, Цицерон — как мы уже и подчеркивали — убежденный сторонник традиционной, аристократической римской республики. Но этим не исчерпывается содержание его политических воззрений. Поскольку Цицерон выступал как провозвестник «общенационального лозунга», поскольку он проповедовал *concordia ordinum* и *consensus bonorum* — он объективно, в сфере политической идеологии, расчищал дорогу принципату.

Октавиан Август, как мы знаем, сначала боролся за власть в качестве наследника Цезаря, в качестве представителя «партии» цезарианцев, сохранившей известные демократические тенденции, во всяком случае, в своей фразеологии. Вместе с другими триумвирами он выступал как враг сенатской олигархии и староримской знати. Главной опорой в этой борьбе была профессиональная армия, которая ныне уже претендовала на то, чтобы ее рассматривали как римский народ.

После победы над Антонием, когда встает вопрос не о завоевании власти, но о длительном сохранении власти уже завоеванной, в социальной политике Августа начинает преобладать консервативное, реставрационно-охранительное направление. Лозунг *res publica restituta* обус-

ловливал бережное отношение к римской традиции, к нравам предков. Сам Август не раз подчеркивает эту тенденцию как одну из главных основ своей внутренней политики: «я вернул свободу республике»³⁰ или «новыми законами, принятыми по моей инициативе, я возвратил многие обычаи предков, уже забытые в наш век»³¹. Особенно старательно он подчеркивает это там, где желает продемонстрировать свою лояльность по отношению именно к республиканским традициям; так, например, он не забывает отметить, что «я не принял никакой магистратуры, данной мне против обычаев предков»³², или говорит, что после прекращения междоусобной войны, заняв с общего согласия высшее положение, «я передал республику из моей власти в распоряжение сената и народа римского»³³ или, наконец, заявляет: «после этого времени я превосходил всех авторитетом, власти же имел несколько не больше, чем остальные, которые были мне коллегами по магистратуре»³⁴.

Консервативно-охранительное направление внутренней политики Августа замечено давно, и еще Р. Ю. Виппер отмечал любовь политической и социальной реакции к «национальной старине», к культу предков и традиций, говоря, что «принцепс заявлял себя прежде всего спасителем общества от бурь междоусобных войн, восстановителем национальных традиций и первым гражданином»³⁵.

Другой не менее характерной чертой внутренней политики Августа можно считать ее самобытно-римскую струю, борьбу за преодоление чужеземных влияний, что тоже стоит в несомненной и тесной связи с реставрационной тенденцией. Конечно, если говорить о борьбе с чужеземными влияниями, то эта борьба во времена Августа велась далеко не теми методами, что, скажем, при Катоне-цензоре. Но тем не менее линия преемственности совершенно ясна. Лозунг не только восстановления республики, но восстановления ее именно в «старинном и

³⁰ Res Gestae Divi Augusti, 1.

³¹ Ibid., 8.

³² Ibid., 6.

³³ Ibid., 34.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Р. Ю. В и п п е р. Очерки истории римской империи. М., 1908, стр. 385—386.

первоначальном виде»³⁶, борьба за возрождение нравственных и семейных устоев — все это требовало обращения к тем нормам и идеалам, которые господствовали в римском обществе до проникновения «тлетворных» чужеземных влияний и обычаев, бывших, согласно теории упадка нравов, основной причиной разложения римского государства.

Особенно ярко охранительная тенденция, как и следовало ожидать, проявилась в области идеологии и культуры. Преодоление чужеземных эллинистических влияний (например, александризма в поэзии) привело в этот период к подъему римско-италийской культуры, привело к созданию римского самобытного искусства, возвращению к исконно римским традициям. Этим и начинался так называемый «золотой век» римской литературы.

Стремление надолго укрепить свою власть обуславливает попытки Октавиана сплотить вокруг себя как можно более широкие слои римского гражданства. Постепенно не только италийская муниципальная знать, но и сенаторское сословие переходит на сторону Октавиана. Несомненной опорой были ветераны, получившие землю в Италии. Императорская бюрократия начинает все в большей степени становиться полем деятельности всаднического сословия. Для сплочения всех этих классовых и сословных группировок понадобились какие-то «общепатриотические» лозунги.

Идеологическая подготовка принципата и заключалась в выработке подобных лозунгов. Более того — в идеологической сфере принципат есть не что иное, как победа надсословных, «надклассовых» общепатриотических лозунгов и идей над лозунгами партийными, отражающими интересы той или иной, но вполне определенной и «ограниченной» социальной прослойки. Следовательно, Цицерон оказывается «невольным идеологическим предтечей» принципата. Это так и есть, но подобное понимание облика Цицерона в принципе достаточно резко отличается от точки зрения, провозглашающей Цицерона сознательным апологетом новой формы правления, «уступающим» монархической действительности. Субъективных монархических симпатий у Цицерона никогда

³⁶ Vell. Pat., 2, 89

не существовало. В том-то и заключается сложность и трагичность личности Цицерона, в том-то и состоит секрет его раздвоенности, что субъективно Цицерон вплоть до своей трагической гибели оставался ярким и убежденным сторонником республики, каким только и могли знать его современники, но объективно и, несомненно, против «своей воли» он был идеологическим подготовителем принципата как пропагандист общепатриотической, «надклассовой» идеи.

Подобная раздвоенность Цицерона была исторически явлением отнюдь не случайным, но закономерным, отражая политические позиции и интересы определенных кругов римского общества. Это были достаточно широкие круги, принадлежавшие к различным группировкам господствующего класса. Своеобразие момента как раз и заключалось в том, что происходила консолидация некоторых групп и прослоек, о чем было сказано выше. Эти обстоятельства и облегчили победу принципата как формы правления, т. е. политической формы. В области же идеологической победа принципата была обусловлена успехом лозунгов, вошедших в политическую программу Цицерона. Она была основана на провозглашении гражданского мира и возрождении национальных традиций — это были, как уже говорилось, «внепартийные» и «общепатриотические» лозунги. Они могли удовлетворить политические и культурные запросы достаточно широких слоев римского общества, вконец измученного долгими годами гражданских войн, уставшего от политических смут и потрясений, и они облекали в приемлемую идеологическую оболочку победу нового режима. Вот почему эти лозунги смогли полностью и окончательно вытеснить «партийные» установки, имевшие хождение лишь среди отстраненных ныне от политики кругов римской демократии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Август, император, до 44 г. до н. э. Гай Октавий, с 44 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь Октавиан 23, 24, 26, 28, 60, 66, 87, 92, 94, 125, 142, 143, 151, 153, 154, 159, 172, 173, 175—180, 182—197, 199—215, 217, 231, 303, 305, 310, 312—314
- Аврелий Котта, Луций, консул 65 г. до н. э. 76, 167
- Авроний Петус, Публий, квестор 75 г. до н. э., катилинарий 76, 77, 282
- Агриппа, Марк Випсаний, полководец, близкий друг Августа 187, 190, 197
- Аквилий, Маний, консул 101 г. до н. э. 32, 54
- Александр Гелиос, сын Антония и Клеопатры 198
- Александр Македонский 96, 157, 173
- Анней Сенека (Младший), Луций, философ и писатель (4—65 гг.) 236, 267
- Анний, Квинт, сенатор, катилинарий 282
- Анний Милон, Тит, народный трибун 57 г. до н. э. 75, 113, 115, 131—135, 256
- Антилл, сын Антония 204
- Антиох III Великий, сирийский царь (223—187 гг. до н. э.) 8
- Антиох см. Евн
- Антиох из Аскалона (ок. 125—68 гг. до н. э.), философ, учитель Цицерона 294
- Антоний, Гай, консул 63 г. до н. э. 78, 79, 85, 120
- Антоний, Луций, дядя Марка
- Антония 182
- Антоний, Луций, консул 41 г. до н. э. 186, 187
- Антоний, Марк, народный трибун 49 г. до н. э., консул 44 г. и 34 г. до н. э., триумвир 22, 28, 60, 75, 116, 125, 160, 162, 166, 167, 169—180, 182—190, 192, 196—204, 217, 300, 312
- Антонины, династия римских императоров (96—192 гг.) 243
- Аппиан, историк (II в. н. э.) 10, 11, 28, 39, 42, 70, 72, 75, 106, 109, 110, 113, 119, 134—137, 139, 143, 148, 149, 162, 163, 167, 169, 174, 175, 182, 183, 187
- Аппулей Сатурнин, Луций, народный трибун 103 и 100 гг. до н. э. 34, 126
- Ариарат, сын Митридата VI 39
- Ариовист, вождь свевов 111
- Аристион, афинский правитель (88 г. до н. э.) 39, 40
- Аристобул, иудейский царь (I в. до н. э.) 96
- Аристотель (384—322 гг. до н. э.) 41, 102, 232—234, 238, 239, 272, 290, 293
- Арним Г. фон 235, 236
- Архелай, полководец Митридата VI 39
- Архит, философ-пифагореец (IV в. до н. э.) 293
- Асконий Педиан, Квинт, историк и грамматик (9 г. до н. э.—76 г. н. э.) 256
- Аттал III, последний пергамский царь (139—133 гг. до н. э.) 32

* Фамилии ученых, писателей и деятелей нового времени выделены курсивом.

- Аттик см. Помпоний Аттик
 Аттилий Регул, Марк, консул
 256 г. до н. э. 12
 Афинион, руководитель восста-
 ния рабов в Сицилии (104—
 101 гг. до н. э.) 54
 Ацилий, Гай, историк (II в. до
 н. э.) 226
- Бибул см. Кальпурний Бибул
 Бокх, мавретанский царь (II—
 I вв. до н. э.) 31
Брунс К. Г. 213
- Валерий Анциат, анналист
 (II—I вв. до н. э.) 228
 Валерий Флакк, Луций, консул
 86 г. до н. э. 39, 40, 268
 Валерий Максим, историк (I в.
 н. э.) 270
 Варгунгей, Луций, сенатор, ка-
 тилинарий 80, 282
 Вариний Глабр, Публий, пре-
 тор 73 г. до н. э. 56
 Ватиний, Публий, народный
 трибун 59 г. до н. э. 111
 Веллей Патеркул, Марк, исто-
 рик (I в. н. э.) 103, 181, 191,
 205, 313
 Вентидий Басс, Публий, консул
 43 г. до н. э. 189
 Вергилий Марон, Публий, рим-
 ский поэт (70—19 гг. до
 н. э.) 219
 Веррес см. Корнелий Веррес
 Верцингеторикс, вождь племе-
 ни арвернов 115
Вехов С. 293
 Вибий Панса, Гай, консул 43 г.
 до н. э. 179, 192
Виппер Р. Ю. 154, 303, 313
Вольтер, Мари-Франсуа (1694—
 1778) 193
 Вольтурций, Тит, катилинарий
 82, 83
- Габиний, Авл, консул 58 г. до
 н. э., народный трибун 67 г.
 до н. э. 111, 121, 122
 Габиний Капитон, Публий, ка-
 тилинарий 82, 83, 94, 282
 Ганнибал, сын Гамилькара,
 карфагенский полководец
 (II—I вв. до н. э.) 11, 58
- Ганник, полководец в армии
 Спартака 59
Гардтхаузен В. 193, 207
Гвоздев С. П. 71
Гейнце Р. 220, 304, 308, 310
 Геллий, Авл, писатель (II в.
 н. э.) 222, 227
Гиббон Э. 193
Гиплер, Вендель, один из руко-
 водителей Крестьянской вой-
 ны в Германии 27
 Гипподам из Милета, философ
 и архитектор (V в. до н. э.)
 293
 Гирций, Авл, консул 43 г. до
 н. э. 179, 192
 Главция см. Сервилий
 Гомер 217
 Горацій Флакк, Квинт, рим-
 ский поэт (65—8 гг. до н. э.)
 219, 223
 Гракхи см. Семпронии Гракхи
Грæбе П. 151
- Дамофил, сицилийский рабо-
 владелец (II в. до н. э.) 53
 Деметрий I Полиоркет, маке-
 донский царь (307—283 гг.
 до н. э.) 173
 Демосфен, афинский оратор
 (384—322 гг. до н. э.) 75, 176
 Дивитиак, вождь эдуев (I в.
 до н. э.) 111
 Диоген, философ-киник (IV в.
 до н. э.) 222, 238
 Диодор Сицилийский, историк
 (I в. до н. э.) 53—55, 271
 Дион Кассий, историк (155—
 235 гг.) 70, 73, 87, 142, 163,
 167, 180, 191, 205, 206
 Долабелла см. Корнелий До-
 лабелла
 Домиций Агенобарб, Гней, зять
 Цинны 166, 189
Друман В. 129, 151, 152
Дьяков В. Н. 70, 129
- Евн (Антиох), руководитель
 восстания рабов в Сицилии
 (138—132 гг. до н. э.) 53
 Еврипид, древнегреческий дра-
 матург (480—406 гг. до н. э.)
 184

Зеель О. 244, 258

Зенон, стоик (336—264 гг до н. э.) 237

Иордан Г. 243, 244

Каллисфен, историк (IV в. до н. э.) 240

Кальпурний Бестия, Луций, народный трибун 62 г. до н. э. 82, 282

Кальпурний Бибул, Марк, консул 59 г. до н. э. 94, 101, 104, 107—109, 112, 115

Кальпурний Пизон, Гней, катилинарий 283

Кальпурний, Пизон, Луций, консул 58 г до н. э. 73, 76—78, 111, 121, 122

Кальпурний Пизон Фруги, Луций, народный трибун 149 г. до н. э., консул 133 г. до н. э. 226

Кальпурния, жена Юлия Цезаря 111

Каниний Ребил, Гай, консул суффект 45 г. до н. э. 160

Карбон см. Папирий

Каркопино Ж. 49, 124

Карнеад, философ (214—129 гг. до н. э.) 222

Каска см. Сервилий Каска

Кассий Гемина, Луций, анналист (II в. до н. э.) 226

Кассий Лонгин, Гай, претор 44 г. до н. э. 160, 166, 167, 170, 171, 179, 181, 183, 184, 188

Кассий Лонгин, Квинт, народный трибун 49 г. до н. э. 57, 116

Кассий Лонгин, Луций, катилинарий 282

Кассий, Спурий, консул 502, 493, 486 гг. до н. э. 107

Каст, полководец в армии Спартака 59

Катилина см. Сергий Катилина

Катон см. Порций Катон

Катул см. Лутаций Катул

Квинтий Фламинин, Луций, консул 192 г., брат Тита Фламинина 268

Квинтий Фламинин, Тит, консул 198 г. до н. э. 268

Клавдий (Тит Клавдий Цезарь Август Германик), римский император (41—54 гг.) 213

Клавдий Квадригарий, Квинт, анналист (II—I вв. до н. э.) 228

Клавдий Марцелл, Марк, консул 51 г. до н. э. 166

Клеон, руководитель восстания рабов в Сицилии (138—132 гг.) 53

Клеопатра VII, египетская царица (51—30 гг. до н. э.) 137, 147, 156, 162, 171, 188, 198—204

Клодий Пульхр, Публий, народный трибун 58 г. до н. э. 56, 75, 113, 115, 117—129, 131—135, 144, 177, 256, 257, 306

Клодий, Секст, клиент Публия Клодия 127

Клуенций, Авл, сын римского всадника 300

Ковалёв С. И. 24, 25, 29, 60—62, 70

Коллинз И. Г. 156

Корнелий Веррес, Гай, претор 74 г. до н. э., наместник в Сицилии в 73—71 гг. 21, 88

Корнелий, Гай, катилинарий 80, 282

Корнелий Долабелла, Публий, народный трибун 47 г. до н. э., консул 44 г. до н. э. 138, 167, 174

Корнелий Лентул Сура, Публий, консул 71 г. до н. э. 82—84

Корнелий Лентул Спинтер, Публий, консул 57 г. до н. э. 305

Корнелий Сизенна, Луций, претор 48 г. до н. э., историк 228

Корнелий Сулла, Луций, консул 88 г. до н. э., диктатор 28, 30, 31, 33—44, 46—51, 71, 73, 74, 77, 78, 81, 87, 89, 90, 98, 99, 102, 111, 143, 145, 151, 219, 228, 273, 276, 277, 280, 282

Корнелий Сулла, Публий, консул 66 г. до н. э., катилинарий 76, 282

- Корнелий Сулла, Сервий, брат диктатора Суллы 282
- Корнелий Сулла, Сервий, брат Публия, катилинарий 282
- Корнелий Сципион Азиатский, Луций, брат Сципиона Африканского 164
- Корнелий Сципион Африканский Старший, Публий, консул 205 и 194 гг до н э 141, 268
- Корнелий Сципион, Луций, консул 259 г до н э 221
- Корнелий Сципион Назика, Публий, консул 138 г до н э 308
- Корнелий Сципион Эмилиян Африканский Нумантинский Младший, Публий, консул 147 и 134 гг до н э, цензор 142 г до н э, глава «сципионовского кружка» 217, 291, 292, 296, 297, 308
- Корнелий Тацит, Публий, историк (55—120 гг) 16, 47, 191, 192, 204, 206
- Корнелий Цетег, Гай, катилинарий 69, 82, 83, 282
- Корнелий Цинна, Луций консул 87 г до н э 36—39, 41, 98
- Корнеман Е* 156
- Красс см Лициний Красс
- Крикс, полководец в армии Спартака 55, 57
- Кроль В* 217, 218, 244
- Ксенофонт, историк (ок. 430—355 гг до н э) 240
- Курий, Квинт, квестор 70 г до н э, катилинарий 78, 80, 282, 283
- Курион, противник триумвиров 112
- Лелий, Гай (Младший), консул 142 г до н э 291, 292, 308
- Ленин В И* 63
- Лентул Батиат, хозяин школы гладиаторов 55, 56
- Лентул Спинтер см. Корнелий Лентул Спинтер
- Лентул Сура см Корнелий Лентул Сура
- Лепид см. Эмилий Лепид
- Лже-Марий (Гевофил или Амаций) 173, 174
- Ливий Друз Младший, Марк, народный трибун 91 г до н э. 248
- Ливий, Тит, историк (59 г до н э — 17 г н э) 52, 191, 216, 270
- Ливия, жена Августа 196
- Лигарий, Квинт, помпеянец 166
- Ликург, легендарный спартанский законодатель (VIII в. до н э.) 241, 294, 297
- Личинии, род 102
- Лициний Красс, Марк, консул 70 и 55 гг до н э, триумвир 13, 14, 43, 58, 59, 77, 78, 97, 100—106, 109, 110, 112—114, 133, 151, 190 306
- Лициний Красс Публий, сын М Лициния Красса 217
- Лициний Лукулл, Луций, консул 74 г до н э 58, 59, 96, 104, 109 118, 280
- Лициний Макр, Гай, народный трибун 73 г до н э 228, 229
- Лициний Мурена, Луций, претор 88 г до н э 79, 80, 84
- Лукреций Кар, Тит, философ и поэт (ок 94—55 гг. до н э) 218
- Лукулл см Лициний Лукулл
- Лутаций Катул, Квинт, консул 78 г до н э 76, 104, 140
- Луцилий, Гай, друг Сципиона Африканского Младшего 220
- Манилий, Гай, народный трибун 66 г до н э 88, 94
- Манлий Торкват, Луций, консул 65 г до н э. 76 79—81
- Марий, Гай, консул 107, 104—100, 86 гг до н э. 16, 22, 30, 31, 33—39, 46, 98, 99, 173, 285—289
- Маркиш С П* 68
- Маркс К* 5, 25—27, 56, 63
- Марулл см Эпидий Марулл

- Марцелл см. Клавдий Марцелл
Машкин Н. А. 24, 25, 126, 141, 142, 154, 155, 174, 177, 185, 186, 194, 208, 213, 214, 219, 310
- Мейер Эд.* 91, 92, 94, 95, 103, 107, 124—126, 141, 148, 153, 164, 207, 209, 243, 255, 258—260, 271, 304
- Меммий, Гай, народный трибун 111 г. до н. э. 285, 286
- Метелл Непот см. Цецилий Метелл
- Метелл Сципион см. Цецилий Метелл Сципион
- Метелла, жена диктатора Суллы 48
- Минуций Терм, Квинт, консул 193 г. до н. э. 99
- Минуций Базил, Луций, участник заговора против Цезаря 166
- Митридат VI Евпатор, понтийский царь (121—64 гг. до н. э.) 32—35, 37, 39—41, 48, 56, 88, 93, 94, 96, 137, 219, 280
- Мишулин А. В.* 29, 57, 62, 63, 70
- Молон, глава родосского посольства (I в. до н. э.) 217
- Моммзен Т.* 48, 49, 56, 57, 89, 91, 92, 94, 105, 124, 125, 129, 141, 151, 152, 158, 206—208, 243
- Монтескье Ш.* (1689—1755) 193
- Мунаций Планк, Луций, консул 42 г. до н. э. 256
- Муций Сцевола, Публий, консул 133 г. до н. э., великий pontифик 225
- Наполеон III* 193
- Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик), римский император (54—68 гг.) 171
- Нибур Б.-Г.* 151
- Нигидий Фигул, философ-пифагореец, грамматик (I в. до н. э.) 218, 219
- Никий, афинский стратег (V в. до н. э.) 233
- Николай Дамасский, историк (I в. до н. э.—I в. н. э.) 163, 191
- Никольский Н. М.* 129
- Нинний Квадрат, Луций, народный трибун 58 г. до н. э. 121
- Новгородцев П. И.* 233
- Огульный, Квинт, народный трибун 300 г. до н. э. 217
- Октавий Гней, консул 87 г. до н. э. 36—38
- Октавия, жена Антония 199, 200
- Панетий, стоик (180—110 гг. до н. э.) 222, 237, 238, 271, 294, 298
- Папирий Карбон, Гай, народный трибун 89 г. до н. э. 41
- Пельман Р.* 243
- Перикл, афинский стратег (444—429 гг. до н. э.) 19, 305
- Персей, македонский царь (179—168 гг. до н. э.) 270
- Петрей, Марк, начальник отряда, разгромившего войско Катилины 85
- Пизон см. Кальпурний Пизон
- Пирр, эпирский царь (307—272 гг. до н. э.) 217
- Пифагор, математик и философ (580—500 гг. до н. э.) 298
- Платон (427—347 гг. до н. э.) 104, 139, 232—234, 239, 240, 255, 272—275, 290, 293—298, 310, 311
- Плутарх из Херонеи, писатель и историк (46—120 гг.) 8, 13, 14, 30, 31, 35, 37, 38, 44, 46—48, 51, 56, 59, 68, 70, 72, 73, 75, 81, 87, 94, 102, 105, 106, 108, 118—120, 123, 132, 133, 135, 139, 148, 162, 163, 167, 171—174, 182—184, 187, 188, 198, 200, 201, 203, 204, 268, 269
- Покоч П.* 124
- Поленц М.* 238
- Полибий, историк (201—120 гг. до н. э.) 45, 55, 226, 228, 229,

- 237—242, 270—272, 279, 290, 292, 294, 295, 298
- Помпей Великий, Гней, консул 70, 55, 52 гг до н э., триумвир 28, 42, 58, 59, 77, 88, 90—97, 99—105, 107—116, 122—125, 132, 133, 135—138, 147, 151, 153, 167, 169, 206, 217, 248, 280, 305—307
- Помпей Гней, сын Помпея Великого 147, 149
- Помпей, Квинт, консул 89 г. до н э. 31
- Помпей Руф, Квинт, народный трибун 52 г. до н э 31, 256, 257
- Помпей Секст, второй сын Помпея Великого 60, 147, 149, 174, 183, 186, 189, 190, 197
- Помпилий Нума, римский царь, преемник Ромула 298
- Помпониус Атик, Тит, римский всадник, друг Цицерона 112, 169, 176, 307
- Помптин, Гай, руководитель похода против аллоброгов 111
- Понтий Аквила, Луций, сторонник Брута и Кассия 166
- Порций Катон Младший, Марк, претор 54 г до н э 121, 122, 124, 125, 138, 140, 218, 283
- Порций Катон Старший, Марк, консул 195 г до н э., цензор 184 г до н э 10, 11, 45, 79, 84, 96, 99, 101, 104—109, 163, 221, 222, 226, 227, 229—231, 267—269, 297, 308, 313
- Порций Лека, Марк, катилинарий 78, 282
- Посидоний, историк (135—50 гг до н э) 45, 55, 270—272, 279, 294
- Постумий Альбин, Луций, наместник Тарента, претор 189 г. до н э 53
- Протасова С И* 308
- Птоломей, сын Антония и Клеопатры 198
- Птоломей X Александр II, египетский царь (80 г. до н э.) 121
- Птоломей XI Авлет, египетский царь (80—51 гг. до н э.) 137
- Птоломей XII Дионис, египетский царь (51—48 гг. до н э.) 137
- Ранович А. Б.* 24, 25
- Рейтценштейн Р.* 304
- Ромул, легендарный основатель Рима (VIII в до н э.) 104
- Ростовцев М. И.* 22—25, 207
- Росций, Секст, подзащитный Цицерона 75
- Савмак, руководитель восстания рабов в Боспорском царстве (II в до н э.) 32
- Сайм Р* 23—25, 141, 154, 186, 208, 244
- Саллюстий Крисп, Гай, историк (86—34 гг до н э.) 45, 46, 56, 69, 71—74, 78, 81, 83—85, 87, 164, 243—266, 270—272, 274—286, 288, 289, 311
- Сальвий (Трифон), руководитель восстания рабов в Сицилии (104—101 гг. до н э.) 54
- Светоний Транквилл, Гай, писатель (ок. 75—150 гг.) 100, 110, 142, 143, 148, 150, 162, 166, 168, 192, 193, 196
- Семпроний Гракхи 7, 26, 28, 50, 126, 129, 227, 230, 231, 245, 284, 299
- Семпроний Азеллион, историк (II в до н э.) 227, 228
- Семпроний Гракх, отец, Гая и Тиберия Гракхов 308
- Семпроний Гракх, Гай, народный трибун 123 и 122 гг до н э 39, 126, 251, 285
- Семпроний Гракх, Тиберий, народный трибун 133 г. до н э 27, 71, 164, 217, 299
- Сенека см Анней Сенека (Младший), Луций
- Сервий Сульпиций Гальба, консул 144 г до н э 166
- Сервилий Главция, Гай, претор 100 г до н э 34
- Сервилий Каска, Гай, сенатор, участник заговора против Цезаря 166
- Сервилий Каска, Публий, уча-

- стник заговора против Цезаря, народный трибун 43 г. до н. э. 166
- Сервилий Рулл, Публий, народный трибун 63 г. до н. э. 107
- Сервилия, мать Марка Брута 185
- Сергий Катилина, Луций, претор 68 г. до н. э., руководитель заговора 68—73, 75—90, 99, 100, 117, 118, 120, 128, 129, 176, 245, 275—284, 289, 300
- Сестий, Публий, квестор 63 г. до н. э. 305
- Ситтий Нуцерин, Публий, катилинарий 78
- Сократ (469—399 гг. до н. э.) 235, 255, 297
- Солон, афинский законодатель (VI в до н. э.) 293
- Софокл, древнегреческий драматург (496—406 гг. до н. э.) 93, 188, 217
- Спартак, руководитель восстания рабов (75—71 гг. до н. э.) 15, 28, 52, 55—60, 62—67, 176
- Спартокиды, династия царей Боспора 56
- Стабий, Луций, катилинарий 82, 83, 282
- Стобей, Иоанн, составитель сборника изречений (V в н. э.) 293
- Страбон, географ и историк (63 г до н э—17 г н. э.) 12, 270
- Сулла см. Корнелий Сулла
- Сублиций Руф, Публий, народный трибун 88 г до н. э. 16, 34—36, 79
- Тацит см Корнелий Тацит
- Тегер Ф. 157, 304
- Теофраст, философ, ученик Аристотеля (372—287 гг до н. э.) 41
- Теренций Варрон, Марк, писатель (116—27 гг. до н. э.) 13, 106, 109, 112, 146
- Теренция, жена Цицерона 119
- Тиберий (Тиберий Цезарь Август), римский император (14—37 гг.) 205, 213
- Тигран II Великий, армянский царь (20—6 гг. до н. э.) 32, 96, 123
- Требоний, Гай, консул суффект 45 г. до н. э. 166
- Тронский И. М. 307, 309
- Туллий, Сервий, римский царь 36
- Туллий Цимбр, Луций, участник заговора против Цезаря 166
- Туллий Цицерон, Квинт, брат Марка Цицерона 132, 301
- Туллий Цицерон, Марк, консул 63 г до н э, оратор, писатель 68, 69, 72—84, 86—89, 95, 97, 99, 102, 103, 105, 109, 112, 113, 119—125, 127, 128, 130—132, 134, 135, 148, 150, 151, 153, 161, 163, 166, 169, 176, 177, 179, 180, 182, 214, 217—223, 237, 238, 261, 290—292, 294—312, 314, 315
- Фабий Максим, Квинт, консул 45 г до н э. 160
- Фабий Максим Кунктатор, Квинт, консул 233, 228, 215, 214, 209 гг до н э. 12
- Фабий Пиктор, Квинт, анналист (III в до н. э.) 217, 225, 226, 270
- Фабий Санга, Квинт, патрон аллоброгов 82
- Фабия, весталка 76
- Фавст, сын диктатора Суллы 48, 111
- Фавста, дочь диктатора Суллы 48
- Фарнак, сын Митридата VI, понтийский царь (63—46 гг. до н э) 137
- Ферреро Г 152, 194, 303
- Филипп II, македонский царь (IV в. до н. э.) 176, 270
- Флавии, династия римских императоров (69—96 гг. н э) 243
- Флавий, Луций, народный три-

бун 60 г. до н. э. 97, 107, 123
Флавий Фимбрия, Гай, полководец (I в. до н. э.) 40, 41
Флор, Луций Анней, историк (II в. н. э.) 6
Фогт И. 157, 295
Фонтей, Публий, плебей 120
Фрёлых 49
Фукидид, историк (ок. 460—ок. 400 гг до н. э.) 233
Фульвий Нобилиор, Марк, консул 189 г. до н. э. 282, 285
Фульвия, жена Антония 80, 176, 182, 186, 187, 189, 203
Фуфий Кален, Квинт, консул 47 г. до н. э. 112

Хитон И. В. 125, 126
Хрисипп из Сол, стоик (282—208 гг. до н. э.) 294

Цезарион, сын Цезаря и Клеопатры 137, 198, 203, 204

Цезетий Флав, Луций, народный трибун 44 г. до н. э. 162, 163

Целий Антипатр, Луций, анналист (II—I вв. до н. э.) 227

Целий Руф, Марк, народный трибун 52 г. до н. э., претор 48 г. до н. э. 70, 138, 307

Цепарий, катилинарый 83

Цепион, Сервилий 110

Цецилий Метелл Непот, Квинт, народный трибун 62 г., консул 57 г. до н. э. 90, 99

Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт, консул 109 г. до н. э. 30

Цецилий Метелл Пий, Квинт, консул 80 г. до н. э. 42

Цецилий Метелл Сципион, Квинт, консул 52 г. до н. э. 138, 140

Цецилий Метелл Целер, Квинт, военачальник Помпея, консул 60 г. до н. э. 85, 97, 111

Цинций Алимента, Луций, претор 210 г. до н. э., анналист 217, 226

Цицерон см. Туллий Цицерон

Штаерман Е. М. 66

Штрасбургер Г. 150, 151, 156
Шур В. 244, 305, 309

Эджок Ф. 141

Элий Ламия, Луций, претор 44 г. до н. э. 122

Эмилий Лепид, Марк, консул 42 г. до н. э., триумvir 70, 98, 148, 169—171, 180, 189, 190, 196, 197

Эмилий Павел, Луций, консул 50 г. до н. э., брат Марка Эмилия Лепида 182

Эмилий Павел, Луций, консул 182 и 168 гг. до н. э. 8, 12, 217, 308

Энгельс Ф. 5, 25—27, 56, 63

Эномай, полководец в армии Спартака 55, 57

Эпидий Марулл, Гай, народный трибун 44 г. до н. э. 162, 163

Эренберг В. 157, 260

Эфор, историк (IV в. до н. э.) 240

Югурта, нумидийский царь (II в. до н. э.) 7, 30, 31, 284, 286—288

Юлии, род 98

Юлий Цезарь, Гай (100—44 гг. до н. э.) 22, 23, 26, 28, 42, 50, 62, 66, 77, 84, 87, 90—94, 97—116, 118—125, 127—129, 133, 136—175, 177, 178, 180, 183, 187, 190, 191, 193, 194, 197, 207—215, 217, 219, 243, 248, 252, 253, 255—261, 275, 276, 300, 301, 306, 307, 312

Юлия, дочь Цезаря 110, 133

Юнии, род 164

Юний Брут Альбин, Децим, участник заговора против Цезаря 166, 177, 179

Юний Брут, Луций, консул 509 г. до н. э. 163

Юний Брут, Марк, претор 44 г. до н. э., руководитель заговора против Цезаря 160, 163, 166, 170, 171, 179, 181, 183—185

Юний Силан, Децим, консул 63 г. до н. э. 79, 80, 84

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
-----------	---

I

РИМ НАКАНУНЕ ИМПЕРИИ	5
СУЛЛА-ИМПЕРАТОР	30
ВОССТАНИЕ СПАРТАКА	52
ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ	68
ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ	90
ДВИЖЕНИЕ КЛОДИЯ	117
ДИКТАТУРА ЦЕЗАРЯ	136
АГОНИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	169
ОКТАВИАН АВГУСТ И СТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	191

II

РИМ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	216
КРИЗИС ПОЛИСА И ВОЗЗРЕНИЯ РИМСКИХ СТОИКОВ	232
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ I в. до н. э.	243
ТЕОРИЯ УПАДКА НРАВОВ	267
УЧЕНИЕ О СМЕШАННОЙ ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕН- НОГО УСТРОЙСТВА	290
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПРИНЦИПАТА	303
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	316

1р.22.16

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ДРЕВНИЙ
РИМ

